АҚӘА

Алитературеи, аҭцаарадырреи, апублицистикеи ржурнал

Шыҟәсык ҩшьынтә иҭыцуеит

Ашьаҭаркӧы:
Аҟәа аҟалаҟь Ахадара

Аицредакторцәа:
Уасил АҨӨЗБА
Мушьни ЛАШӘРИА

№2-3 · 2016

Аредакциа:

Енвер АЖЬИБА
Владимир ЗАНҬАРИА
Леила ҬАЧУЛИА

Ауааҳәларратә хеилак:

Шоҭа Арсҭаа
Арда Ашәба
Виачеслав Бигәаа
Алеко Гәарамиа
Владимир Занҭариа
Фазиль Искандер
Станислав Куниаев
Леонид Лолуа
Анатоли Марколиа
Мушьни Миҟаиа
Анзор Мыҟәба
Шоҭа Салаҟаиа
Рушьбеи Смыр
Октаи Чкотуа
Виачеслав Чыргба
ҬьорҬь Хьиуит
Адгәыр Ҳаразиа
Тарас Шамба
Лариса Шебзухова
Зураб Ҭьапуа
Аб Басариан Аҧлиа

СУХУМ

Журнал литературы, науки и публицистики

Выходит 4 раза в год на абхазском и русском языках

Учредитель:
Администрация города Сухум

Соредакторы:
Василий АВИДЗБА
Мушни ЛАСУРИА

№2-3 · 2016

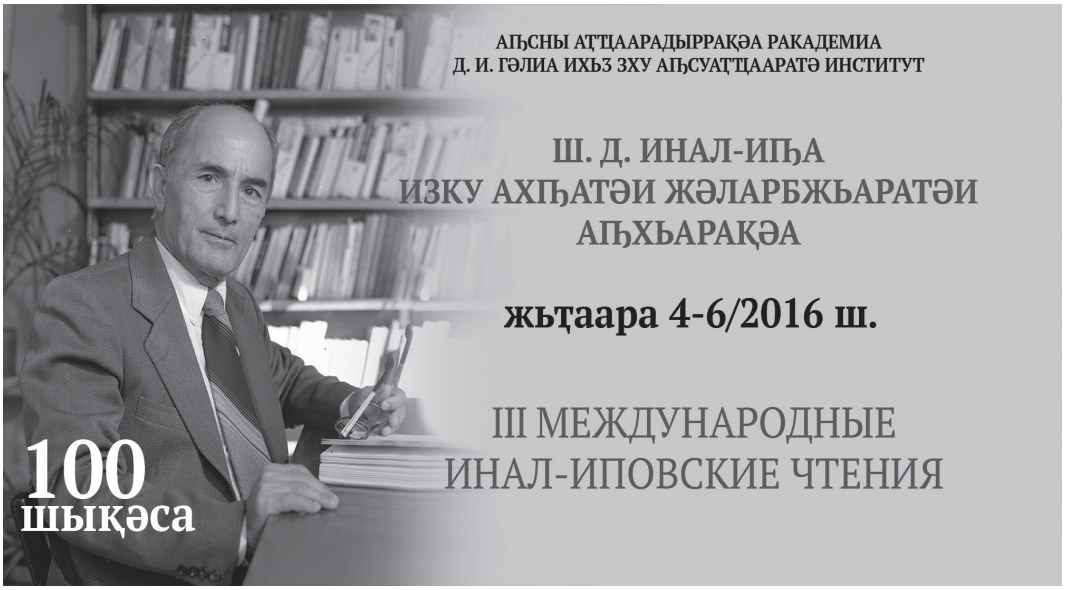
Редакция:

Энвер АЖИБА
Владимир ЗАНТАРИА
Лейла ПАЧУЛИА

Общественный совет:

Ш.К. Арстаа
А.Э. Ашуба
В.А. Бигуаа
А.А. Гварамия
З.Д. Джапуа
В.К. Зантариа
Ф.А. Искандер
С.Ю. Куняев
Л.И. Лолуа
А.И. Марколия
М.И. Микая
А.К. Мукба
Ш.Х. Салакая
Р.Х. Смыр
О.Б. Чкотуа
В.А. Чирикба
А. Р. Харазия
Дж. Хьюит
Т.М. Шамба
Л. Шебзухова
о. Виссарион Аплиа

ТРЕТЬИ МЕЖДУНАРОДНЫЕ ИНАЛ-ИПОВСКИЕ ЧТЕНИЯ



С 4 по 6 октября 2016 года в Сухуме состоялись третьи Международные Инал-иповские чтения. Их организовал был Абхазский институт гуманитарных исследований им. Д.И. Гулиа. Нынешняя конфиренция приурочена к столетию выдающегося абхазского ученого Ш.Д. Инал-ипа. Для участия в ней из Северного Кавказа, Москвы, Санкт-Петербурга, других городов России и США к нам приехали около 50 гостей, которые обстоятельно говорили об огромном вкладе Ш.Д. Инал-ипа в историческую и филологическую науки.

На открытии конференции советник Президента член.-корр. АНА В.К. Зантария Президента РА Р.Д. Хаджимба. На пленарном заседании выступили: президент АНА академик З.Д. Джапуа, член.-корр. АНА Ю.А. Анчабадзе (Москва), М.Ю. Мартынова (Москва), Гарб Пола (США), М.И. Магамедов (Махачкала), В.Л. Бигуаа и др.

На пленарных и секционных заседаниях ученые обсуждали проблемы современных гуманитарных наук, делились мнениями, подчеркивали важность таких общении с коллегами.

ЗУРАБ ДЖАПУА,
Президент Академии наук Абхазии, академик АНА

ШАЛВА ИНАЛ-ИПА – КРУПНЕЙШИЙ ЭТНОГРАФ И ИСТОРИК

Дорогие гости, коллеги, дамы и господа!

Иналиповские чтения, проводимые Абхазским институтом гуманитарных исследований им. Д.И. Гулиа АН Абхазии с 2007 года, становятся чрезвычайно значимыми в научной жизни нашей страны.

Нынешние чтения совпали со 100-летним юбилеем Шалвы Денисовича Инал-ипа – выдающегося ученого-кавказоведа XX века, внесшего поистине огромный вклад в становление и развитие нашего гуманитарного знания.

Научная деятельность Шалвы Денисовича не была ограничена одной тематикой, она была весьма разнообразной. В нее входили самые актуальные проблемы этнографии, истории, фольклористики, литературоведения и литературной критики. Трудно назвать другого абхазоведа или кавказоведа, создавшего столь значительные труды во всех этих областях гуманитарной науки, без которых не просто сложно, но невозможно представить абхазоведение более или менее полно.

Шалва Инал-ипа – крупнейший этнограф и историк. Он написал более 15-ти монографических исследований, в числе которых такие основополагающие книги, как «Абхазы» (1960), «Страницы исторической этнографии абхазов» (1971), «Вопросы этнокультурной истории абхазов» (1976), «Очерки об абхазском этикете» (1984), «Зарубежные абхазы» (1990), «Антропонимия абхазов» (2002), «Садзы» (2014), «Убыхи» (2015). Основным лейтмотивом историко-этнографических работ Шалвы Денисовича являются вопросы соционормативной культуры, этногенеза и этнической истории абхазов.

Шалва Инал-ипа – крупнейший фольклорист. Объектом его изучения стал ряд жанров и произведений абхазского фольклора: нартский эпос, сказания об Абрыскиле, миф об ацанах-карликах, исторические и героические сказания, пословицы. По каждому из этих жанров он собрал большое число материалов

и написал целый ряд исследований. Необходимо отметить, что в своих работах по фольклористике Шалва Денисович оставался все же этнографом, хотя зачастую обращался к собственно фольклористическим подходам и методам, прежде всего, к теории сравнительно-типологического анализа текстов. При этом основной интерес для ученого представляли нартские сказания, которым он посвятил ряд основательных работ.

Шалва Инал-ипа – основоположник абхазского нартоведения, он автор первой статьи «Об абхазских нартских сказаниях» (1949). Это и другие исследования ученого прояснили многие вопросы, связанные с историко-этнографическим осмыслением абхазского нартского эпоса. Они стали теоретической базой и отправной точкой для работ следующих за ним абхазских нартоведов. В своих разысканиях по изучению нартских сказаний он убедительно доказал оригинальность и глубокую архаичность абхазского нартского эпоса.

Шалва Денисович является одним из составителей сводного текста абхазского нартского эпоса «Приключения Нарта Сасрыквы и его девяносто девяти братьев» (1962). Он автор блестящего предисловия к этой книге под названием «Слово о нартах».

Так же Шалва Денисович написал первые серьезные исследования по вопросам абхазского мифа об ацанах-карликах и абхазских исторических и этногенетических преданий, в особенности – посвященных Апсха. В 1967 году совместно со Спирдоном Адлейба он издал один из первых сборников абхазских пословиц.

Шалва Инал-ипа – крупнейший литературовед и литературный критик. По вопросам абхазской литературы он издал до 10-ти монографий, среди которых – настольная книга каждого абхазского литературоведа «Из истории абхазской литературы» (1961). Он автор первых обстоятельных очерков о творчестве известных абхазских писателей и по другим актуальным вопросам абхазской литературы и литературной критики.

Шалва Денисович, как справедливо заметил Юрий Анчабадзе, «прирожденный этнограф-полевик». С конца 1930-х годов ежегодно совершал экспедиции в разные районы Абхазии и собрал большое число этнографических, фольклорных и лексических материалов. К сожалению, значительная часть этих полевых работ, вместе с другими его рукописями, погибла во время поджога здания Абхазского института языка, литературы и истории им. Д.И. Гулиа грузинскими боевиками 22 октября 1992 года.

Крупные исследования Шалвы Инал-ипа всегда вызывали отклики, порой весьма бурные, особенно у грузинских историков, которые спокойно не могли воспринять аргументированные выводы ученого, в частности, по вопросам этногенеза абхазов.

Конечно же, 100-летие со дня рождения ученого это – не просто биографический факт, а весьма значимая дата для абхазоведения, для всей системы

Академии наук Абхазии. Ибо Шалва Инал-ипа это – целая эпоха, он, без всякого преувеличения – национальное достояние абхазов и Государства Абхазского.

В этот день хочу пожелать вдове Шалвы Денисовича известному историку Мире Константиновне Хотелашвили-Инал-ипа здоровья, она много и скрупулезно работает над упорядочением научного наследия Инал-ипа. Безусловно, абхазоведам предстоит провести большую текстологическую работу по изданию всех работ ученого в полном объеме.

Считаю весьма целесообразным и справедливым воздвигнуть в столице нашей страны памятник многогранному ученому-энциклопедисту Шалве Инал-ипа, чья жизнь и творчество неразрывно связаны с судьбой своего народа.

Дорогие наши гости, коллеги, от имени президиума Академии наук Абхазии, от себя лично приветствую вас! Желаю нашему высокому форуму творческой атмосферы и заметных научных результатов!

АЊСНЫ АГПААРАДЫРРАКӘА РАКАДЕМИА
Д. И. ГӘЛИА ИХЬЗ ЗХУ АЊСУАГПААРАТӘ ИНСТИТУТ
Ш. Д. ИНАЛ-ИГЊА
ИЗКУ АХЊАТӘИ ЖӘЛАРБЖЊАРАТӘИ
АЊХЊАРАКӘА
жьтаара 4-6/2016 ш.
100
шыкәс
УНАРОДНЫЕ
СКИЕ ЧТЕНИЯ

ПОЛА ГАРБ, профессор Калифорнийского университета, США

РАЗМЫШЛЕНИЯ О СОВРЕМЕННОЙ ЗНАЧИМОСТИ НАУЧНОГО НАСЛЕДИЯ Ш.Д. ИНАЛ-ИПА НА КАВКАЗЕ И ЗА ЕГО ПРЕДЕЛАМИ

«Доброе утро! Спасибо большое за приглашение на Инал-иповские чтения, я очень ценю эту возможность участвовать на этой конференции и встретиться с вами!

Сегодня я буду говорить не обо всем наследии Шалвы Инал-Ипа, а о тех его работах, которые больше всего повлияли на меня, на мою судьбу и на многих людей вокруг меня. Прежде всего, это работы Инал-ипа о социальной сущности аталычества и об усыновлении детей. Эти работы оказали непосредственное влияние на меня и на многих других за пределами Кавказа, с кем я взаимодействую – на моих коллег и студентов. Косвенно же эти материалы и их осмысление повлияли на очень многих людей уже через наши лекции, книги и практическую работу.

Главное зерно работ Шалвы Инал-Ипа на эту тему можно сформулировать так: породнение людей - это самый сильный, самый эффективный способ предотвращения и разрешения конфликтов. Даже начавшуюся вражду можно остановить через породнение, в частности, через различные формы искусственного породнения. Есть много примеров этого в его работах.

Важная заслуга Шалвы Инал-Ипа состоит и в том, что он многие годы без устали собирал этнографический материал по всей Абхазии, пока все это еще было живо. Он ходил по селам, по всей стране и записывал у стариков свидетельства, которые могли быть потеряны безвозвратно.

Когда я начала открывать для себя эти материалы, сидя в Москве в исторической библиотеке, я чувствовала, как это бесценно. Мне эти материалы показались экзотичными, уникальными, очень важными для понимания культуры одного из кавказских народов. Узнавая о социальных механизмах, описанных Инал-Ипа, я чувствовала, что стала обладателем драгоценностей, которыми должна поделиться с другими далеко за пределами Абхазии. Мне казалось, что весь мир должен знать о том, как абхазы разрешают конфликты, и я поняла, что должна написать книгу, хотя была еще очень молода для этого. Я думала, что, если бы и другие народы знали об этих механиз-

мах примирения через искусственное установление родства, то конфликтов в мире было бы гораздо меньше.

Аталычество, связи молочного родства между социальными слоями, между сословиями – все эти используемые абхазами механизмы скрепляли общество и способствовали его единству, которое было очень важным для сохранения и защиты народа. Меня впечатляла уникальность функционирования общества, этих социальных механизмов скрепления различных групп и слоев. Уникальность, например, состояла в том, что именно крестьянство являлось хранителем главных традиций, именно у крестьян юные аталыки обучались всем необходимым навыкам, которыми должен владеть князь или дворянин – от военного дела до ораторского искусства. Механизм молочного родства у абхазов (можно сказать, у абхазо-адыгов) действительно уникален. Это абхазский подход к породнению. Абхазы развивали эту традицию, как путь выживания, как способ быть едиными для того, чтобы защищать себя перед лицом агрессии и негативных внешних воздействий. Приведу пример подобной традиции, пример, который очень красочно рассказывал мне при личной встрече Баграт Шинкуба. Как-то в Кабарде, за столом ему сказали: «возможно, мы с вами родственники», потому что когда-то между абхазами и адыгами произошел обмен младенцами, чтобы остановить кровопролитную войну. В прошлом применялся такой механизм примирения между племенами, враждовавшими между собой. И вот подобная история когда-то произошла и между этими народами.

Со временем, изучая другие контексты и конфликты и занимаясь практической работой, медиаторством и миротворчеством, я поняла, что эти абхазские традиции имеют главное зерно, которое является универсальным, которое может относиться к любому обществу, любому народу – это понятие о том, что, если существуют родственные отношения между людьми (или глубокие взаимоотношения по типу родства, устанавливающие прочную основу для общности), то появляется больше шансов предотвратить конфликт или даже остановить его. Если люди воспринимают друг друга как родственников, то значимость цели, за которую они готовы были бороться, воевать друг с другом, снижается в сравнении со значимостью общности, которое дает родство.

Шли годы, я изучала различные подходы к миротворчеству и разрешению конфликтов и то же самое зерно, которое я впервые нашла в работах Инал-Ипа, стала обнаруживать в различных культурах и контекстах. Я стала понимать, что эта идея имеет универсальное значение, и сейчас, когда я перечитываю его работы, то вижу, что сам Инал-Ипа, описывая абхазские традиции, прекрасно понимал и часто подчеркивал их общечеловеческую сущность и то, что в их основе лежат общечеловеческие ценности. Если вернуться к идее, вычлененной из абхазских традиций о важности установления и признания родства для предотвращения конфликтов, то универсальность этой идеи можно подтвердить многими примерами.

Прежде всего, хочется вспомнить слова матери Терезы, которая говорила, что на нашей планете нет мира, потому что мы забыли, что мы все принадлежим друг другу … Другой пример. Мне посчастливилось несколько раз встречаться с далай Ламой, и каждый раз, когда я его слышала, он говорил о том, как мы связаны друг с другом, что мы все едины, что выживание одной группы зависит от выживания другой. Даже если мы возьмем генетику, то мы уже знаем, что 99 % ДНК человека идентично для всех людей в мире, и только 1% создает нашу уникальность. Это значит, что все мы очень связаны между собой и имеем единое происхождение. Этот пример из биологии также подтверждает универсальность идеи, о которой мы говорим.

Еще раз подчеркну, что в этих, описанных Шалвой Инал-Ипа традициях ценно то, что они сохраняют целостность народа, чтобы он был здоров, един и мог защищать себя от недружественного воздействия. Это актуально не только для малого народа, но и для большого, для сильного государства. Можно привести пример даже из современной политики США, когда президентская избирательная кампания разделяет общество на два враждебных лагеря и это становится очень опасным даже для такой большой нации. Таким образом, механизмы примирения имеют не только локальное, но и универсальное (глобальное) значение и актуальность, поскольку сегодня есть угроза уничтожения человечества. Планета, может быть, и выживет, несмотря на наши ошибки, но если отношение друг к другу будет таким же, как и сейчас – агрессия и насилие, то человечество точно не выживет.

Я хотела бы остановиться еще на одном очень важном аспекте, связанном с данной темой. Шалва Инал-Ипа много внимания в своих работах, в «Абхазах» в частности, уделял экологическому аспекту абхазской культуры. Он писал о понимании абхазами важности ощущения родства не только между людьми, но и людей с природой, о почитании у абхазов взаимозависимости, глубокой связи, родства людей и природы. Если ты что-то взял у природы, то ты должен вернуть это сполна… Раньше подобный подход воспринимался, как архаика, анахронизм, но сейчас мы понимаем, насколько эта народная мудрость современна, универсальна и отвечает сегодняшним вызовам.

Что касается личности Шалвы Инал-Ипа, то самое большое впечатление на меня произвело то, как в нем сочеталась огромная любовь к своему народу, глубокая озабоченность его судьбой с открытостью ко всему миру, не было противопоставления, отрицания, никакой замкнутости, а напротив – открытость ко всему миру. Это очень привлекало и вызывало симпатии к Абхазии, способствовало пониманию ее проблем. Его отношение ко всем людям было ровным. Он ценил достоинство каждого человека, никогда не делил их на

первый и второй сорт. Шалва Инал-Ипа относился ко мне, иностранке, как и ко всем представителям других национальностей, свободно общался со мной, хотя в те времена это могло иметь для него негативные последствия. К студентам он относился так же, как и к профессорам – с уважением и интересом, и каждый чувствовал себя родным ему человеком. Он относился ко всем, как он бы относился к своей дочери, брату и т.д. Он сам, его личность были живым примером тех абхазских традиций гостеприимства, уважения старших и младших, которые меня вдохновили и помогли выбрать жизненный путь. Если бы не Шалва Инал-Ипа, Абхазия и тема конфликтологии могла остаться эпизодом в моей жизни. Но через его личность Абхазия стала связана с моей профессиональной и личной судьбой на несколько десятилетий. Это было прежде всего потому, что у меня было чувство родства с вами, и работа, связанная с Абхазией, стала не просто посторонним занятием.

В заключение я хотела бы сказать, что Шалва Инал-Ипа, описывая нормы поведения и традиции абхазов, всегда умел делать это многомерно, глубоко, так, что читатель не только ближе и лучше узнавал абхазскую культуру, но всегда задумывался о связи локального и универсального и об общечеловеческих ценностях. Это качество делает значимым его наследие не только для Абхазии, но и для всего Кавказа и далеко за его пределами.

АҢСНЫ АҬҦАРАДЫРРАҚӘА РАКАДЕМИА
Д. И. ГӘЛИА ИХЪЗ ЗХУ АҢСУАҬҦАРАТӘ ИНСТИТУТ
Ш. Д. ИНАЛ-ИҒҢА
ИЗКУ АХҦҢАТӘИ ЖӘЛАРБЖЪАРАТӘИ
АҢХЪАРАҚӘА
III МЕЖДУНАРОДНЫЕ

Ш. Д. ИНАЛ-ИҒЪА
ИЗКУ АХҒЪАТӘИ ЖӘЛАРБЖЬАРАТӘИ
АҒЪХЬАРАҚӘА

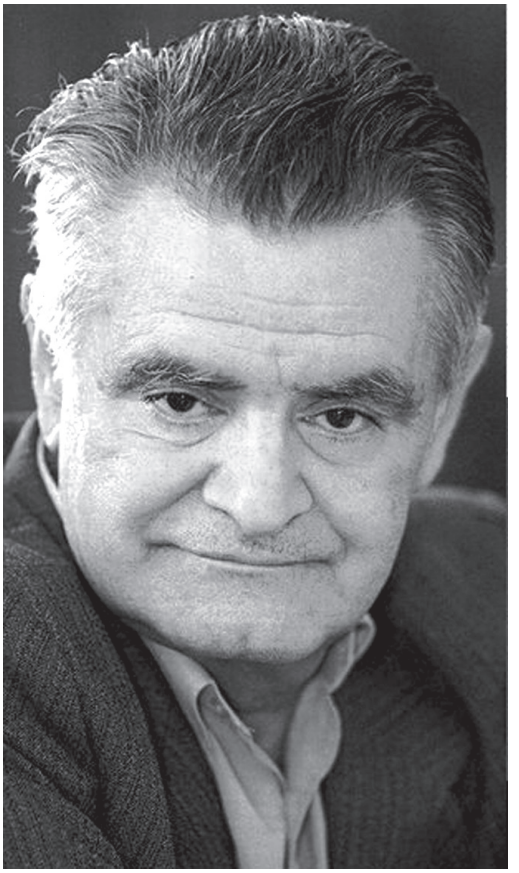
Ш. Д. ИНАЛ-ИҒЪА
ИЗКУ АХҒЪАТӘИ ЖӘЛАРБЖЬАРАТӘИ
АҒЪХЬАРАҚӘА

АҢСНЫ АТҬАРАДЫРРАКӘА РАКАДЕМИА
Д. И. ГӘЛИА ИХЪЗ ЗХУ АҢСУАТҬАРАТӘ ИНСТИТУТ
Ш. Д. ИНАЛ-ИПА
ИЗКУ АХҬАТӘИ ЖӘЛАРБЖЬАРАТӘИ
АҢЖЬАРАКӘА
III МЕЖДУНАРОДНЫЕ

ИЗКУ АХПЂАТӘИ
АПЂХ
III МЕЖД

БЗИАЛА ФАЗИЛЬ ДУ, АҨСНЫ АХЬЗЫРҲӘАГА

МУШЬНИ ЛАШӘРИА,
Аҩсны жәлар рпоет



***Дҳаԥхеит Фазиль ду. Уи даԥхеит, дагхеит адунеитә литература, адунеитә сахьаркыратә ажәа. Убас иҟан уи ирԥиамтԥаҟәа рымехак, иажәа гәыраз алшара, ибаѡхатәра, илаԥшҳәаа ԥар. Ҧыдала ари ԥәыз дуун Аҩсназы, Урыстәылазы. Аурыс литератураԥ, аурыс сахьажәаԥ уи иаанижьит Аҩсынра ахаԥреи жәытәнатәтәи уи адаԥԥашәи рызбахә, аҩсуа жәлар жәларык раҳасабала излахәыдамыз зегьы. Ҵәырԥрак иеиԥшымызт уи иԥәырԥра, шәкәыѡѡык иаҳасабала иалкаара, изхьаԥшра. Зегь раԥхьазагьы уи абзоурахеит иеиԥырдыруа ажурнал «Новый мир» адаҟьаҟәа рԥы абгаԥь ма иахҳәааау иповест акьыԥхьра. Атәыла ду ԥѡа змамыз аԥхьаѡԥәа еитԥаҳәашьак амамкәа, ԥыԥбарах ибаны ирыдыркылт, ахә ҳаракзаны иршьеит. Абас шакәызгьы аповест аԥы зызбахә удырыртә иҳәаз шьоукы уи аԥәырԥра рхы иаԥәырԥеит, агазетԥ «Советская Абхазия» адаҟьаҟәа рԥы иаԥәызбеит. Абри аԥәызбара, иԥәаԥеыгаз ахәшьара иаԥагылаз среиуан саргьы. Убас, агазетԥ «Аҩсны ҟаԥшь» аԥы икьыԥхьын «Аҩстԥазаара иагәылҳәааау аѡымтԥа» захьзу акыр инартԥбааз сыстатиа. Ари аповест Фазиль искандер имѡа нартԥбаан иаазыртыз акы акәхеит. Абри ашьтԥахь шыԥәсԥәак рыѡнуԥҟа уи ихаантәи аурыс шәкәыѡѡԥәа ҟаиматԥәа днарывагылт зѡымтԥаҟәа рыԥхьара еиҳа аԥхьаѡԥәа зхыԥцакуаз, иззыԥшыз азә иакәны.*

Иԥстԥазааратә, ирԥиартаә мѡа шымариамызгьы ауаажәлар рзы, миллионѡыла зхыԥхьазара ыҟаз адунеитәи аԥхьаѡԥәа рыбжьара ирԥиҳазоу ахәшьара иоуит, рдоуҳа ҳарак далахәхеит, иатәашьахеит ахьз-аԥша ду, ԥѡа змам аҳамтԥаҟәа.

Шәкәыѡѡык иаҳасабала абас даныѡагыла инаркны уи Аҩсынразы, ҳауаажәлар рзы дыхьзыврҳәаганы дҟалеит. Аҩсшәахьтә ишиашаз аурыс бызхшәахьы иеитԥеигон Д. Гәлиа инаиркны шьардаѡы аҩсуа поетԥәа раԥԥамтԥаҟәа, Москватәи еиԥырдыруаз агазетԥәа, ажурналԥәа рԥы икьыԥхьуан. Уи игәы-иԥсы зегьы Аҩсны, ҳауаажәлар рдоуҳа ҳарак, рыԥстԥазааратә мѡа иадҳәалан, урԥ рыда ихатԥарагьы, иѡымтԥаҟәагьы ухахьы иузаагомызт. Ҳауаажәлар ргәаԥы, изгәакьаз, изааигәаз иѡызԥәа ҳгәаԥы уи убас еиԥш ала дагьаанхоит.

Бзиала Фазиль, ҳашьа, ҳахьзырҳәага!

Р. ХАДЖИМБА по случаю смерти Фазиля ИСКАНДЕРА

В этот тяжелый для нас всех час позвольте выразить глубочайшие соболезнования в связи со смертью выдающегося человека, народного писателя Абхазии и России Фазиля Искандера.

Фазиль Искандер оказал большое влияние не только на абхазскую, но и на мировую литературу. В каждом своем произведении писатель с любовью рассказывал о своей Родине и народе, об его характере, устоях и обычаях.

Мудрые и тонкие произведения великого писателя наполнены подсказками и ответами на все возникающие у нас вопросы. Фазиль Абдулович тонко чувствовал и умел четко описать все грани нашей непростой действительности.

Творчество Фазиля Искандера навсегда останется неотъемлемой частью мировой литературы.

Смерть такого гениального человека — большая потеря как для литературного сообщества, так и для всей нашей республики в целом.

Мы глубоко скорбим, и я хочу еще раз от имени всего абхазского народа выразить свои соболезнования родным, близким и друзьям Фазиля Абдуловича и пожелать им сил и терпения.

Президент Р. Хаджимба провел совещание по вопросу увековечения памяти Фазиля ИСКАНДЕРА

Присутствующие почтили память великого писателя минутой молчания. Президент подчеркнул, что Ф.Искандер остается неотъемлемой частью народной культуры Абхазии: «Необходимо приложить все усилия для того, чтобы память о нем сохранилась и передавалась из поколения в поколение».

Советник Президента В.Зантария отметил, что необходимо назвать в честь выдающегося писателя улицу и обязательно установить в столице памятник Фазилю Искандеру.

На совещании также обсуждался вопрос о создании центра имени Фазиля Искандера. Было предложено основать центр в его доме в селе Мгудзырхуа.

Министр культуры и охраны историко-культурного наследия РА Эльвира Арсалия сказала, что ставший уже традиционным международный фестиваль культуры Ф.Искандера будет расширяться.

Президент также поручил разработать программу по празднованию 90-летия Фазиля Искандера.

По итогам рабочего совещания было принято решение о создании рабочей комиссии по увековечению памяти Фазиля Искандера.

Выступление Советника Президента Абхазии Владимира Зантариа на траурном митинге в ЦДЛ, посвященном проводам в последний путь Ф.А. Искандера

Дорогие россияне! Дорогие москвичи!

Дорогая Антонина Михайловна!

Сегодня скорбит вся Абхазия, уверен– и вся Россия! В эти дни говорилось много об огромном вкладе Фазиля Искандера в русскую и мировую литературу. В то же время неоценим его вклад в развитие абхазской литературы и нашей национальной культуры культуры в целом.

В Абхазии многие считают его не только русским, но и абхазским писателем. Видимо, основанием для этого служит то, что его творчество изнутри проникнуто национальным духом и национальной психологией. Абхазский язык играл для его творчества и художественного мышления роль кровеносных сосудов. Он воспевает родную Абхазию проникновенно, одухотворенно, ярко высвечивая неповторимыми образами и развернутыми метафорами глубокие пласты нашей духовности и народной философии.

Писатель своей многогранной личностью, бесценным опытом своих художественных изысканий, смог еще глубже и теснее сплотить достойных представителей русской и абхазской культуры, восстанавливая ценой немалых усилий исторически складывавшееся духовное пространство между нашими странами и народами.

Глубоко символично, что последнюю при жизни государственную награду он получил из рук Президента России. Мы искренне благодарны Владимиру Владимировичу за то, что при этом он проявил трепетное, на редкость внимательное отношение к писателю, его высокому дарованию.

Мы по праву гордимся тем, что наш великий соотечественник входит в число первых кавалеров Ордена «Ахьдз-апша» (Честь и Слава) 1-й степени.

Также ему была присуждена при жизни Государственная премия имени Дмитрия Гулиа, чьи лучшие лирические произведения переведены Ф. Искандером с языка оригинала на русский язык на высоком профессиональном уровне.

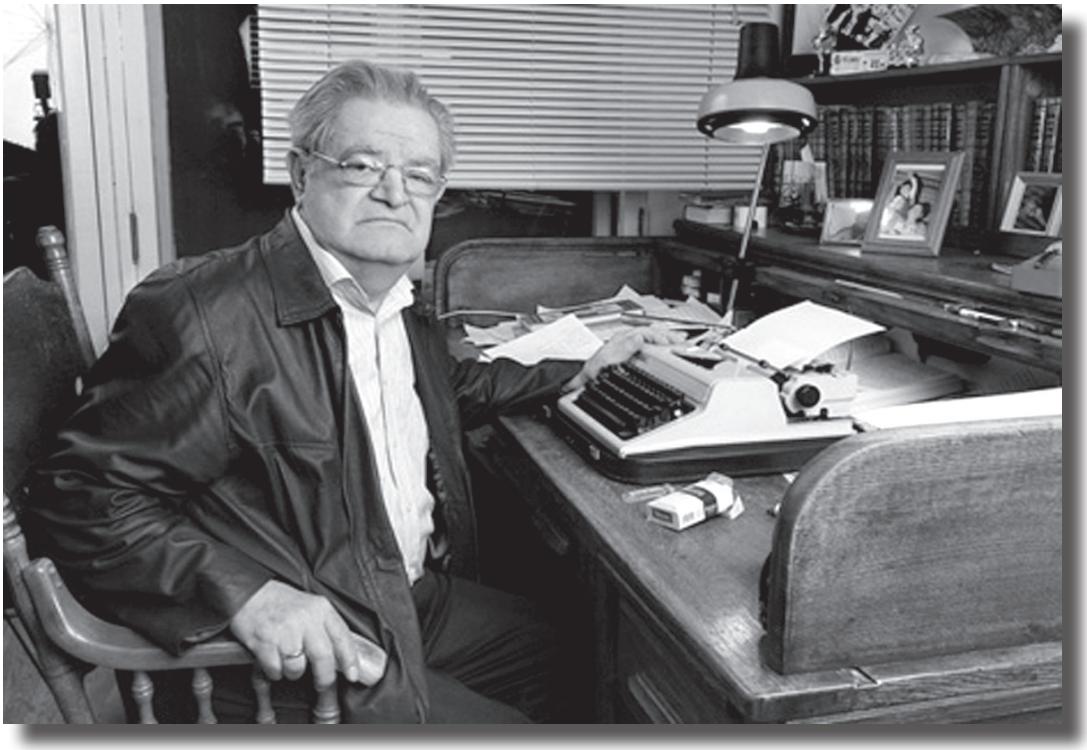
Распоряжением присутствующего здесь Президента Республики Абхазия Рауля Джумковича Хаджимба в Абхазии объявлен траур по великому сыну Апсны.

Создана Государственная комиссия по увековечению памяти писателя. Еще долго будут подхлестывать нашу историческую память замечательные строки Фазиля Искандера из стихотворения «Свадьба»:

И как беркуты хохлятся старцы,
Целую их нежно в плечо.
Вы живы еще, ачандарцы,
Значит, мы живы еще!

И в заключение, я хотел бы напомнить вам замечательное выражение писателя, содержащее глубокий риторический вопрос:

«Разбуженная совесть – самый грандиозный источник человеческой энергии. Но как ее разбудить?».



51

ВИТАЛИ АМАРШЬАН

Иалкаау алирика

Еицырдыруа ҳашәкәыԥԥы, Аԥсны жәлар рпоет Витали Ҿьота-ица Амаршьан ааигәа 75 шыԥәса ихыԥит. Ҳмилаҭ литератураҿ хадара змоу ажанрԥәа – апоезиа, апрозаҿ илиршаз илагала иабзоураны уи дреиуоуп инарылукааша ҳаамҭазтәи аԥсуа шәԥәыԥԥцәа. Апоезиаҿ уи дцәырԥит дышԥәыцшыз, Ҿьгьардатәи абжьаратә ашкол даналгоз аамҭазы. Шыԥәсԥәак аԥара ицон Аԥәатәи аҳәынҭԥарратә институт аҿы, нас, 1965 шыԥәсазы, дҭалоит Москватәи алитературатә институт, ԥәҿиарала далгоит 1970 шыԥәсазы.

Москватәи ицараамҭа, аурыс поет ԥаимаҭ С. Нарвчатов исеминар аҿы иԥказаара, ашьҭахь иеицырдыруа иԥалаз, аԥара ицызԥоз апоетԥәа ҿарԥәа, И. Кузнецов иҿԥаара уҳәа В. Амаршьан инаԥш-аԥшшьа акыр идырҭбааит, уасхырс изыԥалт. Апоет рԥхьатәи иажәеинраалаԥәа, ипоезиатә еизгаԥәа лассы аԥхьаԥ илаԥш ицашәеит, дрыдрыԥхьалт.

Маҷ-маҷ В. Амаршьан диасуеит апрозахь, инеицыху аепикатә ԥымҭаԥәа рԥԥарахьы. Иуҳәар ауеит, шәԥәыԥԥык иаҳасабала апрозаҿ ауп уи имехак акыр иахьирҭбааз, ҳлитература, ҳауаажәлар рҭоурых аҿ хадара змоу апроблемаԥәа ахьышьҭихыз. Араԥа еиҳа ирылкаазар алшоит «Уашхәа маԥьаԥсыс», «Аԥсҳа» уҳәа ашәԥәыԥԥы ироманԥәа, аԥыхәтәантәи («Аԥсҳа») иатәашьахеит Д.И. Гәлиа ихьз зху аҳәынҭԥарратә премиа.

В. Амаршьан ирҿиамҭаԥәа рҿы иналкаау аҭыԥ ааныркылоит ица заԥә, Беслан Амаршьан, фырхаԥара ихы зԥәиԥаз ҳауаажәлар ирхыргаз аибашьра ду, аԥсуаа рԥеиԥәа иаадрыԥшыз афырхаԥара – хаԥәԥара Аԥсны азыԥәгылара иазку атематика.

Амаршьан аханатә инапы рылакуп апоезиатә, апрозатә еиҭагаҟәа. Убас, ҳхьыбҿар рзы зеиҭыҟам ҳамҭахеит ашәҟәыѡѡ ҟаза иеиҭагамҭаны ироуз Марк Твен ироман «Том Соиер ихҭысҟәа».

Витали Ҵьота-иҵа акыр шыҟәса аус иухьеит агазет «Аҵсны ҟаҵшь» аҿы, ажурнал «Аҵсны ҟаҵшь» аҟны, ҳарҿиаратә усҳәарҭаҿы. Ҳлитературатә критикаҿ, ҳауаажәлар рыѡнуҵҟа уи иҵьабаа ду, инысымѡа аҳаҭыр ду аҟәуп, ирҿиамҭаҟәа ирызкуп иакымкәа иѡбамкәа астатиаҟәа, аусумҭаҟәа.

Асовет аамҭа инаркны уи иѡымҭаҟәа аурысшәахь еиҭаган иҭыҵуан, ҳанҭыҵтәи аҵхьаѡ ҳлитература иамаз аихьзараҟәа рыдырбалон. Иахьагьы Витали Амаршьан аҵхьаѡ аѡымҭа ҿыцҟәа лассы-ласс идигалоит, иус ҵшьа, иус хада аханатә аиҵш гәаҳәарала инапы алакуп.

Ҳарҭ, уи иѡызцәа, иколлегацәа, гәык-ҵсыкала агәабзиара зѡыдеи аихьзара ҿыцҟәеи изеиҭаҳшьоит!

СЦӘА-СЖЬЫ ҨСЫРГЬЫ...

Ашәышыҟәсаҟәа рнаѡс, ҳаҧхьаҟа зны,
Аҧсыуак дҭынчза дыштәоу иѡны,
Игәиҿанзамкәа ашә аатуеит,
Аҧша иаанартызшәагь ибауеит,
Аха аҧшакәзам иаазыртуа,
Са соуп иѡнало усҟан уа!

Изалшом хаҭала сибарцы,
Избанзар иѡналоит уахь сыҧсы.
Сцәа-сжьы ҧсыргьы,о, мап, бзанҵы,
Ари адгьыл иҟәцуам са сыҧсы!
Ашәышыҟәсаҟәа рнаѡс, ҳаҧхьаҟа зны,
Сыҧсы ѡналоит аҧсуа иѡны!

Ибызшәа мызкәа иго-имго,
Иҵасҟәа мырзкәа иго-имго,
Инхашьа-инҵышьа... зегь збарцы -
Сыҧсы ѡналоит аҧсуа иѡны!
Сцәа-сжьы ҧсыргьы, о, мап, бзанҵы,
Ари адгьыл иҟәцуам са сыҧсы!..

* * *

Аҵла хырхәоит, амахә шьҭасуеит,
Ҵаҟа еиҟәылоит асырҳәы.

Сымҭоахь ҭынчрам, аԥша асуеит,
Аха снеиуеит сымлаҳәы.

Снеиуеит, саԥхьа имардароуп,
Сышьҭахь иааиуа иргәаԥхо,
Сыграпара мҭоа цкҟьахароуп,
Уаҭ ирҿиазоуп иҭынхо!..

* * *

Еи, нанхеит, бшаҟәыцра,- лҳәеит,
Уажәтәи аҭаацәа рыххәыцра,- лҳәеит,
Уажәтәи аҭаацәа каамеҭуп,- лҳәеит,
Аҿҿаҳәа ацәажәараз иканфеҭуп,- лҳәеит.

Аа, бымбо, Леиба Жьыгә иҭаца,- лҳәеит,
Дылхагалан дышлымоу лхаҵа,- лҳәеит,
Ланхәеи лабхәеи гәнаҳамхеи,- лҳәеит,
Аамҭа-мыжда иҭамшәеи! - лҳәеит.
Ԥарна дахьтәаз изымычҳазт: -
Аа, Маница, амарԥьа баагыл! - иҳәеит,
Бара бами, ббаарашәит,- иҳәеит,
Занхәеи забхәеи ирныӡбоз, - иҳәеит,
Хырзаман-цәгьа дзырбоз,- иҳәеит.-

Иахааным ҳаҟазар ак басҳәашан,- иҳәеит,
Аха иахаану ҳшыҟоу баламлан,- иҳәеит,
Уажәтәи аҭацацәа ак рыгымкәан,- иҳәеит,
Аха ԥыхьатәи аҭацацәагь
шәахазынамызт! – иҳәеит!

АТИ-МОТИ

«Ат» аҭыԥан «от» ҳәа дцәажәоит,
«От» аҭыԥан «ат» иҳәоит.
«Ати-моти», «моти-ати» -
Иаԥсышәамкәа даҽеакхоит.

Ак уасҳәашан, Ати-Моти,
Уацклаԥшлароуп убызшәа.

Мамзар уара «уати-моти»
Ҳбызшәа архәанчоит цәгьашәа!

* * *

Ԥҳәызба еинаалак са дыздыруеит,
Ла сылдыруеит сызҳәауам.
Ашәҭ ахьыԛоу ашьхыц неиуеит,
Имнеиргьы аузауам.

Асоф аҽы лыбла ҭшаша,
Лыхцәеиԛәара ду шьԛьыруа,
Сыбла анлыԛәшәа, еес сышиашо,
Уахь ҽынасхоит сгәы ԥшааua.

Маза снеиуа, снеиуа, снеиуа,
Лбаҳча аԛынза сназалоит.
Насгьы уаԛа сшыгәаҭеиуа
Акыр аамҭа наскьалоит...

«Ех, афасит, сышԥагыло» -
Нас аԥныԛа саахынҳәлоит.
Санышьҭало - сгәы ҭамгыло -
Сыԥхыз дшало исыршалоит.
Снеиуеит, снеиуеит, сеиҭанеиуеит,
Шыԛәс дузза к нцәоит абар.
Снеиуеит, снеиуеит, ԥаԥхьа снеиуеит -
Исызнамгацт уахь схабар!

* * *

Бнак агәҭахьы, инаскьаган,
Ҭлак ԥагәшьоит хәыч-хәычы.
Ҭыск ҭәыуоит уа игәҭшьааган,
Аҭх иагәлԥуеит абжьы...

Аҭла ашьапы шуашәшәыроу,
Аҭла акаҳара шазԥшу,
Аҭыс хәыч акәзоуп уаԛа издыруа,
Уи ауп аҭәыуара изаҽу!..

* * *

Бнаршәыра дук агәҭан дәҳәыԥш хәыҷык
шьҭоуп,
Адәҳәыԥш хәыҷ шәҭыла,
какаҷла иқәҵоуп.
Ҭәа-ҵла дук гылоуп уи агәҭа изазо,
Зымҵан лассы-ласс ашьабсҭақәа еизо.

Еизоит ишәаԥырҳаԥуа, дара-дара
еицәшәо,
Еидҳәыԥла иаагылоит, хгарҭа рымбо...

Издыруада ашьабсҭақәа зеизало ас?
Издыруада ашьабсҭақәа ирымоу гәырԥас?
Абна еиҳа-еиҳа арахь имааскьои,
Адәҳәыԥш хәыҷ есааира ишагхо рымбои!..

Абна еиҳа-еиҳа адәҳәыԥш иахаԥоит,
Адәҳәыԥш хәыҷ есааира еиҵало
инаскьоит.
Иблахкыгаха, аԥшзара кны ишагауа,
Иалшоит абнара инылаҭыр уа...

Уи акәхап ашьабсҭақәа зеизало ас?
Уи акәхап ашьабсҭақәа ирымоу гәырԥас?
Еизоит ишәаԥырҳаԥуа,
дара-дара еицәшәо,
Еидҳәыԥла иаагылоит, хгарҭа рымбо!.

АКЫРЦХ

Икаԥа-чаԥо,
Икаԥа-чаԥо,
Иаҭахушәа ахыб ҵнахырц,
Икаԥа-чаԥо,
Икаԥа-чаԥо
Ахыб иқәкәашоит акырцх.

Икаԥа-чаԥо,
Икаԥа-чаԥо

Иҟәашза аҭаршьҭра арҭәырц,
Икаԥа-чаԥо,
Икаԥа-чаԥо
Ахыб иалышәшәоит акырцх.

Икаԥа-чаԥо,
Икаԥа-чаԥо
Аҵлабҭь ҿамкәа иарҟәыдырц,
Икаԥа-чаԥо,
Икаԥа-чаԥо
Абыҭьқәа кылнаҵәҵәоит акырцх!

Икаԥа-чаԥо,
Икаԥа-чаԥо
Иаҭахушәа ашьац шьаҽеырц,
Икаԥа-чаԥо,
Икаԥа-чаԥо
Ашьац илаԥсоит акырцх...

Икаԥа-чаԥо,
Икаԥа-чаԥо
Сымш лахь иҵегь сыццакырц,
Икаԥа-чаԥо,
Икаԥа-чаԥо
Сыжәҭа иԥәкәашоит акырцх!..

* * *

«Сара сыҟамызт схазы...»

А.Аԥьынԥьал

Гәыԥк ашәарахқәа еицны ишнеиуа -
Руак нарылкаа азәы ишьыр,
Иаанхаз такәаамҭа еибаргәаҭеиуеит,
Ргәырҭа ианышәоит нас уԥшыр.

Есшар ҳшеицыз ҳарҭ ҳаицрымшәо -
Аԥсра укылкаан уаҳцәагеит.
Уи ахәра иаҳнаҭаз ҳарҭ ҳзанымшәо
Зҭыза ршьыз шәарахҵас ҳаилахеит!

АХАҬАРАШӘА

АхаҬарашәа ахацәа ирҳәароуп,
Ашәыргәында изҳәазом.
АхаҬарашәа ҳгәы ҭнагароуп,
Иара шжәытәзоугьы иажәзом!..

Изҳәо срылоуп ахаҬарашәа,
Иззырҳәогь среиуами хазы.
Здоуҳа хәу соуп,-
Шәынтә сеиҭашәоит,
Аха исхыҬзауам сыԥсы!..

Ҳаит, амарԥьа, ахаҬарашәа -
Ахацәа ґьеԥҳәа иааҭшәырҟьа!
Ишәымуроуп ҳда-ҳшьа хьшәашәар,
Ҳашәмыргароуп агәыҭҟьа!..

Ашьаза-ҟыза ҳалыжәгароуп,
Атымитыша ҳаҭганы,
Ҳыц дунеикахьгьы ҳажәгароуп,
Иԥыцу ашәа ҳахьырԥшны!..

АҨСЫНТӘЫЛА

Беслан хәыҷ ихьзынԥылоуп

Уареи сареи ҳаиқәлацәоума,
Адунеи уақәлоуп, с-Аҩсынтәыла,
Аха шаҟа сухзызааua убоума,
Асаби еиԥш усгәыдкыла...

Сшәахуеит - убызшәа ԥеила иумҬцар ҳәа,
Мамзаргьы иуцәызыр ҳәа мариала.
Ибзиахәу ҳԥьабзқәа шьҭумкаар ҳәа,
Ҳҭоурых уззырымгар қәнагала...

Сшәоит акала исцәугхар ҳәа,
Исцәулалар ҳәа иԥеим ҬаСк.

Ҿьара лаԥшыцәгьак узеицәахар ҳәа
Саншәауагьы шмаԥым удыруаз нас...

Ашыц иалхыуп уара угара,
Амшын ахьарчҳәа иарҵысуеит.
Сшыҟоу сыҟазоуп уааигәара,
Сылацәа нҵааргьы ҿрыс сааԥшуеит.

Сыбла схаччоит - убла ччозар,
Улахь еиԥәызар - сылахь еиԥәзоуп.
Мшызҳа ушеизҳауа аргама избозар -
Жәҭангәашәԥхьарахь сымҭа хоуп...

Адунеи ҳазлалахәу ҵәҭаншьапыла,
Ҳахьцалакь иҳамоу гәыԥгырҵас,
Ҳасаби хәыч - ҳ-Аԥсынтәыла,
Рышьҵра умырзын узыхшаз!

АҴЕҴЬ

ИҴәахны иумоу узыхь кеи-кеиуа,
УҴа ахаан иҵабазом.
Реиҳагь амра анкацеиуа
Узыхь иаҷыхәаз - зба дакзом.

Апоет иаша иҟазшьа умоуп,
Шәҭыцьагь шьардаза шәеиԥшуп:
Ашҵаҷ зегь реиҳа уҴаулоуп,
Арахь зегь реиҳа узаҴәуп...

ХЫМА-ҨСЫМА...

Гәымсҵа мҭасуеит хыма-ҩсыма,
Хыма-ҩсыма амшын еисуеит.
Абзырбзан гәрым-чрымуеит хыма-ҩсыма,
Хыма-ҩсыма ахы шәышәуеит!..
Аԥсаатә ҿеырзоит хыма-ҩсыма,
Хыма-ҩсыма зегь зырҭуеит.

Ачарҳәаѡ-ԥсахѡы хыма-ԥсыма
Ҳаԥык дҭалан дыцәгьаршуеит.
Ашәыргәндагь хыма-ԥсыма
Итәыла далҵырц дыццакуеит!..

Аҕьыч дҕьычуеит хыма-ԥсыма,
Ақәылаѡ ауаа ирҳәуеит.
Ацәыха-цәыфагь хыма-ԥсыма
Иламыс-ҟьашь иҭиуеит!..
Амаҳагьагь хыма-ԥсыма
Хшла дкәабоушәа ҳирбауеит.
Ашьыц-ҳарамгьы хыма-ԥсыма
Тәым шҭак дҭалан дыбзаҳәуеит!
Ахзыргаѡ ԥагьагь хыма-ԥсыма
Дышфырхаҵоу ааирԥшуеит:
Аатрає дгылан хыма-ԥсыма
Ихә-нацәакгьы ҭирҟьҟьауеит!

Аҭоурых-ԥша асуеит хыма-ԥсыма,
Асаба шьҭыхны иагауеит.
Зегь еиҭасуеит хыма-ԥсыма,
Зегь закәыҵәҟьоу аанарԥшуеит!..
Аиҳабыра хыма-ԥсыма
Еилатәарак рыԥшааueит.
Еилагәжәажәо, хыма-ԥсыма,
Иҟарҵаша рызбауеит...

Ицоит ҳажәабжь хыма-ԥсыма
Дгьыли-жәѡани бжьнарҵәааueит.
Нхыҵынтә ҳашьцәа хыма-ԥсыма
Ҳаԥсы ҽырхырц илбааueит!..
«Шәнеибац» акәзар хыма-ԥсыма
Аԥсны иахыѡуеит есаашар!
Абԥьар иашьҭоуп хыма-ԥсыма
Аума иақәшәаз ҳара ҳҽар!..

Аҕа джәылоит хыма-ԥсыма,
Шьаҭанкыла ҳанирҵәарц.
Хаҳәырҵәиаа... хыма-ԥсыма
Аҕа игәыдлоит имаҷу ҳар!..

Иааргоит ахәцәа хыма-ԥсыма,
Хыма-ԥсыма ирыхәышәтәуеит.
Рыхәра ҕьаанӡа, хыма-ԥсыма
Ҩаԥхьа аҭабиахь ихынҳәуеит!..

Ашәшьы хылоит хыма-ԥсыма -
Лаҳәоушәа амра хнаҩауеит.
Иҭахагәышьаз хыма-ԥсыма
Ҿнак иахымгакәа иржуеит.
Хыма-ԥсыма иԥҿарҵоит ԥсымак,
Рцәашьхәы мызырц иадыркуеит!..

Хәылԥиеҵҭа ҭашәоит хыма-ԥсыма,
Шарԥиеҵҭа кыдларц иццакуеит.
Игәыҵҟьа-ԥсыҵҟьа, хыма-ԥсыма,
Анацәа ргара дырҵысуеит!
Саргьы сахьгәаҟуа, хыма-ԥсыма,
Ҭцхыбжьон смыцәа абри зыҩуеит...
Сгәырҩа шдуӡӡоуҭ, гәыҕрак сыма,
Уаҵәтәи ҳамшахь ҿыц сыԥшуеит!

АԤЫЗА

Ԥызада изныҟәом ашәарахҟәа,
Аԥсаатә ԥызада иԥырӡом.
Ахрақәагь иргәылҳәҳәоит ахра,
Руак хра-гәаԥшьымхар аӡом!

Ҳзыԥәшәаз гәаҭан, имҳәа-мырза,
Ҿыц даҳзылԥха, ҳгәыцаракны,
Анцәа дҳаиҭеит ҳара аԥыза,
Ҳҿахәы иҳәарцаз дылбаашьҭны!

Изгәаҕьхьада иигәаҕьызгьы,
Агәылшьап асаса еихырҟаны,
Иҭахуп иацәигарц иафахьазгьы,
Иҭахуп ирхынҳәырц ҳ-Аԥсны!..

Ҳаит амарԥьа, шәеиҵамха,
Азә уехьоумкын ушәаны!

Зцьынць аҵеира уажә иаԥсамхаз,
Ахаан дҟалашам даԥсаны!

Ас афрауаѡ данҳаԥыза,
Анцәа данҳаиҵа уи дразҟны,
Ҿьарак ҳаилаҵәап, ҳаиԥшны ахызаҵә,
Ҳнеилымшәо ҳнеилап ҳаихьыԥшны!..

Ишдыру аиҭш, Омар Бигәаа инапы рылакын аҿсуаа рҭоурых, рбызшәа, рфольклор аҭцаара, иара убас иаҭицон асахьаркыратә ҩымҭақәа. Аха иҟоуп даҽа хырхарҭак, иахьа уажәрааныза дызлаҳзымдыруаз, дызлаартымыз: уи деиҭагаҩын.

1976 ш. Стокгольм (Швеҵиа) иҟоу Абиблиа аиҭагара аинститут Омар Бигәаа иҳәоит «Аҿатә Уасиатҭ» шәкәҵәа руак – «Иоанн иҟнытә» – аҿсшәахь аиҭагаразы. Омар уи дазыразхеит, дук мырҵыкәагьы иеиҭеигоит. 1976–1977 шыҟәсҵәа рзы атекст кьыҵхьны Стокгкольмҟа ишьҭуеит, уаҟа, 1984 шыҟәса рзы, асахьаҟәа аҵҵаны екземплиарк акьыҵхь иаздырхиоит. Аха шаҟа ҵыра ҭыҵыз, редакторс иамаз, иахьынтәеиҭагоу ҷыдала иҭҵаатәу ак ауп.

Аиҭагамҭа машәыршәа ауп ҳнапыҿы ишыҟалаз. Д.И. Гәлиа ихьз зху Аҿсуатҭцааратә институт аҿы ишьҭоу О. Бигәаа иархивтә материалҟәа аҭыжьра азырхиара иаҿуп. Архив аҿы ҵәаҳәакгьы, бҷьыцкгьы ыҟамызт. Иеилкаамызт иарбан ҩшьаҩыроу «Аҟәырҟан» акәзу «Абиблиа» акәзу.

М.Т. Лашәриеи сареи Москва Абиблиа аиҭагара аинститут ҳадҳәалоуп. Уи схы иархәан аҩшаара салагеит, издыруада Стокгольмтәи аинститут аҿы ишьҭазар ҳәа. Москва иҟоу Абиблиа аиҭагара Аинститут аҿы аус зуа Н.Г. Манзиенко О. Бигәаа иеиҭеигаз лыҩшааит, иаҟәҭыхны иаалышьҭит. Уи ныҳәан ҳара ҳзы! Излакьыҵхьу алаҭын шьаҭас измоу ҭырҟәа шрифтуп. Иаҵуп аиҭагаҩ ишҩыз аҧхьажәа. Уаҟа иазгәеиҭоит 1912 ш. рзы аҿсышәала иҭыҵхьаз Аевенгелиа азбахә. Агәра унаргоит уи шибахьаз (1975 шыҟәсазтәи аиҭатыжьымҭа), дшаҧхьахьаз, аха стильла, бызшәала акыр аивгарақәа рымоуп, ианыҩшуеит егьыртҩ ҩымҭақәа рҿы аиҭш ибызшәа аҷыдарақәа.

Иахьа ҳжурнал абри аномер иазсырхиаз атекст аоригинали иареи еиваргыланы лассы хаз шәкәны иҭҳажьран иҟоуп.

А. Е. Ашәба, афилол. ҭҵ. рк.

Акьыԥхь абоит раԥхьаʒа акәны

ОМАР БИГӘАА ИЕИҬАГАМҬА

ИОҲАН ИҲӘАМҬА

ИНҬЬЫЛ

ИнҬьыл абызшәеиҬагара аинститут
1984

Ҭырқәтәылантәи Аҧсышәа ала Иоҳан и ИнҬьыл.
Аҧсышәахьы аиҬагара аҧышәара.
1976-1977 ашқәсқәа рааны Аҧсышәахьы иеиҬагахааит.
Аҧсышәахьы акьыҧхь аархахан иҬызгаз
1984 ашуқәсан акьыҧхь аархахаит.
ИнҬьыл абызшәеиҬагара аинститут,
Стокҳолм, Шуедтәылан.

АҦХЬАТӘИ АЖӘА

Анцәахьа шәҟы

Кыриаҧсау сԥыза,

Ауааҧсыра зегьы реиқәрхаԥы ҳҧыза Акрыхьшьы Ааиса иыбзазашьа иаҵанакыуа ҟалахьаԛәак ииаркьаԛҿны арыи ашәҟы ианыуп.

Анцәа иҳәамҬау Анцәахьа-шәҟы ԥбаны иеиԥшауп:

1) Ахьы Ааиса дыиаанʒатәыи Урыи бызшәала иыҟаз Ажәытә Хаҵахьаԛәа (Ҭауратыи Забурыи).

2) Ахьы Ааиса ихааны Иунаншәала иыѡхаз Аҽатә Хаҵахьа (Инҵьыл).

Аҽатә Хаҵахьа (Инҵьыл) 27 еиҟәшара (Матта, Маркос, Лука, Иоҳан, Ааиса иеиҵаҳәацәа рѡымҵақәа, Ааиса иеиҵаҳәацәа рѡымҵақәаи Анцәа иырдырхьақәаи) аланакыуеит.

Акрыхьшьы Ааиса иыбзазара Матта, Маркос, Лука, Иоҳан иырѡымҵақәау Инҵьыл аҟәшарақәа иырҳәаоит.

Инҵьыл арыи ахьыӡ зхылҵыз Иунаншәала Евангелион (?????????) ауп, изыхьӡыу гьы (Аргәырҕьага, узыргәырҕьаша) ауп. Инҵьыл ауаа рыгәрыԥсақәа зларызѡаша узырдыруа ргәырҕьагауп.

«Избан: Анцәа аԥсабара уыи аҟара игәԥхан И'Ԥа заҵәы даныиҵеит, дыхазҵауа ԥхасҵамхакәан мԥсыбзара раууаит ҳәа». (Инҵьыл, Иоҳан 3:16)

Акрыхьшьы Ааиса ижәаѡаѡы ҳауарыи ыи ԥхьетәыи иымѡалацәаи, рыбзазараи, рѡымҵақәаи, (руысҟәаи) Аҽатә Хаҵахьа аиҵаҳәаѡцәа рѡырашьҭхьақәа иеиҵарҳәаоит.

Ацҳаражәхәаѡ (Аиҵаҳәаѡ, Абжьажәаѡ, Аҳауарыи) Иоҳан Иырдырхьа шәҟы Аҽатә Хаҵахьа анцәамаҵатәыи аҟәшара ауп; дгьылыи, жәѡаныи, уаагьсыраи зыниақәаша аҳәаоит.

Уажәраанӡа Аҽатә Хаҵара абарҵ аҟәшарақәа Аԥсышәахьы иыиагахаит:

1) Матта, Маркос, Лука, Иоҳан 1912 ашуксан; рыуакы 31х45 сантим, агьыи 19х28 сантим ашәаганы ѡбаны иҵыгахаит. Арыи иеицырдыруа Аԥсыуа поет (Ажәеинраалаѡ) дыу Гәлиа Дырмит иеиҵагамҵа ауп.

2) Хыхь зыӡбахә ҳәау ашәҟы еиҵага аѡынтәтәыи акьыԥхьаархара гьы 1975 ашуксан иҟалаит.

3) Шуыдтәылан ахеидкыларҵа Стакҳалм ацыуҵан иыҟау Анцәахьа шәҟы аиҵагара Аинститут 1982 ашуксан Иоҳан иҳәамҵа Инҵьыл еиҵа ҭнагахт:

Арыи аиҵагахьа Аԥсынытәыи Аԥсыуаа рзы Кирил (Рус) кьыԥхьла иҟалаит.

4) 1983 ашуксан Иоҳан Иҳәамҵа инҵьыл аҽатә еиҵагахьа Аԥсыны анҵытҵ атәыланқәа ирыланхао Аԥсыуаа рзы лаҵын кьыԥхьла иҵыгахаит.

Ҳхааны ашуксынхәарақәа Ааисатәы шуксала иҟалаоит (Ааиса ииымҵантәы иаԥылаоит). 1982 ашукса уалацәажәозар Ааиса дыиаахыс 1982 шукса шәы иысхьау шәы унардыруа аиԥш.

Иоҳан иҳәамҵа Инҵьыл шьҭахьӡетәыи арыи аиҵагахьа Аԥсыуа литературыраҽы даараӡа зуаншәа дыуыу (Ԥхылдара дыу змам) уысуп. Арыи аиҵагахьы Анцәа дыу иыԥхылидаразы, иаԥхьауагьы амѡа иаша днарбаразы ҳныҳәаѡыуп.

Иҵызгаз

ИОҲАН ИҲӘАМҬА

Инҵьыл

1. НТӘЫИ АХАРА:

1. Ажәа аханатә иыҟан,
Ажәагьы Анцәа иҷы иыҟан,
Ажәагьы Нцәан.
2. Уыи ҧхьанатә Анцәа иҷы иыҟан.
3. Зегь уыи ала иҟалаит,
Уыи ала акәымкәа акы ҟамлаит.
4. Абзазара уыи иалан,
Абзазара ауаа ирылашаран.
5. Лашьцара аршаоит алашара,
Уыи изахамҵеит алашьцара.
6. Анцәа дааиышҵыны Иаҳиа ҳәа аӡәы дыҟан;
7. Қәыриашара иуырцы дааит иара:
Алашара қәыриашара иызхауа
Ауаагҩсыра дхадирҵаразы ҳәа.
8. Убрыи Алашара иара иакәымкәа,
дааит Алашара дхадиырҵарцы мацара.
9. Аҧсабара дазааны ауаагҩсыра зрылашаша
Алашараҵәаҟьа дыҟан.
10. Аҧсабара данны дыҟан;
Аҧсабара иыла иҟалан
аха аҧсабара дазымдырт.
11. Иыитәыз рҷы дааит аха
иыитәызгьы дрыдрымкылт.
12. Аха;
Иыхьӡ хаҵаны дыздызкылао зегьы
Анцәа иыҵкәынцәахао аӡара рыиҵеит.
13. Уырҵ; шьа иалиаам,
цәеи жьыи ҵахха иарыиым,
уаѿтәы ҵаххьак иахшаан;
Анцәа иҟынтә иыиқәаз рауп.

14. Ажәа цәеи жьыитәы уаѡханы,
иашаралаи лагьхалаи иыҭәны иҳаланхаит,
ҳаргьы уыи адыура,
Аб иҟынтәи иааз Агьа заҭцәы
идуура акәны иыҳбеит.
15. Иаҳиа уыи иыҟәыриашаны ибжьы арс иаагаит:
«Сышьҭахь иааиуа дсагьасуеит;
Избан, сагьхьа дыҟан ззысҳәаз иауп.
16. Избан; иыбзыиара еиҭатәы аҟынтә
ҳар'гьы лагьха еиҭа лагьха ҳаут.
17. Муса иыла хьыӡба ҳаут,
Амысиа Ааиса иылагьы
Лагьхаи иашараи ҳаут.
18. Знымзар зны Анцәа аӡәы диымбацт;
Аб игәдкылау Агьа заҭцәы
ихаҭа уыи дыҳиырдырт».
19. «Уызуысда?» ҳәа иазҭцаарцы,
Иерусалимтәы аиаҳудҟәа
Аҳаҳамцәаи алевитцәеи[1]
Иаҳиа иыныизаарышьҭы
ҟәыриашара иуыит абарс:
20. Аиаша иҳәеит, мап иымкыит,
«Амысиа са сакәым» ҳәа
аҭцабыргы нараиҳәеит.
21. «Алиас уаума, узакәыда нас?»
ҳәа иыниазҭцаах,
«Сакәым» ҳәа раиҳәахт Иаҳиа.
«Уыи аҧиаамбар[2] уара уакәзар? (рҳәан),
«Мамау» ҳәа раиҳәахт Иаҳиа.
22. Нас дара уыс иарҳәахт:
«Уа узакәыда? Ҳаазышьҭыз ираҳҳәарызыи?
Ҿырдыргас иҳауҳәауазыи?»
23. «Аҧиаамбар Исаиа ишыиҳәаз аиҧш:

1 1:19. Алевитцәа – аҳаҳамцәа рыцхыраа𝔠цәа
2 1:21. Аҧиаамбар - ауыбла

Анцәа имҭа шәрыхиа![1] ҳәа
акаҭарантә ҩызҿыуаз сыибжьыуп» иҳәеит.
24. Изаарышьҭқәаз афарисцәа иырыуан[2];
25. Иаҳиа арсгьы ҳәа иазҵааит:
«Амысиа уакәым, Алиас уакәым,
уыи аҧиаамбаргьы уакәым;
иауеи ауаа зыунаҵуа нас?»
26. Иаҳиа цҳәатәыс (арс) нараиҳәеит:
«Сара ҙыла снаҵуеит; аха
аҙәы дшәылауп дшәыздырам;
27. Сышьҭахь иааиуа убрыи
ишьаҵҳәа арытлара са саҵәам».
28. Иордан анырцә
Иаҳиа ауаа хьыинаҵуаз
Беиҵаниа абарҵ ҟалаит.
29. Адырҭа ҩны Иаҳиа
иа иахь Ааиса дааиуа ибан,
«Аҧсабараа рыгәрыҧсақәа
шьҭызхша абан Анцәа Исыс!» иҳәеит.
30. «Сара сышьҭахь аҙәы даауеит,
саҧхьа дыҟан, дысаҧҙауп»
ззысҳәаз ауаҭ абрыи иауп.
31. Дсыздыруамызт сар'гьы, аха
Исраилаа дшәырдырхарцы
сара ҙыла шәнаҵра сааит».
32. Иаҳиа арҵ ҳәао дқәыриашаит:
«Аҧсы (цқьа) аҳәыҳә ҧышра иҵаланы,
жәҭанынтәы иылбааны
уыи ихакәын иаанханы сбеит.
33. Са дсыздыруамызт аха,
ҙыла шәнаҵра саазышьҭыз,
«Аҧсы (цқьа) лбаа аҙәы ихалао убар
уыи иауп Ҧсыцқьала наҵра зуа»
ҳәа ихаҵа исаиҳәеит сара.

---

1 1:23. 24 Исаиа 40:3.

2 1:24 Афарисцәа аиаҳудықәа рҩы хаҵатәы ҷыдак змаз хыҧхьык ракәын

34. Сар'гьы уыс дысбан азы
Анцәа дшыиҧәау ақәсыриашаоит».
35. Адырԥа ҽеных Иаҳиа иараи
иматцаҧацәа ԥыцьеи еидгылан:
36. Иаҳиа Ааиса днеиуа ибан,
«Абан Анцәа исыс!» иҳәеит.
37. Иҳәа аԥ матцаҧцәагьы ираҳан
Ааиса инаиышьҭалеит.
38. Ааиса даахьаҧшны уырҭ аныиба
«Шәзышьҭаузыи?» ҳәа днаразҵааит.
«Уабанхауа, Рабби?[1] » ҳәа
даргьы иара инаиазҵааит.
Рабби арҵаԥы ҳәауп изыхьзыу.
39. «Шәаала иышәсырбап» иҳәан,
иыццаны дыхьтәаз рбеит.
Аҽены иара иыдхалаит:
асаат жәаба рахьҟа инеит.
40. Иаҳиа иҟынтәы драҳаны
Ааиса иыццаз аԥыцьа
рыуазәы Андреи иакәын,
Зусҳан Ахра дыиашьан.
41. Арыи: иашьа Зусҳан ҧхьа дбаны
Амысиа дыҳбеит ҳәа иаиҳәеит.
Амисиа зыхьзыу Акрыхьшьы ҳәауп
42. Ааиса иҟыны дыгьыигаит;
Ааиса уыи днаиыхәаҧшын,
«Иуҳан иҧа Зусҳан уауп,
Кифа уыхьзызааит» иҳәеит.
Кифа зыхызыу Ахра ҳәауп.
43. Адырԥаҽены Ааиса Галилаҟа
ацара иҵаххан,
Филиҧпдбаны «унасышьҭал» иҳәеит.
44. Филипгьы д'Беиҵсаидатәын,
Андреиыи Зусҳаныи ртәыла.

[1] 1:41. Амысиа Месиа иаур, арагҧшәала Месиҳ уыи иауп, Иуна ншәала Христос уыи иауп, убарҭ зыхьзыу «Крыхьшьы» ҳәауп.

45. Филип Наҭанаил дыибан,
«Муса ахьыӡба ианыиԥаалаз,
аҧиаамбарқәагьы зыӡбахә рԥыз,
Иасыф иҧа Насыратәы Ааиса дысбеит»
ҳәа иаиҳәеит.
46. «Насыра ҿеи дҭыҵуама?» ҳәа
Наҭанаил цҳәатә ҟаиҵеит.
«Унеины дба» иҳәеит Филипгьы.
47. Наҭанаил иа иахь дааиуа
ныиба Ааиса уыи изы:
«Абан цәгьара злам
Исрааилтәы иашьа:» иҳәеит.
48. Наҭанаил, «Сабаудыр?»
ҳәа уыи днаиазҵааит.
Ааиса уыи (уыс) наиаиҳәеит:
«Филип уара дуыҧхьаанӡа
алаҳа амҵа угылан уысбеит».
49. Наҭанаил арс цҳәатә иҳәеит:
уара Рабби[1], Анцәа и'Ҧа ауп.
Исрааилаа ргҧысҳа уа ауп».
50. Ааиса цҳәатәыс уыи арс иаиҳәеит:
«Алаҳа амҵан уысбеит» хьысҳәаз
амшала аума сызхауҵауа?
Иеиҳаугьы убара уыҟауп».
51. Иажәа абарсгьы нацитеит:
«Ииаша иаша ишәасҳәауеит:
Шьҭа нахыс ажәԥан аатны Анцәа иымелеқьцәа
Ауаԥы иҧа ихыхьҟа иылбаа ихалао шәбалап».

2. НТӘЫИ АХАРА:

1. Адырха ҿны Галилатәыи
Кана (ақыҭан) ԥьара иыҟан,
Ааиса иангьы уаа дыҟан,
2. Ааисагьы иматҵаҧцәагьы

[1] 1:49. Рабби рҵаԥы. Абжьаԥы ҳәауп изахьыӡыу.

ачараҷы ирыԥхьахьан.
3. Аҽы нҵәамҵа «Аҽы рымам»
ҳәа Ааиса иан иынаиалҳәеит.
4. Ааиса уыи (арс) налаиҳәеит:
«Бара сара иысылыбхыи?
Макьана са саамҵа мааицт».
5. (Уыбысҟан иангьы) амаҵауцәа
«Ишәаиҳәао шәыуы» ҳәа наралҳәеит.
6. Аиаҳудҟәа рыцқьашьала
хаҳәтәы фы ԥҳалк кҷагылан;
ԥьаук ԥшьынҽажәа, ԥьаук шәыи ҽажәа
кәапеи рызна ʒы ркыуан.
7. «Ʒыла аԥҳалқәа шәырҵәы» ҳәа
Ааиса амаҵауцәа инараиҳәеит,
рыԥәцәаԥәа рҟныʒа инадырҵәыит.
8. «Шьҵа ачара еиҷкааҽы иызыжәга»
ҳәа нараиҳәан иыргаит.
9. Иыҽхаз аʒы ачара еиҷкааҽ
дыҽахәаны агьама иыбеит
аха, иахьынтәааз изымдырт,
иызырҵәыз ракәын иыздыруаз.
Ачара зчараз дааиыԥхьаны
10.«Ауаа зегьы аҽы бзыиа ԥхьа ааргауеит,
рызхара ржәыр ашьҵахь
аҽы баагьсы ааргауеит -,
уара уакәзар аҽы бзыиа
уажәазы иыуҵәахынтәеишь» ҳәа ааиҳәеит.
11.Галилатәыи Кана (аԥыҵан)
абрыи ԥхьатәыи зеиԥшҟамлац
ҟаҵа иыдуура аацәыригаит,
имаҵаԥцәагьы дыхарҵеит.
12.Арыи ашьҵахь иараи ианыи
иашьцәаи имаҵаԥацәаи
Ԥьефернаҳумҟа иеицлаит,
уаагьы акы ҽба мшы иынхаит.
13.Аиаҳудбәа рԥасха мышныәәа ааигәан,

Ааиса Иерусалим дааит.
14.Аныхаҽы[1],
жәыи цәыи уасаи ҳәыҳә'ыи зҵыиқәауазгьы
аҧара ҧыргаѡцәагьы тәаны ибеит.
15.Шахатә ламсык аа҆каиҵан,
цәыи уасаи рыҵыицәаи
ирыжәҵа аныха зегь ҵыицеит;
аҧара ҧыргаѡцәагьы рҧараи
рымҵаргылаҟәагьы иыцҟьеит.
16.Аҳәыҳҽ ҵыицәагьы инараиҳәеит:
«Арҵ араантәы иышьҵышәхы,
с'Аб иыѡны крыҵыирҵас и҆каашәымҵан!».
17.«Уа уыѡны ахандеира сафараны и҆кауп» ҳәа
ашәҟы ианыз иматҵаҧацәа ааргәалашәеит.
18.Абрыи а҆кынтә аиаҳудҟәа
«Абрыи аура ушаҟәиҵыу
злаҳдырша дыргас иыҳуырбаозыи?»
ҳәа наиарҳәеит цыҳәатәыс.
19.Уыс҆кан Ааиса уырҵ ауаа
«Ари аныха шәырыбга,
хы мшы рыла са исыргылап»,
ҳәа нараиҳәеит цыҳәатәыс.
20.Убрыи заҳаз аиаҳудҟәа
«Ари аныха а҆каҵара
ѡынѡажәаи фба шуҟса агаит,
убрыи уара хы мшы рыла
иыузыргылао?» ҳәа иарҳәеит.
21.Ус҆канмзар Ааиса иара
ихатәра ныха ауп уыи ззыиҳәаз.
22.Убасала, аҧсцәа р҆кынтәы
дыныѡагыл уыи шыиҳәаз
иматҵаҧацәа рхы аҽы иааиын,
Ааиса иажәаи ашәҟыи хырҵеит.
23.Ҧасха ныҳәан Иерусалим дыныҟаз
иыҟаиҵаҟәаз зеиҧшҟамлацҟәа збаҟәаз,

[1] 2:14. Аныха-аныҳәарҵа

иыхьӡы азхарҵеит шьардаѡык.
24.Аха; Аасиа ауаа зегьы иа идыруан азы,
рыгәра игаомызт иыхы азы.
25.Ауаа иырҷыиҵааратәы
ауаа рдырра иыгмызт азы;
ауаѡ иылау ихала идыруан азы.

3. НТӘЫИ АХАРА:

1. Аиаҳудҟәа реиҳабак
афарисцәа дрыуаны Никодым ҳәа аӡәы дыҟан;
2. Уахык Аасиа иҷы дааиын:
Рабби[1*] уара Анцәа иҟынтәы ааз
рҵаѡык шыуакәу ҳдыруеит: избан
зеиԥшҟамлацҟәа иыҟауҵаҟәао
Анцәа диыдгыламзар аӡәы
изыҟаҵараны ԥсыхәа амам».
3. Аасиа цҳәатәыс уыи (арс) иаиҳәеит:
«Аиаша еиҵа иашах уасҳәап:
Д'еиҵа миыхкәа аӡәы Анцәаҳҵынра иызбауам».
4. Никодим уыи (арс) иаиҳәеит:
«Аӡәы дынажәлаак дышԥаиыхуа?
иан лымгәарҵа д'еиҵа зҵалао?
д'еиҵа зиихуау?
5. Аасиа цҳәатәыс (арс) иҳәеит:
«Аиаша иашах уасҳәап:
Аӡәы зыи Ԥсыи дырхымшакәа
Анцәаҳҵынра дызҵалауам;
6. Цәеи жьыи иахшааз дцәеижьыитәыуп.
Ԥсы иахшааз дыԥсытәыуп:
7. Шәыиыхрауп хьысҳәаз ԥьаумшьан.
8. Иахьаҵахыу иасуа аԥша, абжьы уаҳауеит аха
иахьынтә ааугьы иахьцауагьы уыздырам;

[1] 3:2. Рабби арҵаѡы – Абжьаѡы ҳәауп изехиӡыу.

Ҩсы иахшааз ауаѡы,
дарбанзалаак уыс дыҟауп».
9. Никодим цҳәатә ыиҭеит:
«Иышҩаҟалао арҭ?» иҳәеит.
10. Ааиса цҳәатәыс уыи (арс) иаиҳәеит:
Исрааилаа урырҭаѡыупеи,
уара абарҭ узымдыруеи?
11. Ииаша иаша иуасҳәауеит:
Иыҳҳәауа иыҳдыруа рауп:
Иыҳбаӄәаз ӄәыриашара рзыҳхауеит
ҳӄәыриашара ҩхылышәдауам.
12. Дгьылтәыи сҳәар ихашәымҭаозар
жәѡантәыи сҳәар иышҩахашәҭао?
13. Жәѡанынтәы иылбааз
уажәы уаа иыҟау Ауаѡҩа
иакәымзар аӡәымзараӡәы
жәѡантәылан дыхамлаӡацт.
14. Акаѡаран Мусагьы
амаҭ хыхь ишышьҭыихыз аиҩш
Ауаѡҩагьы дышьҭыххап:
15. Дыхазҭауа зегьы ҭамхакәа
уыи иыла мҩсыбзара рауразы.
16. Избан: Анцәа аҩсабара уыи аҟара игәаҩхан
И'Ҩа заҭәы уаа даныиҭеит,
дыхазҭауа ҩхасҭамхакәан
мҩсыбзара рауааит ҳәан.
17. Избан; Анцәа И'Ҩа аҩсабара
Лахьы аииырҭарц акәымкәан
иыла иеиӄәхарцы дааиышьҭыит.
18. Уыи дыхазҭаз лахьы раууам
дыхазымҭаз лахьы раут;
Анцәа иҧа заҭәы иыхьӡы хамҭара иахырҟьауп.
19. Ҟәыӡбас иыҟау абрыи ауп:
Лашара анылт аҩсабара,
уыи рҭахымхаит ауааҩсыра,

уыи иаиӄьыршьеит алашьцара;
избан, иырусхәыз цәгьоуран.
20. Цәгьара зуа ауаа зегьы
алашара рцәымӄыуп
рыцәгьамусыхә аргамамхарцы
алашара иацәыбналауеит.
21. Аха, зуыс иашахыу ауаҽы
иуыс шанцәахьау ҵәахымхарцы
алашарахьы дааueит».
22. Арыи ашьҭахь Ааиса имаҵаӄаҵәаи иараи
иаҳудтәылан иеицааны,
ҳамҭакы уаа дынханы ауаа инаҭуан.
23. Иаҳиагьы Салым ааигәаны,
Аинун хьырҳәао (ауаа) инаҭуан,
Уаа аӡы рацәан азы,
Ауаа ааны рҽырнаҭуан.
24. Избан: Иаҳиа макьана абакҭа дҭарымкыцызт.
25. Уыи аамҭан Иаҳиа имаҵаӄҵәаи иаҳудыкыи
аҽрыцқьара иамаҭәахәыу ажәеимакрак аарыбжьалт.
26.Иаҳиа изааины (уыс) иарҳәеит:
«Рабби![1] Иордан анырцә уа иыхьуыдыу (...)
қәыриашара ззыууыз ауаҽ,
шьҭа убрыи ауаа инаҭуеит,
ауаа зегь'ыгь иа иызцауеит».
27.Иаҳиа цҳәатәыс (арс) раиҳәеит:
«Ауаҽ жәҽанынтәы имаукәа акымзарак иауам. (...)
28.Сара «Амысиа сакәым: амала,
иаӄхьа саашьҭхаит» шысҳәаз ала
қәыриашара сзышәхап шәаргьы.
29.Аҭаца даазгаз иауп амаҳә, аха
иҽызагьы дыхьыҟау иыниаҳалаак
игәы иахәаоит амаҳә иыбжьы;
сар'гьы уыи иеиӄш'гәахәаӡа саут.
30.Идыухаша иара иауп,
ихәыцхаша сара сауп.

[1] 3:26. Рабби арҵаҽы хәауп изехьӡыу.

31.Хыхьынтәи ииаз зегьы драиҳауп;
дгьыл ианыииаз дыдгьылтәыуп,
иынаиҳәауа дыгьылтәыуп;
жәԥанынтәы ииаз зегьы драиӄьыуп;
32. Иыибаз, иаҳаз дрыӄәыриашаоит,
иӄәыриашара аҵә'гьы ихаитҵауам;
33. Уыи иӄәыриашара хазҵаз
Анцәа дышиашау шьаӄәырӄәӄәаны ихаитҵеит.
34. Анцәа иааиышьҭыз аҽы иыиҳәао
Анцәа иажәа ауп.
Анцәа Аҧсы (Цӄьа) шуыиҭауа
ишәаны-изаны акәым.
35. Аб И'Ҧа бзыиа дыибеит,
зегьы'ы инапы ианыитҵеит.
36. А'Ҧа иҳәатәы хазҵаз
мҧсыбзара иаут, аха;
А'Ҧа иҳәатәы хазымҵаз
бзазара ибауам.
Анцәа иылахьгьы иаут.

4. НТӘЫИ АХАРА:

1. Аиса Иаҳиа иаиҳа ирацәаны
аматҵаҧцәа иыдеизаланы
инаҭуеит ҳәа афарисцәа ираҳаит.
2. Уысҟанмзар наҭра зуаз
Аиса ихаҭа иакәымкәан
иматҵаҧацәа ракәым.
3. Иара Иаҳудтәылан ааныжьны
Галилаҟа д'еиҭа цахт.
4. (Иымԥан) Самариа дахыыр акәын.
5. Иаӄәыҧ иҧа Иасыф иыиҭаз адгьыл ааигәара
Самариа хьырҳәааоз иыҟаз,
Сихар зыхьҵыз ацыуҭан дааит.
6. Иаӄәыҧ иҽеигьы иҟан уаа.

Аaиса амҭа дараапҵсан азы
(иҵсы ишьарсы) асаатҩ фба рзеиҵш
аҷеи аандан дынатәеит.
7. Самариатәы ҵхәыскы ʒы тара дааит;
Аaиса уыи,
«Иаасыҩшь иысжәып» ҳәа лаиҳәеит.
8. Избан: иматцаҵацәа фатәы хәҳара
ацыуҩахьҟа иыхьцаз иыҟан.
9. Самариатә' уыи аҵхәысгьы:
«Уа уиаҳудны, са с'Самариатәы ҵхәысны
Са сҟынтә аʒы шҵауҩаххао?» иҳәеит,
Аиаҳудцәаи Самариааи еибаҩахымызт азы.
10. Аaиса уыи (арс) цыҳәатә лыиҩеит:
«Анцәа иымҩа мазараи
аʒы сыржә ҳәа базҳәаз дарбаныи
бдырыр иа иҟынтә ба иыбҩаххарын,
иар'гьы бара абзара ʒы быиҩарын».
11. Аҵхәыс уыс наиалҳәеит:
«Сах! ʒы тага уымам, аҷеигьы ҭауылауп;
нас уара абзара ʒы абантә уаура?
12. Уара, арыи аҷеи ҳазҩаз,
зхаҩаи, зыҷкәынцәаи,
зырахәыи зʒы ржәыз ҳаба
Иаҟәыҵ иаиҳа уеиҳаума?»
13. Аaиса цыҳәатәыс (уыс) лаиҳәеит:
«Арыи аʒы зыжәлаак дшабахуеит;
14. аха сара ирысҩао аʒы зжәыз
знымзарзны ʒба иакыуам;
аха, сара ирысҩао аʒы,
мҵсыбзара ʒыхьны
агәараҳәа ирылаҿеалар».
15. Аҵхәыс уыи (уыс) иалҳәеит:
«Ҵьым, уыи аʒы сыҩ, сшабарым,
ʒы тарагьы арааиʒа саааларым».
16. Аҵхәыс (арс) налаиҳәеит:
«Бца, бхаҩа биыҵхьеа баах».

17. Аҿҳәыс цыҳәатәыс иылҭарцы
«Хаҵа дсымаӡам» лҳәеит.
Ааиса уыи (арс) лаиҳәеит:
«Бзыиа» «Хаҵа дсымам» бҳәеит;
18. Избан; хәѡы хацәа брыццахьеит,
уажәы бызмау дыбхаҵаӡам,
ииаша ҵәеѣьены иыбҳәеит».
19. Аҿҳәыс уыи (арс) иалҳәеит:
«Уара иысбао уыҿиаамбаруп ҵьым:
20. Ҳабацәа арыи ахәаҷы ихырхәалауан,
шәар'гьы,
«Ахырхәарҭа Иерусалим иыѣауп» шәҳәаоит».
21. Ааиса уыи (уыс) налаиҳәеит:
«Бара сара схаҵа дыи:
Аб шәыхьиаихырхәалаша
арыи ахәгьы акәымкәа,
Иерусалимгьы акәымкәа
ианыѣалао аамҭа ааиуеит.
22. Шәарҭ иышәзымдыруа шәаихырхәаоит:
ҳарҭ иыҳдыр ҵәеѣьео ҳаихырҳәаоит:
избан,
Шьаҟәхара ааueит аиаҳудаҟәа рѣынтә.
23. Аха, аихырхәаѡы ҵәеѣьеҟәа
иашалагьы ҧсылагьы
Аб иыниаихырхәалаша
аамҭа ааиуеит, уажәгьы иааup.
Избан, Аб иара арс иаихырхәао иҵахыуп.
24. Анцәа дымчыҧсыуп; иаихырхәаҟәаогьы
иашаралаи ҧсылаи иаихырхәарауп».
25. Аҿҳәыс уыи (уыс) наиалҳәеит:
«Мысиа зыхьӡыу Акрыхьшьы дшааua сдыруеит,
данаалаак зегьы ҳиырдыруеит».
26. Ааиса уыи (уыс) налаиҳәеит:
«Сара ибазҳәао убрыи сауп».
27. Уыи аамҭазы иматцаҧацәа ааит:
Ааиса ҧҳәыскы дышлацәажәааоз ҵьаршьеит;

аха, «илауҳәаои, узышьҭаои?» ҳәа иымҵааит.
28. Уысҟан аҧхәыс леирыʒ ааныжь
ацыуҭахьы дцан иралҳәеит.
29. «Иынасыухьез зегьы аасазҳәаз
аʒәы дыҟауп, шәнеины дышәбеишь,
Амысиа убрыи иаумеишь?»
30. Уырҭгьы ацыуҭа иыналҵын
иара иахь инеиқәауан.
31. Уыи аамҭазы иматҵаҧацәа
«крыфа Рабби![1*] ҳәа иыҳәауан
аха иара;
«Сара шәара иышәзымдыруа
фатәык сымауп» иҳәауан.
32. «Аʒәы фатәы изааигаушь?» ҳәа
иматҵаҧацәа неизҵаауан.
33. Ааиса уырҭ (уыс) раиҳәеит:
«Сара фатәыс исымау,
саазышьҭыз иҳәатәы аураи
иуыс арҷиареи рауп.
34. Шәара «Ҿыѡра ҭагалан
ҧшьы мыз агыуп» шәымҳәауеи?
Абар сара ишәасҳәауа:
«Шәыла ѡышьҭых шәынаҧшыи
амыхқәа шәнарылаҧшыи
иҭашәгаларатәы иѡаҧшьымхаи!
35. Илазҵазгьы изырхуагьы еицаргәырҧьеразы ҳәа
архыѡы рхы ҧса уажәнатә иаууеит,
абзазара наʒаʒа зла иауша аарыхуа.
36. Избан:
«илазҵао дхазыуп, изырхуа дхазыуп»
ҳәа иырҳәао араа иҵабыргыуп.
37. Шәаа ҧсара здым аашәрыхрцы шәыдәыҟәсҵеит.
Заа ҧсара адыз даҷа уаан.
Уырҭ раа ҧсара шәара ишәыхәеит.

---

[1] 4: 31. Рабби арҵаѡы ҳәауп изехиʒыу.

38. «Иыҟасҵахьез зегьы аасаиҳәеит»
зҳәаз аҧхәыс лҳәала,
уыи ацыуҵа иаиыуаз Самариаа шьардаѡы
Ааиса дхарҵеит.
40. Самариаа ныизаа.,«Ҳа ҳҟны уаанха» ҳәа иыҳәеит,
уыи азы ѡымшы уаа дынхаит.
41. Иыҵегьы уаа иҳәала дхарҵан,
42. аҧхәыс абарс ларҳәауан:
«Дызлахаҳҵао шьҵа ба бажәа акәым:
избан, ҳара иара иҟынтәы иҳаҳаны
деилыҳкааит: Аҧсабара шьаҟәырхаѡы
ииашаны арыи иауп»
43. Абарҵ аѡы мшы рышьҵехьгьы,
уаантәы дыҟәҵын Галила дцеит.
44. Избан, Ааиса иа ихаҵа:
«Аҧиаамбар иа итәылаҷы
дыҧхылдахаом» иҳәахьен.
45. Галилаҟа убарс данаа
Галилаа дыҧхылрдеит.
Избан:
Иерусалим мышныҳәан,
дар'гьы убраа ианыҟаз
иыҟаиҵаҟәааз зегьы рбахьен.
46. Ааиса насгьы:
Галила иахьаҵакыу,
аʒы хьыѡыитәыз
Кана (ақыҵан) деиҵаахт.
Уаа, зҧа дычмазаѡны Кьефернаҳум
иышьҵаз аҳҵуысбаѡык дыҟан.
47. Уыи ауаѡы,
Иаҳудтәылантәи Галилаҟа Ааиса
дааны ныиаҳа, дыиызцаны,
иҧа аҧсы хыхра иаҷыз
далиыргарцы дыиыҳәеит.
48. Ааиса уыи (арс) наиаиҳәеит:
«Зеиҧшҟамлацҟәаи дыргаҟәаи мбакәа

знымзарзны схашәҵауам».
49. Аҳҵуысбаѡы уыи (уыс) иаиҳәеит:
«Ама[1*] сҧа дыҧсаанӡа уыиыхьӡа!»
50. Аасиса уыи
«Уца, уҧа деибгауп» ҳәа наиаиҳәеит;
иар'гьы Аасиса иҳәа хаҵаны дцеит.
51. Дышнеиуаз иыкыруыѡцәа ааиҧылаит,
иҧа дшеибгаз наиарҳәеит.
52. Дыбзыиахао данаалагатәыи
асаатҷ шаҟаз дыразҵааит,
дар'гьы «Иацы абыжьбантәыи асаатҷ азы[2*]
ашыӡ дааунажьыит» рҳәеит.
53. Убасала Аасиса иара
«Уҧа деибгауп» ҳәа ниаиҳәатәыи
асаатҷ шакәыз ааидырыит.
Иыѡнаҵагьы иар'гьы зегьы
(Аасиса уи ала) дыхарҵеит.
54. Арыигьы Аасиса Иаҳудтәылантәы
Галила дааны иыҟаиҵаз
аѡынтәтәыи зеиҧшҟамлац ауп.

5. НТӘЫИ АХАРА:

1. Арҵқәа рышьҵехь,
аиаҳудқәа рныҳәамш аҽны,
Аасиса Иерусалим дыѡеит.
2.Иерусалим Ауасагәашә ааигәаны
Уриа бызшәала Беиҵесҵа ахьӡыны
ӡы ҵаларҵак иҟан;
хә бараҵак хыҟәгылан.
3. Чымазаѡыи лашәыи церкьыи
зымахшьаха ҽыѡаазыи
рацәаны иыҵаҧхьеуан.

---

[1] 4:49. Ама-иаҳқәиҵ

[2] 4:52 Иахетәыи асаатҷ ала «Шьыбжьантәыи асаатҷ 13.00» рзы.

(Аʒы еилаҭәара иазыҧшын).
4. Избан Анцәа иымелеԛькы
уажәы уажәы длалбааны,
аʒтара дынҭаланы,
аʒы еилаиҭәа-еилаиҭәауан:
аʒы неилаҭәалаак ашьҭехьтәыи
зегь рагҧхье иынҭалауа
чымазарас иымазалаак
зегьы даарылгаʒауан.
5. Ҩажәеижәаа шукса раахыс
ичымазаҩыз аʒәʼгьы дрылан.
6. Аасиа уыи дшышьҭаз баны,
рацәа аамҭа дшычмазаҩыз дырны,
«Уалгараны уҭахыума?» ҳәа днаиазҵааит.
7. Ачмазаҩы (арс) цҳәатә иыиҭеит:
«Ҧхадуу, аʒы неилаҭәалаак салазҵара дсымам:
сара снеиааныʒагьы сагҧхье инеиуа ҭалауеит».
8. «Угыл, уиарҭа шьҭыхны уца»
ҳәа наиаиҳәеит Аасиа уыи.
9. Даабзыиахан ииарҭа аашьҭыхны дцеит.
Аԛены сабшан:
10. уыи амшала аиаҳудԛәа,
«Сабшауп, иарҭа шьҭыхра Анцәа ицәымҧыуп»
ҳәа зчымазара иалгаз иарҳәеит.
11. Аха иара, «Салзыргаз иара,
«Уиарҭа шьҭыхны уца» иҳәеит ҳәа» раиҳәеит.
12. «Уиарҭа шьҭыхны уца зҳәаз дзакәыда?» рҳәеит.
13. Аха зчымазара иалгаз,
далзыргаз диыздыруамызт.
Избан: рацәаҩы ыԛан,
Аасиа уырҭ иԛынарцәыиҵәахыит.
14. Ашьҭехь Аасиа аныхаԛы,
уыи дыибан (абарс) иаиҳәеит:
«Ґәбзыиара уаут абар,
гәрыҧса умырҳан шьҭа,
иаицәау акы умыхьааит».

15. Арыи ауаѡ дыцаны, далзыргаз Ааиса
шиакәыз аиаҳудқәа ираиҳәеит.
16. Аиаҳудқәа Ааиса иаҕан,
«Асабша арс зыҟаиҵаои?» ҳәа.
17. Аха Ааиса (арс) цыҳәатә рыиҵеит:
«С'Аб ҟаҵара дшаҷыц даҷыуп,
Сар'гьы ҟаҵара саҷыуп».
18. Уыи амшала аиаҳудқәа
иаҳаʒагьы иаѡцаны
Ааиса иҵархара иашьҵалаит,
Иара асабша ахьеилеигаоз мацара акәым,
Анцәа иыҷеиаҟаратәуа саб
ҳәа дахьиышьҵаз азы.
19. Ари азы Ааиса цҳәатәы иҳәеит:
«Аиаша иашах шәасҳәап шәарҵ:
Аб иҟаиҵао иыибаз ада
А'Ђа акы изыҟаҵауам;
избан, уыи иыҟаҵара А'Ђагьы иыҟаҵашьахаоит.
20. Избан; Аб А'Ђа бзыиа дыибаоит,
Иа иыҟаиҵао зегьы ииырбаоит;
шәара иҵьашәшьараз'гьы
иаиҳаугьы (ҕхьеҟа) ииырбаоит.
21. Избан:
Аб аҕсцәа ргыла ишыирыбзахао аиҕьш
А'Ђагьы иыиҵахыу уыс ирыбзахаоит.
22. Избан;
Аб аʒә'гьы дыиʒбауам, аха,
А' Ђа инапы ʒбара аныиҵеит.
23. Аб зегьы пату шиықәрҵао аиҕьш
А'Ђагьы пату иықәрҵааит ҳәа.
А'Ђа пату иықәзымҵауа,
даазышьҵыз Аб пату иықәиҵаом.
24. Аиаша иашах шәасҳәап:
Сара сажәа иырҳаны,
саазышьҵыз дыхазҵауа,
мҕсыбзара иырҳауеит.

Лахьы иауам, дымҧсыртәы дыбзахауеит.
25. Аиаша иашах шәасҳәап:
Анцәа И'Ґа иыбжьы аҧсцәа ираҳаны
рыҧсы нҵалао аамҵа ааиуеит, иыгьааит.
26. Избан;
Аб ихала дшыбзау аиҧшы,
ихала бзара А'Ґагьы иыиҵеит.
27. Зыʒбарагьы дақәиҵитәыит,
Дыхьуаѡыхшау азы
28. Арыи ҵьашәымшьан; избан,
адамра иҵақәау зегьы уыи иыбжьы нраҳауа
аамҵа ааираны иыҟауп.
29. Уырҵ уаа иҵытҵраны иыҟауп.
Бзыиара зхаз бзазаразы,
цәгере зхазгьы лахьы рзыʒбаразы
нарцәгылара раураны иыҟауп.
30. Схала сара акы сзыҟаҵаом,
исаҳаз ала сыʒбауеит,
сыʒбахьегьы ҵабыргыуп;
избан, сара иысҵахыу акәым,
саазышьҵыз иыиҵахыу ҟасҵаоит.
31. Са схы азы сқәыриашаѡхар
Сқәыриашара иашаʒам.
32. Сара сзы иқәыриашаѡхао
(Сара сакәым) даҽеа аʒәы дыҟауп,
қәыриашара иысзыиуыз
шыиашаугьы сыдыруеит.
33. Шәара Иаҳиа ауаа изышәышьҵыит,
уыигьы аиаша иақәиыриашеит.
34. Сара суанашәа сымоу ақәыриашара уаѡтәым,
аха, шәара арҵ шәасҳәаоит,
шәеиқәхаразы мацара:
35. Дыҧха лашао дцәымзан уыи,
шәар'гьы ҧыҵрак иылашара,
шәалагәырҧьер шәҵахын.
36. Аха қәриашагас сара исымау

Иаҳиа иқәриашара иаиҳауп.
Избан,
Аб иысуалитәыз ауысқәаи
иыҟасҵақәаз арҵ ауысқәаи
Аб сшааиышьҭыз ақәдыриашаоит.
37. Саазышьҭыз Аб ихаҵагьы
сара дсықәыриашаит.
Знымзарзны шәара убрыи
исахьа шәымбацт, иыбжьы шәмаҳацт.
38. Уыи иажәагьы шәа шәҷы иыҟам;
избан, иааиышьҭыз дыхашәҵауам.
39. Ашәҟықәа еилышәрыхуеит; избан,
наʒаʒа бзара рныу ҵьышәшьаоит.
Қәыриашара уырҵгьы иысзырхаоит.
40. Абзазара шәауразы шәарҵ,
сара сахьҟа ааира шәҵахым.
41. Ауаа рҟынтәы дуура сҵахым.
42. Аха шәара са шәысдыруеит:
Шәгәы Анцәа бзыиа ибара ҵам.
43. Сара с'Аб ихаҵыгҩ сааит сшәыдышәкылаом,
аҽеаʒәы ихатәы хьыʒы ала даар дшәышькылаоит.
44. Шәара дуура шәыибаҵауеит,
иаʒәыу Анцәа ишәыиҵао адуура шәҵахым;
Анцәа дышҩахашәҵауа нас?
45. Шәыцәгьа Аб иасҳәао ҵьышәымшьааит;
шәара шәыцәгьа иазҳәауа,
шәызеигәыҩуа Муса иауп.
46. Избан,
Шәара Муса дхашәҵанда
сар'гьы схашәҵахьазаарын.
Избан,
уыи сара сзы ѡтәы иѡыит.
47. Аха, уыи иыиѡыз хашәымҵаозар
са иысҳәао шҩахашәҵауа?»

6. НТӘЫИ АХАРА:

1. Арҵқәа рышьҵахь Ааиса,
Ҭабарыиагьы зырҳәааоз
Галила амшын нырцә дцеит.
2. Ачымазцәа рҿы иыҟаиҵауаз
азеиҧшҟамлацқәа хьырбауаз
амшала ауаа шьардаѡзаны
иара ихьыҧшыны иыцауан.
3. Ааиса ахәы дхаланы
уаа иматцаҧцәаи иареи тәеит.
4. Аиаҳуд мышныҳәа аҧасха ааигәан.
5. Ааиса ихы ѡышьҵых дыҧшыны,
шьардаѡ иышьҵа ишаауаз баны,
«Арҵ рыфатә ча абаҳахәҳауа?»
ҳәа Филип инаиаиҳәеит.
6. Иара идыруан иыҟаиҵаша зегьы аха
дыҧыишәарцы уыс иҳәеит.
7. Филип цҳәатәыс (арс) иҳәеит:
«Маҷк маҷк нарҿаҳҵаразыгьы
ѡышә динар рыхә ча азхауам».
8. Иматцаҧацәа иырыуаз,
Зусҳан Ахра иашьа Андреи
уыи (уыс) наиаиҳәеит:
9. «Араа ҷкәынак,
хәбаҟа қьар чаи ѡы-ҧсызкыи
иымауп, аха ари аҟара
ауаа уыи шҧа рызхара?»
10. Аха Ааиса, «Ауаа лашәыртәа» иҳәеит.
Адгьыл шьацран, хәнызқьѡыҟа хацәа ыҟан, иладыртәеит.
11. Ааисагьы ачаҟәа аашьҵыихын,
Анцәа ҵьышьа иызханы, итәаз
(иматцаҧацәа) ауаа ирыдиырҵеит;
рызхарагьы ҧсыз рыдиырҵеит.
12. Зегьы рызхара нырфагьы,
Ааиса аматцаҧацәа (арс) раиҳәеит:

«Рыцәынхаҟәа еизышәга,
хәашак'гьы ҩхасҭамхартәы».
13. Иыгьеизыргаит,
хәы қьар чак зфаз иырцәынхаз аҽеыҵқәа
жәаԥа клаҵ рызна ҟалеит.
14. Убарс Ааиса иыҟаитҵаз
уыи азеиҧшҟамлацгьы збаз,
«Аҧсабаран иааранe иыҟау аҧиаамбар зырҳәаз,
абрыи иакә ҵәеҟьеуп» рҳәеит.
15. Ааисагьы уырҵ ааны,
ҧысҳас дырхырҵарацы дҧааны игара ишашьҵаз
ныидыр иымала заҵәык ахәахьы деиҵеихахт.
16. Наахәлагьы иматҵаҧацәа амшын ахьы илалбааны,
ашхәа иынҵаланы;
17. амшын нырцәтәыи агаҽан Қьефернаҳум ицауан;
лашьцеит, Ааисагьы дымаацызт.
18. Ҧшацәгьакыгьы асуан, амшын арыцәқәыргҧауан.
19. Абасала, амшынгҧыга иахауа,
Ԥажәеихәба-ԥажәеижәаба хысымҵа иынца,
Ааиса амшын дықәныҟәауа
ашхәахь дааua рбан ишәеит.
20. Аха иара дара рахь:
«Шәымшәан сара сауп» иҳәеит.
21. Ашхәа днақәдыртәар рҵаххаит,
рышьхәагь анеирҵа инадгылаит
22. Адырԥа ҽны амшын нырцә иаваз ауаа,
иматҵаҧцәа зҵаз ада шхәа ыҟамкәа уаа,
Ааиса ашхәа иматҵаҧацәа дрыцҵамлакәа,
иматҵаҧацәа рымацара иышҵаз рбеит.
23. Уысҟанымзар Ама, Анцәа ԥьшьара ныизыиха,
Ҵабарыиантә ҽа шхәаҟәак
крыхьырфаз ааигәара иааит.
24. Убасала, ажәлара
Ааисаи иматҵаҧацәаи уаа ишыҟамыз нырба,
даргьы ашхәаҟәа ирыҟәтәаны Ааиса дрыҧшааua,
Кьефернаҳумҟа иааит.

25. Амшын нырцә уыи дынырба,
«Араа уынбааи ахьы-рҵаѡы?[1]» рҳәеит.
26. Ааиса уырҭ (арс) раҭаиҳәеит:
аиаша еиҵа иашах шәасҳәап:
Зеиҧшҟамлацқәа хьышәбаз азы акәым,
аха шәызхара ча хьышәфаз азы сшәыҧшааueит.
27. Шәыззыхандеиша нҵәара зқәу афатәы акәым,
ҧсра зқәым абзазара ауразаурау
иышәзынхаша афатәы шәазыхандеи.
Уыи ауаѡыхша ишәыиҵап.
Избан, Аб Анцәа уыи арыи дақәиҵитәыит.
28. Уысҟан Ааиса (уыс) иарҳәеит:
«Анцәа иуысқәа ҳауразы иыҟаҳҵарыи?»
29. Ааиса (арс) раҭаиҳәеит:
«Анцәа иааиышьҭыз дыхашәҵар
Анцәа иуыс уыи ауп».
30. Уысҟан уыи (арс) иарҳәеит:
«Иуыдбаланы уалахаҳҵартәы дыргас
иыҳуырбаои, иыҟаухҵаои?
31. Ҳабацәа акаѡараҷы амана[2] рфеит,
«ажәѡан ахьынтәы ача рыиҵеит иырфарцы»
ҳәа ашәҟы ишаныу аиҧшы».
32. Уысҟан Ааиса уырҭ (уыс) раиҳәеит:
«Аиаша иашах шәасҳәап шәара:
жәѡанынтәы ача Муса ишәыиымҵеит, аха
жәѡанынтәы ачаҵәеҟьа С'Аб ишәыиҵеит.
33. Избан, Анцәа иҷы жәѡанынтәы иылбааны
аҧсабара зрыҧьецао ауп».
34. (Убысҟан дар'гьы арс) иарҳәеит:
«Арыи ача иызқьынагьы иҳаҭала еи Ама!»
35. Ааисагьы уырҭ (уыс) раиҳәеит:
«Абзара ча сара сауп,
са сҷы иааиуа мла дакыуам,

[1] 6:25 Рабби арҵаѡы ҳәауп изыхиӡыу.
[2] 6:31. Амана Аиаҳудқәа рабацәа жәѡанынтәы Анцәа ирзылбааишьҭыз афатәы. Ҭыҵын 16:13-15. Исрааила иерфарцы Анцәа иырзылбааиышьҭыз афатәы. 6:31. Мезмур 78:24.

сыхазҵауа знымзарзны ʒба дакыуам.
36. Аха сара ишәасымҳәеи:
сыгьышәбеит, сыгьхашәҵауам.
37. Аб исыиҵаз зегьы сзаараны иыҟауп,
иысзааua аʒә'гьы дәылысцауам.
38. Избан; сара исыҵахыу акәым,
саазышьҵыз иыиҵахыу
аҟаҵаразы жәԥанынтәы сылбааит.
39. Саазышьҵыз Аб иыиҵахыугьы абрыи ауп:
Исыиҵаз аҟынтәы ак'гьы смырʒрауп;
Ашьҵахьʒаҽны иысыргылараup.
40. Избан, С'Аб иыиҵахыу абрыи ауп:
А'Ђа дыбаны иара дыхазҵалаак
наʒаʒатәыи бзара раура ауп.
Сар'гьы арс иыҟау ашьҵехьʒаҽны
дысрыбзахараны сыҟауп».
41. Убасҟан аиаҳудқәа,
«жәԥанынтәы иылбааз ача са сауп»
хьыиҳәаз азы иашшыуан:
42. Забыи заныи ҳдыруа,
Иасыф иҧа Ааиса иаумыи?
«Жәԥанынтәы сылбааит» шҧаиҳәауа?»
рҳәауан.
43. Ааиса цҳәатәы рыиҵеит (арс):
«Шәеидымашшылан,
44. Саазышьҵыз С'Аб дааиымгар
аʒә'гьы са сахь дызааиуам:
иысзааиуа шьҵахьʒаҽны дыгьсыргылаоит.
45. Аҧиаамбарцәа иышрықәԥыу ала:
зегьы Анцәа иыҟынтә амԥа рҵауеит
(убарс)
С'Аб иҟынтәы изаҳа иызҵаз
дарбанзуалаак са сҷы дааueит.
46. Аб аʒәымзараʒәы диымбацт,
Анцәа иҟынтә иааз азаҵәык

Аб дыибахьеит.
47. Аиаша еиҭа иашах шәасҳәауеит:
Схазҵауа мҧсыбзара иымауп.
48. Абзара ча сара сауп.
49. Шәабацәа акаѡараҷы амана рфеит, иыҧсыит.
50. Жәѡанынтәы иылбааз афатә абарс ауп:
Иызфао аӡәымзараӡәы дыҧсыуам.
51. Жәѡанынтәы арҧьацага
иылбааз ачаҧьа са сауп,
арыи ача аиуа аӡәы ифар
наӡаӡатәы бзара иаууеит:
ааи,
аҧсабара бзазара азы
ишәысҵао ача схаҵа сжьы ауп».
52. Уысҟан аиаҳудҟәа:
«Арыи ауаѡ иыҳфарцы ижьы шҧаиызҳаҵао?»
ҳәаны инеимарк ааимаркыит.
53. Уыи амшала Ааиса (уыс) раиҳәеит.
«Аиаша иашах шәасҳәауеит:
Ауаѡҧа ижьы шәымфар, ишьа шәымжәыр
ҧьацара шәылам.
54. Сара сжьы ыфаны сшьа зжәыз
наӡаӡа бзара иымауп.
сар'гьы шьҭехьӡаҷены дсыргылаоит.
55. Избан:
сжьы фатәыҵәеҟьауп,
сшьа жәтәыҵәеҟьауп.
56. Сжьы ыфа сшьа зжәыз сара дсылаҵәааоит,
сар'гьы иара сиылаҵәааоит.
57. Аб Абза са сшааиышьҭыз аиҧшы,
сар'гьы Аб иыла сшыбзау аиҧшы,
са сызфаогьы са сыла дыбзазааеуит.
58. Жәѡанынтәы иылбааз ача ари ауп.
Шәабацәа иырфаны иызгаз иаиҧшым;
Ари ача зфаз мҧсыбзара иаууеит».

59. Арҵ, Қьефернаҳумаа иынидиырҵауаз
асинагог аҷы иыиҳәаз рауп.
60. Имаҵаҧцәагьы иынраҳа,
шьардаѡы (арс) рҳәеит:
«Арыи ажәа хьынҵауп,
азыʒрыѡра зылшаода?»
61. Аха Ааиса:
имаҵаҧацәа рыҟәындшәындра гәыла идырын
«Арыи шәара шәшьақәнаҟьауама? (иҳәеит),
62. Ауаѡҧа ҧхьа дыхьыҟаз дхалауа шәбар нас?
63. Рыҧьацагас иыҟау ҧсыуп,
цәеижьыи уыи алшауам;
сара шәара ишәасҳәаҟәаз
ажәаҟәа ҧсыуп, бзазарауп.
64. Аха, хамҵацәак шәылауп» иҳәеит.
Избан, Ааиса,
ахамҵацәаи дызнаҧхашаи заа идыруан.
65. Арсгьы наиҳәеит:
«Аб даҟәыҵиымтәыкәа
аʒә'гьы са сахь дызааиуам
ҳәа зышәасҳәаз убрыи ауп».
66. Уыи амшала имаҵаҧцәа рҟынтә шьардаѡы
шьҵа иыцрыҵын иыцныҟәаомызт.
67. Уысҟан Ааиса ажәаѡаа рзы:
«Шәар'гьы ацара шәҵахыу?» иҳәеит.
68. Зусҳан Ахра уыи иаҵаиҳәеит:
«Зҷы ҳцарыда Ама?
Мҧсыбзара ажәа зҷау уара ауп.
69. Анцәа имысиа цкьа
шуакәу ҳдырт, иыхаҳҵауеит».
70. Ааиса уырҵ (арс) цҳәатә рыиҵеит:
«Ажәаѡаа са шәалсымҧшааи?
Уырс шакәугьы шәыуа аʒәы даѡысҵааup».
71. Арыи ззыиҳәаз Искариоттәы
Симон иҧа Иуда иакәын.

Избан, Ааиса дыдзыркышаз,
Ажәаҩаа рҟынтәы уыи иакәын.

7. НТӘЫИ АХАРА:

1. Арҵқәа рышьҭахь Ааиса,
Галила дыҟан;
аиаҳудқәа иышьра иашьҭан,
уыи амшала Иаҳудтәылан
аҟазаара иҭахымызт.
2. Аиаҳуд қала ныҳәамш ааигәан.
3. Иашьцәа иара (уыс) иарҳәеит:
«Араа уалҵны Иаҳудтәыла уца,
уматҵаҧцәагьы иыҟаутҵао рбааит.
4. Избан,
Ҿырдырра зҭахыу маʒа уыс иуам;
арҵ ауысқәа ҟаутҵаозар
дгьылтәылан уыҽдырба».
5. Иашьцәатҵәаҟьа дхарҵаомызт
азы ауп уыс зырҳәа.
6. Уысҟан Ааиса (уыс) раиҳәеит:
«Са саамҵа маист макьана; аха,
иызқьынагьы шәара шәзы аамҵауп;
7. Дыгьылтәылан шәа шәацәымҧым,
аха сара сацәымҧыуп.
Избан, иалау ацәгьарақәа
реиҭаҳәара са саҿыуп:
8. Ари аныҳәамш шәа шәазца,
макьана уахь сара сцаом;
избан, саамҵа маацт макьана»,
9. Галиле даанхаит уырҵ ҳәаны.
10. Аха иашьцәа нца ашьҭахь иар'гьы
аныҳәамш ахь иыҽемырʒа дцеит.
11. Аиаҳудқәагьы аныҳәамш аҿы,
дабаҟаушь ҳәа изыҧшааиан.

12. Уҳәансҳәан рацәагьы ихырҳәааоуан:
ԥьаукы «Ауаа мѡахыиԥьеот» рҳәааоуан,
ԥьаук'гьы «Дуаѡ иашауп» рҳәааоуан,
13. аха аиаҳудԥәа ирыцәшәаны
аӡә'гьы аргама дыиызҳәааомызт.
14. Аныҳәамш абжьараны
Ааиса аныха дынҵаланы
артцара шьҵа дналагауан.
15. Аиаҳудԥәа дԥьашьа арсгьы рҳәааоуан:
«Иара ѡыра иымҵацкәа арс иышԥаидыруа?»
16. Ааисагьы (уыс) раҵаиҳәааоуан:
«Иыдсыртцауа са иыстәым,
аха саазышьҵыз итәыуп.
17. Иҳәа аура иҵаххар аӡәы,
абарҵ атцахьаԥәагьы
зажәау Анцәа иаума,
сара схы иҵысҳәааоуама
еилыикаараны дыԥкауп.
18. Зхы иҵызҳәааоуа хы рдуура дашьҵауп,
даазышьҵыз идуура зҳәааоуа
дыиашаӡауп, мыц иылаӡам.
19. Муса ахьыӡба шәыиымҵаззыи?
аӡә'гьы уыи ахьыӡба шәаным;
сышьра шәзашьҵау иауазыи?»
20. Изаҳазгьы: «Укыԥкыит уара,
уышьра иашьҵау дарбан иара?»
ҳәа цыҳәатә наиырҵеит.
21. Ааисагьы цҳәатәыс (уыс) раиҳәеит:
«Сара акы ԥасцан зегьы иԥьашәшьеит;
22. Хатца ԥхашьара ацәа мыцхәы
амсаара шәзаԥыитцеит Муса,
- Иаԥызтцаз уыи иакәымкәа
жәытәтәыи абацәа рауп. –
шәар'гьы асабша иамышәсааоуеит.
23. Муса ихьыӡба еиламгаразы,
амсаара асабшаҽны накәха,

днеиҧынкыла гәыбзыиара
асабшаҽны аӡәы иыниысҭа
шәызсызгәааузыи сара?
24.Ҩаҧшырала шәымыӡбан,
Қыиарала шәыӡбала!»
25. Уысҟан Иерусалимаа
рыуа ҵьаукы (арс) рҳәеит:
«Зышьра иашьҭаз арыи иаумыи?
26. Абар аргама иҳәауеитеи,
дар'гьы акымзарак рҳәаомеи:
ахылаҧшцәа арыи
Амысиа ихаҭа иакәны рдыртцәеҟьамеишь?
27. Ҳарҭ иыҳдыруеит дыхьынтә аа арыи,
аха Амысиа данаалаак уыи
дахьынтә аа аӡә'гьы иыздыршам»
28. Ааисагьы аныхаҽы рҭара хьиуа,
бжьы рдыула (арс) иҳәауан:
«Сар'гьы сышәдыруеит,
сахьы аиуаугьы шәдыруеит;
схалагьы смааит
аха саазышьҭыз дҭабыргыуп,
шәара уыи дшәыздыруам;
29. Сара иара дысдыруеит,
избан, сара иара сыиҟынтәыуп,
сара иара сааиышьҭыит».
30. Арыи азы иыкра рҭаххаит,
аха аӡә'гьы дзыихьымсыит;
иаамҭа мааицызт макьана азы.
31. Ауаа ӡәырԥы дыхарҭан,
«Амысиа даар арыи иыҟаиҭао
аиҳа зеиҧшҟамлац ҟаиҭаома?» рҳәаон.
32. Ауаа уыи арс шыихырҳәааua
афарисцәа ираҳан,
аҳаҳам еиҳабацәеи афарисцәеи
уыи дыддыркразы акцәагьы иышьҭарҭеит.
33. Ааисагьы (абарс) иҳәеит:

«Макьана ҧытҩрак шәа сшәылауп,
нас саазышьҭыз иахь сцауеит;
34. Шәысзыҧшааргьы сышәбарым,
сахьыԥкаугьы шәызнеирым».
35. Уысԥан аиаҳудқәа (арс) неибырҳәеит:
«Арыи дахьыҳамбара
дыхьцаша абакәхара,
Иунантәылан иыҧсаԥьа
иалаҧсау рахь дыцаны
уаатәыиқәа иыдиырҭцашау?
36. «Шәысзыҧшааргьы сышәбарым
сахьыԥкаугьы шәызнеирым»
ҳәа иыиҳәаз зеиҧш ажәаузыи?»
37. Аныҳәамш анҭәамҭа аҽны дыу
Ааиса дааҭгыл иыбжьы рдыу
«Аӡәыр аӡба дакызар
са сҽы дааины аӡы ижәааит!»
38. Дарбанзалаак схазҭауа,
ашәԥы уыи шаҳәаз ала
рҧьацага ӡы иыҧраҽҽеит!»
39. Дыхазҭауа иырауша
аҧсы ауп арыи зхыиҳәаазгьы;
избан,
макьана ҧсы (цқьа) рмауцызт.
Избан Ааиса макьане дыура имауцызт.
40. Ажәлара рԥынтәы ҵьаукы арҭ ажәаԥәа
нраҳа, «Уыи аҧиаамбар арыи
иакә ҭәаԥьауп» рҳәауан.
41. Ҽа ҵьаукыгьы «Амысиа
арыи иауп» рҳәауан.
Агьырҭгьы «Амысиа Галилентә
дааума?» рҳәауан.
42. Ашәԥы иамҳәеи:
«Амысиа, Дауыҭ иышьҭра дахылҭуеит;
Дауыҭ икыҭ хьыԥау Беиҭлеҳемнтәы дааueит.[1*]

[1] 7:42. 2. Самуел 7:12.; Мика 5:2.

43. Убарс Ааиса иымшала
ауаа ҿак ҿак иеицәыхҽьеит:
44. Рыуа ҵьаукы дыркыр рҵаххаит.
аха аҳә'гьы дызыикьымсыит.
45. Аҳаҳам еиҳабацәаи афарисцәаи
дара рҷы ауысбаѡцәа наа,
«Дызаашәымгазыи?» ҳәа
ауысбаѡцәа иынразҵаа;
46. Ауысбаѡцәа (уыс) рҳәеит:
«Знымзарзны арыи иеиҧшы
аҳәымзараҳәы иымҳәацт!»
47. Афарисцәагьы (уыс) рҳәеит:
«Шәар'гьы шәымѡахҽьеит акәу?
48. Афарисцәаи ма аиҳабацәеи
рыуа аҳәы уыи дыхаиҵау?
49. Аха ахьыҳба ззымдыруа
арҵ ажәлар шәыиыуп» рҳәеит.
50. Ааиса рагҧхье дызбахьаз,
Дара ирыуаз Никодим
дара (абарс) раиҳәеит:
51. «Ҧхьа иара изымҳырѡыкәа,
иыҽкаиҵауа рымбакәа,
аҳәы ҳхьыҳба даҳбарыу?»
52. Уыигьы цҳәатәыс (арс) иарҳәеит:
Мау уар'гьы у'Галилетәыу?
Иыҵҵаа, уагҧшы, Галиле ҧиаамбар далҵуам».
53. Иыгьынеимлыст рыѡнқәа рахь.

8. НТӘЫИ АХАРА:

1. Ааисагьы Азеиҵынра ахәы ахьы дцеит.
2. Ашьыжьымҵанҳа аныха ахь даахт;
Ауаа зегьы иыдеизалахт,
дтәаны кырдырҵара даҷын.

3. Ашәҟҟазацәаи[1*] афарисцәаигьы
калҭаҟышьрак иаҟәркыз ҧхәыскы
дааганы агәҭа дҭаргыланы
4. иара (уыс) наиарҳәеит:
«Арҭаԥы!
Арыи аҧхәыс калҭаҟьышьрак дақәыркыит:
5. Аиҧшы зуа анаршә раргара
Муса ихьыӡба иҳақәнаҭеит;[2]
уар'гьы арыи иахыуҳәаауеи?»
6. Аа иса хара иыҟәҭара ҧыршәаразы
арыи рҳәеит, аха Аа иса длаҟәны
имацәала анышә иыԥуан.
7. Иазҭаара ианаҟәымҭы иҽыԥеиҭыхны
уыс иҳәеит: «Шәыуа гәрыҧса змырҳаӡац
шәаҧхьа анаршә лгәыдиҭааит».
8. Длаҟәны анышә иԥыхуан.
9. Арыи нраҳа иыҧхашьан,
ҧхьа аиҳабацәа, нас аиҭбацәа
аӡәаӡәала инаиҧырҭын
Аа иса иымала даанрыжьт:
аҧхәысгьы агәы дааҭахаит.
10. Аа иса ихы ԥышьҭыихын лыда
уаԥы даныиымба,
аҧхәыс арс налаиҳәеит:
«Иыбзашшыз абаау бара,
хара аӡә'гьы ибыҟәиымҭаӡеи?»
11. «Мамау, аӡә'гьы, еи Ама!»
ҳәа нынаиалҳәа Аа иса,
«Сар'гьы ӡба быҟәысҭауам;
бца, шьҭа гәрыҧса бмырҳахын»
ҳәа налаиҳәеит иара.[3]
12. Убрыи ашьҭахьгьы Аа иса арс раиҳәахт:

---

[1] Ашәҟҟазацәа – акьыҧхьереҟәа рыхԥаалаԥцәа, **рнардыр** неиҭцыхны изыҧшааua, иныҟәызцао аҧхьаԥцәа.

[2] 8:5. Левиаа 20:10. Аԥбатәра 22:22.

[3] 8:11. Ажәытә ԥымҭаҟәа реиҳара рҽы 7:53 аҟынтәи 8:11 аҭыхәанӡатәыи алам, иызлау аԥымҭаҟәагьы дара дара еиҟәшәаот.

«Сара аҿсабара салашарауп,
сымԥа иԛәу хәлакыуам.
иыбзанҵыра лашауеит!
13. Афарисцәа (уыс) иарҳәеит:
«Ухы уара иаԛәуыриашаит,
Уԛәыриашара хаҵатәым!»
14. Ааиса цҳәатәыс (арс) раиҳәеит:
«Схы иаԛәсыриашазаргьы
сԛәыриашара хаҵатәыуп:
Избан сара,
сахьыӡтә 'аазгьы сахь'цаогьы
сдыруеит аха шәара
сахьыӡтә аазгьы шәыздыруам,
сахь сауагьы шәыздыруам.
15. Шәыла дшабауала
уаԥы дшәыӡбауеит шәара,
аӡәгьы дысыӡбауам сара.
16. Аӡәы дынасыӡбаргьы сыӡбара иашоуп сара;
избан, сымала сакәымкәа,
сараи саазышьҭыз Абыи
(ҳаӡбара еимадауп азы)
17. Ԥыцьа зԛәыриашԥхаз шхаҵатәыу
шәара шәыхьыӡба гьы ашәҟы ианнаҵеит.[1*]
18. Сара схы қәыриашара азысхауеит.
саазышьҭыз Абгьы дсыԛәыриашауеит.
19. Усҟан, «У'Аб дабаҟау?» рҳәеит.
Ааисагьы (аус) цыҳәатә рыиҭеит:
«Шәара сар'гьы сышәыздыррым,
С'Абгьы дышәыздыррым,
сышәдырында дышәдыррын».
20. Ааиса Аныхаҷы ҵатәы ныдиырҵаоз,
аҿара еизгарҭа ааигәаран арҭ иҳәеит.
Уи аӡәгьы дыиымкыит.
Избан макьана аамҭа мааицызт.
21. Ааиса иеиҭанараиҳәахт:

[1] 8:17. Аԥбатәыра 17:6; 19:15.

«Сара сышәҧыртҵуеит аха,
шәысзыҧшаараны шәыҟауп,
шәыгәрыҧсагьы шәалаҧшып,
са сыхьцаогьы шәызнеирым».
22.Уысҟан аиаҳудқәа (арс) рҳәеит:
«Сыхьцаогьы шәызнеиуам зыиҳәаои, иҽыишьышау?»
23. (Арс) раиҳәахт:
«Шәара шәҵаҟатәилантәыуп,
сара сыхыхьтәылантәыуп,
арыи адгьылтәылан
иатәыу шәа шәауп, са сатәым;
24. Убрыи амшала ауп сара
«шәыгәырыҧсагьы шәалаҧсып»
ҳәа зышәасҳәа. Избан,
сара уыи шысакәу хашәымҵар
шәыгәрыҧса шәалаҧсыуеит».
25. Уысҟан, «Уа узакәыда?» рҳәеит.
Ааисагьы (уыс) нараиҳәеит:
«Ҧхьанатә иыҟау аӡәы ҳәа
зытәқәа шәасҳәац схаҵа сауп;
26. Шәара иышәзысҳәаша,
ишәықәыӡбатәыу, ишәаҳәатәыу
шьарда сымауп,
саазышьҭыз дҵабыргыуп,
уыи иҟынтәы исаҳаз рауп
Аҧсабаран иысҳәауа».
27. Аб иыхҳәааны ираиҳәаҟәаз
дара иыгьырзеилымкааит.
28. Уыи амшала Ааиса (арс) иҳәеит:
«Ауаѡҧа дынѡышьҭышәхылаак
уыи сара шсакәыу шәдырп,
схала акгьы шыҟасымҵа,
аха Аб ишысиырбаз ала
абарҭ шеиҵасҳәа шәдырп.
29. Саазышьҭыз дсыдгылаѡыуп,
сгәыгҵаимыжьыит уыи сара;

избан, ианакәзалаак сара
уыи игәаҧхао ҟасҵауеит».
30. Арҵ ныиҳәа шьардаѡ дхарҵеит.
31. Уысҟан Ааиса:
дыхазҵаз аиаҳудаҟәа
«Сара сҳәахье шәыҟәымҵыр
шәысмаҵаҧаҵәеҟьахаит.
32. Аиаша шәдырра шәыҟауп,
аиашагьы хаҟәиҵра
шәнаҵара иыҟауп
ҳәа раиҳәеит.
33. Уыи цыҳәатәыс (арс) иарҳәеит:
«Ҳара Ибраҳим иышьҵра ҳауп,
знымзарзны аӡәы ҳаитәымхацт;
«Хаҟәиҵра шәауп» шҧауҳәао?»
34. Ааиса уырҵ (арс) цҳәатә рыиҵеит:
«Аиаша иашах шәасҳәап:
Гәырыҧса зырҳаз дарбанзалаак
дытәыуп; гәырыҧса датәыуп.
35. Ҭәы аѡны дыѡнам наӡаӡа,
аҧа дыѡнауп наӡаӡа.
36. Уи азы, хаҟәиҵра Аҧа иышәыиҵар
шәхы шәаҟәиҵҵәаҟьахауеит.
37. Ибраҳим шәиышьҵрауп, ҵауп;
аха са сышьра шәашьҵауп,
сажәа шәылаӡаом азы.
38. Са С'Аб иҽы иысбаз сҳәаоит,
шәа шәаб иҽы иышәбаз шәҳәаоит».
39. Уырҵ цыҳәатәы иыҵаны:
«Ҳаб Ибаҳим иауп» рҳәеит.
Ааиса уырҵ (арс) раиҳәеит:
«Ибраҳим шәыичҟәынцәанда
Ибраҳим иыиуаз шәыуларын;
40. Аха, Анцәа иҟынтәы исаҳаз
аиаша шәазҳәаз ауаѡ (сара)
Сышьра шәашьҵауп уажәы шәара;

Ибраҳим арс ҟаиымҵеит.
41. Шәаб иыиуаз шәыуеит шәара».
(Уысҟан) «Ҳцәыбза хшам ҳара,
аʒәы иауп абыс иҳамау,
уыигьы Анцәа иауп» рҳәеит.
42. Ааисагьы уырҵ (уыс) раиҳәеит:
«Анцәа шәара дшәабында,
сара бзыиа сышәбарын;
Избан,
Сара Анцәа сыихылҵны сааит,
Избан:
Иа сааиышьҭыит, схала смааит.
43. Иысҳәао зышәзеилымкааузыи?
Избан: сажәа аҳара шәзычҳауам.
44. Шәаб Иблыс шәиыуауп шәарҵ,
шәаб иыгҩсы иаҵахыу
ракәыуп зыҟаҵара шәҵахыу;
уыи аханатә дмаҳаген:
Аиашара даламҳәыит,
иашара иылам азы;
Амцы ныиҳәао ихатәы иҳәаоит,
иара дмыцҳәаѡыуп азы,
амц аб иара иауп азы.
45. Аха сара схашәҵауам,
аиаша сҳәауеит азы:
46. Шәыуа дзакәыда иара
гәырыгҩса сыдны аазыргҩшыуа?
аиаша сҳәазар сара
иауеи сызхашәымҵауа?
47. Анцәа иҟынтәыу Анцәа иҳәа
дазыʒрыѡуеит: шәарҵ шәы'Анцәа
иҟынтәым азы шәазыʒрыѡуам».
48. Аиаҳудҟәа (арс) цҳәатә иырҵеит:
«У'Самариатәыуп, укаҷкыуп,
ҳәа иыҳҳәаз ҵабыргыумыи?»
49. Ааиса цҳәатәыс (арс) раиҳәеит:

«Скаҷкым сара: аха, С'Аб
ҩхадыу иықәысҵауеит, шәаргьы сара
сатәамбакәа сышәшьахуеит.
50. Ҿырдуура сашьҭам,
Аха уыи иашьҭазбауа дыҟауп.
51. Аиаша иашах шәасҳәап:
Са'жәа гәнызкылауа ҩсра рықәым назаза».
52. Аиаҳудқәа (уыс) иарҳәеит:
«Уышыкаҷкыу шьҭа иыҳдырт:
Ибраҳимгьы дыгҩсыуа,
аҩиаамбарцәагьы ҩсыуа,
уара «Са'жәа гәнызкылао
ҩсра рықәым» шгҩауҳәауа?
53. Зыгҩсаҭа бзыиахаша
ҳаб Ибраҳим уиаиҳаума?
Аҩиаамбарцәагьы ҩсыитеи
уа ухы закәу ҵьыушьауеи?»
54. Ааиса цҳәатәыс (арс иҳәеит):
«Сара сыҿыгҩхылсдар
сҿыгҩхылдара зыгҩсаузыи?
С'Аб иауп сыгҩхылздауа,
шәарҭ: «Уыи ҳ'Анцәа иауп» шәҳәаоит.
55. Дыгьшәыздыруам уыи шәара,
аха дысдыруеит сара;
«Дысыздыруам» сҳәар
шәара шәеигҩш смыцҳәаѡхауеит:
Ааи, сара уыи дысдыруеит,
иажәагьы гәныскылауеит.
56. Шәаб Ибраҳим са саамҭа
абаразы дыгәаҟуан,
ибеит, дыгьаигәырҧьеит».
57. Аиаҳудқәагьы (уыс) иарҳәеит:
«Уынѡажәеижәаба шукса
макьана иыухымҵыцкәа
Ибраҳимгьы дыубау нас?»
58. Ааиса (арс) раиҳәеит:

«Аиаша иашах шәасҳәауеит:
Ибраҳим дыҟалаанӡа
аҧхьа аахыс сыҟауп сара».
59. Уысҟан игәдрҵарцы
ахаҳә наршәқәа аашьҭырхыит,
аха Ааиса,
иыхы рцәыхьча днарылсын
аныха дынҭытҵны дцеит.

9. НТӘЫИ АХАРА:

1. Дыгьшыиысуаз илашәны ииыз аӡәы дыибеит.
2. Иматҵаҧацәа:
«Рабби![1*] арыи длашәны иыира зыхҟьаз
ма иа иырҳаз ма дзыхшаз идырҳаз
гәыргҧсак акәыушь?» ҳәа иазҵааит.
3. Ааиса цҳәатәыс (уыс) раиҳәеит:
«Иаргьы гәырыгҧса иымырҳаит,
дзыхшазгьы гәырыгҧса дмырҳаит;
аха Анцәа иуыс иныгҧшырцы (арс дыиыит),
4. Саазышьҭыз иуысҟәа ҽынла иҟаҳҵалараup,
уахынла аӡәымзараӡәы уыс изыҟаҵауам;
5. Сара аҧсабара саннаҵы
сыла аҧсабар лашараup».
6. Ааиса арҭ ныиҳәа дылкажьцәан
иыжьцәа ала анышә ааирышьшьын
алашә иыла инахьыишьыит;
7. «Силоам аӡҭаларҭан уцаны уҽыкәаба
ҳәагьы наиаиҳәеит; (Силоам шьҭхьа ҳәауп),
Иаргьы дцаны иҽыикәабеит,
иыла иабао иҟаланы даахынҳәыит.
8. Уысҟан игәылацәагьы,
дышылашәыз здыруазгьы
«Арыи дтәаны иаҳәауаз

[1] 9:2. Рабби арҵаҽы ҳәауп иызехиӡыу.

алашә иакәҙамыи?» рҳәеит.
9. Ԥьаукы «Арыи иауп» рҳәеит,
ԥьаукы «Уыи диаиԥшыуп» рҳәеит,
иара «Сара сауп» иҳәеит.
10. «Уылаԛәа шԥахты?» ҳәа иазҵааит уысҟан.
11. Уыи цҳәатәы рыҵаны:
«Ааиса ҳәа аҙәы анышә рышьшьыны
сылаԛәа инархьыишьын,
«Силоам уҵаланы ҵеыкәаба» ҳәагьы саиҳәан,
саргьы сцаны ҵеыскәабан, сылаԛәа аахтыит»
иҳәеит.
12. «Дабаҟау уыи?» рҳәан, «Сыздырам» иҳәеит.
13. Зны иылашәыз уыи, афарисцәа рԛы дыргаит.
14. Ааиса анышә рышьшьы иыла иахьышьны
убрыи иыла нхыит, аҵены сабышан.
15. Афарисцәа дырԝагьых «Уылаԛәа шԥахты?» ҳәа
иеиҵаиазҵаахын, иаргьы
«Анышә рышьшьы сыла иахьыишьт,
ҵеыскәабеит, сыла аахтыит»
ҳәа раиҳәеит.
16. Уыи амшала афарисцәа рыуа ԥьаукы:
«Арыи ауаԝ д'Анцәа иҟынтәым;
избан асабша ҵены уанашәаигаот»:
агьырҵ: «Гәырыԥса зԛәыу ауаԝы,
зеиԥшҟамлацԛәа арыи иаҟара
иышԥаизыҟаҵауа?» рҳәеит;
абасала, рҳәа еиԛәымшәеит.
17. Уысҟан алашә иеиҵаиазҵаахт:
«Уыла хызтыз уыи изы уа иыуҳәаозыи?»
ҳәа; уыигьы: «Ды'ԥиаамбаруп» иҳәеит.
18. Аха аиаҳудԛәа уыи длашәны иыла шыхтыз
ианыи иабыи ирыԥхьаны иааиаанҙа ихарымҵеит.
19. Уырҵ (арс) иразҵааит:
«Длашәны диыит зышәҳәаз шәара арыи иаума?
уыс акәзар уажәы иышԥаибауа?»
20. Ианыи иабыи (уыс) рҳәеит:

«Арыи ҳара ҳаҷкәын иауп,
длашәны дшыиыз ҳдыруеит,
21. аха уажәы кыр шыибао ҳаздырам,
иыла хызтызгьы дҳаздырам;
иықәра наʒауп иа шәиазҵаа,
ихы иара иеиҵаиҳәааит».
22. Ианыи иабыи арҵ зырҳәаз
аиаҳудқәа ирыцәшәаны акәын:
избан «Амысиа уыи иауп» зҳәао
асинагог дҵырцао ҧҽахьа рыман аиаҳудқәа.
23. Уыи амшала ианыи иабыи
«Иықәра наʒауп, иа шәиазҵаа» рҳәеит.
24. Нас, ҧхьа длашәны нас зла хтыз
дырԥагьых иааиыҧхьаны:
«Анцәа ҵьышьаныҳәа изыҽатҵа
уыи ауаԥы гәырыҧса шиықәу ҳдыруеит»
иарҳәеит.
25. Уыигьы (уыс) раҵаиҳәеит:
«Уыи гәрыҧса иықәу иықәмуу сыздырам,
акы сдыруеит сара:
Слашәын, уажәы иысбауеит».
26. «Иыузыҽаитҵеи уара, уылаҟәа шҧахыитыи?»
ҳәагьы иеиҵаиазҵаахт.
27. Иара цҳәатәыс (арс) раиҳәеит:
«Уажәы ишәасҳәан шәымʒырԥыит,
иеиҵашәасҳәар зышәҵахыи?
Мамзар шәаргьы шәашьҵаума
шәыиматҵаҧахараны?»
28. Даргьы (арс) иԥаиықәыҳәҳәеит:
«Уыи иматҵаҧа уара ууп,
ҳарҵ Муса иматҵаҧцәа ҳауп!
29. Анцәа Муса кры шиаиҳәаз
ҳара иыҳдыруеит, аха
арыи дахьатәыиыу ҳаздырам».
30. Иара цҳәатәыс (уыс) раиҳәеит:
«Арыи ҵьашьахәак алауп:

Шәара дахьатәыиыу шәыздырам,
иара иакәзар сыла ааирыҿшыит.
31. Анцәа гәырыҿса зкәу рҳәа
дшазымзрыѡуа ҳдыруеит.
Аха, аҳәы Анцәа диаихырхәао
Анцәа иыиҵахыу ҟаиҵар
уыи иҳәа Анцәа дазыҳрыѡуеит.
32. Илашәны ииыз иылаԛәа аҳәы ихыитыуа
знымзарзны аҳәымзараҳәы имаҳацт.
33. Арыи д'Анцәа иҟынтәымзар
акымзарак иылшаомызт».
34. Дара цҳәатәыс (уыс) иарҳәеит:
«Ушынеимау гәырыҿса уалиааны
уаргьы кры ҳуырҵашама?»
(Уысгьа ҳәа) дыгьынадәылырцеит.
35. Дышдәылрцаз Ааиса иаҳан,
дыбаны, «Ауаѡҿа дхауҵаома?» иҳәеит.
36. Иара цҳәатәыс (арс) дыҵааит:
«Ама, дарбан ихазҵаша?»
36.Ааисагьы уыи (арс) иаҵаиҳәеит:
«Дагьыубеит, иуацәажәаогьы иара иауп».
38. Уыигьы, «Дхасҵеит Ама!»
ҳәа длаиаихырхәаит.
39. Ааисагьы уыи (уыс) иаиҳәеит:
«Ари аҿсабара сара ҳба ныҟәгара
санылаит, изымбауа иырбарцы,
иызбауа лашәхарцы».
40. Иымҿан иҟаз афарисцәа
рыуа ԛьаукы уырҵ нраҳа,
«Ҳаргьы ҳлашәыу нас?» рҳәеит.
41. Ааиса уырҵ:
«Шәылашәында гәырыҿса шәыԛәмызт,
аха уажәы «иыҳбаоит» шәҳәааоит,
уыи амшала шәыгәырыҿсаԛәа
шшәыкәу ишәыԛәхаит» ҳәа раиҳәеит.

10. НТӘЫИ АХАРА:

1. Аиаша иашах шәасҳәауеит:
«Ауасаҭра шәла дҭамлакәа
ҿаԥьарала иҭалауа,
ма дыԥьычѡыуп ма дырҳәѡыуп;
2. аха шәла иҭалауа,
ауасаԛәа рыхьча иауп.
3. Ашә'хьча ашә изаиыртуеит,
иыбжьы ауасаԛәа ираҳауеит:
иаргьы, иуасаԛәа хьӡы хьӡыла
дырыԥхьауа идәылигауеит.
4. Иа иуасаԛәа нҭыигалаак
рагҵхьа дгыла дныҟәауеит,
иыбжьы рдыруеит азыҳәа
иуасаԛәагьы иыццауеит.
5. Тәым иыццауам иыцәцауеит,
иыбжьы хьырзымдыруазы».
6. Ааиса арыи ажәаԥҟа иҳәеит
аха да иырзеилымкааит.
7. Ааиса гьы уырҭ (арс) еиҭа раиҳәахт:
«Ииаша иаша ишәасҳәауеит:
Ауасаԛәа рышә са сауп.
8. Саԥхьа иаахьау иыззегьы
иԥьычыѡцәан, иеимҭәаѡцәан,
аха ауасаԛәа рзымӡырѡыит.
9. Са сшәыуп азы исылаҭалао дшьаԛәхауеит:
дыҭалауеит, дыҭытцуеит, ҳәырҭагьы иауеит.
10. Аԥьыч, ԥьычраи шьраи ҭархараи рзы мацара
дааueит. Сара, бзазара рԥьацареи
агьеиԥьытәреи рзы сааит.
11. Сыхьча бзыиауп сара:
Ахьча бзыиа иырахә ихы рыхҭныитцауеит.
12. Аха; зырахә зхатәымкәа,
хьчаԥсала икыу аӡәы аԛәыцьма ааиуа ибар,
иуасаԛәа итәым азы иазныжьны дацәцауеит.

Ақәыцьмагьы уырҵ ацҟьеоит, иагаоит.
13. Ааи; хьчаҧсала дкыуп, ауасаҟәа игәырԥаӡам.
14. Сара сыхьча бзыиауп, сзыхьчау сдыруеит,
(Иысыхьчао) даргьы сара сырдыруеит.
15. Аб сшыидыруа, саргьы иара дшысдыруа
аиҧш, сара стәыҟәагьы сара сырдыруеит,
сыуасаҟәа схы рыхҵыныстҵауеит.
16. Арыи ауасаҵра зыҵрам
даҽа уасаҟәак сымауп,
уырҵгьы аасгарауп, сыбжьы раҳап,
рахә еизакыи хьча заҵәыихап.
17. Сыҧсы и'еиҵа схаларатәы
иыхьрыхҵыныстҵауа азы
С'Аб бызыиа сыибауеит.
18. Уыи (сыҧсы) аӡәгьы иызсымыхуам,
аха схала ирыстҵауеит;
ирыстҵаранымгьы, ирымысхыранымгьы саҟәиҵуп арс ауп
С'Аб иысуыситәыит».
19. Арҵ иыиҳәаҟәаз рымшала
аиаҳудҟәа рҳәа еиҟәымшәахт:
20. Рыуа шьардаԥы (уыс) рҳәауан:
«Дкаҷкыуп, дхагауп, шәзыизыӡрыԥуеи?»
21. Даҽа ҵьаук'гьы (уыс) рҳәауан:
«Арҵ икаҷкыу аӡәы иажәам,
алашәҟәа рылаҟәа ахтыра
аҟаҷыиа иылшауама?»
22. Иерусалим аныха аҵәымҵа
адныҳәалара мшы ҟалеит. Ҕыҵан иаамҵан:
23. Ааисагьы аныхаҷы
Сулеиман ибарҵаҷы длеиԥеиуан.
24. Аиаҳудҟәа ааиыкәыҧҧашан (уыс) иарҳәеит:
«Ҳгәы еилаҧшыуа арс ҳабанӡануы жьуа?
Амысиа уакәзар аргама иҳаҳәа».
25. Ааиса (арс) цыҳәатә рыиҵеит:
«Ишәасҳәеит, иыгьхашәҵауам;
С'Аб иыхьӡала иыҟасҵао ауысҟәа

сара сзы қәыриашара ҟарҵауеит,
26. аха шәара ихашәҵауам,
суасақәа шәрыуам азы.
27. Сыбжьы раҳаоит суасақәа,
саргьы дара сыдыруеит,
даргьы сышьҭаны иааueит.
28. Саргьы уырҵ ирысҵауеит
наӡаӡа ҧсҵазаара;
знымзарзны иҵахауам,
аӡәгьы дара сымыиҧааueам.
29. Убарҵ сара исызҵаз С'Аб,
зегь' реиҳаӡа идыуыу иауп.
Уырҵ С'Аб иымҟыҵҧаара
аӡәымзараӡәы иылшауам.
30. Сараи Абыи ҳаизакыуп».
31. Уысҟан аиаҳудқәа дырԥегь'
иара игәдрҵарацы
ахахәқәа еиҵаԥышьҭырхыхт.
32. Аaиса цҳәатәыс (уыс) раиҳәеит:
«Аб иҟынтә уыс бзыиа,
ирацәаны иышәсырбеит;
уырҵ рыуа сзыхшәырҟьеозыи
ахаҳә сгәыдшәҵарацы?»
33. Аиаҳудқәа цҳәатә иыҵаны:
«Ахахә зыугәдҳҵауа
уыс бзыиа уахырҟьаны акәым,
Анцәа иаҵәам хьыуҳәауеи
уа ууаԥны ухы хь'Анцәаутәыуаи
рзы ахаҳә уааҳырхаоит» рҳәеит.
34. Аaиса цҳәатәыс (арс) раиҳәеит:
«Шәара шәынцәақәауп сҳәеит[1*]
ҳәа шәхьыӡбаҷы иыԥыумыи?
35. Анцәа иажәа ззааз рзы «анцәақәа»
шыиәҷаз ала, (Анцәахье шәҟы еилагауам).
36. «Анцәа сыиҧауп» хьысҳәаз азы,

[1] 10:34. Мезмур 82:6.

Анцәа ихы садкыланы аҧсабара
ианыиҵаз сара, Анцәа
дсырԥьаны шҧашәхәара?
37. С'Аб иуысқәа сымуазар
сыхашәымҵан,
38. Аха, ишысуагьы схашәымҵар
ма уырҳ ауысқәа хашәҵа;
Аб сара дышсылаҵәау,
сара Аб сышиылаҵәау
(Абыи сараи ҳшеилаҵәау)
убасала иеилышәкаап».
39. Ааиса иыкыра иашьҵалахт,
аха иара дырыцәыцахт.
40. Ааиса Иордан анырцәтәыи,
ҧаса Иаҳиа дыхьнаҳуаз
дыцаны уаа даагылаит.
41. Уаагьы иа иҿы шьардаѡы ааит,
арсгьы иылацәажәауан:
«Иаҳиа иагьыҟаиымҵеит
зеиҧшҟамлацык аха
Иаҳиа арыи иызыиҳәаз
ҵабыргықәа ҵәеҟьентәеишь!»
42. Дыгьхарҵеит уаа шьардаѡык.

11. НТӘЫИ АХАРА:

1. Беиҳаниатәы Мариамыи
лахьшьа Марҳаи рықыҳан
Лазар ҳәа аӡәы дычмазаѡын.
2. Ама афѡы хаа иыхьышьны
зыхцәала ишьапы зырбаз
Мариамгьы арыи лакәын.
Лазар аѡ'еихьшьцәа драшьан.
3. Аѡ еихьшьцәа Ааиса иахь:
«Ама! уыуа дычмазаѡыуп араа»

ҳәа рыцҳаит.
4. Ааиса иыниаҳа:
«Арыи ҧсыга чмазарам,
Анцәа идуурала Анцәа И'Ҧа
иырдууразы ауп» иҳәеит.
5. Марҵаи лахьшьаи Лазарыи
Ааиса бзыиа иыбауан.
6. Ичымазара ныиаҳа
дахьыҟаз даҽеа ѡымш дынхаит.
7. Нас «Иаҳудтәыла ҳцап» ҳәа
иматцаҧацәа иыраиҳәеит.
8. Иматцаҧацәа: «Рабби[1],
аиаҳудқәа ахаҳә уаргара
иашьҵанеи, урызцахуау?» рҳәеит.
9. Ааиса цҳәатәыс (арс) раиҳәеит:
«Мышкы жәаѡа саатҵ ыҟаумыи?
Ҿынла дныҟәар уаѡы дшьацәхыслаом,
аҧсабара лашауп азы.
10. Аха уахынла дныҟәар,
Лашара хьыихам азы дшьацәхыслаоит».
11. Арҵқәа ныиҳәа ашьҵахь:
«Ҳауа Лазар дыцәеит,
дсырҷыхарцы сцауеит»
ҳәа уырҵ инараиҳәеит.
12. Иматцаҧацәагьы:
«Ама, дыцәазар дыбзыиахап»
ҳәа наиарҳәеит иара.
13. Ааиса изыиҳәаз иыҧсра акәын,
аха уырҵ дара зышьцылаз
ацәа азы иҳәаз ҵьыршьеит.
14. Уысҟан Ааиса аргама
Лазар дшыҧсыз раиҳәеит.
15. «(Дынҧсуаз) уаа сыҟамра
шәара шәзыҳәа иеиҧьысшьеит
салахашәцаразыҳәа:

[1] 11:8. Рабби арцаѡы ҳәауп иызыхьыӡыу

аха, дахьышьҭау шәаала» иҳәеит.
16. Ациы[1*] ҳәа изышьҭаз Ҭома,
иѡызцәа аматцаҧацәа:
«Шәнеи, ҳаргьы ҳиыцҧсып»
ҳәа раиҳәеит.
17. Ааиса данааи ҧшьы мшы раахыс
Лазар адамра дҭаны ибеит.
18. Беиҭаниантәы Иерусалим
жәухҟа хысымҭа бжьан.[2*]
19. Аиаҳудқәа рҟынтәы шьардаѡы
иыҧсыз Лазар иахьшьцәа
Мариамыи Марҭаи рҟыны
ирыдашшыларцы иааит.
20. Ааиса дшааиуаз нылаҳа
Марҭа уыи дынаиҧылаит,
Мариам аѡнауыцҟа дтәан.
21. Марҭа Ааиса (уыс) иалҳәеит:
«Араа уыҟазар сашьа дыҧсуамызт Ама!
22. Аха уажәʼгьы Анцәа уиыҳәар
узыҳәалаак шуыиҭао сдыруеит».
23. Ааиса: «Башьа дгылаоит» ҳәа лаиҳәеит.
24. Марҭа уыи (арс) наиалҳәеит:
«Нарцәгылан, шьҭахьзаҽны
дышгылаша сдыруеит».
25. Ааиса уыи (уыс) лаиҳәеит:
«Нарцәгылараи бзазареи сара сауп:
сара схазцаз дыҧсыргьы
дыбзахахраны дыҟауп;
26. Дшыбзау схазцао ҧсра иықәым назаза:
абрыи азхабцауама?»
27. (Лара), «Ааи, Ама! азхасцауеит:
Аҧсабаран иааua Анцәа И'Ҧа Мысиа
уа уауп!» ҳәа иалҳәеит иара.

---

[1] 11:16. Ациы – иеициыз аишьцәа рыуа азәы. (Иеициыз аишьцәа)

[2] 11:18. Хысмҭа зыхьзу иыҭҟез хыск хьынзацао ауп, 185 ҟа метре. Хысмҭа зыхьзыу хы ҭырҟьега абҵьерк (шәеқкы керахәкы) иеиҧшыу иынҭҟьез хык хьынзацао ауп.

28. Арҭ нылҳәа ашьҭахьгьы дцаны,
лахьшьа Мариам маʒа длыҿхьаны
«Арҭаѡы дааит, дыбыҿхьауеит»
ҳәа дналахәыҭхәыҭыит.
29. Уыи арыи нлаҳа афырҳәа
дѡагыланы Ааиса иҷы дцеит.
30. Ааиса ақыҭан даламлацызт,
Марҭа дахьыиҿылаз дыҿшын.
31. Дашшылара ииаз аиаҳудқәа аѡнаҷы
иышлыдтәалаз, Мариам ашырҳәа
дыѡагыланы дындәылҵны нырба
анышәынҭрахь ҵәыуара
дцауа ԥьышьа иналышьҭалт:
32. Мариамгьы Ааиса дахьыҟаз дааины
иа данылба ишьапкәа лҷеаарыкәыршаны:
«Ама, араа уыҟазар сашьа
дыҿсуамызт» лҳәеит.
33. Ла дҵәыуа, илышьҭаны ииаз
аиаҳудқәагьы ҵәыуа ианыиба
Ааисагьы игәы аҵәыуа иакыит.
34. «Дабашәжы?» иҳәан:
«Уааи иыубап Ама рҳәеит.
35. Ааиса дҵәыуеит.
36. Уыи нырба аиаҳудқәа:
«Бзыиа дшыибаоз шәымбаои!» рҳәеит.
37. Аха рыуа ԥьаукыгьы (арс) рҳәеит:
«Алашә' иыла хызтыз ари ауаѡ
арыи дымҿсразы акы изыҟамҵаʒаоззыи?»
38. Ааиса деиҭа гәнқьыхуа анышәынҭраҷы
дааиыит, иара ҳаҿын, хаҳәла ишәаҳан.
39. Ааиса «Ахаҳә аамышәхы» иҳәеит.
Аҿсы иахьшьа Марҭа:
«Дыҵеижьҭеи ҿшьы мшы ҵуеит Ама,
иыфѡы шьҭа игахьеит» лҳәеит.
40. «Азхабҵар Анцәа идуура ббауеит»
сымҳәеи?» ҳәа налаиҳәеит Ааиса уыи.

41. Уысҟан ашә ахаҳә аадырхыит;
Ааисагьы жәԥанҟа дыԥаҧшын:
«Еи Аб, сыхьуаҳаз азы
ҵьышьадуу узысхауеит!
42. Сышуаҳацгьы сдыруеит, аха сымҧан
иҟау ауаа уа сшааушьҭыз
хаднарҵарацы ауп изысҳәао!»
43. Арҭқәа ныиҳәа ашьҭахь бжьы рдыула:
«Адәахьы уҭыҵ Лазар!» ҳәа ааҿыиҭыит.
44. Аҧсыгьы:
Инапыи ишьапыи ҧсыкәыршала иеимлаҳәа,
ихы-иҿы аҿқәыршә шақәыршәыз дааҭыҵыит.
Ааиса уырҭ (инараҳәаны),
«Дшәыртла, даушәыжь, дцааит!» иҳәеит.
45. Мариам лҿы иааз аиаҳудқәа:
Аиса, иырҿыиақәаз нырба
шьардаԥык дыхарҵеит:
46. Рыуа ҵьаукыгьы Ааиса иуысқәа
ицаны афарисцәа ирарҳәеит.
47. Уи азы аҳаҳам еиҳабацәаи афарисцәаи
асауыҭҳәацәа аизганы
«Зеиҧшҟамлац рацәны иҟаиҵауеит
арыи ауаԥы, ҳара иыҟаҳҵауазыи?
48. Арс ихы дауҳажьыр зегьы убыри дыхарҵап,
Ромаагьы ааины хҭыҧ ганы ҳажәларгьы
иқәырхып» ҳәа иеимҭахаит.
49. Уыи ашуксан ҳаҳам еиҳабас иыҟаз
Каиафа ҳәа рыуа аӡәгьы,
(абарс) нараиҳәеит дара:
«Акгьы шәыздырам шәара;
50. Ажәлар зегьы ҭамхарцы,
дырхахәны аӡәы иҧсра
ҳара ҳзы иаҳа ишеиҧьыу
шәагьазхәцуамеи шәара!»
51. Арыи ихы иҭыиымҳәаат аха,
ашуксан дыхьыҳаҳам еиҳабахаз

амшала ажәлар рзы:
52. Ажәларагьы рымацара акәмкәа,
иеицәыӡыу Анцәа иыҵкәынцәа реидкыларазы,
Ааиса хахәс дшыҟаҵатәыу
Анцәа цҳаражәҳәаѡра уны иҳәеит.
53. Убарс уыи аҽны Ааиса иышьра рыӡбеит.
54. Уыи нахыс Ааиса,
аиаҳудҟәа аргама дрыламлаит.
Уаантәы акаѡара ааигәаратәыи
Ефраим зырҳәао ацыуҵахьы дцаны
уаа даланхаит иматҵагҩацәа иыманы.
55. Аиаҳуд Ҩасха (аныҳәамш) ааигәан,
тәымҵьарантәы шьардаѡы ҽрыцқьара иаан,
рҽыдрыцқьерцы аҧасха уыс аҧхьа
Иерусалим ихалеит.
56. Ааиса изыҧшаа иызҵааауан,
аныха аҧхьа игыланы аӡәыи аӡәыи еизҵааауан:
«Дышҧашәбауа, дмаарыишь дныҳәалара?» рҳәааауан.
57. Аҳаҳам еиҳабацәеи афарисцәаи:
ҳәахьа ҟарҵеит дыркыразы,
дахьыҟау здыруа иырҳәаразы.

12. НТӘЫИ АХАРА:

1. Аҧасха гәырҧьаремшы фы мшы шыбжьаз
Беиҵаниа (ақыҵан) дааит Ааиса,
аҧсцәа рҟынтәы иыргылаз
Лазар уаа даланхауан.
2. Ааиса уаа дырчеит, Марҵа аматҵа луан;
Лазаргьы Ааиса иыцчаоз дрылан.
3. Мариам
Литрак[1] - дыу иаҧсау – Нардыша зыхьӡыу
фѡыхаа цқекы аалган

[1] 12:3. Литра: арыи алитра иахьетәыи алитра акәымкәа Ааиса ихаанытәыи алитра ауп 327 грам'уп.

Аасиа ишьапы иахьылшьыит;
лыхцәала ишьапқәа лырбеит,
Анардыша фҭы ааҭныҵәааит.
4. Уысҟан
иматцаҧацәа рыуа аӡәы,
иара иыцәгьа зыхәашаз,
Симон иҧа Иуда Искариот:
5. «Арыи ахәша хы шә динар ҳәа иыҵыины
амамдацәа иызрызшамзыи?» иҳәеит.
6. Арыигьы амамдацәа дрыхәарцы акәымкәа,
ахьеҽе иа икын, иынҵарыҧсао кры алыихуан,
дҧьычшан азы ауп изыиҳәа.
7. Уысҟан Аасиа (уыс) иҳәеит:
«Уылҟәатц, анышә санарҵао аҩны азы
итцәахыны илымазааит.
8. Избан, амамдацәа иызқьынагьы шәа шәҽы
иҟауп, сара иызқьынагьы шәа шәҽы сыҟам.
9. Аиаҳудқәа рҟынтәи шьардаҭы уаа,
Аасиа дшыҟаз раҳаны уаа,
уыи дырбарцы мацара акәымкәа,
аҧсцәа рҟынтәи ҧсы зхаитцахыз
Лазаргьы дырбаразы иааит.
10. Аҳаҳам еиҳабацәа ракәзар,
Лазаргьы иышьра рыӡбеит;
11. иымшала шьардаҭы иаҳуди
Аасиа иызцаны дхарцаон азы.
12. Адырҭа ҩны:
амшныҳәа азы иааз шьардаҭӡа уаа
Иерусаим Аасиа дааua ныраҳа,
13. иҧыларцы ахәырма махә кны иҵытцын.
«Ҳосанна![1] Ама иыхьӡ ала иааua,
Исраилаа рҧысҳа дмышрахааит!»
ҳәа иеиҧхыҳәҳәауан.
14. Аасиа ҩада еиқәкык ба дақәтәан,
абарс ашәҟы ишаныу аиҧшы:

[1] 12:13. Ҳосанна: «Уылаҧха ҳаҵа!» ҳәауп.

15. «Бымшәан еи Сион ҭыԥха![1]
аҽеада еиқәкы дакәтәаны
б'ԥысха абар дахьааua!»[2]
16. Азныказы иматцаԥацәа арыи рзеилымкааит,
аха Ааиса дынырдууха уыи
иара изы иышѡыз,
арҭ иыруагьы иара изы шакәыз гьы
ааргәалашәеит.
17. Лазар адамра аҟынтәи дыиԥхьаны
аԥсцәа рҟынтәы дышиыргылаз,
иыцыз ауаа иақәдыриашаон.
18. Арыи зеиԥшҟамлац иыҟаитцаз
раҳахьан азы ажәлар иԥылт.
19. Афарисцәа дара дара
уысҟан абарс еибырҳәеит:
«Акгьы шәшахәарҭам шәымбаои?
аԥсабара ихьыԥшыит абар!»
20. Амшныҳәа аҽены хырхәара уразы
Иерусалим ихалақәаз
Иунантәылантә ԥьаукы гьы рылан;
21. Арҭ Галила иахьатцакыу
Беиҭсаида (ацуҭа) иауау
Филип иҽеы иианы иыҳәеит:
«Аҳ! Ааиса ибара ҳҭахыуп» ҳәа:
22. Филип дааины Андреи иаиҳәеит;
Андреиыи Филипыигьы,
иеицааины Ааиса иарҳәеит.
23. Ааисагьы цҳәатәыс (уыс) раиҳәеит:
«Ауаѡԥа иырдуумҭа асаат ааит,
24. Аиаша иашах шәасҳәауеит:
Ачац кашәаны иымԥсыр амала иҟауп; аха
иыԥсыр рацәа ахылцыуеит.
25. Зыԥсы еиԥьызшьао иыԥсы ицәыʒуеит,

---

[1] 12:15. «Сион ҭыԥха» аʒәы зацәык илызҳәам Иерусалимаа зегьы еимҽеханакыуеит.

[2] 12:15. Зеԥьерыиа 9:9.

арыи аҧсабаран зыҧсы бзыиа изымбаз
мҧсыбзара иаурацы иыҧсы 7әахыуп.
26. Аӡәы сыматҵа аура иҵаххар,
сара дысыцныҟәалааит;
Сара сахьыҟазаалак
сматҵауѡы гьы дыҟалааит.
Аӡәы са сзы матҵа иуыр
Аб уыи ҧхадуу иықәыитҵап.
27. Сыгәы аагҧшааит уажәы, иысҳәарыи?
«Еи Аб, арыи асаатҵ сацәыхьча!» сҳәарыу?
Аха, арыи асаатҵ азы ауп сызаа.
28. Еи Аб, уыхьӡы рдуу!»
Уысҟан жәѡанынтә (арс) бжьык аа𝓌т:
«Иыгьсырдуут, иыгьсырдуueит!»
29. Уаа игыла изаҳаз ажәлар «Идыдит» рҳәаон,
даҽа ҵьаук'гьы «Мелеқькы уыи иаиҳәеит» рҳәаон.
30. Ааиса цҳәатәыс (арс) раиҳәеит:
«Ари абжьы ззаа сара сакәым,
шәара шәзы мацара иааит;
31. Уажәы арыи аҧсабара ӡбахьа ианиауеит;
Уажәы арыи аҧсабара, иахыу дыҵцахауеит;[1]
32.адгьыл аҟынтәы сынѡышьҵыххалаакгьы
ауаа зегьы сара сахь сырыхауеит».
33. Иыҧсышьахаша аладиырдырразы
Ааиса арыи иҳәеит.
34. Цҳәатәыс ажәлар (арс) иарҳәеит:
«Амысиа ҧсра зқәым ҳәа
ҳара ҳхьыӡба иҳанаҳәеит,
дхагалахаоит Ауаѡҧа ҳәа
шҧауҳәауа нас уара?
уыи Ауаѡҧа дарбан иара?»
35. Уысҟан Ааиса (уыс) раиҳәеит:
«Алашара даҽа маҷ аамҵак шәа ишәыц ыҟауп;
Алашара хьынӡашәыцыу шәныҟәарауп;
Иыхәлакыз мѡа ибауам шәмыхәлакырауп.

[1] 12:31. Дыҵцахауеит зызҳәау аѡысҵаа иауп.

36.Ишәыцнаҵы уыи алашара хашәҵала,
Убасала лашара хшаас шәҟалап».
Ааиса арҵ ҳәаны днарҟәыҵны иҽеырцәыиӡеит.
37. Рҽаҧхьа арсҟа зеиҧшҟамлацкәа ҟаиҵазаргьы,
дхарҵауамызт.
38. Аҧиаамбар Исаиа,
«Ама! Иеиҵаҳҳәаз ажәабжьы хазҵада?
Ама имыхәҽамчы ззаарҧшыда?»[1]
ҳәа ииҳәаз ҟаларатәы.
39. Убасала, ирызхаҵауамызт;
Избан, (арсгьы) иҳәеит Исаиа:
40. «Рыла ишәаҳаит, ргәы иырдыст;
рыла иамбааит, ргәы иамдырааит
иыхнымҳәааит, рчымазара
уырҵ алсмыргааит»[2].
41. Исаиа Ааиса идуура баны арҵ ихыиҳәааит.
42. Уыс шәакәугьы ахылаҧшцәа
рыуа шьардаѡы дхарҵеит,
аха афарисцәа рҳәала
асинагог иалцамхарцы,
дышхарҵаз рызцәыргаомызт.
43. Избан Анцәа ҧхадуура аиҳа
уаѡ ҧхадуура еиҧьыршьауан.
44. Ааиса ҽааиҵын (арсгьы) иҳәеит:
«Сара схазҵаз ихаиҵаз
са сакәым саазышьҵыз иауп.
45. Сызбазгьы саазышьҵыз дыибеит.
46. Сара схазҵаз дыхәламкырцы
слашараны аҧсабара сазааит.
47. Сҳәа иаҳаны иымуыр аӡәы
сара ӡбахьа уыи иыҟәсҵаом,
аҧсабаран ӡбара смааит,
иеиҟәсырхарцы мацара сааит.
48. Мап сызкны сҳәа ҧхылзымдао

[1] 12:38. Исаиа 53:1.
[2] 12:40. Исаиа 6:10.

ʒбара изыҟазҵаша дыҟауп;
иысҳәао сажәа ʒба иыҟәнаҵап
аҵухтәантәыи амш аҽны.
49. Избан Сара схы иҵысмҳәааит;
Иысцәажәашам иысҳәашаи
саазышьҵыз Аб исаиҳәеит.
50. Саргьы убрыи иҳәатәы
Шнаʒаʒа бзарау сдыруеит;
уыи амшала иаасҳәалаак
С'Аб ишыиҳәаз иысҳәауеит».

13.НТӘЫИ АХАРА:

1. Аҧасха мышныҳәа аҧхьа Ааиса,
ари аҧсабарантәи Аб иахьҟа
иыиысра аамҵа шааиыз дырны,
аҧсабаран иыҟаҟәаны
бзыиа иыибаҟәаз иуаа
аҵухтәанʒа бзыиа ибеит.
2. Уахы чан Ааиса дыдиыркыраны
Симон иҧа Иуда Искариот
игәы Иблис иыгьҵеи7ахен.
6. Ааиса, инапы зегьы зегьы
Аб ишаныиҵаʒазгьы,
Анцәа дышихылҵызгьы
Анцәа иахь дышцаогьы дырны
4. Ауахы чара дҿахыҵын
иымаҵәа наа иныҟәиҵан
мпахьшьык аашьҵых иыкәиыршаит.
5. Нас, лагенкы ʒыла иырҵәыны
има7аҧацәа ршьапыҟәа уыи иҵаʒәʒәаны,
иыкәыршаз ампахьшьала
иырбауа далагаит.
6. Зусҳан Ахра иҿы данааи,
«Ама! сшьапы уа иуыʒәʒәаома?» иҳәеит.

7. Аaиса уыи (уыс) иаҭаиҳәеит:
«Уажәы иыуыздыруам иыҟасҵао;
аха, ашьҭахьы иеилукаап».
8. Ахрагьы: «Сшьапқәа знымзарзны
уара иузәзәатәым» иҳәеит.
Аaиса цҳәатәыс (арс) иҳәеит:
«Уысмызәзәар усылахәдауп».
9. Зусҳан Ахра (арс) иҳәеит:
«Ама! сшьапы амала мау
снапқәагьы зәзәа, схыгьы ҷыршы».
10. Аaиса (арс) иаиҳәеит: «Иыкәабау,
ишьапқәа рыда зәзәатә иымам;
днеиҧынкыланы дыцқьауп;
шәыцқьауп шәар'гьы аха зегьы шәакәым».
11. Дыдзыркышаз дыидыруан,
уи азы «иыцқьау зегьы шәакәым» иҳәеит.
12. Ршьапқәа зәзәа иыматәа аашьҭых
аишәа данынахатәах
арс раиҳәахт:
«Са иышәзысуыз шәдыруау?
13. Арҵаҿы ҳәа, Ама ҳәа
шәара сара шәсыҧхьеуеит,
иыбзыиан'гьы иышәҳәауеит;
избан, сара уыи сакәыуп.
14. Ама шсакәыу, Арҵаҿы шсакәу гьы
сара шәшьапқәа нысызәзәа,
шәарҵ гьы шәшьапқәа еиба шәызәзәарауп.
15. Избан: хсаалагак шәсырбеит
иышәзысуыз аиҧш шәыуларцы.
16. Аиаша иашах шәасҳәауеит:
«Атәы, дызтәыу иеиҳа деиҳам;
иаашьҭыугьы даазышьҭыз диаиҳам.
17. Уысҟангьы арҵқәа нышәдырх
иҟашәҵар гәырҧьара шәауп.
18. Зегьы шәзы акәым иысҳәауа,
иалсыҧшаақәаз сдыруеит сара.

Аха,
«Сча зфаз иышьхәа сыҟәирыххаит»[1]
ҳәа ашәҟы ианыу ҟалауеит.
19. Иҟалаанӡа уажәнатә ишәасҳәап,
ианыҟалалаак уыи са шсакәыу хашәҵарацы.
20. Аиаша иашах шәасҳәауеит:
«Иынасышьҭуа дыздызкылауа
сара сиыдыикылауеит:
сара сыздызкылауагьы
саазышьҭыз диыдыикылауеит».
21. Ааиса арҭ ныиҳәа игәыгьы аагҩшааит.
иагьаақәыриашаны арс иҳәеит:
«Ииаша иашахны арыи шәасҳәап:
Шәыуа аӡәы са сыдиыркыуеит».
22. Убрыи ззыиҳәаз дарбаныишь ҳәа
иматцагҩацәа еиҷагҩшыуан.
23. Иматцагҩацәа рыуа аӡәы,
иара бзыиа иыибауаз,
иара игәыҳәагҩы дкыдиаалан
24. зыӡбахә иҳәаз дарбаныу ҳәа
Ааиса диазиырҵааразы ҳәа
уыбрыи иыла наииырбеит Зусҳан Ахра.
25. Уыигьы Ааиса иыгәҳәагҩы
днадгәгәаланы диазҵааит
«Ама, дарбан убрыи?» ҳәа.
26. Ааиса цҳәатәыс:
«Ҷатца налшьны изыстао иауп» иҳәан
ҷатцакгьы налшьны Искариоттәы
Симон иҩа Иуда инаиыиҵеит.
27. Аҷатца ашьҭахь аҿыстаа
убыри ихы дынҵалеит.
Уыскан иара Ааисагьы,
«Иыуыуша уласны иуы» ҳәа
наиаиҳәеит убрыи.
28. Арыи ззыиҳәаз, итәаҟәаз

[1] 13:18. Мезмыр 41:9.

аҳәымзараҳәы изеилымкааит.
29. (Изырзеилымкааз уыи ауп)
Ахьеҿе Иуда икын азы Ааиса
«Амшныхҩа азы иҳагқәау хәҳа»,
ма «Амамдацәа кыр рыҵ» ҳәа
иаиҳәа ҵьыршьауан ҵьаукы.
31.Убасала Иудагьы,
иҿаҵа нааиау дындәылҵыит.
Уахынлан.
31. Уыи данындәылҵы Ааиса гьы (арс) иҳәеит:
«Ауаѡгҭа шьҭа дырдуухаит,
уыи иҿы Анцәагьы дырдуухаит.
32. Уыи иҿы Анцәа дырдуухар
Анцәагьы иа иҿы уыи диырдууп,
иаарласныгьы дыиырдууп.
33. Шьҭа рацәак сшәыдхалаом,
шәысзыҧшаалашт сыҵкәынцәа!
«Са сыхьцауа шәызнеиуам» ҳәа
аиаҳудқәа ирасҳәаз аиҧш
уажәы шәар'гьы ишәасҳәауеит.
34. Шәара бзыиа шәеибабарцы,
шәара ҳәахьа ҿыц нашәысҵап:
Сара бзыиа шәшысбалаоз аиҧш
шәар'гьы бзыиа шәеибабала.
35. Сара шәшысмаҵаҧау зегьы
иырдырп шәеибаҵаххалар».
36. «Уабацауа Ама?» ҳәаны
Зусҳан Ахра уыи дыиазҵааит.
Ааиса цҳәатәыс уыс (арс) иаиҳәеит:
«Сара сыхьцао уара уажәы
усышьҭаны уызнеирым, аха,
усышьҭаны ашьҭахьы унеип».
37. Ахра: «Сыҧсы уыхҵыныстҵап,
иауеи уажәы уа суышьҭаны
сыззымнеиуа Ама?» иҳәеит.
38. Ааиса уыи (арс) иаҵаиҳәеит:

«Уыҿсы сара исыхҭныуҵауау?
Аиаша иашах уасҳәауеит:
Арба ҷнаҭаанӡа уара
мап сзыукыуеит хынтә сара».

14. НТӘЫИ АХАРА:

1. Шәыгәы камҳааит,
Анцәа дхашәҵа,
сар'гьы схашәҵа.
2. Ѡнара рацәа амауп САб иыѡны;
иамамзар ишәасҳәауан.
избан, шәа шәызы ҭыҧ рыхиара сцаоит.
3. Сцаны шәа шәзы ҭыҧ срыхиар
шәаргьы са сҷы шәнеирацы
сеиҭаахны са сахь шәысгауеит,
шәар'гьы са сҷы шәыҟазаарцы.
4. Сыхьцаои амѡаи шәдыруеит».
5. Ҭома уыи (уыс) наиаиҳәеит:
«Ама! уа уыхьцао ҳаздырам,
амѡагьы шҧаҳдырра?»
6. Ааиса уыи, «Мѡаи иашараи бзараи са сауп,
Аб иҟыны аӡә'гьы знеиуам са срыбжьаӡамкәа;
7. Сара сышәдырында С'Абгьы дышәдырхьазаарын;
шьҭа нахыс дышәдыруеит, дыгьышәбеит»
ҳәа иаиҳәеит.
8. Филип уыи, «Ама! Аб дҳарба,
иҳазхаоит уыи» ҳәа иаиҳәеит.
9. Ааиса уыи (арс) иаиҳәеит:
«Уара Филип!
Шәараи сараи арсҟа ҳаицыуп,
сыузымдырӡаои? Сара сызбаз Аб
дыибеит, Аб дҳарба шҧауҳәаои?
10. Ихауымҵаои:
Сара Аб сиылаҵәауп,

Абгьы сара дсылҵәауп,
Сара ишәасҳәао ажәақәа
схы иҵысҳәааауам; аха,
сара исылаҵәау Аб
(уырҵ) иа иуысқәа ҟаиҵауеит.
11. Схашәҵа:
Сара Аб сиылаҵәауп,
Абгьы сара дсылаҵәауп;
ма уыи ауысқәа рымшала ихашәҵа.
12. Аиаша иашах шәасҳәап:
Сара схазҵао иыҟасҵао
ауысқәа иар'гьы иҟаиҵаоит,
уырҵ ираиҳаугьы ҟаиҵаоит:
Избан,
Сара Аб иахь сцауеит.
13. Сыхьӡала шәызыҳәалаак ҟасҵап,
Аҧа иҷы Аб дырдуухарцы.
14. Сыхьӡала акы шәаҳәар
сара убрыи ҟасҵауеит:
15. Сара бзыиа сышәбаозар
са сҳәахьаҟәа шәрыҟәныҟәа!
16. Саргьы Аб сиыҳәап:
Уыигьы, наӡаӡа дшәымазаарцы
даҽеа Гәрыҧьецеѡык
аҵабыргы аҧсымч шәыиҵап.
17. Дазыҧхылдаом аҧсабар,
дабаом-даздыруам азы;
аха шәара дышәдыруеит,
дышәыцыҟауп азы,
дышәылазааауеит азы.
18. Шәҵынхаданы шәынсыжьуам,
сышәзаараны сыҟауп.
19. Ҧыҵрак ашьҵахь аҧсабар
уаҳа сабауам, аха,
шәара сышәбара шәыҟауп:
Сара с'ахьы бзау азы,

шәаргьы бзазара шәҧеиҧшыуп.
20. Уыи аҽны,
Сара С'Аб сышиылау,
шәар'гьы са шәышсылау,
сар'гьы шәа сышшәылау
еилышәкаараны шәыҟауп.
21. Сыҳәахьаҟәа ихы иадкыланы
иҟазҵауа иауп сызҵахыу,
С'Аб иар'гьы дыиҵаххауеит,
сар'гьы уыи дысҵаххауеит,
схаҵагьы сҽеиисырбауеит».
22. Искариоттәы иакәымкәа агьыи Иуда:
«Аҧсабара уҽеамырба ҳара уыҽезыхҳуырбауа
иауазыи еи Ама?» иҳәеит.
23. Ааиса цҳәатәыс уыи (арс) иаиҳәеит:
«Бзыиа сызбао сҳәа ҟаиҵауеит,
С'Абгьы уыи бзыиа дыибауеит,
хааныгьы ҳиыдынхалауеит.
24. Сара бзыиа сзымбауа сҳәа иуам:
сара сҟынтәы ишәаҳаҟәаз
сара иагьыстәым, аха,
са саазышьҭыз Аб итәыуп.
25. Сышшәыцыҟау арҵ шәасҳәеит.
26. Аха сара сыхьӡала
Аб иааиышьҭуа Агәырыгеҵеѡы, Аҧсыцкьа,
шәара зегьы шәиырҵараны дыҟауп,
арҵ ишәасҳәаҟәао зегь'гьы шәгәалаиыршәап.
27. Шәара гәҭынчра шәзынсыжьуеит,
шәара сыгәҭынчра шәысҵауеит.
Сара шәара;
Дгьылтәылантәыи крыҵашьала ишәысҵауам,
Гәыҧраи гәшәараи шәыхьымӡааит.
28. Сара шәара:
«Сцауеит, сыгьышәзааueит»
ҳәа шшәасҳәаз шәаҳаит
Сара бзыиа сышәбандаз

Аб иахь сцара шәаигәрҧьеон,
Аб сара дсаиҳауп азы.
29. Ианыҟалалаак ихашәҵаразы
иҟалаанӡа уажәы ишәасҳәеит.
30. Шьҭа рацәак сшәацәажәауам,
аҧсабара иахыу (аѡысҭаа) дааueит азы.
Сара сҷы уыи итәык ыҟаӡам.
31. Амала, Аб бзыиа дшысбао,
Аб исаиҳәазгьы шыҟасҵао
аҧсабара иадырааит.
Араантәы ҳцап, шәгыла!»

15. НТӘЫИ АХАРА:

1. Сара сӡахәа ҵәеҟьауп;
С'Абгьы дқәаҵа аа3аѡыуп.
2. Шәыр ҷамлауа исымау
амахәқәа зегьы ҧыиҟауеит;
Шәыр зҷалао иаҳагьы
иырҷаларцы иеилыихыуеит.
3. Сара ишәасҳәаз ажәала
ныхьхьентәгьы шәыцқьауп шәара.
4. Шәсымаз, шәаргьы сшәымазааит;
махәы ӡахәа иамамкәа
ахала шәыр ҷалауам,
уыи аиҧш сара шәсымамкәа
шәар'гьы (шәыр шәҷалауам).
5. Сара сӡахәауп, шәа шәмахәыуп.
Аӡәы сара дсымалар,
сар'гьы иара сиымалар
уыи шәыр рацәа иҷалауеит.
Избан:
сшәымамкәа ак'гьы шәзыҟаҵаом.
6. Сара исыламҧьацауа
лабыҵәҵас дкажьхауеит, дыгьѡауеит;

уыс иыҟаҟәау еизга иганы
амца иаҟәҵа иырбылуеит.
7. Са шәышсымау шәаангылар,
сҳәахьаҟәагьы кашәмыжьлар
иышәҵаххалаак шәаҳәа,
иҟалауеит шәа шәзыҳәа.
8. С'Аб дырдуухаоит ари ала,
шәара шәшәыр дыу аашьҵышьала;
шәысмаҵаҧхар уысала.
9. Аб сара бзыиа сшыибаз аиҧш
саргьы шәара бзыиа шәысбеит.
Бзыиа шәышысбао шәыҟаз.
10.Сара сҳәатәыҟәа ҟашәҵалар
бзыиа шәшысбац шәысбалап.
сар'гьы С'Аб иҳәатәы уны
бзыиа сыибао сшыҟау аиҧш.
11. Сгәрҧьара шәа ишәылаʒарц,
шәгәрҧьара гьы сымазарц
Абарҵ шәара иышәасҳәеит.
12. Сара сҳәахьа абри ауп:
Сара бзыиа шәшысбао аиҧш
(Шәар'гьы) бзыиа шәеибаба.
13. Зыуацәа зыҧсы рыхҵнызҵаз
аʒәы иыбзыиабара
иаиҳау бзыиабара ыҟам.
14. Ишәыҟәсҵаз ауысҟәа
нашәыкʒар шәысыуацәауп.
15. Уышьҵа Атәҟәа ҳәа сшәыҧхьауам,
избан:
Атәы иаҳ иыиуа иыздырам,
ауацәа ҳәа сшәыҧхьауеит;
избан:
С'Аб иҟынтәы исаҳаҟәаз
зегьы шәара иышәсырдырт.
16. Шәара сара салшәымҧшааит,
сара шәара шәалсыҧшааит;

шәцаны ашәыр шәрыиырцы,
шәшәыргьы накҭатәхарацы
ауыс шәасҵеит шәара;
са сыхьҭала Аб иҟынтәы
иышәҵаххалаак шәыиҵааит ҳәа.
17. Бзыиа шәеибабала ҳәа
арҵқәа рыура шәықәсҵаоит.
18. Аҧсабара шәацәымҧыхар
шәаҧхьа са сшацәымҧыха шәдыр.
19. Шәара аҧсабара шәатәында
иатәу бзыиа шәабарын;
аха, аҧсабар шәахьатәым
аҧсабара иалсыҧшааз
хьшәакәыу азы шәацәымҧыуп.
20. Шәара «Тәы иах дыиеиҳам»
шысҳәаз аашәгәалашәыршәа;
Сара аҧара сызырхар:
шәар'гьы аҕара шәзырхауеит:
Сара сажәа иықәныҟәазар
Шәа шәажәагьы иықәныҟәауеит.
21. Аха;
Саазышьҭыз дырыздыруам,
сара сыхьҭы шәахҟьены
абарҵ зегьы шәзыруеит.
22. Сымаанда, иырасымҳәанда
гәрыҧса рыҟәшәауамызт,
аха гәрыҧса зларызҿао
шьҭа ҿыцгак рымаҭам.
23. Са сызцәымҧыу С'Аб дыицәымҧыуп.
24. Даҽа аҭәы изыҟамҵаҭац
ауысҟәа дара ргәаны
сара иысзыҟамҵанда
гәрыҧса рыҟәшәауамызт,
аха уажәы иагьырбеит,
саргьы С'Абгьы ҳарцәымҧыхаит.
25. Арыи,

«Сара амала сырцәымҕыхаит»
ҳәа рхьыӡбаҷы иҿыу ажәа
иаҳәаз ҟаларцы иҟалеит.
26. Аб иҟынтәы ишәзаасышҵуа агәрҕьеҿы,
Аб ихылҵыз уыи аҵабыргыҕсы,
данаалаак қәыриашара сызыихап.
27. Аханытә исыцыу шәаргьы
қәыриашаҿра сызышәхап.

16. НТӘЫИ АХАРА

1. Шәшьақәырымҟерцы арҵ шәасҳәеит.
2. Асинагогақәа[1] шәырҵырцалашт;
Ааи, убас аамҵак ааиуеит:
шәа шәызшьыуа дарбанзалаак
арс Анцәа иҳәа иуы ҵьыишьешаит.
3. Абыи сараи ҳрыздыруам азы
шәара абарҵқәа шәзырыушаит.
4. Аха зааныҵ ишәасҳәеит арҵ
аамҵа нааилаак иаашәгәалашәарц
Арҵ аханатә ишәасымҳәеит
шәараи сараи ҳаицын азы.
5. Саазышьҵыз иахь сцаоит уажәы,
шәара шәҟынтә аӡәымзараӡәы
дысазҵааауам уабацаои ҳәа.
6. Аха абарҵ хьысҳәаз азы
шәыгәқәа хаала иеиҵаҵәыит.
7. Аха сара аиаша шәасҳәап:
шәа шәзы мышрауп сара сцара;
избанакәзар сымцар сара,
Агәырыҕьецаҿ дышәзааауам шәара.
Аха,
Сцар дышәзаасышҵуеит иара.
8. Уаи данааилаак гәрыҕсеи

[1] 16:2. Асинагог – Аиаҳудиқәа рныха хәҷы, рныҳәарҵа хәҷы.

иашареи зыʒбареи рҷы
аҧсабара вбаҵәҟе шамау
аaиыргҧшраны дыҟауп:
9. Агәрыҧсаҷы: избан, схарҵауам.
10. Аиашараҷы; избан, С’Аб иахь сцауеит азы,
Сара уаҳа сышәбауам.
11. Рзыʒбараҷы: избан,
арыи аҧсабара иахыз[1] кры изыʒбахаит.
12. Иыҵегьы ыҟауп ишәасҳәаша,
аха уажәы иышәзычҳарым.
13. Аха уыи аҵабыргы ҧсы даар,
аиаша мҿақәа зегьы шәиырбап:
избан, ихы иҵыиымҳәаакәа,
иаҳақәаз еиҵаиҳәауеит
иааишьақәа гьы шәиырдыруеит.
14. Уыи сара сиырдуууеит, избан:
са стәы иалхны иышәиырдыруеит.
15. Аб иымау зегь сара иыстәыуп,
«Са стәы иалхны иышәиырдыруеит»
ззысҳәаз убрыи ауп.
16. Ҧыҵрак ашьҵахь шьҵа сышәбауам,
ҧыҵрак ашьҵахьгьы сышәбахуеит».
17. Иматҵаҧацәа (арс) неибырҳәеит:
«Ҧыҵрак ашьҵахь сышәбауам
ҧыҵрак ашьҵахь сышәбахуеит;
избан, сара Аб иахьы сцауеит»
ҳәа иҳаиҳәао ари ажәа закәыи?
18. Насгьы,
«Арыи «Ҧыҵрак» зыиҳәаз закәыишь?
иыиҳәаз ҳзеилкааауам» рҳәеит.
19. Иазҵаар шырҵахыз дырны Аaиса
(уыс) нараиҳәеит: «Сара;
Ҧыҵрак ашьҵахь сышәбауам,
ҧыҵрак ашьҵахь сышәбахуеит.
ҳәа иысҳәаз аума шәзызҵааауа?

[1] 16: 11. Арыи аҧсабар иахыз – Иблис.

20. Аиаша иашах шәасҳәауеит:
Шәҵәаа-ҵәааua шәа шәҵәыуашт,
аха аҧсабара гәырҧьашт;
шәара шәгәырҿашт аха
шәгәырҿа гәырҧьарахауеит.
21. Ҧхәыс ҷкәын дынлауша хьаа лауueит,
лаамҵа ааит азы,
аха лыҷкәын даныилаак,
аҧсабара аӡәы дазиыит ҳәа
дгәырҧьаны лхьаа лхашҵуеит.
22. Уыи аиҧш уажә хьаа шәымауп
аха шәеиҵасбахуеит,
шәыгәгьы гәырҧьерены шәыҟауп,
шәгәырҧьара аӡәʼгьы иызшәымхыуам.
23. Аҽны акгьы азы шәысазҵаауам;
Аиаша иашах шәасҳәап:
Са сыхьӡала Аб иҟынтә
иышәҵаххалаак шәыиҵауеит.
24.Уажәраанӡа са сыхьӡала
акымзарак шәамыҳәеит;
кыры шәҵахха кыр шәауп,
шәыгәырҧьара накӡатәхап.
25. Арҵқәа шәасҳәеит хьыргҧшажәала аха шьҵа
Аб иуысқәа хьыргҧшажәала акәымкәа
аргама иыншәасҳәаша аамҵа ааиueит.
26. Аҽны сара сыхьӡала кры шәҵаххашт,
Аб шәа шәзы сиыҳәаот ҳәа шәасҳәаом сара.
27. Избан: Аб иа ихала бзыиа шәыибауеит,
Аб сшыихылҵыз хаҵа бзыиа сышәбеит азы.
28. Аб сыихылҵын аҧсабара санылеит,
аҧсабара саныҵны Аб иахь сцахуеит».
29. Иматҵаҧацәа аацәажәеит:
«Абар уажәы аргамала иыуҳәауеит,
акымзарак хьыргҧшажәала иымҳәакәа!
30. Шьҵа иыҳдыруеит уара зегьы шыудыруа,
аӡәымзараӡә уа иуазҵаара аҵахымкәа:

Анцәа ушыихылҵ убрыи ала ихаҳҵауеит».
31. Ааиса цҳәатәыс (уыс) раиҳәеит:
«Иыхашәҵауау уажәы нас?
32. Даус шәытәқәа рахь шәеимпыны
сымала сыныншәыжьуа
аамҵа ааиуеит, абар иыгьааит,
аха сымала сыԥам,
Аб дсыцыԥауп азы.
33. Мышра шәақәшәааит сара сҿы
ҳәа ишәасҳәеит абарҵ сара.
Аҧсабаран ԥьабаа шәбап,
аха шәыгәы шәырҧәҧәа,
Аҧсабара са саиааит».

17. НТӘЫИ АХАРА:

1. Ааиса арҵ ҳәаны.
ажәҿан ахьгьы дҿаҧшыны
(арҵгьы) иҳәеит:
«Еи Аб, аамҵа ааит: У'Ԥа дырдуу!
У'Ԥагьы уара удуура еиҵаиҳәааит!
2. Иыуҵаз ауаагҧсыра зегьы,
наʒаʒа бзара рыиҵаразы,
цәеижьыи змау зегьызегьы
дахьырхыутәыз азы.
3. И'Анцәаҵәеԥьау уара азаҵәыи
иааурышьҵыз Амысиа Ааисаи
рдырра ауп наʒаʒа бзара;
4. Удуура еиҵасҳәеит дгьылтәылан,
иысуысутәқәаз насыкʒеит.
5. Уажә'гьы еи Аб! дгьыл ԥалааанʒа
уа уҿы сышдууыз аиҧш,
сеиҵардууых уара уҿы!
6. Ҧсабарантәы исыуҵаз ауаа
уара уыхьыʒ рыласԥьеит:

Уа иыутәын уырҭ, са исыуҭеит;
уҳәахьақәагьы гәныркылеит.
7. Исыуҭаз зегьы уа ишыуҟынтәыу
уажәы уырҭ иеилыркааueит.
8. Избан:
Исыуҭаз аҳәахьақәа расҳәеит,
дар'гьы ирыдыркылаит.
Уара сшыухылҵҵәеҟьаз гьы рдырт,
Уа сшааueышьҭызгьы харҵеит.
9. Аҕсабараз акәым аха
уырҭ рзыҳәа сыуҳәауеит,
исыуҭаз ауаа срызуыҳәауеит;
уара иыутәыу рауп азы.
10. Са стәықәа зегьы уара иыутәыуп,
Уа утәықәагьы сара иыстәыуп,
сар'гьы дара рҽы сырдуухаит.
11. Шьҭа са саным аҕсабара,
Уырҭ рауп ианыу аҕсабара,
уара уахьы снеиуеит сара;
Еи Аб Ацқьа, исыуҭаз уыхьӡ
ала уырҭ хьча,
даргьы ҳа ҳаиыҕш иеилаҵәаны иаӡәхаразы!
12.Сынрыцыҟаз исыхьчаон дара
уара исыуҭаз уыхьыӡ ала,
иагьышьақәсырхаит (дара)
ашәҟы ианыу ҟаларазы,
Уҕа иҭахаз иакәымзары
уыҵ рҟынтәы аӡә'гьы дҭамхаит.
13. Аха уажәы уа уахь снеиуеит;
Аҕсабаран арҭқәа сҳәауеит
сара исымау агәрҕьара
дара рҽыгьы иагымхарцы.
14. Уара уҳәахьа расҳәеит дара,
дара аҕсабар иацәымҕыхаит;
сара аҕсабар сшаиуам аиҕшы
дар'гьы аҕсабар иаиуам азы.

15. Уырҭ аҧсабар ианых ҳәа акәым,
цәгьа иацәыхьча ҳәа сыуыҳәауеит.
16. Сара аҧсабар сшаиуам аиҧшы
дар'гьы аҧсабар иаиыуаʒам.
17. Уара уҳәахьа ауп аиашаʒа,
аиашаʒа ала уырҭ рыцқьа!
18. Уара сара аҧсабаран
сшааушьҭыз аиҧш сар'гьы дара
аасышьҭит аҧсабаран.
19. Са схы цқьастәыуеит дара рзыҳәа,
дар'гьы Аиаша иыцқьанатәааит ҳәа.
20. Уырҭ рымала рызы акәымкәа,
рҳәа ала са схазҵао рзыгьы суыҳәауеит.
21. Уырсала зегьы (еилаҵәаны) иаʒәыхааит.
Уара усыла-сара суыла
ҳшаʒәыкхаз ашәа еи Аб,
дар'гьы ҳара иҳалаҵәааит;
уа сшааушьҭыз аҧсабарагьы иханаҵааит.
22. Уара исыуҭаз адуураҭәы
сар'гьы дара ирысҵеит.
ҳара ҳшеилаҵәыу ашәа
дар'гьы еилаҵәахаразыҳәа.
23. Сара дара срылаҵәаны,
уар'гьы сара усылаҵәаны;
уыс реилаҵәра наʒахааит.
Сара уара сшааушьҭы'гьы,
Сара бзыиа сшыубауа гьы
уыс дар'гьы бзыиа ишыубао гьы
Аҧсабара иадырааит.
24. Еи Аб! иысҵахыу:
Уара исыуҭаз ауаагьы
сахьыҟау исыцыҟаны
исыуҭаз адуутәра рбааит;
аҧсабара еиныҟалааанʒа
бзыиа сахьыубаз амшала!
25. Еи Аб қьыиа!

Аҕсабара уа уазымдырт;
сара сакәзар, уара уысдырт;
арҵгьы уа сшааууышҵыз рдырт.
26. Исыдыу уылаҕха рыдларцы,
сар'гьы дара срылаҵәарцы,
уыхьҗы дсырдырт, иыгьыдсырдыруеит!»

18. НТӘЫИ АХАРА:

1. Ааиса арҵқәа ныиҳәа ашьҵахь,
иматҵаҕаҵәа иыманы
Қьидрон арҿаш днырны,
иматҵаҕаҵәа шыиыцыз
уаатәыи баҳчак[1] дынҵалаит.
2. Иыцәгьа зҳәаз Иуда уаа идыруан,
Ааиса иматҵаҕаҵәаи иараи
кырынтәы уаа иеизахьан азы.
3. Убасала Иуда, гәгҿык рыи
аҳаҳам еиҳабаҵәаи афарисҵәаи
рҟынтә иааз ауысбаҵәаи иыцны,
ҵәымзаи кәасҵхаи абҵьарыи
иыма дааит.
4. Иыгҕеиҕшыз зегь дырны Ааиса
«Шәзышьҵада?» ҳәа днаргҕылеит.
5. «Насыратәы Ааиса ҳиышьҵауп»
ҳәаны цыҳәатәы наиырҵеит,
«Сара сауп» ҳәа нараиҳәеит.
Иыцәга зҳәаз Иудагьы дрылан.
6. Сара сауп» ҳәа нынараиҳәа
шьҵахьҟа инаиха илаилаҳаит.
7. «Шәзышьҵада?» ҳәа деиҵаразҵаахт,
«Насыратәы Ааиса» рҳәахт.
8. «Сара сауп ҳәа шәасымҳәеи?» ҳәа

[1] 18:1. Уыҵрау, шәырҵрау, ашҵау еилкаам азы ахҕаҕагьы иеицрыхьыҗхааит ҳәа Баҳча ҳҳәеит.

цҳәатәы нарыиҭан Ааиса
«Сара шәсышьҭаны накәха,
арҭ аушәыжь, ицааит» иҳәеит;
9. «Исыуҭаз ауаа аӡәʼгьы дҭасмырхаит»
ҳәа иыиҳәаз ажәа ҟаларцы.
10. Уысҟан,
Зусҳан Ахра иаҳәа ҽҭыиҧаан
аҳаҳам еиҳаба иыкрыуҽы
Малхоз илаиыжәцаны
Уыи иарҧьа лымҳа ааҿыихыит.
11. Ааисагьы Ахра (уыс) иаиҳәеит:
«Уаҳәа аҭҳәҭеи иыҭаҵа,
Сʼ Аб исыиҭаз ажәтәы смыжәуеи!»
12. Уысҟан ар гәыгҧыи зықьҽырхыи
аиаҳудқәа руысбаҽцәаи
Ааиса дыкны дыҿарҳәеит.
13. Ҧахьа Ҳанна иҿы дыргаит.
Избан, уыи (Ҳанна зыхьӡыз)
уи ашукса иҳаҳам еиҳабаз
Каиафа иабхәа иакәын;
14. «Ажәлар рхаҵкы аӡәы дыҧсыр
иаҳа иеиҧьыуп» ҳәа аиаҳудқәа
ирабжьазгаоз Каиафа иакән.
15. Зусҳан Ахраи ҽа маҵагҧкыи
Ааиса иышьҭаны иыцауан;
аматцагҧ аҳаҳам еиҳаба дыидыруан,
аҳаҳам еиҳаба иашҭа уыи
Ааиса диыцны дынҵалаит.
16. Аха;
Ахра адәахьы даангылан
агәашә агҧхьа дыгылан.
Аҳаҳам еиҳаба иыидыруаз
агьыи аматцагҧ дааҭытц
ашә хьчаҽ илаҳәаны
Ахра гьы дынҵаигалаит.
17. Ашәхьча ҧҳәыс Ахра иахь

«Уар’гьы арыи иматцагҩацәа
урыуаумыи?» ҳәа дынаиазҵааит;
«Мамау» иҳәеит иаргьы.
18.Ахьҵагьы ыҟан азыҳәа
ауысыуцәаи ауысбацәаи
амца еиқәҵаны иахагылан,
рԥеыдрыгҩхаон;
Ахрагьы уырҵ дрылагылан,
иԥеыирыгҩхаон.
19. Аҳаҳам еиҳаба уысҟан Ааиса
иматцагҩацәа и иыдиырҵауаи
ииырҳәарцы дҵыитцааауан.
20. Ааиса уыи (арс) иаҵаиҳәауан:
«Сара аргама агҩсабара сацәажәеит,
ианакәзалаак асинагогқәа рҷытәыи,
аныхаҷытәыи еизарақәаи зегьы иыдсырҵеит
знымзарзны акымзаракы маʒа исымҳәеит.
21. Иауеи сара уызсазҵааауа,
иысҳәаз засҳәаз уырмазҵааауа?
Шьҵа убарҵ рауп иысҳәаз здыруа».
22. Абарҵ ҳәаны данаалга,
иыҟаз ауысбаԛцәа аʒәы:
«Аҳаҳам еиҳаба уара
арс аума цҳәатә шиыуҵауа?»
ҳәаны Ааиса длаиҷасыит.
23. Ааиса уыи (арс) иаҵаиҳәеит:
«сыцәгьа аарыгҩшы цәгьа сҳәазар,
цәгьа сымҳәазар уызсысуеи?»
24. Ҳаннагьы уыи деиқәҷаҳәа дышыҟаз
аҳаҳам еиҳаба Каиафа иахь дыдиыргаит.
25. Зусҳан Ахра дгыланы уаа иԥеыирыгҩхауан,
абасала агьырҵ иара иазҵааауан:
«Мамзар уар’гьы иматцагҩацәа урыуаума?»
иарагьы «Мамау» ҳәауа мап иыкыуан.
26. Аҳаҳам еиҳаба иуаԛык,
Ахрагьы злымҳа ҷыитцәаз

изыҟацәа рыуа аӡәы:
«Абаҳчаҷы уыи уиыцны
усымбазыи сара?» иҳәеит.
27. Ахра аиҭа мап икыхт,
арба аашәеит убырсҟан.
28. Аа́иса уысҟан Каиафа иҷынтә
аиҳабырҭахь дыргаит; шьыжьӡан:
Дара,
хаҵатәхәла ихәымгамхакәа
амшныҳәа хәы рфарацы
аиҳабырҭа иҭамлаӡеит.
29. Уыи азыҳәа Ҧилаҭ даадәылҵ
дара рҷы даа днаразҵааит.
«Арыи иывашәбазыи?» ҳәа
30. Дар'гьы уыи:
«Цәгьа иымханда уара уҷы
дааҳгаозма?» ҳәа иаҭарҳәеит.
31. Нас Ҧилаҭ уыс раиҳәеит:
«Шәара дганы шәхьыӡбара
иыҟәнаҵао ӡба иыҟәышәҵа».
Аиаҳудҟәа арс иаҭарҳәеит:
«Ҳара уаҩы шьра ҳаҟәиҭӡам».
32. Иара иыҧсышьахаша
унардырратәы Аа́иса иыиҳәаз
ажәа аҭыҧаҷы иааиааит.
33. Ҧилаҭгьы дырҩагьых
аиҳабырҭа дынҵалеит.
Аа́исагьы днаиыҧхены
«Аиаҳудҟәа рыҧысҳа
уара уаума?» ҳәа иаиҳәеит.
34. Аа́иса уыи арс иаҭаиҳәеит:
«Арыи уа ухы иҭыуҳәаама,
ма ҽа ҵьаук арс суарҳәама?»
35. Ҧилаҭ (арс) цҳәатәы иҳәеит:
«Сара сыуиаҳудыхыу,
аҳаҳам еҳабцәа и уыжәлар ыи

уыкыны уааргаит иыуыузыи?».
36. Ааиса цҳәатәы иҳәеит (абарс)
«Са сҕысҳара ҕсабартәында
аиаҳудиқәа срыдмыркырцы
сыматцауаа қәҕарын;
Уысҟанмзар са сҕысҳара араатәыиым».
37. Ҕилаҭ, «уҕысҳау нас уара?» иҳәеит.
Ааиса арс цҳәатәы иҳәеит:
«Ишыуҳәаз аиҕшы сара сҕысҳауп; аиашара
хадсырцарцы сиын аҕсабар
санылаит, аиашатәуаа зегьы сҳәа раҳауеит».
38. Ҕилаҭ уыи «Аиаша арбан?» ҳәа днаиазцааит;
(Уыи иыиҳәашаз ныиҳәа) ашьҭахь
Ҕилаҭ деиҭандәылцыхын аиаҳудиқәа уыс
раиҳәеит: «Арыи сара харак иывысбаʒауам;
39. аха уысы ҕасха мышныҳәан аҟны
дышәзаусышьҭраны иышәзаҕыу шәцас ауп,
убас ала аиаҳудиқәа ргҕысҳа
дышәзаусышьҭыр шәҭахыума?»
40. Уысҟан (дара):
«Арыи иакәым, Бараббас дауыжь!» ҳәа
иыҟеиҕхыҳәҳәеит; Бараббас дырҳәҟын.

19. НТӘЫИ АХАРА:

1. Уысҟан Ҕилаҭ Ааиса,
ддыркыны дыдиырыҕҟаит.
2. Абцьаруаагьы мыҕтәы хацатәык
иыхачаҕа инаихарцеит,
цәыиқәаҕшь маҭәа наишәырцеит.
3. «Аиаҳудықәа ргҕысҳа, мшыуҭауп!» ҳәа
иааины иҟаҳәҳәао иҟасуан.
4. Ҕилаҭ деиҭандәылцхын:
«Абар дыхшәыздәылсгао аха,
харак шиывсымбаз шәдыр»

ҳәа нараиҳәеит.
5. Уысала Ааиса даадәылҵыит:
Мыҕтәы хаҵатәы ихаҵаны,
цәыиқәаҕьшь маҵәа иышәҵаны.
«Уыи ауаҩы абар!» ҳәа
нараиҳәеит уырҵ Ҕилаҵ.
6. Аҳаҳам еиҳабацәаи уысбаҩцәаи
уыи данырба иеиҕьхыҳәҳәан
«Аԥьар дкыдҵаны дшьы!
аԥьар дкыдҵаны дшьы!» рҳәеит.
Ҕилаҵ уыс нараиҳәеит:
«Сара харак иывысбауам,
шәара дганы аԥьар дкыдшәҵа!»
7. Аиаҳудқәа арс рҳәеит:
«Хьыҙбак ҳамауп ҳаргьы,
ишаҙбао ала шьра иықәуп,
ихазы «Анцәа иҕа» иҳәааит азы».
8. Арыи ажәа ныиаҳа
Ҕилаҵ дышәан иаҳа:
9. Аиҳабырҵа дынҵаххыхын
«Уабатәыиыу уара?» ҳәа
Ааиса даниазҵааит, аха
Ааиса цҳәатәык ныиымҳәа:
10. Ҕилаҵ уыи (уыс) иааиҳәеит:
«Сара исауымҳәаҙауеи,
укыдҵарагьы уауыжьрагьы
шысылшауа узымдыруеи?»
11. Ааиса уыи (арс) иааиҳәеит:
«Хыхьынтәы иуыҵамында
уымчык сара исықәхаомызт,
уа сыузыркыз уыи аҟынтә,
иықәу агәрыҕса еиҳаҙауп».
12. Арыи нахыс Ҕилаҵ
дашьҵан уыи иаужьра аха
аиаҳудқәа (арс) иеиҕьхыҳәҳәаон:
«Дауыжьыр арыи, уара

акаисар уыиыуаҙам,
зыхы ҕысҳас иҟазҵао
зегьы акаисар[1] иымакԛыуп!»
13. Ҕилаҭ арыи ажәа
ныиаҳа Ааиса дааҭыиган,
Урыиашәала «Ґаббаҭа»
зырҳәауа аҳацҟьа аҕы иыҟаз
ахәҙбарҭаҕы дыигаит;
иар'ґьы ахәҙбаԛ иықәтәарҭа
дыхаланы дыԛықәтәеит.
14. Ҕасха ґымшын уыи аҕны
афбантәыи асаат азеиґҕш,[2]
Ҕилаҭ аиаҳудыҟәа:
«Абар шәґысҳа» ҳәа на раиҳәеит.
15. Аха, «Дышьҭых, дышьҭых, аԥьар дыкыдҵа!»
ҳәа иыҳәҳәеит аиаҳудҟәа.
Ҕилаҭ, «шәґысҳа иаума
аԥьар икыдсҵаша?» иҳәеит.
Аҳаҳам еиҳабацәа «Акаисар
иыда ґысҳа дыҳамам» ҳәа наиарҳәеит.
16. Уысҟан,
дкыдрҵарцы днарыиҭеит.
17. Уысҟан
Ааиса уыи дааиымырхын:
Дызкыдрҵашаз аԥьар
иара даҵа дрыцхалаит,
хыбаԛ зыхьҙыз, аԛадара,
Урыушәала Голгоҭа ахьыҙын уаа.
18. Ԛыԥьегьы иыцкыдрҵеит:
рыбжьара иа дкыдрҵеит.
19. «Аиаҳудҟәа рыґысҳа
Насиратәы Ааиса» ҳәа
ақәы ԛны қәԛырак Ҕилаҭ
аԥьар инахакнадиырҳаит.

---

[1] 19:12. Каисар зыхьҙыу Рома аимператор ҳәауп.
[2] 19:14. Ґымш зыхьҙыу амшныҳәа аґҕьа иыҟау амш ауп.

20. Аиаҳудқәа шьардаҽы
уыи ақәҽыра иагҵхьеит;
Ааиса аԥьар икыдҵарҵа
ацыуҵа иахьазааигәаз,
ақәҽырагьы Урыи бызшәаи
иунан бызшәаи лаҵыншәаи
рыла иыхьҽыз азы.
21. Уысҟан аиаҳудықәа рҳаҳам еиҳабацәа
Ҕилаҵ арс иарҳәеит:
«Аиаҳудықәа ргҕысҳа» ҳәа уымҽын,
«Сара аиаҳудықәа ргҕысҳа сауп
«иҳәеит ҳәа ҽы».
22. Ҕилаҵ уырҵ цҳәатә рыиҵаит:
«иысҽышаз зҽыит (иҳәеит).
23. Ааиса данынкыдрҵа,
иымаҵәа абԥьаруаа иырган
бԥьаруаҽ ҕхьаʒе хәҵак иауратә
ҕышьбаны иыршаит; иыцкыгьы[1].
Аха иыцкы ʒахымкәа,
ауразаурау исын азы,
24. «Арыи ҕыҳымжәааит, ҳаисап
иҳаиааиуа игааит» рҳәеит.
«Сымаҵәақәа еиҟәршаит,
еисарала изызкашәаз схаргҕ игаит»[2]
ҳәа ашәҟы ианыу ҟалартәы.
25. Абарҵ руыит абԥьаруаа.
Ааиса ианыи
иан лахьшьа и Клоҕас иыҕҳәыс Мериам ыи
Магдалтәы Мериам ыи
Ааиса иԥьар иамҵагылан.
26. Уыс ишыҟаз Ааиса,
бзыиа иыибаоз иматцаҕаи
ианыи иымҵа ишыҟаз ибан:
«Дыи аа, абар быҕа!» иҳәеит.

---

[1] 19: 23. Хатца цкы, харгҕ ауы.
[2] 19:28. Мезмер 22:18.

27. Уыи ашьҭахьгьы «Абар уан!» ҳәа
аматцаҕагьы инаиаиҳәеит.
Уыи нахыс иан аматцаҕа
иыԥны дганы диыдиыкылаит.
28. Арыи ашьҭахь Ааиса шьҭа зегь шынаʒаз
дырны, ашәҟы ианыу[1*] ҟаларатәы,
«Аʒба сакыит» иҳәеит.
29. Уаа бжьеила иҭәы маҭакгьы ыҟан,
абԥьаруаа абжьеи шәынгьарк иаларч
ацәы ихатца иԥы аҟны инаргаит.
30. Ааиса абжьеи ныицәа:
«Инаʒеит!» иҳәеит,
ихы лаиырҟәыит,
иыҕсы ааҭытцыит.
31. Аԥены хәашан, Ҕымшын
асабша мышныҳәа дыуын азы
аҕсыжтәықәа асабшаԥены аԥьар
ианымхаларцы ршьахәаҟәа
ҕыцәцәаны икыдыдиырхырцы
Ҕилаҭ иыҳәеит аиаҳудқәа.
32. Уысҟан абԥьаруаа ааиын,
ҕыхьатәыиыи, нас Ааиса иыцкыдырцаз
агьыиыи рышьахәаҟәа ҕырыцәцәеит.
33. Аха Ааиса иԥы ианааи иыҕсы шыихыцхьаз
рбан ишахәаҟәа ҕырмыцәцәеит.
34. Аха абԥьаруаа рыуа аʒәы, иывара
аҕса нналаиҭа шьаи ʒыи ааиылыжжыит.
35. Иызбаз иаҟәиыриашаит,
иҟәыриашара иашауп;
иазхашәцаразы иыиҳәаз
шыиашау иар'гьы идыруеит.
36. «Иыбаԥыкгьы ҕцәарым»[2*] ҳәа
ашәҟы ианыу ҟаларцы арҭ ҟалаит.
37. Гене даԥа шәҟык ианыу гьы.

---

1 Мезмер 69:21.
2 19:36. Тызен 12:46; Мезмур 34:20.

«Изыҕрырҳәаз иыхәагҵшып»[1*] аҳәаоит.
38. Арҵқәа раамышьҵахь: Ааиса дыиматцагҵаны,
аиаҳудқәа дрыцәшәаны зҽеызҳауаз
Аримаҵиатәы Иасыф,
Ааиса иыгҵсыжтә акыдхыра дақәыиҵыитәырцы
Ҕилаҵ дыиыҳәеит;
Ҕилаҵгьы уыи дақәыиҵыитәыит:
уыс дааины Ааиса иыгҵсыжтә кыдыихыит.
39. Ҕыхьан Ааиса уахынла изааз Никодим гьы,
ҵлафҿыхаа[2] и ҵлагемҿаца и еила чагҵа
шәбаѣа кәапеи иыркышаз иыманы дааит.
40. Убарс Ааиса иыгҵсыжтәы аахәаны
аиаҳудықәа иырҵасыу агҵсы жышьа ала уырҵ
зқәырҵәаз ақәатәалых ҕсыкәырша ааиыкәдыршеит.
41. Дыхькыдырҵаз баҳчак[3] ыѣан,
азҳәы дыхьжымхац дамра ҿыцк ҵан;
42. Аҽены ахәаша иаҳуд ҕымшын,
иар'гьы ааигәан азы аҽены
уыи адамра дҵарҵеит Ааиса.

20. НТӘЫИ АХАРА:

1. Амчыбжьы ахантәыи аҽыны,
макьана аамшаскәа цәыкьаны
Магдалтәыи Мариам дааит анышәынҵраҿы;
Анышәынҵра ахаҳә шкыдхыз аагәалҵеит.
2. Дынатцѣьаны Зусҳан Ахраи
Ааиса бзыиа иыибаоз
агьыи аматцагҵаи дрызцаны

---

[1] 19:37. Зекезыиа 12:40.

[2] 19:39. Фыҿыхаатцла: Ҵырқәшәала Саресабер *Ödaĝecl* – Ҵлафҿыхаа урысшәала Алоиа зырҳәао ауп.

Ҿацатцла: Ҵырқәшәала Mŭr, урысшәала Смирна зырҳәао ауп.

Ҵлагемҿаца угьы уыи ауп.

[3] 19:41. Арыи; уыҵрау, шәырҵрау, ашҵау еилкаам азы ахҕа иырзеиҕшыу хьыҳыс Баҳча ҳҳәеит.

«Анышәынҭра дҭырхыит Ама
дахьыргазгьы ҳаздырам!»
ҳәа ралҳәеит.
3. Ахраи агьыи аматцагҩаи ндәылкьаны,
анышәынҭрахь иеиццауан.
4. Иеибарыԥуан аԥыцьагьы,
аха агьыи аматцагҩа Ахра иеиҳа дласын
азы анышәынҭраҷы ҩхьа уыи дааит.
5. Дылаҟәны данынҭагҩшы,
ақәатәа ҩсыкәыршақәа шышьҭаз ибеит,
аха анҭара дыҭамлаит.
6. Иышьҭах дааиыит Зусҳан Ахра,
дагьынҭалаит анышәынҭра,
ақәатәа ҩсыкәыршақәа шышьҭаз иыбеит,
7. Ааиса ихакәыршагьы хакәырша ццахагьы
агҩсыкәыршақәа ирыцшьҭамкәаны
хазы ԥьара иеикәаҳәа иыбеит.
8. Анышәынҭраҷы ҩхьа иааиыз
агьыи аматцагҩагьы уажәы
дынҭаланы ибеит; иыгьхаитцеит;
9. Избан: Уажәраанӡа ирыздырӡауамызт
Ааиса агҩсцәа рҟынтә
дгылараны ашәҟы ишаныу.
10. Аматцагҩацәа убасала,
шьҭахьҟа ихынҳәыхт рыԥныҟа.
11. Аха Мариам анышәынҭра дадгыланы
дытцәыуан, дыгьтцәыуа дагьылаҟәын
анышәынҭра дынҭагҩшыит.
12. Ааиса иыгҩсыжтәы хьышьҭаз,
маҭәашла иеилаҳәаны ҽы мелеԛьцәак,
аӡәы аханы,
аӡәы ашьапаны итәаны лбеит.
13.«Бызтцәыуазыи дыи?»
ҳәа дар'гьы налазтцааит.
Лар'гьы: «С'Ама дышьҭырхт дысбауам!
Дахьышьҭартца сыздыруам!»

ҳәа наралҳәеит.
14. Уыи ҳәа лышьҭахь данынхьаҕьш
Аа иса дышгылаз лбеит,
аха Аа иса шиакәыз лзымдырт.
15. Аа иса, «Бызҵәыуазыи дыи,
бзышьҭада?» ҳәа налаиҳәеит.
Лар'гьы абаҳчаҕьшыҿ иакә ԥьылшьан:
«Ԥьым! уа дышьҭыухызар
дахьышьҭауҵа сауҳәар
сар'гьы дышьҭысхып» лҳәеит.
16. Аа иса лара «Уа Мариам!»
ҳәа налыԛәҷыиҭыит,
лар'гьы даахьаҕьш «Раббуни!»
ҳәа дҿыҿныҵәааит: «Раббуни»
урыи бызшәала «Арҵаҿы» ҳауп.
17. Аа иса уыи (абарс) лаиҳәеит:
«Бысхьымсын аҳҳаи! Избан,
Аб иахь схамлацт макьана;
Аха бцаны:
Сар'гьы ис'Ӄбыу шәар'гьы иышә'Ӄбыу,
Сар'гьы иыс'Ӄнцәау шәар'гьы иышә'Ӄнцәау
иахь сышхалао сашьцәа ираҳәа».
18. Магдалтәы Мариам дыцаны;
Ама дшылбаз, арҵ шлаиҳәаз
амаҵаҕьацәа иыралҳәеит.
19. Аҽны мчыбжьы хын, ахәылпҕьан
амаҵаҕьацәа реизарҵан,
аиаҳудԛәа ирыцәшәаны ашә шаркыз
Аа иса даа иын «Мышрашәҵауп!» ҳәа
даарыгәҵылагылаит.
20. Уыбрыи наҳәа иынапԛәаи
иыԥатараи надыирбеит.
Амаҵаҕьацәагьы,
Ама дахьырбаз иеигәырҕьеит.
21. Аа иса адырҿаг: «Мышрашәҵауп!
Аб сара сшааиышьҭыз аиҕьш

сар'гьы шәара шәсышьҭыуеит»
ҳәа нараиҳәахт.
22. Арыи ныиҳәа днарҷатәҳәан
«Аҧсыцқьа шәымаз» иҳәеит,
23. Гәрыҧса зызшәырԝао ирызԝауеит,
иыззышәмырԝао ирыдхалауеит».
24. Ажәаԝаа, раʒә - Ациыгьы зырҳәаоз – Ҭома
Ааиса данааи дрыламызт.
25. Агьырҵ аматцаҧацәа уыи:
«Ама дыҳбеит» ҳәа иарҳәеит аха иара,
«Инапқәа рҷы аҵәымҧы шьҭа сымбакәа
аҵәымҧы шьҭақәа смацәа нарықәсымҵакәа,
иыҟатарагьы снапы нақәсымҵакәа
иыхасҵауам» иҳәеит.
26. Аа мшы рышьҭахь адырԝегь:
аизарҵаҷы аматцаҧацәа ыҟан,
Ҭомагьы дрыц ыҟан
Ашәқәа шаркыз Ааиса дааԝнашылан,
даарыгәҭылагыланы «мшышәҵауп!» иыҳәахт.
27. Нас Ҭома (арс) наиаиҳәеит:
«Уымацәақәа аарау, снапқәа урыҧшы,
сҟатарагьы унапы надкыл,
ухамҵаԝымхан, ухаҵаԝха».
28. Ҭомагьы уыи цҳәатәыс:
«С'Ама, с'Анцәа!» ҳәа иаиҳәеит.
29. Ааиса уыи (уыс) иаиҳәеит:
«Сыубан азы схауҵеит (уара),
амраиасхаит сымбақәа схазҵао!»
30. Ааиса иматцаҧацәа рҷаҧхьа
зеиҧшҟамлацкәа иыҟаиҵақәаз
иыҵегьы ыҟауп шьарданы
арыи ашәҟы ианымлац.
31. Амала
Анцәеиҧа Мысиа Ааиса шиакәу хашәҵарцы,
Дхаҵаны иыхьʒ ала абзачара шәаурацы
абарҵ ашәҟы ианылеит.

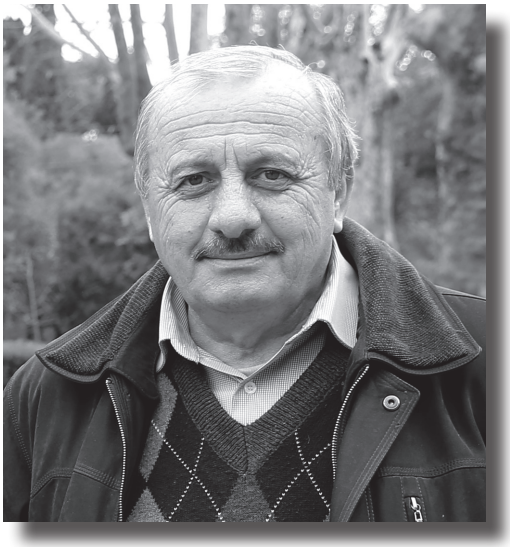
21. НТӘЫИ АХАРА:

1. Арҵқәа рышьҵахь Ааиса адырԥегь,
Ҭабариа амшын аҧшаҳәаны
иматцаҧацәа ыҽеыдиырбахт;
ыҽешыдиырбазгьы абарс ауп:
2. Зусҳан Ахраи Ациы Ҭомаи
Галиле иатәыу (ақыҵа)
Канатәы Наҵанаилыи,
Сабыда иҧацәаи
иматцаҧацәа ҽеа ԥыцьеи еицын.
3. «Ҧсыʒкыра сцауеит» ҳәа
нараиҳәеит Зусҳан Ахра.
«Ҳар'гьы ҳуыццаоит» ҳәа иарҳәан
Иынҵытцны ашхәа инақәтәеит дара;
ак'гьы рзымкыит ауыха.
4. Ашамҵазы агаҷа
Ааиса дхыԛәгылан, аха,
убрыи Ааиса шыиакәыз
аматцаҧцәа иырзымдырт.
5. «Фатә шәымазар сыҵкәынцәа?»
ҳәа раиҳәеит Ааиса дара,
«Мамау» ҳәа ниаҵарҳәа:
6. «Акаҵа ашхәа арҧьарахь
иышәыршә иышәбап» ҳәа раиҳәеит;
убасала инадыршәын
ҧсыʒ рацәа акыит азы
акаҵа рызҵыгаомызт.
7. Ааиса бзыиа иыибауаз аматцаҧа убырсҟан,
«Ама иакәуп арыи» ҳәа Ахра инаиаиҳәеит.
Зусҳан Ахрагьы (уыи) Ама шиакәыз ниаҳа,
ихарҧ ааикәыршаны амшын иҽалаиыжьыит.
деилыхын азыҳәа.
8. Аха агьырҵ аматцаҧацәа,
аҧсыʒ каҵа иахауа ашхәа хәыҵы ала иааит,
Ага ԥы шә ра раҟара иахьазааигәаз амшала.

9. Иыʒхытҵны адгьыл иыннықәгыл,
иыжжаʒа мцак еиқәны,
ҧсыʒыи мгьалыи ақәны рбеит.
10. Аа иса уырҵ:
«Уажәы иышәкыз аҧсыʒқәа
реиуа аашәга» ҳәа нараиҳәан,
11. Зусҳан Ахра ашхәа дҵалан
шәыи ԥынԥажәеи жәаха ҧсыʒ дыу
рыла иҵәыз акаҵа даахаит;
арсҟа ҧсыʒла иышҵәызгьы акаҵа ԥымжәеит.
12. «Шәааи, шьыжьхә шәфа» ҳәа раиҳәеит Аа иса.
Ама шиакәыз рдырын иматцаҧцәа аʒәʼгьы
«Уара узакәыда?» ҳәа иазҵаара рзымгәыԥьыит.
13. Аа иса дааины амгел аашьҵыхны ирыиҵеит,
убасала аҧсыʒгьы нарыиҵеит.
14. Аҧсцәа рҟынтә дыгылаижьҵеи
Аа иса иара иматцаҧацәа
арыи хынтәтәыины иԥыдиырбеит.
15. Уыс рышьыжьхә нырфа Аа иса
Зусҳан Ахра днаиазҵааит:
«Уара, Иоҳан иҧа Зусҳан!
анҵ реиҳа бзыиа сыубауау?»
Уыигьы уыи (уыс) иаҵаиҳәеит:
«Аа и, сара уара ушысҵахыу
уара иыудыруеит Ама!»
Аа исагьы уыи:
«Ссара рҳәла» ҳәа наиаиҳәеит.
16. Адырԥегь уыи днаиазҵаахт:
«Уара, Иоҳан иҧа Зусҳан!
Сара бзыиа сыубауау?»
Уыигьы уыи (уыс) наиаиҳәеит:
«Аа и, сара бзыиа ушысбауа
уара иыудыруеит Ама!»
Аа исагьы уыи:
«Суасақәа гәархла» ҳәа наиаиҳәеит.
17. Деиҵа иазҵаахт адырхагь:

«Иоҳан иҧа Зусҳан уара,
сара бзыиа сыубауау?»
Арыи ахынтәтәыи «Бзыиа сыубауау!» аҵаара
Ахра иылахь ааиқәнаҵеит.
«Зегьы удыруеит еи ама!
Ушысҵахыугьы удыруеит» ныиҳәах,
Ааисагьы уыи:
«Суасақәа рҳәы» ҳәа иаиҳәахт.
18. «Аиаша иашах уасҳәап уара
Уаныҷкәыназ уара ухала уҽеикәаҳәа
иахьыуҵахыу уцалауан;
Аха уынлыгажәхалаак,
умахцәы наурауп, тәым уыикәарҳәап,
иахьыуҵахым уыргалап».
19. Арыи, Анцәа зеиҧшы ҧсышьала
уиырдыууа ардырразы иҳәеит.
Арыи ныиҳәа ашьҵахьгьы
«Усышьҵаны уааи» иҳәеит.
20. Ааиса бзыиа иыибауаз,
уых чанк ихы Ааиса игәы
иынкыдҵаны «Еи Ама!
уыдзыркыуа дзакәыда? »
ҳәа иазҵаауаз аматцаҧ
дырышьҵаны дышааауаз
Ахра даахьаҧшын дыибеит.
21. Ахра арыи даныиба,
«Еи Ама! арыи дышҧаҟалао?» ҳәа дҵааит.
22. Ааиса (арс) иаиҳәеит иара:
«Сара саанӡа уыбзазара
сҵахызар уа иыузалаи?
Усышьҵаны уааи уара».
23. Арсала аишьцәа ирылаԛыит
уыи аматцаҧа дҧысуам ҳәа,
аха Ааиса «Дҧысуам иымҳәеит,
амала:
Сара саанӡа иыбзазара

сҭахызар уа иыузалаи?
акәын ҳәарас иыҟаиҵаз.
24. Қәыриашара рызханы
арҭқәа ашәҟы ианызҵаз
аматҵагҩа иара иауп,
иыихаз ақәыриашара
шыиашаугьы ҳдыруеит.
25. Арҭ рыдагьы шьардаӡа
ҟаиҵатҵәеҟьеит Ааиса, аха
акакала зегьы ѡхар
дыгьылтәылан иазкырым
ашәҟықәа ҳәа сгәы ѡауеит.



Ажәеинраала ҟыцқәа

СЕРГЕИ АГЫНДИА

***

Ҟыц ажәҩан аблақәа хтит,
Инаҳаԥшит ауп, абахә ҭакнаҳа.
Амра шәахәақәа рашәа хдыртит,
Ицәоуп адгьыл иаҭамшәа гәнаҳа.

Ахалаза аԥша наскьа иҧьазкит,
Иахьагәыҭаршәу адунеи анапқәа.
Ус, аԥьыԥьахь аԥсаатәгьы хынҳәит,
Амҩан ишаргәаҭеиуазгьы ақәа.

Наҵ адәеиуажьра ԥштәык наҳаҳәит,
Агәы шьҭыҭцәоит – ашьацра ацәқәырԥа.
Ашьшьыҳәа ажәҩан инцәыҭазан
илацәҵәит,
Шьҭа ашәҭқәа еиҭаркын рыԥштәқәа.

Ааԥынра иныҭак зааза ҟнаҭит,
Аха, сыбзиабара ицәыргам мазоуп.
Бҳәыҳәқәа раатрааҳ сыԥсы лаҳәит,
Ба быблақәа зыхьԥшьан исхьыршоуп.

***

М. К.

Аԥсҭазаара – аԥхыз шкәакәа,
Дыгәнаҳауп имҩасыз имбазакәа.
Ус, блақәак рымаза ихыхәхәала –
Сгәаҵа ардысуеит – лахьынҵала.

Нас, исҭаххаргьы дсызґьычзом,
Шьҭа иҷеыстҭзаргьы илыгәыҩзом.
Ҳәыҳәи – ҵыси рыԥсы рзоит –
Хьаак ҷыхар ҳәа сацәшәоит.

Снаскьалома лызхәыцра сгәыҵак,
Ԥсгарҭас исымоуп – ҷымҭрак.
Ишәарҭазам сара сахьыԥам, -
Ишәарҭазоуп са сзы дахьыԥам...

Гәыґрак аеурақәа ҷаҳәоуп,
Иҷазҳәазгьы ҳазшаз иоуп...
Ашьхарахь иҭалаз зыԥсы –
Иҵзозеи, иҳахьҵәыуоишьҭеи асы?

Ашықәсқәа ԥсаатәқәоуп, уааароуп –
Аапынра акәа иҭатәоуп.
Машәыршәа агәы маза ҷнаҭыр –
Дунеикгьы агәылшәоит апатԥәыр...

***

М. К.

Аапынтәи ашәҭқәа – рзамҩа ԥапшьуп,
Ԥҳәызбак еимхәыцҵас лыхәда ихшьуп.
Аапынтәи амшқәа – акрыԥоуп снапшын,
Изхыҵыз ақәыԥшра, ицәқәырԥо амшын!...

Зааза ишәҭуа – усԥан, са сгәоуп,
Зааза ишәҭа – усԥан, ба бгәоуп.

Ааԥынраз дыҟоума ашәа зымҳәац,
Ақәыԥшра иахәаҽуа – игьежьуа зыблахац.

Ааԥынтәи ашәҵқәа – рымаза хазуп,
Шьҭа – бхәыҷым, Анцәа иԥьшьоуп!...
Адунеи дузза ашьацқәа шьацәхыртәуеит,
Ҳаԥсқәа иаҳцәеилалаз харантә иааԥшуеит,

Ааԥынтәи ашәҵқәа...

АМШЫН ИУХЬЗЕИ?

Амшын иухьзеи?... угәы уцәхыҵит,
Уцәқәырԥ шыгәырԥо еиқәтәома?
Сгәыҕра еыхәагьы сашҭа иҭыҵит
Ашьҭа схылан наҟ снаскьома?

Иаха аҵхаҷы амацәыс хысит,
Ишәазызо абыҕьқәа кашәома?
Амза шәахәа узамԥа иаҷысит –
Шьҭа угәы рҭынчны узыцәома?

Издыргәшьоит азәы дыуцәызит,
Сара сзышьҭаз Зызлан лоума?
Иҳазгәамҭазо ҭынч днаҳԥырҵит,
Ҳарҭ ҳшеицгәырԥа ҳаицҭахома?

Узырччазеи амшын?...

ИШЫҞАЛАЛАКГЬЫ

Ишыҟалалакгьы, нас мышкызны –
Иаҳԥеԥшзар, ус ҳаиқәшәап.
Иамузозар, инықәԥрааз ԥсаатәны –
Адунеи ҳнықәсны ҳнаскьап.

Сыԥхыз баласхуан ааигәа бшыҟаз –
Сгәы бацәыззон – бысҵәахуан.
Лахьынҵоума сыжәѡа ҭызҟьоз –
Ацәқәырԥ сҽаҵәоушәа схәаҽуан.

Амѡа сықәнаҵ хьаак сгәыҵак –
Сгәаҵа иҭыѡуан аамҭа абжьы.
Аҵх снаҭәхҳәоит иҽымцәаарц кәицқәак –
Нас, ҳамҭак еивызгаларц сыԥсы.

Даҽа зныкгьы, ишыҟалалакгьы –
Амш ныҳәа – агәашә аартыз.
Инцәыҵаза ихәыҵхәҭуаз ааԥынракгьы –
Ҳқәыԥшра амазагьы абла хтыз –

Сшыҟаз гәаамгзо – ба быччон...

АБГАҚӘА РААҬЫНРА

Ҳхан аԥенҵьырқәа рҟаҭәеит
Д. Габелиа

АбгаҚәа сҟәысцазшәа сгәы рҭынчны стәон,
Аха, ааскьа урҭ рыбжьы цәгьалаҵәҟьа игон.
АблаҚәа ҭырхуан еимактәхаз ҳхан –
Сыԥсадгьылаҽ иҟаз, акызаҵәык кәашаран...

Зны, азиас иаццаз аамҭакгьы хынҳәуан,
Дырѡегьых, ҵьоукы иҭабылгьарц ҳгәыла ичуан.
Ҟамчыкгьы шьҭыхны бираҟҵас иркуп,
Ҳахьынаԥшуа Драндатәи абахҭа ашә аартуп.

Унан, даушла, даушла рыц еихакшоит –
Галаа рыԥсыбаѡ азлагараҽ ирлагоит.
Ауахәама ашҭаҽы... аԥьныш дыԥшуп –
Ҳазшаз уабаҟоу?... ацәашьы былтәуп.

Уажәы, бгассак наргоит иртәым аҭарчеи,
Еизырцоит Нхыҵааи-аахыҵаи рыцьмеи руасеи...
Нас, ҳцомашь ҳшыҟоу?... иҟоу мбатәуп,
Ҟәыршьқәак ҳзызшәо ҳәынҵқаркгьы ҳаитәуп...

***

Аамҭа изыхгылоу ахра хышқәа,
Адунеи анапсаргәыцаҽы – иҟҿатәоуп.
Жәҿан иаҭынчроу аҧҭа цәышқәа,
Раҳра рымазкуа – дхаразоуп.

Ҳазшаз иччаҧшьоума ааҧын зыршәҭуа,
Аҧсабара аблаҟәа – иаҳҭынчроуп.
Ҧааимбарк иашәоу азыхь хәыҵхәыҵуа,
Рыжәтәцас бзиабарак – узҭаҭәоуп.

Геи-шьхеи ҭынч изызхәыцуа –
Ари аҧсҭазаараҽы – зегь мазоуп.
Урҭ ахышқәа рымцәыжәҿа еиҵызхуа,
Цәашьык цәымзахан иаркуп...

АДГЬЫЛ АЛЫМХАҼ

Адгьыл алымхаҽ ашәҭқәа канзоит,
Ашәҭқәа канзоит – сҟәыҧшра сыхьцәыуарц.
Геи – шьхеи рыбжьара ҟамчыла срыҧҟоит,
Ҟамчыла срыпҟоит – ашҭа сҭырцарц.

Сааҧынра ныжьны злагарак лагоит,
Злагарак лагоит – ашәышәбжь ахыҿуа.
Ҭагалантәи ҿеыхәа ашьамхқәа кәадахоит,
Ашьамхқәа кәадахоит – са соума изыкәгәыҵуа?

Сымаалыкь сыҵкәын иҟәра сҵаҧшьоит,
Иҟәра сҵаҧшьоит – сыкәра дахьымзарц.

Сара ҭынч, ҭынчрак сыԥкәшәоит,
Ҭынчрак сыԥкәшәоит - ԥсаатәқәан ишьҭыцларц...

Адыд – мацәыс аҭынчра иагәылшәан,
Аҵх ахы нылак – инашәышәит...
Ҳара иҳазгәамҭазо аамҭа хыркәшан,
Шьыжьтәи ашәаԥшь – наҳҷашәит.

Уажәы быбжьахеит гуарабжьарак,
Иҷыцәааит амца – маҷкгьы хьҭоуп...
Зны имақаруаз, бзырсма кәарак?!
Ацҳа ихыугьы – аԥынроуп, -

Адыд – мацәыс...

***

Амш иалаҭәааназа ашәаԥшь,
Ашарккаҩы арбаґь ҷнаҭит.
Аҵх иналԥрааз аҳәынҵәраԥшь,
Агәыҵа шьала иршәит.

Аамҭа азыԥшра азхымго –
Шьынҵа-кьынҵа инаскьон.
Быԥсы уаара сызхымго –
Сгәаҵаҷ быжәла ласҵон.

Аҵеԥьхтра насыԥ шкәакәа –
Аԥсҭазаара агьама ацәкаҭәоит.
Сгәы анцәахәы дсымбазакәа –
Сышәҭыц ихала ирашәоит,

Быԥсы уаара сызхымго...

АԤӘАТӘИ АҚӘА

Аԥәа иауит ааԥынтәи ақәа, -
Шьыжьнаҵы ибаазан апальма анапқәа.

Иныҵак иччоит «Амра» алакҭа,
Адгьыл иалацәҟәуеит аамҭа ахаҭа.
Ласбоушәа ишьҭаиан ацәқәырԥ ааскьоит,
Анымха-хымҵәа ԥшакгьы кәашоит.
Аԥхыз еиԥш иҭынчуп амш зынза, -
Аҵарақәа рашәа гоит хараза.

Жәоанаҷ аԥсҭҳәаақәа аҭарчеи ныкҟәрцоит,
Ԥҳәызбак исыхәлаччаз лхала днаскьоит.
Адунеи еиужьра... амшын аҟәара,
Игәхьааго стәами сжәытәтәи сҷара.

Аҟәа иауит ааԥынтәи ақәа,-
Шьыжьнаҵы ибаазан апальма анапқәа...

***

Сара бҭынчра саҵәшәоит,
Махәык абгьыц аҷшәазшәа.
Зиасҵас бҷеымҭра лакьҭоит,
Зана бшызбогьы бынцәахәушәа.
Быгәҭыхан – дунеик зқәыршәшәоит,
Ихысцәаарц егьсыгым бызхәыцра.
Сыбзиабара аблақәа кәашоит,
Сахьаларшәу аамҭа азхыҵра.

***

Уаҳа иаасзымдырзо – ухы-уҵыхәа,
Саԥхьа уаакәаԥкәаԥит адырганҵыхәа.
Ашьшьыҳәа ууаҭгылан унасҷаԥшит,
Гәыргьарак сгәаҵа инҭаҳәит...
Иахьа аамҭа аԥсы уаҵаҵан –
Сышҟа ухынҳәыма? – ааԥынран...
Ашьацра хәмаруеит, амра ԥхоит –
Ԥшаласк аччашьа снарҵоит, -
адырганҵыхәа...

***

Иҟалазеи ҭынч сызтәом –
Аҷыт бжьы саршәама?
Уажәы сааигәа бызбазом –
Нас иаҳа бхарахама? –
Усгьы акәыз – акгьы сҳәом –
Махәык ахала иԥцәама?
Бышҟа уаҳа схынҳәзом –
Уиак бдыруаз – аргама...

***

Иҵәаа – ҵәаауеит аԥша адәныҟа –
Ауеыхәа ццышә ашьамхы – ласуп.
Уахагьы иаҳзеибымҳәеит ҳагәҭыха –
Аҵх аԥыцьбара – ҭарцәуп.

Ихыҭҳәааup уажә амш ашара –
Амза аблаԛәа – ҭааueит.
Ԥазәы дихәлаччозшәа сыблеиԛәара,
Сабиҵас сгәы ԥшааueит.

Аха иҟоуп аамҭа гәҭыхак –
Ашьауардын еиԥш –иҳаракуп.
Ажәԥан иаҷалакьueит аԥсыхаак –
Сан лнапсаргәыҵеиԥш – иҭацәуп.

Ус, аҷыҭбжьы ҷамԥа - ԥсыхәа –
Иаҳзыгьежьуама – ҳаизҵааueит?
Наунагза иаҳнаҭазом аԥсыха –
Ԥсаатәҵас ҳаамҭа ԥыруеит.

Иҵәаа-ҵәаауеит аԥша адәныҟа –
Ауеыхәа ццышә ашьамхы – ласуп.
Уахагьы иаҳзеибымҳәеит ҳагәҭыха –
Аҵх аԥыцьбара – ҭарцәуп.

***

Сеидру изыргьажьуа сыблахатц –
Ҩыцс ибасҳәои – ибмаҳаҭ?
Усҟан сажәаҟәа рзыхь ҭабеит –
Бара бызнаҽыԥшыз – дыбгәаԥхеит.

Дааҭгылозма?... бышьҭых бигеит –
Тышак бнаҭоит – биҵәахзеит.
Ибызцәырмго бымоума мазак –
Сара бабылуазшәа зызбои мцак?

Нас, агәра сзымго сдунеи ааҳәит –
Гәҟәак сырзызырԥын – сыхьҭашьит...
Аԥсҭазаара сагәылахеит сгәы шабо –
Исыԥсыхәои, сынҵәар, - азы шынҵәо.

Сеидру изыргьажьуа сыблахатц –
Ҩыцс ибасҳәои – ибмаҳаҭ?...

***

Амаҷкгьы мап – адугьы мап –
Нырцәи-аарцәи роуп – ҳазнышәо.
Наҟ ауп усгьы – уа ҳанхап –
Адгьылтә ԥсҭазаара аԥхыз ҳангәылшәо.

Усгьы ирҳәап – арсгьы ихкәап –
Ар дырԥызоуп ацәгьа ҳзызҳәо.
Уи ҳааиҟәатцып –ҭынч дынхап –
Аха, хаарас иатцои ицәашьхәы аныцәо?...

СЛЫМХА ИНҬАԤИТ

Слымха инҬаԤит – ашьа аҽыҭбжьы –
Иныԥныцәааит сгәыгра – соушьҭ, сышьҭы.

Дерҿегьх, аԥсабара ҙлагара лагоит –
Аԥсҭазаара ҽыкәаша ашьҭа кабоит.

Скациҳабла ԥшза – сара сҳәыԥҵәраԥшь –
Уахәаман уахагылоума Ԥақәашь?
Аҵх иагәылсыз – снышь хәыҷ наскьоит –
Блақәак рызмыжьраҽ апҟақәа ҙсоит.

Сишь! Ашьарҿаш – аҵәыуабжь заҳада –
Ма, гәеисрак ззымчҳакәа инаскьахьада?
Иацтәи сыбзиабара ашәҭқәа шәаҳәоит –
Амҿа сыԥқәнаҵ шәахәаԥқәак сыхьҙоит, -

Слымҳа – инҵаҿит...

***

Аҟәа акәзам ҳԥьыԥь ахьыҟоу –
Иҟоуп ҳԥьыԥь – Кәтол, Ԥақәашь.
Ԥхыз лабҽабошәа наурҵас иҳашьҭоу –
Ақалақь иалырцарцу –ҳа ҳҳәыԥҵәраԥшь?

Нас, еилзыргода иужәлоу, исыжәлоу –
Аамҵа иҽыжәнаҵаз, - ҳаґоу дырҵоуп.
Амшеикәшараҽ – дарбан иаҳԥызоу –
Уасаԥәак ҽызмҵзо – ҳашҵагь ҭшәоуп.

Адунеи ахыдара ашьҭа ҳҵысхьоу –
Ҳаԥсадгьыл ахәышҵаара амца шцәоуп.
Ҳаԥсы еиҿнашоит – хызаҵәк ихысхьоу –
Ԥсаатәҵас ҳамҵәыжәҿаԥәа ԥыҵәҵәоуп, -

Аҟәа акәзам...

***

Сара сцоит ашьыжь – амшынахь –
Аԥсҭазаара аҽыбгарра ахыԛәахь.
Уаҩ ҵеиԥь дук аҵа – сҭаԥшуеит –
Слахьынҵамԥа ацәԛәырԥԛәа еилашуеит.

Сымшԛәа рҳәааҽы ԥьоукы – еиԛәшоит –
Ахалаза шәҭык сыкәа иҭашәоит.
Сыкәа иҭашәозгьы ахала – аҽеашьуан –
Сылаԥш ахьызсон ажәԥан амардуан.

Дгьыли – жәԥани реиуара – срыбжьакуп –
Зана ахьҭа бысцәакыма?... бсырԥхарц сҭахуп.
Сара сцоит ашьыжь – амшынахь –
Уахь, аԥсҭазаара аҽыбгарра ахыԛәахь...

***

Иахьанзоуп, нас иҩоу – аҽымҭроуп –
Инеиужьу аҭоурых ду иаԛәаҵоуп.
Аха, ааанза лахьынҵамԥак – узнысыз –
Ҿыхәа иаҵәак ажәԥан иагәылсыз.

Аамҭа азиас маҷ-маҷ – исыцәҭабоит –
Унан, сԛәыԥшра иахьагьы еиԛәҩьашоит.
Ашьхыцԛәа ирхыԥуеит адыд абжьы –
Ԥсҭазаарак уазыруеит иҵырхызшәа аҩамчы.

Иахьанзоуп, нас иҩоу – аҽымҭроуп...

***

Есааира исызҽызҭуаз, есааира исызҽызҭуаз,
Иахьанза исышьҭаз сырхашҭуеит уажәжьҭа.
Ишәҭахыз са сакәзам, ишәҭахыз са сакәзам,
Сзымҵәыуо ма сызмччо сыкәахаҵәҩьеит шьҭа.

Сгәазхара шәысзымбазеит, сҵәыуабжь шәылзгеит
Аамҭа, азхыҵра, ашьхыцқәа адәаҽы.
Аццышә заҵә уазыруеит, аццышә уазыруеит,
Аццышә иадыруеит абылра агәҭакы.
Иахьанза исызҽызҭуаз, иахьанза исызҽызҭуаз,
Баша сышәхашҭ уаҳдыруан шәымҳәан.
Адыд-маҵәыс шәхысуаз, шәхьаагьы зхыҵуаз,
Уаҳагь схьаԥшзом, шәыбжьы сышәмырҳан!
Шәлакәаҽ са сыԥказ, ма шәыԥхызаҽ сыцәаз,
Шәыԥканаҵ шәгәы еислааит аҭҳара.
Кәицқәак еихәлашәҵаз, бзиабарак иагәыцшәаз,
Сыԥсҭазаара ыԥканаҵ иаҽыз сбылра! –
Уаҳа сызҽырымҭзеит...

***

Издыруеит наԥ бхарахеит –
Быхьз заҵәык ауада иԥонаскьит.
Шәахәоушәа быблаԥәа хаахеит –
Са сашҭа ахьшь нҭасит.

Ҳгәеисыбжь абжьы ҳаҳазом –
Ҳәааԥәак рыбжьара ҳабжьысит.
Цәыкәбарҵас аамҭа ҳазхазом –
Аҵыхгьы ԥеыԥҵас инаҭрысит.

Ашьыжь аҵысиаҵәа ухынҳәы –
Саркьалбжьуп ҳабзиабара зҵәыуо.
Ашьхарахь ицәԥәрԥоз асырҳәы –
Ԥсҭазаарак, аԥсҭазааразы игәнызго.

***

Аамҭа иарзыр – араԥа бжьык,
Акәапаҳәа ункашәоит знызаҵәык.
Аҽымҭра иалииаз – ҭынч днаскьарц,
Илшом уи иаамҭа дацәцарц.

Адгьыл аиҭымра – иахьа уаԥсҭаык,
Аԥсҭазаара ахысыбжьы даҽеазнык.
Адҳаы иԥҳаа аҭыхәҭаантәи – амархәаҵ,
Лахьынҵакоуп зыгәра рымгаҵ.

Аеҵҳаԥҳа еиԥхагахоит – уахык,
Ажәҳаан иаҵәалышәшәоит сырҳәык.
Азыркәиԥҳа ҳынтуеит – уамашәа,
Сԥҳыԥшра аԥхызԥҳа еилышәшәа,

Аамҭа ҳарзыр...

***

Абырг иԥҳара еиԥш – аҳы ҭашәашәа,
Аҵх иагәылҳуеит арҵу ашәа.
Ажәҳаан ҭынчуп – зиаск ижәылом –
Аҳауа инаскьо ашьапы ихгылом.

Акырԥ - кырԥҳәа аҽеышьҭыбжь ааҳуеит,
Ԥьоукы ааҭгылан, рмазак каҳуеит.
Ассир! Уахак сзыцәом, измааноузеи!
Нас, сызмырҭынчша сгәы иҭоузеи!

Ашьыжь шара шаҟа ихароузеи,
Асҵәҟьа аамҭа иҽеыжәу узыццакцәозеи?
С –Зана лакәзар, шаҟа дхароузеи –
Ԥхыз шәахәаны луада сызыҳнатәоузеи?

Ҭынчрак мҳасуеит наҟ уаха –
Асшәа дад, исымбацызт шамаха.
Шәҭҳәакгьы ԥшуп ҳымҭ ихагаха –
Харазантә игәыкуеит ааԥынра ԥсыҭкаагаха.

***

Азәгьы сихьҵәыуазом – ргәаҕгьы скым –
Дсаҳәшьоуп, сгәыла иԥҳәыс – атәым.

Азәы стәыла хәыҵ – Даҳазарц иҭахуп –
Аха, саргьы, Агындиа – ашәҟәы сануп.

Адгьылаҽы ашьац иаҭҿа – сыршәазом –
Аҭла иаҽшәаз бҩьыцҭасгьы – скашәазом.
Зны аамҭа сацны ашьшьыҳҿа – сынкабап –
Сыҟазу – сыҟамзу? – ҵьоукы еилдыргап.

Уаридада, шьыри! – араҟа – имыцхәым –
Сгәы иқәымҿырцу? – усҭҿҟьа иҟаларым.
Аҧҭаҟәа дырҿегьх, - сыҧхызаҽ изсалап –
Сыхьз рхырмҭаргьы – асабицҿа иилап.

Сара аамҭа сыхьҭҿыуазом...

***

Аҭх аблаҟәа ацәызуеит –
Аҧеыхаҟәа ашьацраҽы инхарц.
Хьааҟәак цәырҭны иуазыруеит –
Асаркьа азамҿаҽы икәашарц.
Аҧсҭазаара аамҭа зхыҵуеит –
Адунеи ианакәшо амархәац.
Шьыжьбзиа! – ауаҿы дцәырҭуеит –
Игьежьуеит адгьыл аблахац...

***

Апҟа иахагьежьуеит ажәҿан – сдунеи –
Аҧша наҭцысыр, амҭҿаыжәҿа заҟьарыма?
Дысхыччошәа зызбои, мшәан, Саҭанеи –
Жәлаҭас сгәыҵра уа илалҭцарыма?
Аҧсҭазаара ҧсыҵкаагаха –хыхьынтә иааҧшуеит –
Унан, ассир! – ҧынчрак наҭцысыма?
Амҿа иқәда ихагаха? – рҿашкгьы шьқьыруеит –
Иҽеыжәыз лахьынҭцак аамҭак изахысма?, -
Апҟоуп исхагежьуа...

***

Иахьатәи, иахьа – са стәы –
Уаҵәы?... аабатәи аԥштәы.
Аамҭа ҳабжьахәмаруеит ихыҵҳәаам –
- Сара акгьы сҭахзам.

Уи, ажәҿан ҵәрышқәа, икеикеиуа –
Рыбжьара сыԥоуп иҿеиуа.
Адунеи ду – сыхсаала иҵҵаам –
- Сара акгьы сҭахзам.

Нас, сыбзиабара сцәыззоз –
Азиас сеисон саныруаз.
Ахара ԥьара – сҵәахзам –
- Сара акгьы сҭахзам.

Амшынаҷ ацәқәырԥ цәқәырԥо –
Издыруеит аԥсҭазаара сшажьо.
Ашәақәоу?... сгәеисра ццакцәам –
Ԥсаатәқәамзар, сыҿны иахзам...

***

Сеидру иԥоу – агәы иалоу –
Изхыҵыз амш – аазқәыршәшәеит.
Иааԥса – икара амшын ихтәалоу –
Ацәқәырԥ иналаз аҵх наскьеит.

Снапаҷы аамҭа агәы еисуеит –
Аҵеиԥьгьы ҭацәуеит иҭыкәкәа.
Ацәыкәбар хәыҷ ашьа еилашуеит –
Сгәы зжәыда – инҭыкәкәа?

Аԥсабара хәыҵхәыҵуеит – аапынроуп –
Аԥаҵақәа аршоит – анышә.
Иахьак схәыцрақәа – иааигәоуп –
Сыԥсы наҷаҭәҳәоит – бқьышә.

Ихымкәац сыԥсҭазаара – кәаԥ -
Адунеи сагәылаԥхоит ҿыц.
Сҭынчра аҵыхәтәантәи – акәаԥ-
Сгәыр иаҵдоу – арахәыц...

***

Аҵхаҿы еиужьроуп еиқәышьшьы,
Рбаҕькгьы ыцәоуп ахәааҿы.
Алашьцара наскьаго инкашит,
Дарбан ихьаҵыз?... ашьа уҿашәит.
Нырцәи – аарцәи... ааԥынроуп,
Ашьацра аҳәааҿы шәаҳәароуп.
Аҵан рыбаҕь аԥаҵа аҿаҳәит,
Аҵыс сыцҳазшәа сыҭрыс сааԥшит,
Уаха аҵх сеыжәуп...

***

Аамҭа ... исышьҭашәарыцо ақәыцьма,
Абнаршәыраҿы сышьҭа уцәызма?!
Зны саныҟамлозгьы иҟазаап ус –
Сыхьз азәгы дашьҭалом дыҭрыс.
Ирҳәап: Иҟам дарбан, дыҭцаатәуп?!
Уи ихаҿсахьа наҟ иҵәаҕәатәуп.
Нас, зегь ҳаицәызны, ихынҳәтәхеит
Ари адгьылаҿ ҳаимак хьанҭахеит.
Сааира гәазҭаз – уи длашәхеит,
Мышкызны... исышьклаԥшуа рацәаҩхеит.
Аха уааназа... уалқәак шәатәуп –
Ажәҩан ашҟагьы инаԥштәуп...

***

Иҟалазеи мшәан? – зегьы рцас,
Аԥсадгьыл бзиа ибатәызаап убас.

Мцацәа, адоллар аныубалак уҵәыуартә,
Уаразәк гәыкала ушазыҟаз узырҳәартә.
Нас, игәы рҭынчны днаскьап, -
Уажәагьы ҭырқәтәыланза иназап.
Уаҟагьы изырҳәап – Аԥсны аҵеи,
Мрак ауп иҟоу, даԥсыуоуп, аиеи...

***

Амза шәахәа – кәаша-кәашон –
Быбла гәыґрақәа ирҭалашон,
Ауыха аҵх мѡасуан ԥшьаалаза.
Бқьышәқәа сыршәҭуан инцәыҵаза.

Ных, еилашуан, еилаҵәон зиасқәак,
Абзиабара ахысыбжьы - ԥсҭазаарак.
Арҵу хәыҵашәаҳәон игәкы-ҵәыкуа,
Ԥша ласума мазак ҳаҵазкуа?

Уи слахьынҵа аҟәыҵәа ирзахьоу,
Иахьанзагьы уԥхызқәа ирылазхьоу.
Сақәымшәеит уԥан, ԥьым, аршьа –
Шьҭа издыруада сара сзахьзаша?

Амза шәахәа - ԥааимбарк ишьҭа...

***

Ихәыҭхәыҭит амахә –
Аҵыс иаҵәа зықәтәаз,
Аҵх иналаԥшит анаҟә,
Адгьыл – аҟанҭаруаз.
Сызаҵәра иаҷыхәаз, -
Шәахәак арыжәтә иашьит.
Еҵәақәоума сызныҳәаз,
Шәҭқәагьы лацәҟәит.
Ԥсҭазааракгьы аамҭалоуп,

Исҭахымкәа иҟьалаз.
Адунеигьы хәышҭааароуп,
Сыԥсҭазаара зырхааз, -
Ихәыҭхәыҭит амахә...

***

Азқьышықәсқәа рымшра исхаанхан,
Ҭынч Елыр амҵан снатәеит.
Аԥсны ахьтәы маҟа намҿаҵан,
Адунеи ацәқәырԥа ду иазцеит.
Иҟан, исхысыз даҽа ԥсҭазаарак,
Уи аамҭазы даҽакалаза сбылхьеит.
Исымамызт зегь ирхыҵәоз мазарак,
Смазара ԥшза – Дырмит еиқәирхеит.
Аха, исымагәышьоуп исзымхәо мазак,
Саҭанеи лышәиԥхыз сыцушәа ианырхәо.
Хьаала сгәы еиҵачы сгылоуп иахьак,
Нас, иарбан, шәақәоу сышьхаҟәа исзырхәо?
Азқьышықәсқәа рымшра...

***

Зны бааигәоуп, зны сааигәоуп,
Гәылрыԥшь ҳабжьара ибжьоуп.
Исыҭ бмазаара... быԥсҭазаара,
Игәынқьуеит бзиабарак ҳа ҳабжьара.
Беаларзны ааԥынра хара бтәоуп,
Бара усгьы акала быԥшзоуп.
Сгәыҿрақәа ус баша исыркаран,
Быҿь ҿежьқәак сыҟәшәоит ҭагалан.
Атама ашәҭра... ҳааҭгыланы ҳазыԥшуп,
Аамҭа заҵәык ҳнысыр ҳҭахуп.
Ааԥын пытҟәырқәа хысуеит адәаҽы,
Ихьагәгәа ихынҳәуан ҳҟәыԥшра ахаҽы.
Зны бааигәоуп, зны сааигәоуп, -
Зана! ... схәышҭаара аблақәа шцәоуп...

***

Бцааиза быҟаз... ашәҭқәа канзааиза,
Дырԥеегьх, ажәла ҽыц лаҵатәуп.
Нас, быҟаз ԥьара – сылаԥш быхьзааиза
Былаԥш сгәаҵа иҭаршны иҵәахтәуп.
Ибзиагәышьан ҳаинымиар зынза,
Исзымгәаҕькәа бзиа ббара, сыԥсрын.
Ҳаидызкылаз уи ҳгәыблра, хараза
Азәы ҳашьҭа дхылан ирхрын.
Уажәы сышбышьҭаз саԥсеит, скарахеит
Инымҵәазо сгәы аҵхаҽ баанҽасит.
Исхьыкәкәоит азы... зызлан лыԥсы схарахеит,
Баразәк бысҭахын... ҽыц саатрысит,
Аԥынроуп адәаҽы... бцааиза быҟаз...

***

Е.Б.

Аамҭа – еимҟьарак быбжьысны,
Сыблаԛәа бырхыԥшылан бнатәеит.
Сразҟы ацәаарԛәа бырҭысны –
Слахьынҵа мроушәа бнаҽаԥхеит.
Бԛьышә маахырԛәа шәҵас игәылшәҭны,
Ԥьанаҭ гәашәԛәак ҭынч иаатуеит.
Баҳԛәажәра ԥшза ашҭа сҭысны,
Бла иазгәамҭо ԥенԥьырԛәак срызгәыкуеит.
Еимгеимцарак ԥсҭазаарак наҭрысны,
Ԛы – гәеисыбжьк зиаск инахыҽеит.
Сдунеи ахсаала ду бахысны, -
Сыԥсҭазаара – бнацралан, сыббылуеит,
Аамҭа – еимҟьарак...

***

Любовь не выбирают...
Антонио Мачадо

Ԛ - ԥсаатәк – ба быблаԛәа,
Сыԥшаара иаҽуп.

Хараза сцазаргьы
Былаԥш хаа схыуп.
Зны аамҭа ԥсыршьагакәа,
Маалыкьҭас иоҽаԥшуеит.
Ԥшак еимԥааны агәашәкәа,
Сгәыднакыларц иааугеит.
Быбзиабара сыԥхыз иалатәоуп,
Даҽа зныкгьы быгәхьаазгоит,
Бара быхьз сыԥсы иахуп, -
Быччаԥшь злагара салагоит.
Ҳанеиԥыл, ҳанеиԥырц ааигәоуп,
Ѡ - ԥсаатәк ирҭазеит ҳлахьыԥҭа.
Аԥсҭазаара амардуан ҳаракцәоуп,
Абзиабара узаахәом, ихаҭа.
Ба быблакәа – ѡ - ԥсаатәк...

АХАҲӘҚӘА

Ахаҳәқәа, амшын ҟәара ахаҳәқәа,
Зымҭцәыжәоа ԥцәоу ԥсаатәҭас итәоуп.
Аԥсабараҿы иаарту, инеиужьу агәашәкәа,
Аԥынра ҽура анҽыжәлаз сынтәоуп.

Амра шәахәакәа анасхьыршьын, идырбоит.
Мазала мазак сԥарԥы иҽҳәакуп.
Харантә исыхәаԥшуа азә лыблакәа сырзоит,
Нак ҟ сыԥса – зсо лыччаԥшь хаара схуп.

Нас иааԥшыз амш, зыблакәа ԥытлаз,
Ҳаҳа – ҿымҭроуп, ԥьара мацәысрак ҟалазом.
Зегьы ирзымҳәеит ргәы иалаз, -
Аԥнышкәа, нас арааназа изаазом.

Ирымҳәац, ирҳәахьоу роума исныруа,
Снархагылеит хаҳәқәак хьаала иахьыԥҭәо.
Адгьыл ашьҭыбжьқәа ахрақәа ирҿыѡуа,
Ргарашәа раҳароуп, уи ауп изныша́о.

***

Геи -шьхеии амшыни рыбжьара,
Ԥсаатәԥас Очамчыра угәатәоуп.
Умыԥәыжәԥсаԥәа еиԥыухуа есааира,
Амра шәахәаԥәа укәа иҭаԥсоуп.

Заҟа иԥшзоузеи иҭыԥьԥьо ублаԥәа,
Апатҟәыр игәылшәаз, аччаԥшь ухьыкәкәоит.
Амацәыс ашьҭа... Ерцахә ду ахраԥәа,
Уԥеира цыра-цыра ухәраԥәа рыҟәшәоит.

Зны ажәԥсан шәҭԥас уналшәан, укашәеит,
Убла ҳалалԥәа ирԥыхәмаруеит аԥша.
Ашәышаԥәсаԥәа раамҭа кырнтә удыршәшәахьеит,
Аха, иахьагьы узса-зсо урылоуп рыцәԥәырԥа.

Геи -шьхеи амшыни рыбжьара,
Ԥсаатәԥас Очамчыра угәатәоуп...

***

Что, что я с собой унесу!
Умашанкар Джоши

Аԥсабара ԥшзацәоуп акала,
Азиас блаԥәа хьшәашәоуп.
Араҟа инужьыр угәала,
Даеазнык ашәҭԥәа еизугалароуп.

Иузгәамҭазо ааамҭа нԥәозар,
Аамҭа еазнык иилароуп.
Угәыҭра рахәыцԥәа ԥыԥәԥәозар,
Агәыҭра ԥеԥь ҭабароуп.

Ҿыстуан, сзаламзо ашыра,
Адгьыл ашыра – ҿыҭроуп.
Ара сԥәахымзт зегь рыла,
Схы сԥәызаанза сбыллап.

Еишьҭала – еишьҭала аҳәыҳәқәа,
Ицәырыргон, нас адгьыл санаҭынхо?...

***

Е.Б.

Бара саҳкәажә бхаҵкы,
Бнапала ибшәыбхроуп быҵкы.
Ҩ – зиаск ҳарны ҳазцазом, -
Аҵх аузааит иҳаршазом.

Быбла ԥсыршьагақәа сҽаԥшуеит,
Цәқәырԥаҵас исыжәларц иааueит.
Издыруеит иԥьбароуп ҿказшьа,
Изури, еилашгәышьоит ҳшьа?

Бгәеисра уажәы – уажә еиҭашәоит,
Бхы – бгәы азызара дыршәшәоит.
Быблақәа ирыԥсахуазааит рыԥштәы,
Ба былаԥш сызжәызоуп уажәы.

Бара саҳкәажә бхаҵкы, -
Бнапала ибшәыбхроуп быҵкы...

***

Сҵыс иаҵәа уеыукәабома,
Ақәа лаґырз аныкәҭәо?
Ублақәа сырхыԥшылеит – уеырбома,
Аҵхаҽы сымазақәа узыҿәшәо?

Уантәалоуп аҵхқәа ргара,
Аеҵәақәа лаԥшыла удырҵысуан.
Убраҿа слахьынҵагьы гаран,
Иааҿәымҵзо исхыҵша рыҩуан.

Исхыҵша ыкәыршоуп адәы,
Ԥсраенынза абра саанхеит.

Скыдлоит мардарак, ахәы, -
Инымҵәазо аԥсҭазаараҿы саанҽасуеит...

***

Иҟаларан иҟоу снырyеит,
Баныҟам сызаҵәра схәыцуеит.
Шьҭыбжьыда саара хьаазамзт,
Аҭынчраҿ сыҟан сыҳәҳәазомзт.

Ара са сахьынзаҟоу, сыҟазам,
Сыԥсҭазаара шҳамны изжәит.
Са сахьыҟоу аҵарақәа ирыздырзом,
Аҵарақәа исеихысыз сыршьит.

Са сиааныза цәашьқәак адыркхьан,
Сиааныза слахьынҵа рбылхьан.
Аԥсабара са сызаҵәраҿ инхеит,
Адунеигьы гәыԥрак шаҵәахуа збахеит.

Сгәы иалҵыз ашьала сыркәабон,
Сышьҭамҭа... исыцыз сҭынхон.
Абас акәхап аԥсҭазаара шиуа,
Ҳцааныза зегь – зегьы ҳаццакуа,

Иҟаларан иҟоу снырyеит...

***

Аҭынчра ахәышҭаара сыԥхәатәоуп,
Сҭынчра ублақәа шцәоуп.
Угәеисыбжь сазызырԥуеит еиҭа,
Угәеисыбжь изҭамгылои аҭра?
Сыузызырԥуеит угәхьаагара ԥеылаҳәан,
Сагааныза угәхьаагара... ҿыумҭлан.
Ихьҭоуп унапы ԥхақәа сыкәырша,

Адәы ицәоуп схьаа аеыкәаша.
Ахәышҭаара анымҩахыҵ иҟоузеи,
Аҵх шәахәаҟәа исыҟәӷӷаз шәызгәаазеи?
Аԥсабара аҽымҭра исанаҳәеит зегьы,
Аеыхәа акьыркьырбжьаҽ саԥшааueит уеизгьы.

АҴХ ЗЫРЛАШӘ

Аҵх зырлашә абла ҭхаха,
Амза иныҟәтәан хара иԥшуп.
Аҳаракырахь ахы ианҩаха,
Аеҵәаҟәа рҭыҩра иҵцатәуп.

Ҿы шьҭоуп амҩаҟәа ирнысуа,
Ажәҩан аԥарда маза лашьҭтәуп.
Зегьы азеиԥшны, зегьы ирхысуа,
Аԥша заҵә аеыжәлара иаҽуп.

Аамҭоуп сгәы зеибафара хызеуа,
Ари адунеиаҽы – сара сазәуп.
Слахьыԥца мҩа ҟамчы сызкнызхуа,
Ԥааимбарк исалам шәҟәы сазыԥшуп, -

Сыҵх зыларшә...

***

Иҟалазеи? Ара ҳлахьыԥца рбылуеит,
Ҳзыцәшәозеи? Хагак даҳҭаан ҳаибылуеит.
Нас еиҟәхоума иԥшьоу стәыла уаҳҭынра,
Исызгома амца ҳацразҵаз рыгәра?

Ауаа рхьааҟәа роума аҳәаа еилазгаз,
Ара иҟоу, сыԥсы ихызылоит, ԥхьаҟа сназгоз.
Шәанаԥьалбеит исзыхгома гәаҵк сызбылуа?
Нас сагома Ешыреи ԥьгьардеи ргәырҩа?

Аԥсҭазаара нымԥахыҵ ҳамԥаԛәа нҵәахеит,
Анцәа иԥьшьоуп сара сызын, срымбазеит.
Амш аԥштәы ахымҵзац, баша илашьцеит,
Гәык уаҳа зламзоз ашараз иҭахеит.

Зегьы ззеиԥшу ргәыԛра ицәԛәырԥеит,
Ижәылаз азыхь ссаԛәа рышьҭа ҭабеит.
Иҭацәит адунеи, ҳаԥсуара зегь былны,
Абла ҭаа изхәаԥшуада, иазымҳәазо аҷахәы?

***

Насыԥ ҭыԥуп ԥ-ҳәыҳәык рыбжьара,
Ԥ-ҳәыҳәк бгәыеисра ирыҵашәоу.
Асаби иԥьышәԛәоуп изгәаԛьыз анхара,
Ԥсҭазаарак рҭицоит бгәыԥҳәԛәа ишцәоу.

Лаԥшыла аҳәыҳәԛәа ҷасҳәон сбыхьзаны,
Быбзиабара сахәаҽуан бааныжьны санцоз.
Сара схьаа назгоит сыблаԛәа хԥаны,
Сзырԥходаз, сгәыԛра еиҭым анҭахоз?

Иныҵакны сызҷыбымҭлан, сшәызызар ҟалоит,
Ашьышьза сыбԥылоит – азазашьҭа шьаҟьаны.
Сгәы ианылахьоу ахәрақәа беигәышәла иоҷаҟәоит,
Снапы сырххоит, быблаԛәа рыгәра ганы.

Ԥьанаҭ ҭыԥуп... сԥьышәԛәа ахьымназац...

***

Амшыни сареи ҳаиуацәоуп,
Цҳак ҳабжьоуп.
Ԥсҭазаарак акәа ҳҭоуп,
Ҳхыза шцәоуп.

Зны агәеисыбжь ацәҭыԥуан,
Снапы ианиаалон.
Амши аԥхи еихыԥуан,
Са сыргәылан.
Азы шынԥәо исцәынԥәеит,
Аҷнышқәа срыпҵеит.
Ҿамҩак сыбзиабара – ҭабеит,
Ақәа насҿыкәкәеит.
Амшыни сареи ҳаиуацәоуп,
Хҿак ҳабжьоуп...

***

Амзара арыжәтә исцәашьит ацәаҵәа,
Шьҭа сгәы сыхоит, исыԥхьоит Аҵәаҵа.
Амшын цәқәырԥа ласбаԥас исышьҭазоу,
Изыԥхьазахьада? – шаҵаҩы рышьҭа уцәырзахьоу.

Араҵа аԥшалас мҩасхьан хызаԥәны.
Гызмал икәара азиас хыԥзаны.
Ашыцра хышлақәа ажәҩан иаԥаԥсоу,
Сыхынҳәра иазхәыцуа кырнтә иааԥсахьоу.

Сара иныжьны сзымцеит сгәалақәа,
Сгәаԥа иҭыхо, исеишуа слаапккәа.
Нас, сзыҵалома сныԥәԥраан сцартә,
Исҿацәқәырԥо схьаақәа ҭынч еиԥәтәартә?

Арыжәтә исцәашьит апҵақәа...

***

Бла ҭыԥха ... лыбзиабара сгәыԥакуп,
Ааԥынра ашәхымс сзахымԥуа.
Сымала амра шәахәақәа срыԥакуп,
Бзыԥшра аамҭоуп сызқәызуа.

Дунеик ԥьара еизызгахьоу – ныҳәарҭоуп,
Дунеик зегь ирылзбааз быблаԛәа.
Исызхамҵо акалашәа аԥхынра иҳацуп,
Жәҿан гәашә иалышәшәоит ацәыкәбарԛәа.
Акалашәа аҭынчра угара сгароуп,
Исылсуеит бнапы ԥхаррак ҽымҭзакәа,
Зана! Сгәы сагаанза сбырҵысларoуп,
Азәы иԥама сылеиҵааназа исымбазакәа,
Шьха нхыҵ амшын ахыԛәаҽы...

***

Амшын аҽы азәзәоит шьыжьымҭан,
Ацәарҭа изгәылаиаз ԥхацәан.
Адунеи хымкаах, абла хтуп,
Аԥәара аҵкы шкәакәа ашәуп.

Аҵыс иаҵәа ихыҵхьеит аҭра,
Амра шәахәаԛәа иазымкит аматра.
Аамҭа ныԛәԥрааит ҭынч шьҭыбжьыда,
Ҭынхак дзырҳаз, аҭынчра еизҿыда.

Быгәхьаагара аирыз зымҭәыц иахьагьы,
Сгәы ахьаа хыҩеоит иаҳагьы.
Убасԥан азиасԛәа ирымаз хьзыс?!
Урҭ рыԥсҭазаара сырҭеит гәырҿатәыс.

Шәымҭак иԥоу сыԥсҭазаара...

Шәымҭашәҭк...

***

Шаԥа ҵуазеи? ... исмаҳаижьҭеи бхабар,
Ҳабзиабара азиас иалшон иҭабар.
Аха ааскьа сгәы быҵалеит акалашәа,
Сдунеи ԥхызаҽ бзымцазеит ус бналашәкәа.

Ибыҟәҿыҵны аҵх аблаҟәа сшьышьуан,
Мцаны бысцралон, слахьынҵа былуан.
Уажәы ҿымҵзакәа сыҵатәоуп ашәшьы,
Сыԥсҭазаара мҩасуеит гәыԥрада, еиҟәшьшьы.

Шаҟа ҵуазеи? ... уаргьалак ҳабжьоуп,
Уи бзаҟәымтәеит идыруп, бхароуп.
Еилкааup дырҩегьх ҳанҵалеит ҽааны,
Ҳәаак ҳазҵымҵуа – ҳанасыԥ хкааны.

Шаҟа ҵуазеи? ... иҳацәҵахеижьҵеи сынтәак...

***

Аҽарҿыцит исгәыҵахны ицахьоу аамҵа,
Исцәызхьоу зегь уи азыԥшаауам,
Инымҵәо мҩаны агәы ԥшаауеит,
Агәыԥшаара ... ишажәызгьы азбазом.
Саназхьы сгәазхара, шьҵа сабадыруеи...
Иҟааз? – Уаҳа сара усхашҵуан,
Исзааигәоу – ҳаиниара аамҵалоуп,
Иҵхәрааз азыхь ахала имцеи...
Сызаҵәра гьежьуеит, схала сҭахароуп.
Сышьҵа ианыԥшылан, иччоит аблаҟәа,
Сабаҟаз уажәраанза?...

***

Аҵх ҵәыуон ишҵәыуац,
Амацәыс хысуан ҽеашьырц,
Аамҵагьы мҩасуан ишымҩасыц,
Хьаак сылсуан сгәы зыблыц.
Шаҟа ыҟоузеи сызмырҵынчуа,
Быбла маахырҟәа сызбылуа,
Слахьынҵа, са сгәалаҟәа зныруа,
Быхьз – сыԥсҭазааароуп сызҿаԥсуа.

Аҵх ҵәыуон, амаҵәыс кшоит,
Саргьы аԥсҭазаашьа сдырҵоит.

***

Аԥсҭазаара анҵәамҭаҷ ... быԥоуп, быԥазам...
Аамҭа-цыԥхьаза гәнаҳак саҵоуп.
Бара бахьыԥам ԥсҭазаарагь ыԥам,
Амш иазымкыз адунеи ҭшәаҵәоуп.

Сгәы ԥыххааса азиас изызхыҵуам,
Ԥхыз хәыҷқәан азаҵа иҭаԥсоуп.
Ааԥынра ҳхыԥсаанза аҳәаа ҳазырҭысуам,
Исзымдыруа азәы лыбжьы хаа схоуп.

Ҿышәымҭын баша , уаҳа схынҳәзом,
Ус акуз, имыцхәхаз са соуп...
Иҵхәрааз зыхьқәакгьы рышьҭа дразом,
Бзиабарак са сыбзиабарала иҭархоуп,

Аԥсҭазаара анҵәамҭаҷ...

***

Амш уаара – ӡеыхәа уаара,
Зегьы аамҭала, зегь аамҭала.
Лыҽшьуа дыԥәлеит амҩа кәара,
Насыԥк ланаршьеит уи хаҭала.
Лахьынҵоуп нас – лара лыԥхала,
Ԥсаатәҵас махәҩак дныԥәтәеит,
Ашьшьыҳәа аамҭа мҩасуеит ԥшзала,
Усшәа ԥсҭазаарак даԥәыбеит.
Лыбзиабара аԥсы ахылхит лнапала,
Хьаак ыԥазаргь, аамҭак лԥьабоит.
Зыда длымам уи ахцәышла, -
Иԥсы даҭәҳәо лаґырзыла дылкәабоит,
Амш уаара – ӡеыхәа уаара ...

***

Амра ца аблақәа – амшын аԥшаҳәа...
Имҭасуаз инаҵәкьарақәа ахаҳә, аҟәара,
Гәаҟашәас амш даныҵны днаскьоит,
Аҟәараш аҳәыҳәқәа азәы иҟәшәоит.
Адгьыл сзанымҵуа снапсыргәыҵа ҭацәза,
Есышьыжь ажәҭан ашә аасыртуеит.
Исхыҵран иҟоу сазымхәыцзац зынза,
Еидаран исзымдырзо акала срызгәыкуеит.
Лаҟьалак гәхьаазгоит сызҵамԥшыц алакҵа,
Аҳәаа иахысыз аеыҭқәаҵәҟьа ҭахоит.
Аблақәа гәнызгоит бзыҭнагылоу аҭнаҵа,
Иааԥсаз сыԥсҵазаара цәқәырԥақәак хдыркәшоит,
Амра ца аблақәа...

***

Бареи сареи ҳаибашьра еиқәтәар,
Ашәҵ апытымҵабжь иаҷыҵшәон ацәыкәбар.
Ҳаиԥырҵра аамҵа – руазәк ҳцәагар,
Ахәырбԥыц зҵаххода машәыршәа ҳаиқәхар?
Ҳара иаҳԥәылсхьоу амца, аҵакар –
Нас иабылуада ҳаҵхқәа аашар?
Сгәы сеанзамкәа бхысыбжь аагар –
Сылацәа ҭынчхон бҵәыуабжь саҳар,
Бареи сареи ҳаибашьра...

***

Ааԥынраамҵа гәнызгазом ааԥынраамҵа...
Ихьаазам са сцара шьҵыбжьыда,
Акымзарк саҳәазом – ицәҟьароуп ахымҵа,
Аҵх салаланы сцоит – исышьҵаларыда?
Бахә ҳаракык алаԥш сыхьнаршоит,
Амҵан иԥхьарыло ашәарахқәа зҵәыда?...

Сгәыҕра ҽыхәаҟәа сабиҵас сыржьоит,
Ҽыхәак аарылԥан снаѡс иаҟәтәарыда?
Макьаназы сыҡоуп, арѡаш еихьҽеоит,
Ара са сыҡазам, аҳәааҷы иԥшыда?
Саамҵа хыдаҟәа ршьамхы реадыргоит,
Аԥсҭазаара сналганы аѡоныҡа сызгарыда?
Ааԥынраамҵа гәнызгазом...

***

Ҿамѡак азы ... ҿамѡак ашәахәа ...
Изышо иааԥшыда аҵх агәаны?
Азиас аԥхыз, - зызланк дыкәлааua,
Аеҵәа лрԥхуан лнапы нагзаны.

Ирзылҳәон иныҵакны урҵ ашәак,
Ԥсҭазаарак ыцахәмарырц аҟәаҵа.
Бла иазымбо илыҡәшәаз ѡ -еҵәак,
Мраҵас ашәа ҭыԥраауан ргәаҵа.

Ажәѡан иацәылзаз, уи сара соуп,
Амза ԥсаатәны ҭынч инатәеит.
Уахак сгәыҕраҟәа аҵеԥь иҵаԥсоуп,
Аҵа узааԥшылар, ишәарҵоуп, урҡаҵәеит,

Ҿамѡак азы...

***

Азә дыспԥырҵит иҵәыуарц асаркьалбжьы,
Нана лыблаҟәа сызныжьны, дхарахеит.
Ирымбац сгәы ауадаҟәа дрыѡныҵны,
Аԥсҭазаара зхыҵра далалан дцахьеит.

Гәык аԥеыхаҟәа зиаск ихыԥсалоуп,
Адунеи ҭацәза ... аҭынчра наскьоит.

Ҳагәхьаазго аҷнышқәа амшын ихтәалоуп,
Ацәқәырԥақәа раҳраҿ аамҭак ныҟәырцоит.

Ҿымҭрак салҵны ҿымҭрак сыҽҳәатәоуп,
Бсахьа злаҭысхуаз ашәыгақәа сцәынҵәеит.
Мраҭашәамҭа , ҵхы мҩак сануп, -
Зегь ирхашҭыз ацәашьқәа сырбылхьеит,

Азә дысԥырҵит...

***

Ааԥын пытҟәырқәа ҽеагәыласхалан,
Сара быԥхызаҿ сыцәоуп ҽтахәхәа.
Быбла гәыґрақәа рсахьа ҭысхуан,
Исызгәамҭазо аҵх ниасит икауаа.

Аҳәаса ашәҭра сазыԥшны сыбԥырҵуан,
Исыҵ быԥсҭазаара ... аҵх сшәысхуеит.
Баныҟамгьы сыҟоуп, бахьыҟамгьы бызҿысҭуан,
Быгәхьаагара уаҳа сызхымгар, сбылуеит.

Аҵыхәтәан бгәы амцабз ласхьысын,
Сыццышәхан ҵеԥьк аҵа сылҭаԥсеит.
Асаркьал бжьы ашьхақәа ирҿыҩын,
Слахьынҵа мҩак агәаҵґа ҿнаҵәеит,
Сгәалақәа схала срызныжьуп...

***

Имазаз ҳаиниара аамҭалан,
Аиԥырҵра ҳашьҭашәарыцон назаза.
Ахаан усхашҭуам, - ҿыбҭлон,
Ашьацра ианабылуаз азаза.

Аамҭа былуеит, ҭагалан ацралан,
Сылаґырзқәа нахьыжжит бзамҩа.

Зны сыччабжь бҩахәмарлон, -
Уажәы бабаҡоу? ... баныҵма сымѡа?

Лассы – ласс сҩыхалоит быгәхьааган,
Сгәы бҵыкәкәом, исзымдыруа исыхьыз.
Сыԥсы бнымзалт, быҡаз сгәыжьжьаган,
Нас, сара соума аԥсҭазаара зцәызыз?

Имазаз ҳаиниара...

ШЬҬА ИГАШАМ

Шьҭа игашам – «Чвени миҵа»,
Аха ҳныҵатәеит азәы иѡыҵа...
Қәак ахьызсоит, ԥьымхеит Аҡәа,
Ега идыршьышьыргьы уи аҡәаҡәа.

Ҳаҡоуп ус ... Акгьы ҳҵахзамкәа,
Адунеи еилашыра цҳак хҵамкәа.
Арахь еимаҳҟуа еидара хьанҵоуп,
Ҳаздәылымҵуа уадак ҳаѡнатәоуп.

Аԥсҭазаара аҧеыхаԛәа адгьыл ианхалеит,
Иҵахаз рыԥсԛәа ажәѡан ианбалеит.
Ҳҩажәкуеит, иарбан иашоу иаҳзымхо,
Аибашьра ашьҭахь ... сеидру иаҳзырҳәо?,

Шьҭа игашам...

ВАЛЕРИ

КАСЛАНЗИА

АҲ ИҢҲА

(Алакә)

Аҳәынҵқар ду, зегь зылшо,
Бзиа ирбо, иагьзыцәшәо,
Пҳа ссирк димоуп изызҳаз.
Аԥьныш илаԥш уи лыҟәгаз.
Лакәым еиҵаҳҳәоу ҳара,
Иара алакәаҽгьы ԥьара,
Леиԥш дабаҟоу дызбахьоу,
Адгьыл дамбац ас иихьоу!
Уи деинаалоуп, уи, дгәыкуп,
Дара-дааразa дразуп.
Ҟәышра лыгым, деилыччоуп,
Лцәаԧа наалоуп, лгәы ԥшқоуп.
Ааи, нас, аҳ ихылҵ–иԥҳа,
Хаҵа дцартәеиԥш ианлызҳа,
Илгәаԥхаз дигарц избит.
Ари ажәабжь нас иԥрит.
Гәырґьаҽҳәашан иҟалеит,
Ныҳәа дузaны иршьеит.

Арԥар дәыԛәлеит рҽы кәадыр,
Ирзыԥшыху уара идыр!..
Дарбан рыуа илгәаԥхо,
Аҳ иԥҳазатԥә, мрада иԥхо?
Иҭбаатыцәу аҳҭынра,
Арахь иааиуа ԥҳәысҳәара,
Ипеипеиуа идырҭәуеит,
Рхыԥхьаӡара иазҳауеит,
Аха инхьагәгәоит ус шьҭахьҟа,
Мши-ҭхи цазеи ас шаҟа?!
Аҳ иԥҳа аӡәгьы дизҳәом,
Зегь зыӡбуа ажәак лызҳәом.
Лылаԥш рхылгоит ихааны,
Арԥар гылоуп игәыкны,
Лара ԥшьаала, ҭынч днаскьоит,
Нас, дырцәыӡуеит – луадахь дцоит.

Аҳ ду иибо цқьа игәаԥхом,
Аха ҿиҭуам, ак изҳәом.
Иажәа деижьом, инагӡатәуп,
Иихәо ҳәазароуп – даҳуп.
Амшқәа цоит, иахьа, уатԥәы…
Дҟалоит хымԥада ҿаӡәы,
Уи дызҳәаша, илгәаԥхо,
Мшын нырцә акәыз дахьынхо.
Шыԛәсык ниасуеит абас,
Иҟоу рзеилыргом хәарҭас.
Дарбан имҿырбаз ара,
Сасдахь дагхом аҳҭынра.
Рԥыск дизхымхит аҭыԥҳа,
Дԥагьахазшәа ианлызҳа.
Ус ишааиуаз, амшқәа шцоз,
Ҿыц акәукәу абжьы нгоз,
Ҿнак, шьыбжьонказ, иааилаҭырт,
Цәалашәарак роут, ирдырт,

Иадыԥхьалаз аҳԏынра,
Гәырґьак шыҟалоз ара.
Инаԥшызар, наҟшәа, нԏытц,
Ирымбацыз ԥьара нхытц,
Ѳыԥьа ҽыжәланы иааueит,
Рҽеышьԏыбжь улымҳаԥәа ԥырхueит.
Зуадаҽ иҟаз аԏыԥҳа,
Аҽеышьԏыбжьԥәа анлаҳа,
Лгәы нԏгәырґьан дааикәаԥхеит,
Дыԥрыртә аҟара дласхеит.
Асоф дныԥәыххын днаԥшит.
Лылаԥш рҟәымго даалаԥшит.
Иалылхрыда – адоуцәа.
Игәарԥханы ишеит Анцәа.
Иеиґьу дарбан ма еицәоу,
Узырѳашьо мыцҳәацәоу?
Аха ажәлар ԥьеи иужьап,
Узеиуоу узымдыруа уҟартцап.
Игәырґьа–гәырґьоит аҳԏныуаа,
Бзиак иашьԏоу, бзиа зуа.
Аҳ иԥҳа лразҟы лчаԥоит,
Мѳашьарыда шьԏа ирбоит.
Дуалыуашоит аԏыԥҳа,
Руазәк дылзалкаауам еиҳа.
Дара еиндаԏлоит ансґьы–арс,
Азәґьы даԏцахом ма цас.
Ацу рфеит, алакәԥәа рҳәеит,
Еиԏахеит, избаз шанхеит.
Асоф аҟынтәи аҳ иԥҳа,
Ас ианылба, ианлаҳа,
Лажәа дналагеит абас:
– Шәарԏ, ахьырԥар, шьԏа шәаанҷас.
Сара ишәыстауеит адԏца,
Шәарԏ шәазхәыцны инашәыґза.
Шәазәк аҽеыхәа, шәазәк аҽеыз,
Сара сҟынтәи шәарԏ ишәтәыз.

Нҭытц, адәеиужь аханы,
Уа шәааҭгылан, шәеисаны,
Ҩыла шәжәылан ҳашҭа шәҭал,
Зегьы игәарҭап шәышьҭра, шәкәал.
Аха, зҩылас, аԥхьахә зго,
Иакәзам ԥҳәысыс са сызго.
Ҩыхәаз, ҩызыз ашьҭахь ииаз,
Изтәу арԥыс са сизҳәаз.
Аҳы, шәрыԛәтәа шәарҭ шәыҩԛәа,
Иҵбахоит абас ҳразҟԛәа.
Лажәа далгонеиԥш – ифха,
Иҭҟьеит рҭыцьагь амзырха.
Аҩеыхәа цоит икалаза,
Аҩеызгьы иатцахом зынза.
Уа, адәеиужь аханы,
Иааивагылеит рыгәԛәа шны.
Адауаԥшьԛәа, ахацәарԥар,
Ԥсыхәак рымам имеисар.
Гәаԛк рыбжьалар ирҭахым,
Мцык, гьангьашрак урҭ иртәым.
Анык илхымшазеит дара,
Еибабеит ишцоз ԥьара,
Нас еиҭызцәан иҟалеит,
Ус иахьанзагьы иааueит.
Ааи, ҭыԥҳассирк дыргәаԥхоит,
Руазәк аргама шьҭа дитәхоит.
Аха гәыԛрак, изымжьац,
Иахьа иԥыршәоит, иалтцуа рбарц.
Чоу ҳәа иҭатцҟьеит, ахытҟьеиԥш,
Ахатца иԥишәароуп иԥеиԥш.
Усгьы, анкьеиԥш, еилыххам,
Рлакҭа гәырԛьазом, ихаам.
Иназаанза аҳҭынра,
Рыҩԛәа ныркылоит дара.
Ируа иаԛәшәом, еилахәеит,
Ихыԥҩыган иҟалеит,

Аҳәынҭқар иԥха лыдҵа,
Ухаҵаҕьеѡзар инагӡа.
Даара ихәыцит, иԥәыртҵеит,
Акыр аамҭагьы рыцәҵеит.
Збашьа рзыҟамҵо абра,
Рыҽԥәа ишрыдгылаз дара,
Хҭыгәлак дрыԥәшәеит уа дразҟны.
Дыхьчан. Ирахә кацаны,
Сеидроу дзыргьыжьуаз иара,
Кыр ицәыӡу уи ԥьара?
– Дад, ишәыхьи, шәысгәаԥхом?
Сшәыцхраартә сыҟам, сымчԥәа хом,
Аха ишәыласҵап сыхшыѡ.
Нас шәааныԥкылеи шәаныѡ? –
Абырг дразҵаауеит абас,
Илабашьа иаԥхьа инарс.
Ирыхьыз иарҳәоит акы мӡа,
Рыхԥәа рыкәаҽ, ргәы намӡа.
Ахьча илаԥәа ааччеит.
Ѡажәак рыда ак имҳәеит.
Арԥар ҭрысит аҽԥәа рахь,
Ицоит ишзахәо аҳҭынрахь.
Аҽеыхәа иаԥәтәо митә ҟаитҵоит,
Аҽеыз иаԥәтәо уи дихьӡоит.
Хҭак еицҭаршәуа еицаауеит,
Лыгԥәак гылоуп, еизҵаауеит.
Елгагәышьам урҭ рыгәԥәа,
Ишеимырдаз рбом рыҽԥәа.
Ҽԥәоуп араҟа зегь зыӡбо,
Арԥар еисо елзырго.
Мшәан, еимырымдар абас,
Изцарымызт урҭ еивас.
Илахҳеыххеит аҳҭынра.
Асоф дыԥәгылоуп Лара.
Аҟәҟәа-ҟәҟәаҳәа, ахысра цоит,
Шьҭа имѡашьо уа ирбоит,

Аҳәынҭқар иԥҳа дышцо,
Ашҭа дҭалахьеит дызго.
Аҽеыз аԥхьа даанагеит,
Иҽеыхәа ашьҭахьҟа иаанхеит.
Зегь насыԥроуп уахьыԥшуа,
Гәырґьак змам дубашам уа.
Рылаԥш кыдуп аҳҭынрахь,
Сымѡахытцит саргьы уахь.

Избаз уаҟа са схаҭа,
Ҳәашьак сзаҭарым уашьҭа.
Аҳҭынра зегь ҷыц ирхиоуп,
Ҵьашьахәыла еиқәыршәоуп.
Шаҟа убозеи, шаҟа хкы!
Дбеиоуп аҳ ду, ихатцкы!
Нас уи чара дук иуит.
Хаха–хымш аҵә дцар имуит.
Шәаҳәаран уа, кәашаран.
Арыжәтә, афатәаз чаран.
Ах, дыссирҵан аҳ иԥҳа!
Сылаԥш лышҟа ихан еиҳа.
Уи сгәы дҭынтцәом иахьагьы.
Сажәабжь гәнызкылаз шәаргьы,
Насыԥ шәымаз, згәы разу,
Даҽеа аамҭазаргьы ҳазтәу.

АШӘБА АРДА,
афилол. тӷ. рк., ААУ адоцент

В. ЗАНҶАРИА ИЕИЗГА ҨЫЦ “БЗАНҶЫ” ИАЗКНЫ

Абаҩхатәреи асахьаркыратә гьама бзиеи змоу а поет, апублицист, аҵарауаҩ, афилологиатә ҵҵаарадыррақәа рдоктор Владимир Константин-иԥа Занҵариа ҳаԥсуа сахьаркыратә литературеи акритикеи рдунеи иалеигалахьеит аусумҵа хатәрақәа. Иара убас аԥсшәахь еиҵеигахьеит ирейгьу апоетцәа Лермонтов, Тиутчев, Блок, Ахматова, Мандельштам, Цветаева, Искандер уҳәа аҳәырҩы рҩымҵақәа.

Аԥсуа поезиа ҩыдцәырҵит 70-тәи ашыҟәсҟәа рзы. Раԥхьатәи иажәеинраалақәа рнылеит ажурнал “Алашара” адаҟьақәа.

Иара ирҩиаратә хаҵара, ирҩиаратә стиль, иажәартәашьа, иинтонациа аҟазшьа уҳәа урзааҵгылар уҵахызар, урызхьаԥшроуп еиуеиԥшым иеизгақәа.

Арҵ аизгақәа ирныԥшуеит апоет ихаҩсахьатә хәыцшьа, иара идунеи дкылашьа иргәылсны ииауа ихшыҩзцарақәа. Урҵ рызкуп зегь раԥхьаҳа иргыланы ихымԥадатәу атемақәа: ауаҩ иаамҵеи, адунеии, агәрагареи агәрамгареи, ацәгьеи абзиеи реизыҟазаашьа, апоет ихаҵа уи сахьаркыратә ҳбашьас иеиҵоу.

Лымкаалагьы зыҳбахә ҳәатәқәоу ирейуоуп апоет ишәҟәқәа: “Аҩымҵра абжьы”, “Ибжеиқәа-бжашлоу са сдунеи...”, “Саамҵа-сыԥшатлакә”, “Аеқәеи амзеи”, “Иалкаау”.

В.Занҵариа ипоезиа ачыдарақәа ируакуп игәыҩбарақәа, иҩныҵҟатәи игәҵынчымра, иеибаха-еибафара аарԥшразын уи ииԥшааua ахатәы субиективтә знеишьа. Аха арҩиаҩы зҵаарас дзызхьаԥшуазаалак, дзышьҵоу хыхь-хыхьлатәи аган акәҳам, адәахьтәи афон анаҩсан иҵәаху, цқьа иҵҵаам, игәаҵам ахыҵхырҵақәа роуп.

Убри аҟазшьа, ацәаҩа адубалоит уажәы ҩыц иҵыҵыз Владимир Занҵариа ишәҟәы “Бзанҵы”. Ари ашәҟәы еиднакылоит апоет аҵыхәтәантәи ашыҟәсҟәа раан аус здиулоз, акьыԥхьаҩ уарла-шәарла ицәырҵлоз ажәеинраала ҩыцқәа. Урҵ рыхәҵак ажурнал “Алашара” адаҟьақәа рҩы икьыԥхьын.

Апоет дрыцәшәаҳом егьырҵ апоетцәа дуқәа акырынтә иззааҵгылахьоу атемақәа, избанзар урҵ реилаҵарҵа-еилыхырҵақәа рҩы иԥшааueит иара

ихатәу, лымкаала изааигәоу, дызмырҵынчуа хеиҵаҳәашьақәак, гәҵыхаҳәашьа ҷыдарақәак.

Алирик илаԥш рхуп ауаа рхымҭаԥгашьа иацу ԥсихологиатә еиԥшымзаарақәак, илаԥшхырԥагоу адәахьтәи алҵшәа иазку аныррақәак, сабрадақәак:

Ашәындыҟара иҵоушәа, иԥхьакуп ҳаграқәа,
Урҵ азәгьы имбоушәа ҳгәы ҳажьоит...
Иҵаҳәҳәоуп шәцатәы-хыркыла ҳҟазшьақәа,
Ус, ҳнеивыс-ааивысуа, адәыԥсшәа ҳҳәоит...

Ус ҳцалароуп... ҳеырбалароуп... нас ишԥа?..
Ҳгәы иҵаҿҟьоу аҳәашьа ҳақәшәашам уеизгьы.
Аха иҟоуп зынӡа иаҳамбо мычқәак,
Лашьцарак зеалак, ҳцызшәааua зегьы...

Иҵаҳәҳәоуп қьачаҟь-маҵәала ҳҟазшьақәа,
Ҳа ҳзышьҵазгьы нарха змамоуп–ҳаекынцҭа...
Ҳааит абранӡа, хьаас иктәымыз хьаас икуа,
Иҳамбаӡакәа ҳшалахәмаруаз ҳлахьынцҭа...

Иҵаҳәҳәоуп қьачаҟь-маҵәала ҳҟазшьақәа...
Ашәындыҟара иҵоушәа, иԥхьакуп ҳаграқәа...

Зны-зынла ажәак, ажәеицааирак, еиҷырԥшрак, метафорак ажәеинраала зегьы аҷахәы аҳәартә амчхара, анарха аманы ианцәырҵуагьы ыҟоуп. Убас иҟоу ҷырԥштәуп, сгәанала, “Ан лыгәхьаагара” ҳәа хыс измоу ажәеинраала:

Сылаԥш набхьыслоит зны-зынла абарцҭаҷ,
Ҷымҵ, апырпыл-ҟаԥшьқәа рыԥхуа бахьтәо...
Сҷынасхоит бышҟа, сан, цқьа бызбарцаз,
Еҳ, башоуп... исԥылоит лашьцарак ҳанто...

Снеиуеит аутрахь... уа бцҭыбреи браҳанеи
Рыфҭы-хаа иаргьежьуеит са сыблахаҵ...
Абар ба бысқам-хәыч ахьгылоу аганаҷ,
Уа бышьҵақәа шарӡуа збоит уажә ашьац...

Зны сылаԥш набхьыслоит ашамҵаз агәашәаҷ,
Быццакы-ццакуа, сан, аԥьармыкьахь беихоит...

Уа аҳаӣлақәа рымӣан, сгәы сынҵацәажәо,
Стәоуп сара схала... Бара бхарахоит...

Аҳаӣлақәа быбышӡа ишәҵит сынтәа заа,
Сырҳәушәа урҵ рышәҵыц аԥша еилнаршәшәоит...
Уа ҳуҵра аӣыхәахь, ирҵынчу асас хьаа,
Ахьаҿ-ахьаҿ ҳәа ба ҽеага шьҵыбжь гоит...

Алирик, игәы нкаршәны, гәхьаа мкрала дызрывсуам зеиԥш сахьаркыратә хәшьарак зҵатәны иибо хҵысқәак, шеи-шықәсеи зымаӡа деиҿаӡо еилкаарақәак, аха урҵқәа ирызку, мамзаргьы блаҵыхәала згәаҵара иҽахьигӡаз цәырҵрақәак, ҳадигалоит ихахьоу, зыԥшшәахәы цахьоу шәыгала акәымкәа, ажәа лыԥшаахла, улаԥш назыдхалаша хаҷсахьа-еицааирала:

Мҿасшақә ианысӣаз... Мҿасшақә иазгәасҵаз...
Сгәаӣаҷ инхоит уи–схәыцра амҿахәасҵеиԥш...

Наунагӡа ӣкар выхк, қьаад выхк ианхалаз,
Сажәақәа–зҳәашьа сақәшәаз ԥсаҵала...

Апоет еиҳа данқәыԥшызгьы, иахьагьы, уаҵәгьы ԥсааиҵакха изымҵо темоуп ақыҵеи ақалақьи реинырра еицәыхара рызҵаара. Ари атема аԥсуа лирикцәа аӡәырҿы рырҷиаратә дунеи аҷы ахатә ҵыԥ ҿыда ҕәҕәаны иианнакылахьеит. Лассы-лассы иазхьаԥшуан ақалақьи ақыҵеи рыпроблема А. Аԥьынԥьал, Р. Лашәриа, С.Ҭаркьыл, В. Ахьиба уҳәа аӡәырҿы. В. Занҵариа ари азҵаара уалбагас, ҽырбашақә дазыхынҳәуам. Ақалақьи ақыҵеи рыбжьара иара ихаҵа (насгьы илирикатә фырхаҵа) иианикыло аҵыԥ аарԥшразын, апоет иҽырцәхьаикуам аԥхьаҿ дыззыԥшым, зхы иоужьу еиҷырԥшрақәак:

Ақыҵа–қалақьхеит...
Ақалақь-қыҵахеит...
Нас урҵ рыбжьара сара сызусҵада?
Исгәалашәо... исгәаламшәо
Рышәшьыра сыӣахеит...
Нас сыжәҿа мықшарцаз...
Мҿахәасҵак санызӣада?

Агәра сзымгац сара сышқалақьуаҿу,
Снаслоит Аҟәа, саас-лаба нсыӣаргәо,

Хаҳәык сныԛәтәалоит, сахьынтәааз схашҵызшәа,
Нас ԛаԥхьа сҿынасхоит, саас-лаба нсыӵаргәо...

Сабацо? Схы абахоу? Тамшьҟа, ма Аҟәаҟа?
Сеидроу.. сеидроу... сцалап ус ґаынхәӵыстҵала...
Игылоушәа зызбалои Аҟәа аҵәаҟәаԛәа?
Сыртҵаланы снеиуашәа Тамшьтәи амхурстҵԛәа?

Ауыҵа–ԛалаԛьхеит...
Ауалаԛь–ԛыҵахеит...
Снаҷсуеит Аҟәа саас-лаба нсыӵаргәо...
Ԛыҵеи-ԛалаԛьи... зегьы-зегь ԛьармыкьахеит,
Снаґәнысуа снеиуеит,
саас –лаба нсыӵаргәо...

Тамшьҟа исыхалоит
Аҟәатәи схәыцраԛәа...

Аҟәаҟа исыхалоит
Тамшьтәи сыґәҵыхаԛәа...

Ишаабо еиԥш, ауыҵеи ауалаԛьи еимаркуа ауаԛы, уи ацәанырра иарҿиоу адоуҳатә бжамҽамра сахьаркырала араргамара иашьҭоу апоет, иԛнытҵҟа имԛаԥысуа аԥсихологиатә еибахаеибафара ацәыргаразын, дырҵытҵуеит атрадициатә ԥшь-цәаҳәак аҳәааԛәа, ҟәадак еиԥш дахәаԥшуам аформа, иара изын аус злоу-деимзырххо ацәалашәараԛәа ремоциатә мҽхакы аԥхьаԛ иҟынӡа анагароуп, мыцхәы иҵамыҳәҳәакәа.

Владимир Занҵариа аҵыхәтәантәи ашыԛәсԛәа рзы акырӡа иҽеырзишәоит мрагыларатәи апоезиа ахылҟьа-ҿылҟьа ааугәалазыршәало иаазыркьаҿу афор-маԛәа, урҵ ирҵеигӡоит маҵәысеимҟьарак иарҵысыз ґәалаҟазааараԛәак:

Акәакыҵа иԛҿагылоу
Алабашьеиԥш,
Сзаӵәушәа схы зызбои
Уаха?

О, ишԥахьанҵоу
Стынчра?..

Абар апоет ихаҭа ишҟа, исахьаркыратә хдырра ашҟа ирхоу, ауаԥи-наунагӡа еилкаашьа змам адунеии ирыбжьоу амаӡақәа рышьҭа ҳхызҵо азҵаарақәа рыла еибарку ажәеинраала-амонолог:

Ҳамш амгәартҵоуп изҭыцҵуа
Ҳлак-ԥакрақәа, ҳгәаҟрақәа
Рыцҵх...

Исазҳәода, издыруада
Шаҟа шәышықәса ахыцҵуа
Жәԥангәашәԥхьара иампыцҵшәаз
Арыц?

Закә насыԥузеи... Ех, закә разҟузеи
Ҳахьықәцҵуа итцҵаамкәа
Агәхаштра–бааԥс зҟеазҭаз
Ҳдунеи...

В. Занҭариа азеиԥш уаԥытәыԥсатә проблемақәа лассы-лассы дышрызхьаԥшуагьы, илаԥш шахыц иахуп, агәеисыбжь дазыӡырԥуеит аҭоурых, уажәы-уажәы ицәа дҭанарӡыӡоит жәлар рыдрама, жәлар рхьаа.

“Бара бажәақәа ахьхыркәшам...” ҳәа хыс измоу ажәеинраала Саида Делԥҳа лгәаларшәара иазкуп. Ара иҟам ҳзышьцылахьоу иаԥцацәоу апафос, мыцхәы ихту, изеиԥшу ажәала ацәаныррақәа раарԥшра. Ара баԥхатәра мацарала еибаркыз апоетесса, аибашьԥы, лхаҿсахьа иагәылсны ицоит иара Аԥсадгьыл алахьынҵагьы (“Бықәрахьымӡара иалҵны иазҳауеит Аԥсынра!”), еилшәара рықәым аамҭа - апоет–аҭоурых - агәрагара. Ажәеинраала беиоуп символтә цәалашәарала:

Бара бажәақәа ахьхыркәшам... ииуеит ҟа дунеик,
Арациа иснарҳазшәа быбжьы саҳауеит...

Амшцәгьақәа ирылыхәхәа иааԥуеит быбжьы,
Асытәҳәақәа ирылыхәхәа иааԥуеит быбжьы...

Ба бгәыԥбареи бгәыгреи ирыбжьиааueит ҵлак,
Бара бажәақәа ахьхыркәшам–ааатуеит лахьынҵак...

Ииуан бызшәа ҿыцӡак–ба бҳәоу ахьнырҵәаз,
Ба бажәақәа ахьхыркәшам–игәжәажәауан буаз...

Са среиуоуп, Саида, аԥхыʒ-ссирԥәҟьа збаз:
Ба буаз-ашәа иалԥны агәилқәа шпытуаз!

Ба буазашәа иалԥны Бхақәитԥра иазҳауан,
Итԥыѡуазшәа арациа быбжьы саҳауан...

Иааѡлоит, Саида, хрыжь-хрыжь ба быбжьы:
(“О, иҳамоума атәаха, абас, ҳаиқәышьшьы?”)

Бқәыԥсычҳара иалԥны ииуеит Гәрагарак,
Бықәрахьымʒара иалԥны иазҳауеит Аԥсынра...

Ахрақәа еицырҳәоит ба быхьʒ, иргәарԥха:
Саида Делԥҳа! Саида Делԥҳа!

Абасала, Владимир Занҵариа илирикатә дунеи аҽарҵбааueит сахьаркыратә ассоциациала, ҵоурыхтә ныррала, ажәытәи-аҿатәи реигәныѡра алзыршо хәыцрала. Аизга “Бзанҵы” ишьҭнахуа апроблемақәа рацәоуп. Аха зегь реиҳа аԥыжәара змоу: ауаѡи-аԥсадгьыли, ауаѡи-аамҵеи, ауаѡи-аԥсабареи рызҵаара ауп. (В. Занҵариа ипоезиа аҟнеиԥш иҵҵаарадырратә усумҵақәа рыҿгьы иара изааигәоу, афилософиатә дунеихәаԥшышьа асахьаркыратә ажәала ииазырԥшуа ҳаԥсуа поетцәа рѡымҵақәа ишырныԥшуа, гәыцәс ишамоу гәылыршәаны ииаирԥшуеит).

Уи ацәыргашьа, аарԥшышьа аформақәа, аҟазшьақәа акырʒа иҿыцуп зылаԥш ҳәаа ҵбаау, зхатәы дунеи хәаԥшра ҷыда баѡхатәрала ацәыргашьа иақәшәо апоет иҳадигалаз аизга ҿыц «Бзанҵы» аҿы.

ИВАН МИҚАИА

* * *

Изызымкуеит аеыхәа аштаҿ,
Аԥьаҵ ҵәнарҵәоит, игьежьуеит.
Хьаак ҭыхоит уи агәаҵаҿ,
Аҵшәма иҟам изыхьуеит.

Акәадыр кнаҳауп уаҟа аҭыԥаҿ,
Аҟамчы ахала иҵысуеит.
Аҿымҭра хыԥҵәоит акәасԥьаҿ,
Аншьан иԥәу уа ихьҭашьуеит.

Аеы иршәыкьырҵ ҷкәынак
Дыҩуа дашьҭоуп, игәы ԥшааueит.
Ашәы лхьыссы дгылоуп ԥхәыс ҿак,
Ԥшьаала аеыхәа дазыԥшуеит.

Изызымкуеит аеыхәа аштаҿ,
Аԥьаҵ ҵәнарҵәоит, игьежьуеит.
Хьаак ҭыхоит уи агәаҵаҿ,
Аҵшәма иҟам изыхьуеит.

2015 ш.

* * *

Арбаԥьԥәа еиԥәҿыртуеит, ашара ааигәоуп.
Сыҵәазам, схәыцраԥәа хра мҩак иаҿоуп.
Шьхак аԥәцәа ихалар ртахуп.
Лашарак уа ирзыԥшуп.

Амҩаԥәа шәартоуп, кыргьы ихароуп.
Схәыцраԥәа мҩабжара инеихьоу аацсоуп.
Шьхатәыла аҵасԥәа хазуп.
Еилоугар уусԥәа баацсуп.

Аҕәҕәара, аҵԥьара, уа ҭыԥс ирызшоуп.
Ҭашьыцҩык дыԥәым, аразра аҳроуп.
Ашьауардын аҵсадгьыл уброуп.
Арҩашԥәа ахшеиԥш иразоуп.

Шәнсила схәыцрақәа, снажәгала саргьы,
Макьана смажәыцәкьаӡ ус зынзагьы.
Ашәак сцылар сныҳәаны сшоуп.
Ахра шәа имызуа ҭынхоуп!

2015 ш.

ИАХА ҨХЫЗЛА СГАРА ЗБОН

Иаха ҩхызла сгара збон,
Ҳкәасқьа абарҭаҿ ицысуаз.
Иныҭакны агарашәа лҳәон,
Санду агара зырҭысуаз.

Ҳҭәамахә ашәҭқәа аҿышәшәон,
Иашыкьымҭан, аацынран.
Аҭар иас рытра ҟарҭон,
Шәҭы какаҷла ҳашҭа қәҭан.

Ҭха фҩын иқәыз амзырха,
Ашьхыц ашәҭқәа ирзаауан.
Ҭшаласк хәмаруан ҽилыхха,
Аҭарҭалыкьқәа ҭырҭыруан.

Имаалыкьыз сыцхыз салан,
Уи сзалымҭуа сарҩышьуан.
Сжәытә гара ҩаҭхьа сгаран,
Аҭх ашышьыҳәа сарҭысуан.

2015 ш.

* * *

Ишап-шапуа амра игылаз,
Ахьы ашәахәа ахышәшәон.
Уи иаҭылаз, иара зҭылаз,
Гәаҭха-гәырҩьан ҽибарҭхон.

Ашьха ҽарҳақәа зхагылаз,
Адгьыл ашәҭқәа иқәырҭон.
Сқәыцшзахазшәа уажә сахьгылаз,
Мчык сышьҭыхны хыхь сагон.

Зыбжьы ааҿуаз ахьхьа-хьхьаҳәа
Акәара ылкәраан ицон.
Арҿаш ссирқәа ачараҳәа,
Ишәах маҵаран еилаҭәон.

Сыдгьыл сыҟәын, сыжәҿан салан,
Бзиарас иҟаз зегьы збон.
Снапсыргәыҵа инаныҵсалан,
Насыҵ лашак ажәла сҟьон.

3. 01. 2016 ш.

* * *

Схәыцра сеаҭан сымхьаҳә-хьачо,
Сышьҭыхны сагоит хара.
Сагьазҵааиам «еи уабаҵо»?
Исҵәыхьанҭоуп азҵаара.

Сагалааит сахьагаша,
Исылшом уаҳа атәара.
Изырыхәлаша, аҵх зыршаша,
Мычқәак ҵәырҵлап есымша.

Схәыцрақәа рҿы ма сҵыруазааит,
Кыр иаҵсоума атәара.
Сыдгьыл гәакьахь нас схынҳәызааит,
Еиҭьу сҵыларгьы ҵьара.

2016 ш.

ҚЫҬА МҿАЛА СГӘЫРҬЬО СНЕИУЕИТ

Аҵьыҟәреи ҭыгоуп, аҵҳәгьы хыгоуп,
Иҭәуп ҵшзала аҵақәа.
Арахә-ашәахә рҟьафқәа кыдуп,
Иҭаҵәуп икаххаа аҳәыстақәа.

Аҵҳәаҟәаҟәа амахә иҟәтәоуп,
Қәак рылымсуа роупақәа.

Ачарақәа аҿхәара рыҭоуп,
Иссирзахеит сынтәа аҽоқәа.

Ачарашәа слымҳа иҭашуеит,
Лассы игаша ихыхәхәа
Қыҭа мҽала сгәырҭьо снеиуеит,
Сызбо, избо, срызгәыкуа.

Сыҟәра ҽыцқьа сарҵеицеиуеит,
Маза ирҭалан са сдақәа.
Қыҭа мҽала сгәырҭьо снеиуеит,
Сеыхәа аҭәра наҿакуа.

2016 ш.

* * *

Ахха-ххаҳәа амца еиқәылон,
Еиқәҵаз ахьаца былуан.
Икаҵсоз акәицқәа еицралон.
Аеҳәаҿ рыбла ҭыцьцьааауан.

Игәыҟаҵагаз ҵхаррак ҵәырҵуан,
Амаҵурҭагь ҵәгьа иҵшзазан.
Лашарак ахәышҭаара иахылҵуан,
Аргама бзиарак иазҳәан.

Амца ҵәажәон, мца бызшәала,
Аҵхарра сеаҭаны сзырҽуан.
Еилыскааауан сара стәала,
Иаҳәоз ҵсышәан исаҳауан.

2015 ш.

* * *

Анаҟә хылеит ашьыжь ашьха,
Анаҟә ахшеиҵш ижәпаза.
Аҭра иҭыҵуам, иҵшуп ашьхыц,
Иҵшуп ашәҭқәагь ааигәаза.

Ацарцалыкьқәа ирымам црышьа,
Инцәоит раамта ласза.
Адәы какаҷқәа урт изхысша,
Анаҟә иацәахит зынза.

Уагьыцшзоуп, уагьцырхагоуп,
Анаҟә шкәакәа, сыгәра га.
Ушьтахь ицәырцуагь гәазырҳагоуп,
Утлаз шкәакәа нарыхга.

2015 ш.

* * *

Ашәт зҿысхыз ашәт гәырҿозшәа,
Сахьахәацшуаз сгәы иснарбон.
Лаҕырзқәакгьы аҿыкәкәазшәа,
Саҵхьа ашьацраҿ ак каҵсон.

Схы сазгәаан, схәыцуа снеиуан,
Амра халон, илашон.
Ацшалас иаман лакә бжьык сзааиуан,
Иаҳәоз аарла еилсыргон:

- «Ашәт зызҿухыз бзиа илбозар,
Харак уман узбазом.
Амра шыраҿ ашәт канзозар,
Агәыхәтәы усҟан иахьзазом»!

15. 11. 2015 ш.

* * *

Исахәыт-хәытуан ажәеинраалак,
Абжьы саҳар атахын.
Усҟан схьаақәа еилалан,
Ихытцны схытцәара иаҿын.

Мцак сыцрарцон, схы самыхәо,
Сыцсы ацамта иазыцшын.
Ацх шьаҳитхан уаҳа изымцо,
Суада аценцьырқәа ирыхшьын.

Ажәеинраала абжьы иацлон,
Шьҭа иаҳәозгьы еилсыргон.
Хәшәыс уи схьаақәа ирцылон,
Хәыцыхәыцла агьама збон...

18. 10. 2015 ш.

БЫҬӘПҲА КАРОЛИНА

Аҟар рыбжьы

***

Исаԝсыз амш уажәшьҭа сазхьуам,
Иснаҭаз агәыҩра иара иазынхап…
Сашьҭазам ҳамҭак, мап, сазыцшзам,
Амԝа сызқәылаз сахьнанаго збап.

Аиаша, ахәахәа сыхшыԝ азсырхап,
Аҵсҭазаара агәашәқәа ахьаатуа збап.
Саҟалап ԝадарак, хракгьы сазцап,
Уахь сназго, схазгало мԝахәасҭак сыцшаап.

***

Длышьҭоуп ҭынч ибжьы мыргакәа,
Баҳчак дыцоуп дыцшааua.
Лышьҭа инлыжьыз дахымкьакәа,
Длыхьзарц днеиуеит иезауа.

Аха, мчык уи дыннакылоит,
Шә-хәыцрак цәырҵит деимдауа.
Наҟ еа гәҭыхаҟәак ддыргәамҵуеит,
Ах, ла лҷымҭроуп дызхәаеуа.

Дыццакы-ццакуа дахьнеиуаз,
Уи ицҭазаара лакьуан.
Ари агәилшәҭы, иаҵ игәылҵыз,
Ихьаа шацыз иазҳауан.

***

Иҭынчуп суада, бжьык ѡныѡуам,
Аҭынчра иахәаеуеит сгәырѡа.
Аҵх иахалашоит Еҵәаҵьаа,
Ҭахак снаҭазом аҵша.

Амза хьааҟәак азцәырҵын,
Иахыццакуеит ашара.
Алашьцараҷ гәҭыхак цәырҵын,
Исыҟәызбоит мазала.

***

Исыздырам хьаак цәырҵит,
Даеа гәҭыхоуп сызгауа.
Схәыцраҟәа зегь рѡашха ихыҵит,
Ҟәыцшра мцабзуп сызбылуа.

Исыздырам мѡас сызныло,
Иарбан еиҭъхара иаҳа.
Сыгәгьы ҭынч аҭра иҭагылом,
Зылбааҟьароуп сзытҟәауа.

Зиаск сырит, мѡак саныҵит,
Гәҭыхак нсыжьит, наҟ хара.
Цәҟәырҵак салсны, шьхак саҷалеит,
Ҷыц мѡахәаҭаҟәак ҵшааауа.

Мцак сыцралеит, ҵшак насхьысит,
Шәахәак сҷахәмарит сжьауа.

Сгәы самеижьеит, сқәыцшра сиааит,
Уа уҽы сыḱоуп, сеиқәырха!

***

Абар иамамкәа ааихсыцгышьак,
Ақәа хәмаруан, иҽырбон.
Урҭ илҽиуаз ақәарыцқәа,
Сара сгәацаҿ инкабон.

Иахьа издыруеит, изыргәамцуаз,
Дара рымаза зызкыз.
Иахьа издыруеит, цхаррак шрыцаз,
Зынтәи, ажәақәа имыцхәыз.

Ақәарыцқәа, ақәарыцқәа,
Уажәшьҭа рышьҭагьы убарым.
Ақәарыцқәа, ақәарыцқәа,
Ҿазны исеижьаны ицарым.

***

Сқәыцшра-хәыцра бгьыцк ианыстоит,
Сыцшуеит саҵхьаḱа хара.
Сыцстазаара унапы ианыстоит,
Ҿазнык сашьҭоуп убара.

Ари сқьаад бгьыц цшак иагаргьы,
Сцәаҳәа ашьҭыбжьқәа еиқәхап.
Нас уцстазаараҿ сḱамларгьы,
Схәыцра ушалаз атәы аҳәап.

***

Снавалеит ҭынч ацшаҳәа,
Цшакгьы аҽырцагьашәа иасуеит.
Сеигәыргьоит сқәыцшра, сҿара,
Хәылцазтәи аҳауа сыхнахуеит.

Сыгәгьы сыхоит, ҽгьсыгым сцырырц,
Хәыцрак жәҩанахь сышьҭнахуеит.

Арантәи еҵәак сазҵаны,
Ҟсҭазаарак акәа инҭасыршәуеит.

Гәырҩарак сышьҭаҟәа ирхуп,
Гәыҩраҟәак схьааҟәа хырҿуеит.
Насыцк, цәҟәырцак аҿы иануп,
Уи аҵәҟәырца – сгәаҵаҿ ихәмаруеит.

***

Аҵсҭазаарасҿ зегь ҿхәарак рзыцҵәоуп,
Адунеи убас ауп ҳшанугьы.
Иҿыцәааашт ус-ус уҿхәара,
Уусҟәа угәжәажәо ушрылоу.

Иуылшар цәаҳәак анҵара,
Имызша ажәак уҭынхаргьы –
Узыхьхоит, изҟәым ҭабара,
Икалоит назаза унхаргьы!

Ускан умҩамст гаганы,
Урхашҭуам ашыҟәсҟәа царгьы…
Уициип аҵеи уаҵә ииуа,
Иныҟәба ицарым уҵәыкәбаргьы!

***

Узырхәыцуеи ас ҭагалан?
Улахь мачк еиҟәушәа збоит,
Умра ҵхарагь наҟ аеаҵәахт,
Аҵша хьшәашәа уеимнадоит.

Ҭынч ихиаало абыҵь ҩеижьҟәа
Адгьыл акәа инҭанаҵсоит…
Урт илеиуа аҵла бгьыцҟәа
Сҟәыцшра ашьҭа еиманаҵсоит.

Мазак уҵоуп, ааи, ҭагалан,
Иара убас са схаҭагьы…
Мазоуп иkоу ари атәылаҿ,
Имазоуп ҳхәыцраҟәа зегьы.

***

Аацынтәи ашәҭқәа гәылҵит,
Аҳауа зѡыда угәы арҵхоит
Ашьхыц хәыҷгьы ныкәцр-аакәцыр
Амырхәагаҿ иеырбоит.

Ажәҵарақәа еибарҷырҷыруа
Ҿыцны анхара реаздырхиоит.
Аҵсҭазаара ашәа азызхәо
Ақәыцшра гәыԥрак ахьнагзоит.

Аҵсабара ҿыц иҿыхаз
Иаанагои заҟа маза?
Аҵхәызба, адәиаҵәаақәа ихырхыз,
Дзазымхәыцри ллахьынҵа?!

***

Са сыгәтыха уҵеиѡысшоит,
Ҵхак узхысҵоит ҵхьа узго.
Умѡа сныхәоит, уа усныхәоит,
Разҟык усҭоит зыгәра уго.

Санрызгәаҟуа дгьыли жәѡани,
Сышьҭа ухылан сыцшаала.
Шоура ҵәгьаказ уа уанҿажәкуа,
Инымҵәо зыхьҵас сыҵҭала!..

***

Уаныҟам – са сшыҟам удыруаз,
Уҵхароуп, са сгәаҵа зырҵхо.
Уаныҟам – са сызуеит, иудыруаз,
Уа ублоуп – са сымѡа сзырбо!..

Издыруада, иаҳзеиҵшу мѡахәаҭак
Ҳзылихзар ҳаҵхьаҟа Анҵәа?
Издыруада, ҳанасыц ҵшьазар,
Иҳазгәамҭоз доуҳазар иара?!

Абас еиҵш ахәыцрақәа срылоуп,
Аҵыхгьы гәамҵуеит уаха.

Сыбла ушыхгылаҵ ухгылоуп,
Сгәаҵа уҳалоит, сбылуа.

Сшәоит, ари аҵых лашьҵарацҿ
Уаҳа исымбар ҳәа ухабар.
Сшәоит, ари адунеи еишьылрацҿ
Сузгәамҳакәа усаѳсны уҵар…

Абарҳқәа сыгәжәажәо сышрыло,
Ашара саҵылоит ѳаҵхьа.
Издыруеит, мышкы зны ушысҵыло,
Ушсыҵхьо насыҵк ахь хара.

СЫҚАЛАҚЬ АҚӘА

Шьыжьтәи ушәахәа насҿархәмар,
Аҵәа салухит сжьаны.
Амшын ду акәа иаҵәа унҳаршәны,
Ҵәқәырҵак уамоуп ухьчаны.

Убаҳча ҵшзақәа са схырхуеит,
Умшын самоуп сытҟәаны.
Ажәытәра иагәылгоу – уҳоурых ауп,
Слымҳа ирҳаѳуеит иашәаны.

Аҟәа, Аҟәа, сара сгәеисра,
Аҵсны агәы угароума ҵшқаҵас.
Аҟәа, Аҟәа, сгәыҕрақәа ргәыҕра,
Уа уоуп изҵәызымзо суасиаҳ.

АҚӘҨИАРА!

Аҵсны аҭҵаарадырраҟәа Ракадемиа Д.И. Гәлиа ихьз зху Аҵсуаҭҵааратә институт аҟны 2016 шыҟәса, маи 20 рзы имѡаҵысит афилологиатә ҭҵаарадырраҟәа ркандидат аҭҵаарадырратә ѡазара аиуразы Адиссертациатә Хеилак аилатәара.

Аҭҵаарадырратә ѡазара афилологиатә ҭҵаарадырраҟәа ркандидат аиуразы адиссертациа ахьчаразы дыҟәгылеит Кәарҷелиа Фатима Зураб-иҵха. Лдиссертациа ахьз: «Аҵсуа бызшәа алексикатә стилистика апроблема хадаҟәа». Аусумҭа аҭҵаарадырратә напхгаѡы – афилол. ҭҵ. рдоктор, апроф., Аҵсны аҭҵаарадырраҟәа Ракадемиа алахәыла-корреспондент Ҳагба Лили Риза-иҵха.

Аофициалтә ҿагылаѡцәа – афилологиатә ҭҵаарадырраҟәа рдоктор, Кабарда-Балкариатәи ауниверситет апроф., академик Зинаида Михаилиҵха Габуниа, афилологиатә ҭҵаарадырраҟәа ркандидат, Аҵснытәи аҳәынҵҟарратә университет адоцент Баҭал Антипа-ица Хагәышь.

Имѡаҟәызҵо аҭҵаарадырратә усбарҭа хада – Аҵснытәи аҳәынҵҟарратә университет аҵсуа бызшәа акафедра.

Адиссертациатә Хеилак аилатәара амѡаҵгаѡ – Оҭар Платон-ица Зизариа афилол. ҭҵ. рдоктор, апроф.

Адиссертациатә Хеилак алахәылаҵәа Ф.З. Кәарҷелиа афилологиатә ҭҵаарадырраҟәа ркандидат аѡазара ланашьаразы еиҵәакны рыбжьы ртиит.

Иазгәаҭатәуп абызшәа аҭҵаараҿы ари аусумҭа раҵхьаза акәны аҵсышәала ишаҵҵаз, ахьчарагьы аҵсышәала ишымѡаҵысыз. Уи мѡаҵган аѡазара ҳаракы аманы, аимак-аиҿак аҵны, аҵарауаѡ қәыҵш Ф.З. Кәарҷелиа лусумҭа аҵсуа бызшәа аҭҵаараҿы ишлагала ҟаимату азгәаҭаны.

Агәаларшәара

КӘҨЫР ГӘАРАМИА:

АҨСУА ҽЫБҒАҚАЗА ДУ

(1917-2016)

Арҭ амшқәа раан аҧыхәтәантәи имоахь днаскьаргеит аханатә хьзеиҧшеи зманы иоагылаз ауаоҧсы, инарылукаашаз аҧсуа ҽыбҒаҟаза, зхаҭара оашьара ақәмыз Кәҩыр Аҭнас-иҧа Гәарамиа. Уи, иҧабыргны, ақәра ду нитит,101 шыҟәса дырҭагылан (диит 1917ш. азы). Инысымоаҿ хадара змаз ак акәны иҟалеит аҽтәы спорт иазкыз иҧсҭазаара.

Уи дреиуан Аҧсны, убас уи анҭыҧ еиҧырдыруаз аҽыбҒаҟазаҧәа дуқәа, Аҧсны, Қырҭтәыла изныкымкәа аҧхьахәқәа игахьан, арҭ ареспубликақәа рҿы аҽтәы спорт азҟаза ҳәагь ахьз ҳарак иаҭәашьан. Абри аоыза ахьз иаҭәашьан дышқәыҧшыз машәырла иҭахаз иҧеи заҧә, иҧеи хьзырҳәага Владимиргьы. Кәҩыр иҧаҳҧәа ракәзар, убартгьы абри аус аҿы хьзи-ҧшеи зауз, иалкаахаз ирсиуан. Раб иҧсҭазаара, иус – аҭаацәа зегь ирыҧсҭазааран, ирусын, иргәыбылран.

Жәаба-жәаоа шыҟәса анысхыҧуаз инаркны Кәҩыр Гәарамиа Кәтол ақыҭан, ҳаонаҭаҿы дызбеит-дыздырит, саб Таииа Лашәриа иоыза гәакьак иаҳасабала, лассы-лассы ҳаоныҟа имоахыҧуаз, иеиҧырдыруаз аҽабзаҟазаҧәа дыруазәкны.

Уи дызлаз, дзыцныҟәоз иҟәлацәа рыбжьара еиҳа дреитцбын, акыр деитцбын саб иаастагьы, аха реиҽцаара, реибабара ари иацырхагамызт. Уи аханатә цәаҩала дуаҩаамысташәан, дыцрын, дымцабзын.

Исхаштуам, саби иареи анааицылалакь, ҩажәак еибырхәааныза аеҟәа рызбахә иалагон, сабгьы ианиааз деыбгаҟаза ҕәгәан, аеҟәа ицсы рылан.

Саб ианшьцәа – тхьынаа ракәын, Ишәбаҟьиаҟәан, Кәҵыри дареи каиматла еибадыруан, еиҽцаауан. Ҳшааи-шааиуаз, Кәҵыр сахәшьеиҳаб еиҳәшьас дҟаитцоит, ҳаизыҟазаашьа убри ала еиҳагьы ҳаизааигәаз тәуаз ак ацлеит.

Абас шаукәызгьы, аханатә уи еыбгаҟазак иаҳасабала ауп сгәалашәарає, сгәы-сыцсаеы дшаанхаз.

Кәҵыр дназлаз, иаҳтааузаз ҳасасцәа, ҳашта-ҳгәара иантыцуаз аамтазы, иҟьаҟьаза иаартыз агәашә ала акәымкәа, Кәҵыр арцәаа тырҟьаны, агәашә ду иаваҟацаз, метрак аиҳа итбаамыз агәашә хәыҵ иарбаны ддәыҟәлон, уажәымзар уажәы уаҟа иеадишьылоит шуҳәоз, ахҿа аицш дыбжьҟьон, анапеинҟьабжьгьы наишьтарцон, «Кәҵыр ахага» ҳәагьы нацтаны!..

Ҳәарада, аеызҟәає уи дыццышәын, дхаган, ала-мала цлабыҩгьы димамызт.

Ҩбаҟа шыҟәса рацхьа Кәтолтәи аеыбгаҟаза Ваниа Тапагәуа ицсыжраан Кәҵыр ҳамтас, гәаларшәагас истеит асовет аамтазы аредакциає исыднагылахьаз, 1957 ш. азы итыхыз фотосахьак. Уаҟа ианын Баграт Тапагәуа, Ҕәапа Коҕониа, Кәҵыр ихата, уск̌ан араиком аеы аус зуаз, иҟәыцшзаз Борис Адлеиба, убас урт ирывагылоу даеазәы. Асахьа иану, иеицыз аиҩызцәа, аеыбгаҟазацәа, убри ашыҟәсан Ҭырҟәментәыла, Ашьхабад еаахәара ианыҟазтәи ахтыс ҳанаҳәоит. Кәҵыр ари афотосахьа имамызт, уамашәа деигәыргьеит, игәалаиршәеит иаархәоз, излацшуаз аеҟәа рахьтә ацшәмацәа еы ссирк рырымто ишалагаз, «ари қәтәашьа, нкылашьа змам ак ауп» ҳәа раҳәаны. Кәҵыр иеилагылаз иаҳзеитеиҳәеит уи аеы дақәымтәар шиумуз. Кәадыр зымбацыз аеы зызымк, аеы ццышә аапкит, ихагахеит, цәҩанцәы ажәҩан иалалт, иақәтәаз дахнаҟьаразы. Аха Кәҵыр – Кәҵыр иакәын, арцәаа тырҟьа, агәы амҟьа аеылаирхан, ахаан иимбацыз, изымдыруаз асакара еиужьра дакәшаны, иалаз алхны, ихәжәаны ииаигоит, убри иабзоураны ари аегьы Ацсныҟа ирыма иааueит. Кәҵыр абри атәы анаҳзеитеиҳәоз аамтазы споезиатә гәаҳәара Сасрыҟәа Бзоу анибжьозтәи ахтыс ахь сагон, ари аҳәамта ацызцаз ҳауаажәлар дара ирзааигәаз, ирызгәакьаз, идгьылтәыз акы иҟәдыргылон…

Ацсуааи аеи жәытә-натә еизшан, еимадан, аеы – гәыхәтәыхьзаган, игәазырҳаган. Аеыбгаҟаза данынаскьаргоз аеынгьы иеы ашәы аҟәыршәны иханы идыргылон, аҧьабацәа ирсиуаны.

«Аҽы ауаҩы ишьа алоуп» рҳәон аханатә. «Аҽеиқәа мыжда иадырит аусқәа зеиҵшраз» – иҩуеит Иуа Коҟониа ҵсра зқәым ипоема «Абаҭаа Беслан» аҽы.

Кәҷыр Гәарамиа ахырехәара, дызлаԛамыз аеалаԛатәра ицәтәымын, дызлаԛаз, дзыҵсаз акәзар, зегь злаԛаз аасҭа еиҳа акы далаԛазшәа ихы уирбомызт, дахьаацсахьаз, дахьынеи-ааихьаз, ихьз ахьҩеихьаз ԛаиматла ишидыруазгьы.

Уи дыбзанхаҩын, дхандеиҩын, дчеиҵьыка уаҩын, нхаҩҵас деибытан, инапала иргылаз, иқәцраа ицоз, ицхзаша здыз иахьатә кәасқьа ссир инаркны.

Кәҷыр иқытауаа иргәалашәоит 1989 шыԛәсазтәи ахҭысқәа раан, Г. Аламиа заҵхьа дгыланы Ҭхьына имҩахыҵыз жәохәҩыуаак рԛынза ачеченцәа ацә ԛьантаз шьны, ишаҭәаз, аҵсуаҵас патула дшырҵылаз. Убас, 1992-1993 шыԛәсԛәа рзы ирахә-ишәахә дырмеигзеит аиааира ус алыршаразы.

Жәашыԛәсала, иаацымҵәазакәа, иҵсаса, ишьамаԛа има ашьха даҽан. Ламкаҵ, Соиҵсара, Адәыҩада, Кәыниашҭа уҳәа илаҵәа хҩаны дырхысуан, изымдыруаз мҩахәасҭакгьы ыԛамызт.

Иҷкәын заҵә, аеыбга ԛаза ҕәҕәа, агәлымҵәаах данҭаха ашьҭахьгьы иуаажәлар дышрылагылаҵ дрылагылан, рыцәгьа рыбзиа знымзар зны иеагимыжьит.

Аҵсуаҵас уи иеилаҳәашьа, ицәырҵшьа, аҵхьахә згоз иеы ццышәқәа, иԛама чаҵа, икәадыр чаҵа, иԛамчы лыҵшаах, азар ашәа иазшаз ибжьы ҵар, иарҵәаа – абарҭ зегь рыла уи аханатә иуаажәлар рылаҵш аҽ, ргәалашәарҽ даанхартә, далыркаартә иеыԛаитеит.

Ҳарҭ зегь ҳабла ихгылоуп телехәаҵшрала изныкымкәа иаабахьоу Владислав Арзынба инаскьагараан Кәҷыр игылашьа, игәырҩашьа, иҵьабашьа, алахьеиқәҵара ду иатәыз иеилаҳәашьа – ихҭырҵа рԛьаԛьа, ихҭырҵеиқәаҵәа, икәымжәеиқәаҵәа, иҽаҵхьа иарсны иикыз, ицҵьабоз ишьанҵа лабашьа.

Иара убасҵәԛьа – Ҵьгьарда, Сергеи Багаҵшь иҵсыжра аангьы.

Абас азәазәала иҳалҵуа, хашҭра зқәым ажәытә уаа рмилаҭ хаҽреи рыхҩахареи уанрызхәыҵуа аамҭазы, дугәаламшәар ауам аурыс шәԛәыҩҩы ду Константин Федин 1938 шыԛәсазы иаҵицаз «Аделегациа алахәыла» («Член делегации») захьзу иажәабжь ԛаиматҭ аҽы зсахьа ҭыху Аҵсны анҭыцтәи аизара ду ахь амҩа иқәыз ауаҩ быргҕ ихаҽра, имилаҭ доуҳа, иҩнуҵԛатәи адунеи аҳаракыра, иаамысҭашәара.

Аҩада ишысҳәаз, Кәҷыр Гәарамиа дыздырт саб иҩнатаҽы, санмаҷыз инаркны. Сиқәшәахьан азар ашәа ҳәо иахьнеиуаз, аҵхьахәқәа ахьигоз аеырыҩра дуқәа раан, аҵәыршәраҽ, аҵәыргыла ахыҵараҽ, хылҵдызмамкәа инаскьаргоз иқә-иҵас анымҩаҵыргозтәи агәырҩамшқәа раан.

Ҳаԩнатҵеы, ҳашҵаҿ, еиҳа иқәрахь даннеихьаз аамҵазы, ишимуаз, мчыла, изныкымкәа иеышькыл ааныскылахьан, ԁеыжәыслахьан. Убригь акалашәа агәахәара сызҵо гәалашәаран исзаанхеит.

Иахьа назаза бзиала ҳәа иаҳҳәоит, инарцәымԩа дыԛәаҳцоит…

Ухарҵ бзиахааит, иаԥсаз ауаԩцы, хьызла-ԥшала имԩасыз аеыбґаԛаза ду, амилаҵ зыргаԩ, абаԩхатәрауаԩ!..

Мушьни Лашәриа,
Ҵхьына, маи 24.

Константин Гердов

ИЗ ГИГАНТА-ПАУКА, ИЗ ГИГАНТА- ШАКАЛА

Полотно.

Пристанище.

Пруд очень широкий, объёмный, прочищенный.

Ясно как на просторе на злато. Ясно как на простыню побитую, пробитую шелковицей.

Пробито черными ягодами – шершавыми; для ладоней-в линию судьбы: бугорки, кручи и скальпы.

Красно на сердце и на присест. Удобно на красную равнину – с обязательным скатом на края, как на горизонты: «Там небо гнется.// Вниз лететь легко». Обман зрения на туесок.

Удивляться на магнолии и на чаши из мрамора белого.

Пить как венецианский яд семнадцатого века. Так скатываться на мраморный барельеф, когда откинуты, отринуты ниши. Откинуто для саквояжа, для белеющих лошадей.

Шершаво на песок, на юрты, на глянец.

С таким трудом побираться, пробираться сквозь истлевшие гимнастёрки. Как кто-то скажет:

– Неужели стали умирать люди – от того, что ты стал голодать!?

Быть вброшенным в требуху. В чернеющие уключины на червя— мелкознобкого.

Протекло в жидкость, в сосуд, в чашу мизантропа.

Стали освобождаться сосуды для мертвых.

Стекать как на зубы.

Стекать для эринний.

Стекать для флоксов.

Освобождаться на шелковистый песок, на прибой, на длинную полосу из жаркой конской спины – из обтекающего блюза.

На слабеющее сердце, на профиль, заматываться в красные ягоды – в ожерелье. Легче скользить по внутреннему водопроводу, по внутреннему позвоночнику.

Окунуться для миазмов и на корабли.

На синеющие шхуны.

Стало жарко на пробегающие струны.

От этих мест – широко на километры, на канавы, на каналы, на болото, на карасей, на пролетающих уток, на широкие хлебные поля.

Узко на влагу – и хлеб протекает.

Не крошится, а течет родником.

Жарко на горло и истекать на территории.

Крошиться на пламя, на роздымь.

Как лежать на глазах и держать на остриях зрения – небо.

Собачье и ишачье зрение не даёт небу падать; так сельскохозяйственно, так по-крестьянски зажимать рот, зажимать скальпель, зажимать мохнатые ресницы жабы, жабьи.

Так долго собираться для горла, для лёгких, для мироздания.

Набираться на холмы, на широкие плёсы, на белеющую шелковицу – очень сладкую.

Даже с высыхающих веточек – превращаться в изюм.

Складываться в горошинку, в ворох ладоней, в щепотку, в заброшенность жизни как скарба для сетей.

Опять протекать в ворота, в горстку пыли.

Колоситься на сердце, на колючки вдоль черноморских волн, вдоль памяти, от памяти – на десятилетия, от детских лет, от сгорбленной бабушкиной спины, от огромной коровы со спиленным рогом.

От огромных госпитальных ям – глубоко в песке, изнурённым на зной, на Великую Отечественную войну, на человечьи ноги, руки, корпуса, на множество крови на бинтах, на протезах, на выброшенных желудках, на змей, на мух, зеленоватых на запекшуюся кровь.

На кров кузнечиков, на их сеть, чтобы легкие могли дышать.

Докопаться до грёзы.

Докопаться до среза костей, позвоночников- откуда идет, следует только дефект, только черный непробиваемый мрамор, как духовное содержание, как срез геологических эпох, мезолиний.

Когда в черноту колодцев впарывать скальпель прошедших зубов.

Человечьих ли, бычьих, дико-свинских, собачьих, жабьих ли бултыханий в марево, в зеленоватый плотный студень, – стоит едва приподнять голову.

Пропадать памяти, из памяти как из просеки, как из студня.

Водоворот из внутреннего уха и работает из туннеля , – так заглажено и пробито на бикфордов шнур.

Поля, где пятьдесят лет назад выращивали баклажаны, морковь, кукурузу, пшеницу, тыкву, помидоры, огурцы, кабачки, сладкий и горький перец.

Шло на сплошное разноцветье,- синеющее, краснеющее, белеющее.

Было на звезды и на дымку протекающего времени, как из уст протекающих любимых сердец: «Что прошло,- то больше – не вернешь»

Но на этом останавливаться было, конечно, не надо, нельзя.

От пустыни, от пустынниц, от женщины в черном штапеле, в черном шелке. От женщины идёт сильнейшая аура и вампиризм. От женщин в черном – как поглощать чужую душу, чтобы напиться энергии, напиться крови и кладбищенской и надзвёздной и подзвёздной.

Женщина едва шепелявит на рот и от быстрого бега-спасения.

- Вы откуда?

– Из верховьев Кодорского ущелья.

- Там еще остались пустынники-обитатели далеких пещер, келий?

- Нет. Я – последняя, которая бежала оттуда.

– Почему? Я помню по давним книгам, еще дореволюционным, послереволюционным, после Великой Отечественной войны – в горах, вблизи Чхалты, вблизи Кодора, в кельях, в пещерах жило, молилось множество пустынников…

- Теперь там нет никого. Раньше, при советской власти – мы были нелегалами, но могли оставаться, могли служить Богу. При советской власти нам было легче скрываться. Теперь, при власти после абхазо-грузинской войны 1992-1993 годов – когда мы вроде бы легализованы – мы испытываем все больше и больше стеснения.

– А как? Каким образом?

- Нас выслеживают из вертолётов и сбрасывают на наши кельи зажжённые цистерны, которые сжигают наши посевы, наши пещеры, наши пристанища. Сейчас от цибельдинских хуторов почти ничего не осталось. От трехсот-четырехсот дворов – осталось лишь несколько десятков… Эти хозяева оставшиеся – нас, пустынников – кое-как подкармливали, чтобы мы молились за души тружеников земли.

- А вы кто?

–Мы – труженики космоса, небесных сил.

- А вы, женщины – пустынницы, в горах засаживали бы участки с фасолью, с кукурузой, со свеклой. И еще поддержка от дикого леса, от дикой черешни, от дикой хурмы, от каштана, от ореха... И можно существовать...

- Но тогда мы не будем успевать молиться за спасение...

– А почему вас, пустынников гонят власти?

- Потому что мы – служители Тихона, а сейчас во власти православия Алексий. Только Тихон был наш истинный владыко. Он был неистов в сво-

ей, в Божьей правоте. Он был наподобие неистового Аввакума Протопопа. Поэтому его и убило в начале тридцатых годов НКВД.

– Но вы живёте одни в лесу. Могут придти нехорошие люди, антихристы – для кого нет ничего святого, и могут с вами сотворить разные подлости…

- А тот, кто идет к нам с нехорошими делами – им Бог заслоняет души, заслоняет сердца. Закрывает их проход туманом, грозой, камнепадом, и нехорошие люди до нас не доходят.

- А вы взяли бы, пустынницы – женщины, и стали бы жить в наших пещерах, в пещерах Жоэкварского ущелья, ущелья Цихерва, Гагрипшского ущелья.

– Можно. Но главное, чтобы вблизи была вода… Должны же мы купаться, обмываться.

- Но, а как же жить в пещерах? Там же в пещерах зимой холодно. Вам на чем-то же надо спать..

- А мы инструментом из металла подготовим мягкий известняк к лёжке, к постели, к стулу, к скамье. У нас есть напильники, долото, молоток.

- А как же топить, когда идёт снег?!

– Как делали древние абхазы, как делали сваны высоко в горах. Они у входа затапливали огонь, костер. Дым шел вверх, а тепло задувало в пещеру. И толстым сукном можно накрываться, можно закрывать вход в жилище… Лишь бы была вода. Родник. Нас, пустынников, кормило в основном мегрельское население в Латах, из этих мест.

- А сколько километров от селения Латы ваши кельи?

- Разве звериные, разве горные тропы сосчитаешь?! .Я тебе, Странник, зачту некоторые фрагменты из духовного завещания старца Иеронима. 0т шестого июня две тысячи первого года. Из Санарского монастыря. «Храмы строить уже не надо. Было вчера уже поздно. Кому строить? Православных людей не осталось почти. В церквах под личинами попов – в «красных подрясниках» почти все жиды со звёздами. Вместо хоругвей будет флаг всемирного масонства – звезды Давида... Слушай и крепись: – последнее время живем /по Божиему усмотрению/. Мне было дано: около 2003 года придет антихрист, и три года и шесть месяцев будет нас казнить руками «красных попов». Особенно бойтесь 2005-го года. Смотри и делай выводы. Как только примут решение о строительстве Соломонова Храма в Иерусалиме и всемирное жидовское ложе примется срочно за это дело – будьте бдительны. Жиды уже купили в Индии семьсот килограммов золота для своего девятисвечника. Затем на ослике в этот уже построенный Храм вьедет антихрист под видом мессии, всемирного царя. Как только нога ослика вступит в Храм – бегите и цепляйтесь хоть за колесо поезда, который повезет христиан в ссылку. Успей своих родных посадить в этот поезд. Тем и спасетесь. Ты дол-

жен спасти своих людей. Будет голод страшный – уйдет вода. Золото выйдет наверх. Наступит жара неслыханная. Живые мертвых не будут успевать хоронить. Родители – своих детей, а дети – своих родителей живыми съедать будут. Вокруг будет зловоние и трупы. Черные вороны и шакалы будут от крови человеческой православной пьяны. А на трупах праведников, на их телах будут: «красные попы», пьяные от богатства и от огромной власти, сребролюбия играть в карты с девицами, обнаженными до наготы. Будут возле попов-верные слуги – прокуроры, милиция, налоговая служба, налоговая полиция, юстиция, медицина. Как покажет архиерей красным пальцем, так эти и набросятся на нищих людей. И будут делать под видом прививок надрезы на руках, на вене. Надрезов будет три подряд. И назовутся они: «Я сын антихриста». Вербы должны спасти христиан во время ухода воды. Вот и не будет жажды. Землю мокрую вокруг этого корня ешьте – не бойтесь болезни. Это будет вам и хлеб и мед. Воды не будет, а вы будете с водой. Ямку к утру засыпайте, а ночью снова откапывайте. Так и спасетесь. Земля-матушка нас Православных спасет. По молитвам Богородицы в последние времена на руках, где вены возле ладони, старайтесь в Церкви мазать миррой, тогда вам надрезы на венах не страшны будут, даже если вы спите или же находитесь в беспомощном состоянии... Не торопитесь детей отдавать замуж или женить. Бог все устроит. 0х, трудно вам будет в последние времена! Вас, последних Православных, будут унижать, преследовать, проклинать на каждом шагу. Не раз вы будете проливать слезы. Но вспомните меня, грешного Иеронима, и все пройдет... Не надо вам никакого богатства. У последних Православных христиан будет другое богатство - молитесь и молитесь... Десятой дорогой обходите новых попов. Первым умру я, а затем другие старцы: Кирилл, Николай, Иоанн, Владимир, Илий. Все крестите и крестите, особенно не пользуйтесь зарубежными напитками – они заколдованы. Не бойтесь смерти. Не надо завидовать тем, кто праведно ушел из этого заблудшего мира. Обижать будут вас постоянно. Правды нет. Терпите и терпите. Не отвечайте на зло, отойдите, сделайте обидчикам добро. Считай себя всегда виноватым… Будет возможность – приезжайте на могилку ко мне. Просите, что вам надо – помогу. Все суета сует. Что пользы человеку от трудов его? Живите по возможностям. Истинно верующие в Господа Бога с голоду не умрут. Любите ближнего. Кто не любит ближнего – сразу будет сожжен. Бог уже подготовил Рай. Он будет спущен за один миг. В ад будет устлана дорога архииерейскими облачениями. Будут соревноваться, кто первый выбросит золото и серебро – да поздно будет. Архииреи бросятся ноги мыть нищим, да ошейники их не пустят. Евангелие на ночь ложите возле себя. Женщины должны ходить только в платках, особенно перед родителями, особенно перед отцом. Про

косметику забудьте: плацента женская в помаде бесовщина. Пиво зарубежное не пейте – оно заколдовано... Живи, как можешь, и никуда не вникай. Бог все управит. Не копите богатств земных, а стяжайте небесные. Благословляю на жизнь вечную, и молитесь обо мне. Простите меня, грешника Иеронима».

– Как много у этих старцев полезного текста, полезной, монашеской инокской правды. Как будто выращивать поле жита, поле пшеницы, поле гречихи. И сквозь эти почти страшные тексты- идет такая ладья, такой беспощадный всё проникающий парус подтекста, парус бескрайних просторов, парус навигации – куда плыть. Парус странствий, парус ночевок у костров, на опушках лесов, в дебрях пещер среди заносчивых волчье-человечьих клыков

Плазма, плазма, общая свирель.

Завёрнуто на глаза, за зрение, за огромный материк, континент.

Натягивать полотно как на звезды. Закрывать росчерк.

Прикрыто на туман, чтобы была изморось.

При измороси – лучше проглядывать спешащие головы, профили, лица, фигуры.

Отведено за коровьи рога, за бычьи рога, за обрис.

Полотно зноя, пристрастий. И обязательно – круг.

Насыщать прошлые поля, прошлые дни, прошлые госпитальные ямы в песке горячем, когда круто на колючки и гниение, и на камыши.

На длинный, почти десятикилометровый ряд.

Когда бугристо, бугристо, плешиво.

А корни коричневые, свернуты в жгуты, в вурдалачьи кулаки, от шершавости завернуто.

По горлу – высохшая вода, высохшая рыба, высыхающие лягушки. Так жестко на водоёмы.

Есть колея, есть чуть шевелящейся слюды, чтобы протопать, проскакать к едва виднейщейся тропе.

И в такой надежде на выживание.

Открыты глаза на чернозём, на приют, на ложе, на блуждания, на канавы.

Зрение – это пространство вспоротой земли.

В этом зрении легко дышать на ненарушимый пейзаж, на не тронутые реки, озера, на травы, на птиц, на рыб, на кукурузу, на осоку, на ковыль, на сочный, жирный бурьян, – зеленый, многорослый, пряно-увядающий.

0т этого бурьяна - такого плотного, - и зрение насыщается, дышит ароматом, настоен аромат, дух полей – плотно, пряно.

Пить этот запах – как реку всемирно протекающую, нет преград.

«Летит, летит степная кобылица. И мнет ковыль». Александр Блок.

А это уже нарушение девственности, нетронутости…

Даже росу нельзя сбить, сбивать – пока она не просохнет.

Только тогда можно от редких островов наращивать утраченное прошлое, утраченные поля, утраченных птиц, утраченных диких зверушек,- очаровательных на мех, на гладкую спину, на позвоночник вздрагивающий согласно пролёту, проходу звезды на Млечном пути. Так согласовываться на изваяния.

Когда туман от колдунов.

И колдуны настоены на росах, из рос.

Там позвоночно на дух, который не уловить, не прощупать.

А зрению человечьему если и приблизиться, – то только на далёкое расстояние, только на пролив, чтобы и руку нельзя было протянуть.

Шелковисто, шелковисто, – и вести за руку.

Тянуть состав сращивания.

Проглядывать за откровение и за один состав, за один клубок .

Так трудно на волю, за волю, когда так зернисто, блёкло на цвет и только чуть сияющее.

Держать в руке рожок, чтобы не разъединялись дни, жизни.

Один рубеж, один нож, один противинь, кружок, круг.

Невозможно даже обрубить кольцо.

Не упускать сращивание позвонков.

Тянуть за травму.

И так отшлифованы стены и крепостные валы, но пальцы так полны пластики, что не поддаться на единый круг, на окольцевание-нельзя, невозможно. Набираться слёта, набираться энергии.

Наворачивать на себя полотно.

Набираться птиц, набираться холмов, набираться канав, набираться давно отошедших рыб, которые существовали еще при жизни бабушки, то есть при столетней жизни, при столетних болотах, столетних узварах из сушеной груши - сморщенно-просушенной, очень сладкой. Уместить в себя фокус многообразия столетия отошедшего, но пристально заглатывающего щупальцы и резцы дикобраза и осьминога.

На богатые приливы, отливы, на богатые отстойники, где так чисто от дна, прозрачно на заколдованное око, на заколдованный слух, на обязательный пролёт певчей птицы, на когда-то утонувшего теленка светло-желтого, длинно-шерстного, лежащего влажно, в прохладе. Кусками нагружать ослика, тащить через болота, через комаров, через пиявок, жарко проваривать в котелке и насыщать утонувшее от голода горло.

Никак не подобраться к избе, к железяке, к пастушеской стоянке среди так быстро исчезнувшего камыша.

Когда-то четырехметрового в вышину, рослого, многомощного.

Составлял десятки километров.

И жил непреклонно стеной от моря, от больших зимних штормов.

И морской песок не засыпал поля с проточной водой, морской песок при жизни камыша – не засыпал пруды с большим количеством рыбы, с карасями, окунями, щуками, головлями, зеркальными карпами.

От камышей и колючек жили дикие звери: волки, дикие кабаны, секачи, дикие быки.

Именно быки, еще не расходовавшие своей мощи, когда они соприкасались с домашними коровами, совокуплялись, сопровожади свои стада и в пещеры, и в ущелья, и в изморось.

Выжидали свою любовь из коровника, из ветра, из шторма.

Сопровождали свою любовь из гнездовья орлов, орлиного.

Нацеливались к гнету. Продирались сквозь семечку, сквозь сетку.

Кружили веретено.

Совращать себя на негу, на сладострастие.

Нацеливать себя на побоище.

Вбирать в себя солнце, чтобы оно блекло.

Вбирать в себя луну, вбирать в себя звезды.

Облегчать нагрузку звезд, чтобы звезды не обрушили свод.

Подводить, подводить итоги, и скорбь, и скарб.

И сухой песок. И никак не подобраться к эпосу.

К эпосу старого армяна – пастуха. Из железной клетушки под приземистым ветром, сутулым, очень жарким на изворот, на профиль:

— Если ветер новороссийский, то есть русский – значит к хорошей, солнечной погоде.

Если ветер батумский, то есть аджарский - значит к дождю, к освобождению горла, к освобождению крыльев, к освобождению запаса, освободятся окопы для новых трупов.

Солдаты, красноармейцы в гимнастерках, просоленных, выцвели пилотки, выцвел зной на цветах, на розмарине, на колючках с мощными стеблями, такой мясистый зелёный нарост.

От селения Мцара, от Великой Отечественной войны, прямо за Гудаутами, в пятнадцати километрах от Центрального шоссе – подводили к Санчарскому, к Марухскому перевалам лошадей, гружеными боеприпасами, солдатским, офицерским обмундированием.

Набирали от нас, сельских малолеток-пастухов – проводников в сторону гор, в сторону снежных обвалов, ледников.

Но лошади оказывались неприспособленными для узких дорог, для узких ущелий, для обрывов.

И этих лошадей заменили на ишаков. Ишаков набирали в Кахетии, в Азербайджане.

На платформах доставляли в наше селение – Мцара, армянское селение в Абхазии.

Мои предки в Мцару пришли сразу после махаджирского переселения в Турцию местного народа, абхазского.

Это сразу после тысяча восемьсот шестьдесят восьмого года.

Армяне уже чувствовали геноцид от турок-османов и уезжали, за бесценок отдавали дома, сады в Западной Армении.

В Мцарах армяне кормили солдат, офицеров, уходивших в бой на перевалы , - бесплатно, ничего не просили у солдат.

В памяти остался только один сельчанин, который стал просить у солдат денег за постой, за харч.

Потом этого армянин из нашего селения прогнали за подлость.

Когда-то в давние года в Гаграх, чуть ниже Альпийской дороги, вблизи Сосновой рощи жил армянин Эдик Ичмелян. Мы с ним дружили, хотя он был намного старше меня. И я видел у него на груди ордена, медали. Я показывал пальцем на медаль, на которой было написано «За оборону Кавказа». – "А за что эта медаль твоя?». «А это медаль не моя, а моих ишаков. Это они подвозили боеприпасы к Санчарскому перевалу. Я просто этих ишаков водил, направлял на узкие тропы. Это они всю поклажу несли на своих горбах. Поэтому прежде всего ишакам эту славу."

Такие мохнатые, волосистые животные. Нам было главное – во время этих проходов по тайным местам –прикрывать ишакам горло, чтобы они, ишаки, не начали голосить, реветь, если их начинает забирать зов любви, зов совокупления, зов наступающих сумерек или зов солнечного восхода так высоко над вечно меняющейся равниной моря.

- А сколько примерно от вашего села Мцара поднялось солдат, офицеров на Санчарские, Марухские перевалы, на перевал Бечо?

– Три тысячи.

– А сколько вернулось?

– Триста человек. Почти весь состав полег на перевалах, в ледниках, на амбразурах немецких… Немцы же заранее со стороны Северного Кавказа взяли перевалы, укрепились, понастроили дзотов.

И сверху, почти отвесно обрушивали на головы наших ребят моря огня, реки смерти.

Почти все наши там и остались.

Тем более наступала зима, наступала осень, пошел снег с дождём, наши в бушлатах, бушлаты промокли, становились ледяными, замерзшими. Этот холод переходил на тела. И пошло общее замерзание.

– Мне тоже говорили, когда я был на Псху, рассказывали местные жители, что на одного погибшего немца наших погибало десять. Это абсолютно безжалостное наше советское командование, не жалеющее человеческих жизней... А что потом сделали с этими ишаками, с этими лошадьми, когда закончились бои на перевалах?

- Лошадей отправили на поездах, на платформах на фронты, а ишаков оставили нам, местным армянским жителям. За этих ишаков мы отдавали армии – кукурузу, сыр, молоко, фасоль. Нам лет по десять, двенадцать – мы ходим с солдатами на перевалы, показываем им тропы, незаметные узкие ущелья.

Спустя столетия пастух обнажает беззубый абсолютно рот.

- Я - знахарь. Меня все знают. – Пастух вытаскивает из кармана камень, обточенный волной. – Вот ты, странник, много ходил по северным геологическим экспедициям. Тогда скажи, что это такое –этот камень с белыми прожилками на темном?

- Кварц.

- В темноте этот кварц, если ударять его о камень другой – светится, юрчит на искры... Я лечу этим камнем от аллергии. Ко мне приводят людей. У них вся грудь красная, чешется, не проходит.

- Я беру этот кварц, ударяю резко о кусок железа. Есть у меня такой особый состав железа. Секрет никому не говорю, где я это железо нашел. Шепчу только мне известные слова, приговоры, молитвы – и эта краснота с тела, с груди исчезает. Над больным местом шепчу тайны.

- А почему в давние года, ещё при советской власти, лет пятнадцать назад, отсюда шли такие богатые камыши, целые леса от моря, от зноя на сотни метров – в ширину, на километры в длину камышовые леса, а сейчас все пропало? Редкие низкие камыши. Только в двух сосредоточиях несколько четырехметровых деревьев. Да и то спаслись, потому что колючки из облепихи, из ежевики. Коровы не могут погрызть, люди.

- Потому что раньше, при советской власти в послепринцевские времена, эти поля за Гнилушкой, при Алахадзыхь – были заняты под помидоры, под огурцы, под баштаны, под свеклу, под кукурузу, под фасоль.

Эти овощи выращивали колхозы, совхозы для отдыхающих, для Гагринских санаториев, дома отдыхов.

При каждой здравнице было свое парниковое хозяйство.

Были строго соблюдены, сохранены канавы, гидромелиорация. Строго выдерживался морской накат при помощи камышовых стен, камышовых лесов, и накат не мог забивать трехметровые в глубину канавыморской водой, морским песком.

Сейчас все канавы имеют в глубину не больше метра, полметра, в редких случаях – полтора метра. Раньше при советской власти у местного, гагринского, колхидского, крестьянина, колхозника, было одна две, от силы три коровы. А сейчас у некоторых по пятнадцать коров.

Их же надо чем-то кормить.

Вот и выводят на поля.

Если раньше в нашем селении было предположим, сто коров, то сейчас – две тысячи коров. Раньше наши сельские поля были отделены от моря, от камышей глубокими канавами, и коровы не могли переходить эту черту, эту водяную преграду.

А сейчас канавы обмелели.

И скот жрет почти круглогодично камыш. Грызет чуть появившиеся молодые побеги. Да и коров в двадцать раз стало больше.

Ведь сейчас почти никто не работает на производстве. Все заняты единоличным хозяйством. Этим и живём. А ведь без общественно-полезного труда человек становится хамом, врагом.

- А что сделать, чтобы коровы не крали, не жрали камыш?

- Хотя бы на год закрыть проход на камышовые плантации от человека, который рубит камыш под фасоль. Хотя бы на год закрыть камыш от коров. И камыш начнет восстанавливаться. В камышах появится зверь, птица. С полей наших исчезнет засуха, ветер, поля перестанут набираться морской соли.

– Скажи, товарищ пастух, ты эти места хорошо знаешь? Над альпийской дорогой? над горой Мамзышха?

- Конечно. Я сюда попал десятилетним мальчишкой. А сейчас мне семьдесят.

- А до войны Великой Отечественной над Альпийской дорогой жило много греков?

- Очень. Три больших селения было. Но греки стали из Абхазии исчезать еще задолго до Великой Отечественной войны.

– Почему?

– Не хотели принимать советского гражданства. А не гражданин СССР – не идёшь в армию, не идешь в тюрьму, не идешь на фронт. И на работу их брали неохотно.

– Что? Все греки не принимали советского гражданства?

– Почему все!? Есть, кто принимал советское гражданство, но многие – нет. И этим воспользовался начальник советского НКВД – Берия, и в самый разгар войны Великой Отечественной, когда над СССР нависла угроза поражения, когда немцы взяли самое высокогорное селение Абхазии Псху, – особенно активно начал на грузовиках перевозить в Абхазию рачинцев, мегрелов, сванов, имеретинцев, кахетинцев. Образовали контору под названием – «Абхазспецпереселенстрой» – якобы для ускоренного развития промышленности и сельского хозяйства Абхазии. Какое сплошное двурушничество Берия! Вместо того, чтобы все силы направить на фронт, Берия все силы направлял в самый разгар войны – на покорение Абхазии грузинским населением, создавая численный перевес. В ускоренном ритме строились типовые одноэтажные сванские дона – для переселенцев -парашютистов. И это в то время, когда все жители Абхазии, да и всего СССР, все, кто мог держать оружие, погибали на войне с немцем, с Гитлером. Конечно, над миром легче колдовать свой дьявольский шабаш, когда мужчины, умеющие держать оружие – на войне, легче же воевать с вдовами и стариками. И как одно из следствий этого варварского переселения народов – абхазо-грузинская война I992-1993 годов.

- Вот ты, Ашот, говоришь, что гагринские греки жили во множестве над Альпийской Принцевской дорогой. А где же они брали воду? В этих же горах мало воды.

- Почему мало? По тому ущелью, по которому принц Ольденбургский спускал лес для продажи заграницу, для строительства Гагринской Климатической станции – есть родник.

И еще большой родник есть на повороте, прямо над селом Колхида.

Там много воды.

И этой воды хватало селениям. Ездили за водой на ишаках, на арбах. До войны же не было водопровода.

И на дачу Кириленко, в бывшую Охотничью гостиницу Принца – воду возили тоже из большого альпийского родинка. Во время войны еще при жизни греков – когда уже шла война с немцем – на эти склоны привезли вначале армянский батальон. Батальон занялся тем, что начал пилить лес и вывозить. После армянского батальона пригнали грузинский батальон.

Грузинский батальон занялся раскорчевкой, стал корчевать корень, пни.

Исчез.

Следом пригнали русский батальон. Он занялся посадкой картофеля.

Но почему-то так прекрасно уродившийся картофель солдаты не собрали.

Исчезли.

И вся эта масса картофеля досталась грекам, армянам, живущим вблизи.

И картошка была большая, с кулак мужика трудяги.

Почва же новая, подзолистая, неиспользованная, неистощенная.

Солдаты этих батальонов жили по домам местных жителей. И с кем могли крутить краткосрочную любовь.

Кое-кто из наших женщин, вдов, девушек поддавался той любви.

Тайной, чаще всего ночной, беззвёздной, среди камней, холмов, ущелий, часто выпадавших дождей.

Потом солдаты,офицеры уезжали. И насколько я помню, никто из солдат, из офицеров, которые были в составе этих рабочих батальонов, сюда не вернулись, не приехали.

Может кто-то и хотел вернуться к своей любви, но погиб. Может, кто-то из солдат и приезжал в эти высокогорные селения, возможно, к какой-то гречанке. Но все греки были к тому времени высланы из Гагр, из ущелий, из садов, из домов, из маслин, из кипарисов.

С одной из тех, кто пробовал любовь солдат, сошелся и я, шестнадцатилетний пацан-пастух.

Мне – шестнадцать, а этой вдове – под тридцать. Такая полная полуармянка-полугречанка. Пошли мы с ней как-то собирать, копать картошку. И поднялись высоко в горы. Эта женщина отошла на короткое время к роднику.

Потом села напротив меня, выше меня, на холм.

И я вижу она без белья, только платье – на голое тело.

Эта женщина меня позвала к себе.

Сама опрокинула.

Я – маленький, вертлявый. Она- крупная.

Не меньше десяти «ходок», проходов сделал я в первый раз, в первую ночь нашей незаконной любви.

Недолго мы с ней крутили любовь.

Идём собирать картошку.

Никто и не подумает, что я шестнадцатилетний – буду любить и такую толстую и такую пожилую.

– И долго ты, пастух, продолжал этот контакт, эту горную-картофельную любовь на Альпийской дороге?

– Месяца три. Потом она вышла замуж куда-то в Армению. У нее родилось трое сыновей. Но долго эта моя первая любовь не жила. Муж ее оказался насильником, хулиганом. Чуть что – бил ее. Сильно, безжалостно. Она была у него третья по счету жена. Те двое – уже умерли от побоев. Не понимаю, как можно бить женщину, тем более ту, – с которой спишь!? От которой у тебя общие дети. Есть же такая черная кровь. Есть же такой черно-корявый корень.

– А потом, пастух, у тебя случалась любовь в этих горах?

– На Мамзышхе. Начало пятидесятых годов. Мы пастушили вблизи Арабика, вблизи Кужбаяш.

Возле наших балаганов остановились геологи. Семь-восемь женщин.

И с ними начальник партии – здоровый такой, золотоволосый, русский.

Мы пастухи – к костру вечернему геологов.

Тем более так много женщин. Были там и те, кто собирал гербарии.

Нас, пастухов, тоже столько – сколько женщин.

-У нас – козы, много коз. У геолога- женщины.

И как-то мы выпивали нашу чачу.

И я говорю начальнику партии геологической: «Мне нравится одна из твоих женщин. Как найти с нею общий язык на короткое время?».

- А ты одного козлёнка зарежь на нашу компанию» – отвечает русский геолог.

– Зачем одного козлёнка! Я большого козла и большую козу зарежу,– ответил. – Зарезал.

Наша водка-чача виноградная.

Сварил большой котел мамалыги.

Подлива.

Но я один – с козами.

А геологинь много.

Пошел позвал рядом живущих пастухов – мегрелов.

Они пришли с большими кусками сыра.

Не кусками, а целыми огромными кругами говяжьего сыра.

Перепились. Накушались под звездами, под пихтами.

Разбрелись кто куда..

Я не меньше – десяти «ходок» сделал в эту ночь.

Мегрелы от меня не отстали.

В первые ночи своей любви – меньше чем десять ходок я никогда не делал.

– А сколько времени длилась твоя любовь с геологиней?

– Да недельку. Потом геологи ушли дальше – на Арабик, на Аибгу.

Я потом из этой большой козы, из этого большого козла, из их шкур сделал бурдюки.

Снял шкуру с козы и козла.

Золой с водой и бритвой снял шерсть с козла.

Посушил.

Оставил один сосок для крана.

Остальные дырки в козе, в козле перевязал жилами.

– А чем хороши бурдюки из шкур?

– Долго хранится продукт в этих сосудах, в этих ёмкостях. Тем более ёмкость из шкуры не бьётся, не ломается.

Можно грузить на ишаков и спускать с гор сыр, мясо, молоко.

Упадет ишак – бурдюк не разобьётся, не умрёт, не треснет, если в бурдюке вино, водка, молоко - хорошо сосать из вымени как девичьи груди женские, крестьянские, геологические. Сосок профессуры. Нам, пастухам, голодным по дамам в горах всякие калибры попадались. Туристы – голодные, холодные, под проливным до-ждём.

А мы, пастухи гагринские, селенские -тут как тут,.

И интеллигентные женщины – пробуют нашу голодную по сосцам силу неутолимую, неугомонную.

Раскачиваемся над пастушеским чаем – чабрецом мамзышским, высокогорным, перевальским. Раскачиваем сосцы звезд.

- А скажи мне, пастух, какие женщины самые вкусные - худые или толстые?

– Мне давно за шестьдесят. И я тебе скажу: толстые.

– Почему?

– Наверно потому что первая моя женщина была толстая полугречанка-полуармянка. Первая физическая любовь даёт потом проекцию на всю жизнь. Направляет. Я и жену взял-маленькую, полную.

К шалашу пастушескому подошел немолодой абхаз- тоже пастух. Абхаз сопровождал двух быков.

Немного посидел в тени угловатой, шершавой, ворсистой от веток, от пальм, от крыши из камыша, которую все время трепал, сопровождал ветер, бриз.

Было сухо на песок и серовато.

Шершавило горло от пройденного колодца.

От тени могла просквозить рыба желтеющая-на болото, краснеющая на болото, если краснопёрка; сиреневая рыба – если из моря, сиреневая на просвечивание, на уют в лодке.

Можно было прянуть из темноты, на темноту – как на серую рожу, давно небритую.

У абхаза была перевязана рука, перевязана кисть.

Абхаз разбинтовал руку.

- Уже почти зажило. Стало нарастать свежее мясо, свежее, новая кожа.

- А что было?

- Дома делали сварку. Я держал арматуру.

Уже темнело.

И так получилось, что я схватился рукой за только что сваренную часть железа, конструкции.

И не заметил это горящее красное железо.

И вся кисть пронзилась до костей. Пока мог держал кисть в холодной воде. Давила страшная боль, жжение.

Сказали, что где-то на Гнилушке, среди болот, живет знахарка – мегрелка.

Специалист по ожогам.

Ученица самой старшей знахарки Гагр – старухи Аркания, младшей сестры лучшего из пастухов Гагр дореволюционных времен.

Та – старинная знахарка жила в Жоэкварском ущелье, а эта знахарка – на Гнилушке.

И нам, конечно, было ближе к Гнилушке, к болотам.

А мой дом ближе к горам, к предгорьям Фонтана Принцевского.

Пришли к знахарке.

Она дала нам мазь.

Про секрет мази ничего не сказала. И как делается и из чего подготавливается состав.

«Умру, – сказала на нашу просьбу открыть секрет целительной мази, - но не скажу. И пусть это будет моим загробным желанием. Учительница мне секреты рассказывала, показывала процесс изготовления, но для заглавной замешивающейся струи я дошла, доходила сама. Поэтому пусть моё мастерство рассосётся на мои скоро уже остывающиеся кости, на мой хребет, позвоночник. Может, от моей целительной магии, моего заговора, состава растений, который я смешиваю в исцеление, не дадут остыть моему праху. И буду птицей для особо наблюдательных указывать травы спасительные...»

Взяли мы эти травы лечебные, эти мази, пришли домой. Намазали мне на руку, на кисть вечером-густым, толстым слоем. И ночь я спал хорошо, впервые за неделю со дня моей порчи, моего несчастия, моего, может быть, сглаза. Утром разметал бинт, размотал тряпку, на которую была намазана мазь – и вся кожа руки была почти восстановлена, сошлась, даже линии судьбы проявились, начали проявляться, подниматься как бы со дна реки, ручья.

И что интересно: лягушки стали из моих глаз как из болот засыхающих -привставать – лететь, летать.

Я стал как скважина самоизливающаяся. Стал как родник выпускающий птиц, лягушек.

И это нежелание знахарки на болотах открыть нам, мне секрет с своей магии, своего волшебства-напомнило мне нашу речку, откуда я сам родом

Синяя речка – местечко в километрах двадцати от моря, не доезжая Гагр. Село как село. Много дворов, хозяйство, скотина, козы, овцы, утки, гуси, своя водяная мельница, чтобы молоть кукурузу, пшеницу.

И в ничем не примечательной семье случилась история.

Деды, бабушки, матери, отцы, внуки, сыновья. И старик, хозяин большого имения, старейшина рода, состарился.

А дети, сыновья старика, уже повзрослев стали допрашивать отца: «Скажи, где ты хранишь золото? Чтоб ты жил сто лет, но чтобы это золото не пропало, мало что может с тобой, с нами случиться».

Время было после войны Великой Отечественной.

Ребята пришли живыми с фронтов.

Из пяти сыновей – трое осталось.

Все в гимнастёрках, при отличиях, при медалях, орденах. Сыновья и до воины знали о богатстве отца, и уже тогда допрашивали отца, но он не говорил свою тайну, свое богатство, родовое богатство.

Старик был очень древний, еще при царе отбывал на каторгу свою провинность, свою кровную месть, свою справедливость, на каторге в Сибири работал на золотых рудниках. И все шла молва, что там он спрятал в глубину только ему знакомого холма – золото, и самородки, и золотой песок.

Пришла революция, царские рудники разогнали, каторжников отпустили по домам, считай амнистировали. Старик вернулся домой в селение Синяя речка.

И после каторги долго продолжал, длил свой век.

И дети всегда приставали к отцу: «Отец, скажи, где ты прячешь клад?» Отец отвечал всегда одно: «Вот буду умирать – скажу, где золото…»

И наступает смертный час.

Старик уже готовится к смерти, но тайну золота всё равно не открывает.

Дети старика все холмы вокруг, в саду, на огороде переворошили, перекопали, перебороновали.

Нет клада.

Нет будущего процветания семьи.

Придётся всему стариковскому потомству гнуть спину на полях.

И последнее, что сказал старик: «Вон доски, вон стройматериал для моего гроба ... Так и закопайте…». И ушел.

Так дети и не нашли золота.

Не раскрыл старик своим детям тайну – так же как и мне знахарка из Гнилушки – не распространила преемственность своей чудодейственной мази, которая когда-то спасла мою руку, залечила.

- Да, – промолвил Странник. – Если сказать из поэта: **«Но прежних сердца ран ничто не излечило...»** А.С. Пушкин.

- В этой истории ближний не отдал близким свое богатство. Может, старик думал, что богатство добывается трудом праведным, мозолями, чтобы человек оставался в совести, в нравственности. И не хотел, чтобы потомки разбогатели, не приложив к труду сил, не обагрив землю кровью, потом, слезами.

Может, старик понимал, что деньги развратят его род, его последующее племя…

А другой сельчанин из этого селения передал миру другую притчу, другую незадачу, задачу, другой урок, другое назидание.

Купил дом на краю села у отъезжающего в другой город.

И новый хозяин, будучи многодетным, захотел переделать дом, расширить.

Старые домишки были в дыму, в копоти, покрыты дранью, сараи покрыты папоротником, замешанным на глине.

Жерди забивались глиной в проёмах, в пролётах. И новый хозяин стал разворачивать свое новое жилище, свой новый и старый скарб.

И разбирая дом, сарай еще крепкий, в каштановых досках, нашел под срубом, под большими отесанными бревнами – небольшой железный, черный от времени сундучок.

Раскрыл.

А там – золото, в старинных царских деньгах, в слитках.

Новый хозяин позвал прежних хозяев.

Нашел их жилище в других местах, в других краях. Привез хозяина старого на свое прежнее место в селении Синяя речка.

При старом хозяине раскрыл сундучок.

Показал золото.

«Возьми, – сказал новый хозяин, – это всё твоё. Я же покупал у тебя не золото, а дом, а жилище…»

Старый хозяин расчувствовался от такой щедрости, такой небесной честности, такого небесного благородства.

И поделил золото пополам.

«Половина – тебе, половина – мне...». Мне когда-то деды рассказывали про наше золото. Мы искали – не смогли найти. Мы искали золото по садам, по ближайшим домам, по огородам. Но мы не догадывались, что наши предки прячут золото – так доступно, так близко, в нашем доме.

Мы хранили свой старый дом, эти обычаи, эти местности, старинный перехлёст взглядов – и поэтому не хотели нарушать былое, только частично пытались реставрировать дом. Мы пытались сохранить старый дом. А новый хозяин-чуждый былого нашего имения, нашей семьи, нашего рода- поломал

быстро то, что нам было бесценно, заветно, заповедано. Мы не должны были продавать старое жилище, старый дом наших дедов, наших предков, но бытие наше скоротечное заставило нас это сделать. Поэтому мы ошиблись. На новом месте мы несчастны. Мы там не прижились, истинный хозиян не может прижиться на новом месте без старых звезд. А расположение звезд над нашим былым жилищем – невозможно перенести в иные края. Именно тот угол звезд хранит нашу древность наше будущее, наше счастье. Это начинаешь понимать, когда ничего уже, в данном случае, изменить нельзя. Поезд, телега, наш конь уже ушли, исчезли, уехали, растворились во мглу.

И всё-таки нашу ошибку по продаже старого имения сердце нового хозяина возвернуло, хоть частичного возвернуло, развернуло.

Поэтому горизонты растворили наши горизонты к открытию, к хорошему расположению духа, хотя бы перед смертью.

Вот такие в жизни случаются истории,- промолвил старый абхаз-пастух.

И исчез, погнал впереди себя двух быков.

- А почему этот абхаз такой печальный? – спросил Странник полугрека -полуармянина, такого небольшого, но мощного на корпус пастуха.

- Этот абхаз купил двух быков. Хотел на свадьбу сына. А сын отказался жениться. Сыну абхаза скоро за тридцать. Отказался сын сделать приятное отцу. И абхаз скоро зарежет этих быков на продажу.

- И сколько мяса будет в одном бычке?

– Семьдесят килограмм чистого веса. Не живого.

– Откуда ты знаешь?

– А я двадцать пять лет проработал на Гагринской бойне.

Я издалека вижу вес скотский, свинский, человечий, коровий, козий, бараний, собачий, ишачий, лошадиный, медвежий, волчий.

Я все эти мяса пробовал.

Только человечину не ел. Даже когда в тайге в молодые годы скрывался от погони в составе беглых заключенных.

Меня посадили ни за что.

Наговорили, что я, якобы, мяса влевака продал в какой-то гагринский санаторий.

Было это сто лет назад.

Потом меня оправдали.

Был я к тому времени женатый.

Жена, чтобы меня вытащить из ссылки, из зоны – трех быков продала.

- Так я знаю мясника Мано Кириджанова, который тоже работал на бойне на Гнилушке.

Он сейчас болеет.

У него бруцилёз.

Еле ноги волочит, передвигает.

Он мне рассказывал:

«Эта болезнь у меня от того, что часто резали больной скот, больной бруцилёзом.

У меня руки, пальцы были всегда в надрезах, в ссадинах, в ранах от вечной работы с ножом над только что убитым животным.

И эта зараза от скотины попадет, попадает на мои раны.

Получается заражение крови.

Из колен, из ног исчезает жидкость, которая смазывает суставы.

И ноги перестают работать...»

- Если увидишь Мано – передай ему привет. Я с ним двадцать пять лет проработал.

- А как ты будешь убивать быка, корову, если тебя попросят? Тебе сейчас никаких условий для убиения скота, какие были на бойне- никто не даст...

- У меня есть длинный специально для убийства животных нож.

Я ударю чуть-чуть корову прямо под затылок. И она тут же выйдет из строя.

Еще двадцать минут, чтобы я вздел корову на длинной цепи на сук дерева.

Десять минут работы-и скотина полностью без шкуры.

И возьму я за эту работу – сто рублей сейчашними деньгами и два кило мяса.

– А почему возьмёшь так мало?

- Сейчас в Абхазии денег у людей мало. А мяса много не возьму, потому что кило мяса стоит семьдесят рублей. Я имею в виду филе, вырезку.

Проходить, проходить от берегов, от моря в глубь иссушенного камыша и видеть в метрах двухстах от берега, в глубине камыша, в песке – остов небольшого дельфинчика.

Абсолютно пересохшего.

Остался один скелет, позвоночник.

Выброшен зимним штормом на камыши, на песок.

Пытался вплыть в канаву пресноводную, перемешанную с солёной водой, но не смог.

Потом дельфиненок затих в канаве.

И был убит человеческой алчностью. Человеческо- людоедской энергией.

И никакой перспективы на выживание.

Но дальше, но дальше – на песке, в составе камыша – если подниматься от небес - остов, целый полуистлевший корпус – с острыми когтями – огромного шакала.

Во рту которого и камыш, и весь берег, и все рыбы, все коровы, все козы, все пастухи.

Идёт вбирание через горло, через глаза. Стоит только развернуть петлю.

И зной в глазах шакала свёрнут в трубочку.

И расширяется от мембраны.

И напряжены глаза как спускаться по лестнице, вбирается магма на вибрирующее горло.

А внутри горла шакала – секач с окольцованными жерновами.

Когда идёт сплошная перетирка даже времени.

Надо же как-то произвести перелёт прежде чем вплыть, нарезать пустыню.

Срывать даже горы, чтобы осталось только пламя для уничтожения.

Сплошная дыра,- куда состыкованы очи.

- От этих камышей, как от государства двадцатикилометрового в длину и не меньше трехкилометрового в ширину происходили за эту сотню лет со дня появления здесь основателя Гагринской Климатической станции – Принца Ольденбургского – самые страшные, самые неправдоподобные истории, случаи, события.

Сколько по этим местам, по этим камышам четырехметровым в вышину, мощным на корни, на общую махину, на общий мясистый состав происходило рождений, убийств змей, коров, лошадей, диких кабанов, быков, коз, людей, расправ, насилий, воскрешений, любовных признаний.

От этих мест мы ходили пацанами еще в конце сороковых годов двадцатого века и видели солдатские траншеи и рвы в глинистом песке куда сбрасывали энкэвэдэшники репрессированных жителей.

Стреляли вблизи волн, вблизи свалок.

Шла сплошная давиловка и кто мог проронить хоть слово против?!

Сразу десять лет без права переписки, а это обозначало расстрел прямо на берегу моря, на берегу ущелья, вблизи реки Репруа, вблизи Старогагринской бойни, в глубине Жоэкварского ущелья.

Этого очень узкого на звуки – ущелья – откуда так хорошо прятать и трупы расстрелянных и звуки из наганов и винтовок.

Мы массами находили уже только кости, позвоночники – головы людские – простреленные часто в затылок, убиенных напрасно. С чаще всего встречающейся формулировкой: «Покушение на Сталина..», «Левотроцкистский блок..», – говорит на шелестящий от камышей пастух Ашот, полуармянин-полугрек, абориген гагринских мест.

Шершавить на беззубый рот. На наивные глаза знахаря, который с первого прохода излечивает аллергию в любой стадии. Хоть в заглавной, хоть с коченеющей.

Здесь рыбы пропитаны человечиной, человеческой кровью.

Но тысячекратнее человек пропитан коровьей, бычьей, змеиной, рыбьей собачьей, медвежьей, волчьей кровью.

Так близко накатаны на берега, что кровь так и хлещет на вены. И о какой милости к человеку со стороны Вседержителя может идти речь, когда и провала не осталось без накачанной плотно крови. Всё закольцовано на прожёвывание душ.

Хотя очень близко лежит этнография по скальпу, по черепу.

июля 2003 года, Гагры

ИЗ ВЕЧЕРНЕЙ ОЛЕАНДРОВОЙ ПРОХЛАДЫ

Январь 2003 года. Гагры. Из Вовки Эгуш /Куроренко/

Под вечер, под шелестящие вееры, пальм вблизи хуторка – на берегу моря. Под сумрачный свет.

Под память, которая только и остается после тела, после физической жизни.

- От двадцатых годов здесь наметился хуторок из нескольких семей.

Близко базар, близко от центра города.

На улицу Вазисубанскую выходили Стефаниди.

А к морю, к небольшому проёму калитки: пастуха Алхана и нас, Куроренко.

— Но ты же Эгуш..

– Первый муж моей матери был Эгуш. А когда он погиб – мать моя. Мария вышла замуж за Куроренко.

- Я помню тот день очень мрачный, сильно дождливый, когда рано утром узнал, что твоего отца сбила машина на мосту напротив стадиона. Отец твой занимал какой-то пост. Был справедливый.

И мешал властям из прокуратуры.

Вот из этих-то структур и убили твоего отца.

Речка, протекающая к вашему хутору, как раз рядом со смертью твоего отца, была в эти дни очень бурливой, желтеющей от наводнения.

Когда вас сносили, сносили ваш хутор для будущего корпуса санатория «Погранвойск Закавказья» – Хорины получили участок чуть ниже железной дороги, рядом с Домом пионеров.

Бойко, родичи Ольховских, не знаю где получили участок, по-моему на Фонтане.

Кобахидзе построились на бывшей улице – Безымянной, на холме. ..А Стефаниди куда делись?

- Жили мать и сын. Сын потом стал лётчиком .

Погиб, утонул Неве в 1964 году.

А мать получала квартиру на Болотах.

Тогда, начиная от пятьдесят пятого года, начали строить дома из блокотрехэтажные, четырехэтажные.

Сама мать летчика к тому времени была в летах и недолго прожила после смерти сына.

– А куда делся пастух такой знаменитый Алхан? Он так плохо говорил по-русски.

- Выслали в 1949 году, в Казахстан. Тогда высылали греков, персов, турок с берегов Черного моря, чтобы дать земли мегрелам, сванам, рачинцам.

Тогда и земли нарезали только по четыре сотки. Если было больше - эти участки отнимали, чтобы давать новым спецпереселенцам из Грузии.

Какие подлые тогда творились дела.

Не было бы этого замысла – населить берег Черного моря Абхазии – переселенцами из Грузии – никто бы участки у старых жителей Гагр – не отнимал бы.

Не было бы столько трагедий.

Это начало сороковых годов двадцатого века, продолжение пятидесятые, шестидесятые, семидесятые, восьмидесятые, девяностые годы двадцатого века.

Это из замыслов – Сталина – Берия - тогдашних руководителей СССР. А дальше по Ингуру их единомышленниками спустя множество лет.

- Помню, нам с сестрой по три-четыре года, а мама и бабушка ведут нас в горисполком города Гагр, – откуда собираются у нас отрезать куски земли для новых спецпереселенцев из Грузии. И делается это местными властями на скорую руку, поскорей - пока мой отец и мой дядька воюют в Советской Армии против немца-гитлеровца.. Пользуются местные власти тем, что мужчин нет дома. Мужчины сражаются за родину, погибают, а местные власти из сволочей, оставшихся, наложивших на себя бронь, чтобы не идти на фронт, продолжают издевательства над матерями, стариками, вдовами воюющихся, проливающих свою кровь.

Какое иезуитство.

Какая насмешка над защитниками Отечества..

Тогда, в сороковых годах, и много дальше во главе всех райисполкомов, горисполкомов стояли грузины, мегрелы, сваны – срочно присылаемые из Тбилиси, чтобы ускоренными темпами продолжать колонизацию Абхазии.

И больше всего, конечно, грузинам мешали абхазы, с которыми Грузия по какой-то причине не могла поступать так, как она поступила с греками, персами, турками. Выслали всех за одну ночь неизвестно куда.

И дело с концами.

И какая была трагедия для Грузии особенно, когда Сталин умер, и стала распадаться его теория о насильственном переселении народов.

И вот мы, я и сестра, возвращаемся из райисполкома после боёв мамы и бабушки с негодяями из гагринского райисполкома. Идем по морю, по песку очень мелко-шелковистому.

Проходим мимо вашего, Вова Эгуш, хуторка на берегу моря.

Идем мимо огромных стволов шелковицы.

Море, белеющее на створ, на прибой, на накат.

Синеет для глаз. Шуршит.

Высокий обрыв, высокий берег глинистый, из твердых от зноя комков многокилограммовых.

Глина перевита, перетянута белеющими на солнце корнями многомощными.

И эти корни держат берег от разрушения.

Волны бьют, бьют по корням шелковицы, по дереву, а оно непоколебимо.

Лежать этому пейзажу на глазах и вбирать мрамор.

Так всё навечно запечатлилось.

Пейзаж перебирал, перемывал звуковую аллитерацию, перебивал детскую заразу от встреч с чиновниками из гагринского райисполкома. С мерзавцами, играющими в дьявольскую игру. Эту игру по великому переселению народов в сороковых годах двадцатого века вели и в Гудаутском райисполкоме, и в Сухумском, и в Гульрипшском, и в Очамчирском, и в Месхети-Джавахети, и в Чечне, и в Карачаево-Черкесии, на Волге и на Дальнем Востоке и в Крыму. Из Крыма выселялись болгары, армяне, греки, итальянцы, крымские татары, крымчаки, а вселялись жители из Курской области, из Сумской области, из Закарпатья.

Перебирает порог слеза.

Перемешана на рыбью чешую, шелуху.

Для небес все равно откуда и куда чередовать череп – хоть волчий, хоть собачий, хоть человечий.

Все равно перекрыто на экскрименты волосатые или не волосатые.

А чуть ближе к хутору – гагринская погранзастава.

С одной стороны перекрыта речушкой, высыхающей на ясные дни. Речушка очень короткая, подземная, родниковая, не больше двести-триста метров.

От погранзаставы – дзоты, бастионы, прикрыты песком, траншеями, железобетоном.

Нам, пацанам тех лет, думать, что погранзастава связана с подземными переходами, глубокими шахтами, подземелиями, которые уводят в пещеры, в тайные игры вперемежку с мертвецами, с мертвыми солдатами, убитыми на войне Великой Отечественной.

Погранзастава-из глаз ребят малолеток-огромна, обширна, и сможет выдержать напор немцев.

Тем более на рейде погранзаставском всегда стоял сторожевой катер - бледно-синий, почти суровый, сумрачный, с вечными чайками на перекладинах и брезентах..

- Я как-то застрял на ветках нашей огромной шелковицы, защищающей наш дворик от ветров, от соленых накатов, штормов.

Я просунул ногу между толстыми ветками.

И так далеко в расщелине оказалась ступня, что я не мог долгое время ее вытянуть.

Дул ветер. Холодно.

Две ветки начали перетирать мою ногу.

Темно.

Хорошо, что пастух Алхан – полутурок-полуперсиянин гнал коров с пастбища полей, с болот, с Гнилушки. Заметил меня, мой крик, мой рёв. И вытащил меня из петли.

В те года – беднота, нищета. Отцов нет. Кто убит, кто на фронтах, кто ранен. А кушать охота.

И мы все сады обносили с фруктами.

Особенно любили ранние фрукты: черешню, ранние персики.

У Ольховских, родичей наших (соседей Бойко), росли в саду лысые персики. Тогда это была редкость.

- А кто еще воровал с тобой фрукты в середине сороковых годов?

– Вовка Баркая (будущий знаменитый нападающий тбилисского «Динамо» в шестидесятых, семидесятых годах двадцатого века). Двое русских ребят. Абхазов с нами не было. Они потом стали приезжать на бытиё из Гудаутского района. Насчет абхазов – большая история, начиная из девятнадцатого века, из махаджирства, из огромной Русско-кавказской войны, длившейся шестьдесят лет, когда большинство абхазов исчезло в Турцию, в Иорданию, в Сирию. Исчезло – почти пятьсот тысяч адыго-черкесского населения.

– А с новыми спецпереселенцами из Грузии вы, местные, общались?

– Нет. Мы старые жители Гагр считали их чужаками, парашютистами. Мы их чурались.

- Драки были между местными и приезжими?

– Конечно. Даже между местными. Городские на стадионских, базарские на городских.

– Вечная перемычка поколений. Ничего не меняется. Такое же шулерство, хулиганство, воровство. Только между войнами-шулерство, воровство может нарастать или вянуть, иссякать, то прилив, то отлив. Помню, Гусейн – Гусли (в быту Шура Котов), Гаврош (в быту Виктор Молтенской), Грант (в быту Ованес Оганян), Адолик (в быту Толик Андреев) – продали каким-то приезжим отдыхающим из Москвы вместо лаврового листа (который тогда был в цене) листья мандорин, которые так же матово блестят, как и лист лавровый. Этих ребят забрали в милицию. Родители их потом выкупали, чтобы дети их не получили срок.

- Мы уже ходили в школу,- говорит Вовка Эгуш (по кличке «Пончик»), – во вторую школу, самую большую на всю Абхазию, четырехэтажную, по бокам с телескопами еще из Принцевских времен.

Это конец сороковых годов, начало пятидесятых.

Еще Сталин был живой.

А мы все равно лазили по садам, по фруктам.

Хотя тогда было очень строго. Чуть что – тащили в милицию. Могли ночь продержать. И конечно, в милиции колотили.

А напротив школы номер два (десятилетки) – летняя дача-резиденция, госдача КГБ (НКВД). Страшное учреждение, по слухам.

И вот наша группа решила как-то залезть в сад госдачи.

Я, Вовка Эгуш, остался на сторожах, на стрёме.

Залез в широкую металлическую трубу. Свободно в ней расположился.

Жду ушедших на задание по кзгэбэшной даче. Школьные портфели друзей при мне. Жду, жду. А Оливер Твистов нет. Нет мелких воришек по садам

Чувствую, что-то случилось.

И, наконец, вижу моих друзей. Но выходят они из дверей, из калитки металлической, а не лезут через забор, откуда и начался их путь в сад госдачи.

Ребята несут в руках большие свертки с конфетами, с печеньем.

Полные пазухи мандарин.

Охранник в военной форме прощается за руку с воришками.

Я подбегаю.

В руках у меня портфели этих воришек-моих друзей.

Охранник исчезает. Воришки кушают конфеты, печенье, которые им выдали на госдаче. Я тяну руку к печенью, к конфетам, выпрашиваю долю. А мне они говорят: «Бери – мандарины сколько хочешь, а конфеты, печенье нет. Нам их сам Лаврентий Павловии Берия подарил». А тогда КГБ или тог-

да называли МГБ – было страшно звучащим словом. Убийства, концлагеря, пытки наших близких..

Оказывается, воришек поймал в саду госдачи охранник.

Хотел отправить в милицию.

А в это время с моря возвращался сам Министр МГБ Берия с женой.

Он рассмеялся жалкому, испуганному виду пацанов голодных, нищих и устроил им праздник.

Наращивается полотно как на мясорубку, на котлеты прожаренные, на хамсу, на кефаль.

На кожу катрана шелестящую под наждак.

Всё равно жарить под перцем уходящий каток, уходящий поток-людской как карликов, как лилипутов, как червей.

Просто идет срез под дождь,

Спустя множество лет встретить на уже Новом базаре – уже семидесятилетнего Вовку Эгуш – такого же высокого как и от детства, такого же прямоспинного. В темнеющей одежде, в пальто, встретить в зимнее время

- Вовка, что ты такой тёмный на цвет, на лицо? Тусклый блеск глаз...

- Только что вернулся из больницы, из Сухума....

- Я слыхал, что у тебя слабое сердце..

- Теперь уже и почки – никуда, и печень никуда.. Всё сгнило..

- От чего?

- От юности, от детства сразу после Великой Отечественной войны. Отца сбила машина на месту от Гагринской средней школы № 2 (нашей школы). Как раз на границе между Новыми Гаграми и Старыми. Курортными Гаграми. И мы остались одни – без отца, мать слабая сама, больная. Могла нас еле-еле кормить. И мы с пацанами соседскими вечно после школы бродили, ходили по садам, по огородам – искали, что покушать, что сорвать из фруктов, из овощей. И всякую бурду ели, и траву по полям – лишь бы наполнить живот. Вот и сорвали и почки, и печень, и вены. По домам мы не лазили, только по чужим огородам, по садам, – поэтому спустя и шестьдесят с лишним лет, хоть и больными, израненными, но сохранились.

-А вот Витька Гранчак (Фонтанский) – мой одноклассник по шестому классу не сохранился, пропал от печени больной, сгнившей, от бедности, от вина: судьба очень многих русских ребят по Закавказью, да и судьба ребят всех национальностей из глухой провинции – неосвещённой, непросвещенной, заболоченной, глухой на малярию, на влажность воздуха как из воды непроветриваемой.

ИЗ ЗАПОЗДАЛО ОТСЛОИВШЕЙСЯ СЛЮДЫ

8. 01. 2011 года. Гагры

Жить из очарования к женщине с удивительным профилем, к ее подземно-дождливой натуре, к ее дождю в горах при обязательно-будущим наличием, составом снега на перевалах.

Черешневые деревья, вишенные, папоротники, камни желтоватые как древняя собачья, кошачья, человечья, змеиная челюсть в земле.

Оставлять себя на изваяния, для изваяний.

Проглядывать себя из дыры, из горла. Из лохматых водорослей.

Изгибы горы крутой как из длинных палок-изгородей, и откуда живут страшные люди с клыками как у тиранозавров. Из них какие-то плести цветы для оранжерей.

Абсолютное отсутствие воли, но из нарастающего гиганта обретать черты и сопротивление, из обретающего рядом гиганта обретать черты – прежде всего – от спуска к реке.

Рекой обрабатывать изгороди от нашествий.

От событий – припрятаться на грёзы, на судорожные сплетения. А от того, что шла пробежка от любимой женщины, к любимой женщине – едва не упустить.

Так шли и мощно проступали жилы. Жилы дорог, жилы троп, жилы желтоватых вен, которые превратились в обглоданные волками – кости, обглоданные человеками- волкодавами, человеками- каннибалами.

Но по-прежнему оставалась женская-пленительная грация, которая перебивала все акценты, все профили и все рашпили, перебивала все розы, все глицинии.

От проливного дождя, от выпадающего снега на горах, в предместьях.

От аборигена этих мест Лёвки Михайлова, от плотного свода небес:

- Еще от дореволюционных времен, от едва дышащего шоссе по грунтовке, от моего отца Женьки небольшого росточка, но жилистого, но крепкого на конус, на плечи, всегда загорелого, извозчика, и еще нашего соседа Акима Павличёва – тоже извозчика -развозителя господ, служащих по Старым и Новым Гаграм, по Жоэкварскому ущелью, по прогулкам на лошадях вдоль Принцевского парка, вдоль моря, вдоль заката, по просёлочной дороге, по Альпийской к самой высокой горе Гагринского хребта – Мамзышха. И вдоль усталости за долгий день, за долгое утро, за горячий полдень – останавливать свои фаэтоны у духана Цивцивадзе – совсем близко, от горной, внезапно вспыхивающей речки – бурливой и опасной для прохода напившиеся прохожих, мужиков, потому что идти высоко над обрывом, и можно

сразу сыграть в ящик, если упасть в речку сразу после дождя, после ливня... И мог отец Женя и сосед наш Аким могли от самого вечера просидеть, прокутить до самого утра, и могли забыть про лошадей, в которые были впряжены фаэтоны, и забыть было мужикам, что коням нужен корм, что нужно их распрягать, пустить пастись по траве, по лужайке – и обязательно вблизи дома, вблизи кладбища у основания которого и располагались наши участки, наши жилища. И моя мать Анна /в простонародье – Нюра и жена Акима не видя мужей -запоздалых, на распитие чачи – шли к духану Цивцивадзе, распрягали лошадей, сами садились на этих лошадей, и уезжали домой, чтобы лошади могли отдохнуть за время ночное, за время ночи, пока мужья придут в себя – поутру-прямо в духане, и не кинутся утром искать лошадей, чтобы снова запрячь их в ярмо, в фаэтон, чтобы снова возить пассажиров по квартирам, по домам, по тротуару по особнякам, по тайным гротам, где высоко в горах могли уединиться господин и госпожа во время тайных соитий, скрытых, чтобы общественность не разнесла по городу, по округе тайные свидания известных людей, чтобы не полетели известные господа с постов, с должностей за развратную жизнь, безнравственную в житейском, общепринятом понятии.

И еще фигурировали у нас по Гаграм сразу после Великой Отечественной войны местные хулиганы, активные на драку, на побоища с приезжими – и с солдатами, и с отдыхающими. Это была тройка ребят драчунов интернациональная – абхаз, армян, грузин.

Свои драки они начинали так. Видят эти хулиганы, пришедшие с фронта, большую группу приезжих мужиков, подвыпивших. Подсылают к ним пацанёнка тринадцатилетнего, и он начинает задираться над приезжими гораздо старшими, чем этот пацан. И начинают приезжие мужики этого пацанёнка гнать от себя.

Пацан – хулиганистый и уже испорченный на корню, начинает плакать: «Дядя, зачем вы меня обижаете»? - Начинает кричать.

Тогда эти трое - гагринских хулиганов-босяков начинают скандал, начинают избиение приезжих.

И все эти трое местных – сильные, высокие, закаленные на фронте боями.

И когда приезжала милиция после того, как приезжие отдыхающие побиты, покалечены, - милиция всегда брала сторону местных хулиганов, которые от безделья, от бессовестности всегда затевали скандал, правда, всегда без применения холодного оружия. Все руками, руками убийцы. Никогда ногами не били, и лежачих тоже не били. Они итак почти поумирали на асфальте, захлебываясь в крови. А никого из трех молодцов тогда не посадили в Гаграх, потому что начальник уголовного розыска был этих хулиганов

близкий родич. Он им всегда находил оправдание и не сажал даже на кратковременно в каталажку.

Но время потом этих хулиганов – «хозяевов побоев и хозяевов города Гагры» расставило по холмам, по скрытым могилами.

Хотя буйствовали они еще долго после Великой Отечественной войны.

Один из хулиганов – погиб в селении, на свадьбе.

Во время очередной пьянки на свадьбе кто-то с кем-то поскандалил.

Один из сельских недорослей, не успокоившись тем, что ему дали по морде за благие дела, полез на обидчика с ружьём, которое принес из близлежащего дома.

И этот -один из трех гагринских королей драк бессортных, бессовестных – полез вступаться за одного из сельских забияк.

И когда, перехватывал ружье, когда наклонял к себе, к ноге, произошел выстрел, и пуля пробила вену «королю гагринских драк»

А в то время в наших – бзыпских, гагринских, колхидских местах - совсем не было врачей, не было амбулаторий, чтобы оказать хотя бы первую помощь.

И пока везли «короля гагринских драк» до главной больницы Гагр – этот «король драк» скончался от потери крови.

- А как погиб второй жестокий человек, который покровительствовал хулиганам в милиции, будучи наделён от государства правами?

- А его тоже вскоре убил один армянин высоко в горах. Там в бывшем греческом селении один армянин убил свою сестру за то, что она изменила мужу. А когда убил свою сестру, засел на дороге, у края обрыва и стал ждать милицию, и когда приехал сам начальник уголовного розыска, и стал приближаться и кричать: «Это я, Мушта Кокоберия, выходи из укрытия..», армянин закричал4 «Не подходи, не подходи.. Я буду стрелять..». А Мушта все равно шел, приближался, и тогда армянин, убивший родную сестру за измену, – выстрелил. И пробил Муште лёгкие.

Армянину дали десять лет.

И он все же вернулся ив мест заключения живой. А Мушта, раненый армянином-правдолюбцем, жестоким на вырост, вскоре после ранения – умер. Какими травами не лечили, какие примочки не прикладывали к ранам.

И это было событие, которое не забылось и спустя почти сто лет; это были события о драках местныххулиганов с отдыхающими, с солдатами, которые не забыты среди местных людей спустя тоже сто лет.

По этим событиям и отмечаются истории городов, поселков, государств, потому что они пробиты, залиты кровью.

И затесаться такому провозвестию непонятому даже на интригу: «Смешение корпуса на один лад».

Это забиты как планки, как мемориальные доски, как памятники. Только не на кладбищах, а на трупах совсем неповинных людей, которых обижает безграмотный, совсем не отёсанный люд, обнаглевший люд. Хотя местные люди и стараются преподносить их как героев, этих убийц, как безобидное баловство атлетов.

Тюремный люд, тюремный свод - когда не на что опереться.

КРЕЩЕНДО ГОРСКОГО ДВОРИКА

Приехать на годовщину, а дома никого нету.

Ехать под дождь, под ливень, под слякоть. Ехать под мечту о воскрешении души, о воскрешении тела. Ехать на год со дня смерти тети Асты.

Будет под сумеречно и под одиночество.

Будет под прохладу и будет сентябрь. Будет под колючки из ежевики, из вереска, из шампиньонов.

Будет черно на грибы и будет кусаться запах.

Будет под траур.

Совпадёт со смертью родича по реке Ингур, будет от смерти солдата из таможенной службы. Будет остаться на сиротство.

Будет на болото, на лягушек, на поедание помидор и вареных яиц.

Будет от отсвечивания, от просвечивания.

- Годовщина была в июле, – просквозит женщина вся в черном из темноты. – Вы спутали пятьдесят два дня, который проходил в сентябре.

- А много было людей?

– Человек пятьдесят.

- Но на пятьдесят два дня со дня смерти тети Асты было не меньше тысячи... Всё было на столах. Даже ликёр «Амаретто». Тогда я спросил у сына тети Асты: «Зачем такие богатые проводы? Зачем так богато расставлять столы?..» Брат ответил: « – Мне для мамы ничего не жалко..» . «Но маму все равно не вернёшь, – ответил я, Костос. (Но потом я понял, что в этом движении детей тети Асты было желание, и мечта, и дорога, и след, и возможность вернуть утрату, утраченное тело матери. И хотя мечта не сбылась, но была же попытка вернуть. А это уже много значит.)

- А почему было так мало людей на годовщине тети Асты?

- Алхаз вошел в большие долги, когда собрал тысячу людей на пятьдесят два дня со дня смерти матери, и даже спустя год не все долги отдал, – ответила женщина.

- Тётя Аста надорвалась по этой жизни. Много работала. Детей кормить, поднимать, фасоль растить, коров пасти, доить коров, искать потерянных коз, ходить в дождь, в снег, в мороз по горам собирать дрова, стирать, убирать, носить на плечах тяжелый горный мёд, спускать с гор в нижние селения, в нижние города-продавать. Приходилось ходить по десять километров – вниз к шоссе. Вот и надорвалась. Конечно, если бы за собой смотрела, следила. Мерила бы давление, если бы щадила себя – в горном воздухе вблизи Ялсу прожила бы долго, Мужа своего, моего родного дядьку Мирчо, пережила на шестнадцать лет. Он умер, когда ему было шестьдесят два года – в тысяча девятьсот восемьдесят пятом году. А Аста умерла в тысяча две тысячи втором году, когда ей было шестьдесят восемь.

А следом из движения, как умерщвлено тело.

Желтеет пропасть, обрыв, спуск.

Желтая лента змеи.

Ещё уцепиться за вереск, за корень.

От древности, от прозелита, от ранней осени при золотых листьях вблизи наката, прибоя, голой головы, седеющей от долгих побегов, скрытых подкопов, нырков.

От древнего армяна – артвинского, многомудрого, скрывающего свой толк. Ловит в сети и копчиков и орланов. .

- На нашем стадионе в тридцатые года росли две огромных лиственницы.

И как-то случилось, что они во время шторма, бури перекосились, завязались вершинами в самом начале.

Когда шторм прошел, ливень, смерч – эта верхушки остались соединёнными, сомкнутыми.

И там поселились вороны.

Это было высоко и отвесно.

И вороны стали там водить гнёзда.

А гагринские пацаны из местного – стадионского окружения стали из этих гнезд таскать яйца, куда-то прятать их, расшвыривать.

Я был постарше, стал подстерегать этих непутёвых пацанов, стал их лупить и отнимать у них эти вороньи яйца.

Стал залезать на эти деревья и снова складывать эти вороньи яйца в гнёзда. И когда однажды в свой очередной раз я стал яйца складывать в гнездо – какой-то молодой ворон или ворона молодая не зная обо мне раньше –

мгновенно подлетела ко мне, стащила с головы кепку, и отнесла /я проследил/ на свалку городскую-примерно в километре от нашего стадиона.

Мне был сверху виден полёт. К этой вороне подлетели другие вороны, стали верещать. Возможно, объясняли вороне молодой, что я не враг вороньих яиц, их жизни. Ворона продолжала упрямо и мрачно летать над моей головой, и следом над моей кепкой на свалке городской.

И когда я слез с дерева, предварительно дополнив воронье гнездо яйцами – и подошел к свалке откуда сверху покоилась моя кепка – ворона не подняла эту кепку, не перенесла на другое место, оставила мою кепку в неприкосновенности.

Это был мой первый опыт, что вороны очень умные и поэтому живут триста лет, чтобы учить разуму других птиц. В том числе и людей.

Потом я еще понял, что вороны - колдовки, колдуны, пророчицы, что их нельзя обижать, нельзя их отстреливать, лупить из рогаток, даже если они вблизи.

Еще до войны Великой Отечественной жил в Гаграх – абхаз из Гудауты. Работал таксистом, любил охотиться в горах, на болотах.

Здесь жил у тёти.

Был молодой. Я тоже иногда составлял ему компанию по хождению по болотам, по Гнилушке,- нашей гагринской Аркадии, гагринской болотной акватории.

И однажды этот абхаз – просто так, без причины, убил ворону, которая летела в стороне, никому не мешала, и тогда я сказал ему, абхазу: «Зачем ты это сделал? Ворона – зловещая птица и мудрая, и колдовка. И может своей смертью накликать беду. С этих пор живи осторожно…» И что случилось дальше?

Абхаз был абсолютно здоровый парень, ничем не болел.

И вдруг я узнаю, что – мой товарищ по играм заболел, что у него рак легких. Вскорости этот абхаз, убивший ворону, умер. С тех пор я предупреждаю всех-кого встречаю: «Не убивайте – животный, рыбий, птичий мир, вам будет за это убийство отомщено. Мир итак висит на волоске от человечьей агрессии… Особенно остерегайтесь убивать воронов: в них мир оживает на умершие души…»

В тридцатых годах вся заглавная жизнь курорта Гагры, вообще городская центральная жизнь проходила, протекала в Старых Гаграх, в районе Парка, в районе Жоэкварского ущелья.

При Старой крепости был клуб «Медик», главный Дом культуры в Гаграх.

Там всегда колотились, копошились, туда сходились все молодые ребята, старые, пожилые.

Приходили размяться в танцах, в драке, в новостях, в свиданиях.

Грек подходит знакомый в те года – тридцатые. Худой, кожа да кости.

Показывает знакомым документы: «Вот умираю.Туберкулёз. Врач сказал: «Больше трех месяцев не проживешь..».

К этому умирающему греку подошел парень:

- Возьми свинский смалец. Трехлитровый баллон. Кушай все время этот смалец, мажь на хлеб. И в день пей перед каждой едой – завтрак, обед, ужин – по стакану красного вина, но чистого, чтобы там не было сахара, чисто сухое вино. А летом уезжай на перевал, на Ауадхару, прямо за озеро Рица.

Туберкулёзник исчез и парень который советовал греку, как спастись тоже исчез.

Проходит год. По площади, по Парку гуляет здоровый, высокий неузнаваемых грек, бывший туберкулёзник.

Угощает всех знакомых. А того, кто спас его – не находит.

- Как спасся? спрашивают.

- А делал то, что сказал тот парень.

Остановка на ущелье, на крепости, на густом плотном тумане. Откуда полощется воловье голое горло.

Было всё превращать в жемчуг – даже оскомину.

Завернуто в обезьяньи кишки, – завернутые в волчью пасть, в львиную глотку, в львиную золотую гриву.

- А что этот врач, который предрекал греку-туберкулёзнику скорую смерть в течение трех месяцев? если лечиться традиционными методами?

- А этот грек при встрече рассказал врачу-традиционалисту как он спасся. Врач уехал после этого в Москву, поступил в аспирантуру, и на основе свинского смальца и красного абхазского вина – сделался профессором.

Сентябрь – август 2003, Гагры

2 апреля 2004 года. Гиргаг. Из приезда двоюродного брата из местечка О. - Дала Нургулиа.

Из трехлетней разлуки.

Не видеться со дня смерти матери Дала – Асты.

Умерла на шестьдесят девятом году жизни.

Умерла от тяжелой жизни, от непрестанной тяжести хозяйства высоко в горах.

Несмотря на усталость, недомогание – нужно все равно кур кормить, коров выгонять на пастбище, в лес, на луга.

Нужно вечером коров доить, сыр делать, дрова таскать, очаг, чтобы не погас в доме.

Жить по деревням, по селениям, среди дождей, холодов, гроз, непогды, и, конечно, не следить за собой, за своим здоровьем.

Давление от возраста – сердечно-сосудистое – не мерить никогда. Низкое, высокое - всё равно работать по саду, по огороду, по скотине.

Некогда полежать, отдохнуть, понежиться от старости в постели, на припёке, на углу.

Вот и получать раннюю смерть.

Нести от соседа по селению мёд на продажу ранним утром по горам, по скалам.

Чувствовать себя неважно.

Но всё равно нести в сумке мёд в стеклянной банке.

И вот упасть на дороге, на камни.

И лежать.

Пока обнаружили на тропе. Пока достучались до врача. Пока привезли, -пожилая женщина была уже мертва.

Как раз в это время у себя дома был Управляющий делами здравоохранения республики. Но и он ничего не смог сделать, чтобы вернуть к жизни разорвавшееся сердце Асты.

Сын Асты – средний –Алхаз – после смерти матери – стал разговаривать с соседом Батой; тем самым пчеловодом, который давал матери Алхаза – Асте – мёд на продажу.

Ведь Бата знал же, что матери Алхаза нельзя таскать тяжести. Алхаз и Бату предупреждал, что нельзя давать пожилой женщине груз.

Мать Алхаза умерла девятнадцатого июля. И было очень жарко.

Отовсюду тёк, протекал зной.

Протекала жара.

С высот тоже сочилась.

Сквозь шум реки давила сердце жара.

Высоко в горах откуда происходили похороны матери Алхаза, матери Дала - – высокой женщины с красивой родинкой на щеке.

И спустя год племянник Асты ехал в горы на годовщину .

Приехал в село к родичам.

И узнал, что годовщина была, что годовщина уже прошла.

Костос спутал месяцы. На дворе стоял сентябрь.

Родственница Костоса одетая в черное женщина:

- Ты спутал – месяц смерти тети Асты и пятьдесят два дня тети Асты. Пятьдесят два дня тети Асты было в сентябре. И ты как раз приехал к этой дате.

- Как прошла годовщина?! Тогда, помню, на пятьдесят два дня было очень много людей. Вся Абхазия…

Несколько коров зарезали.

Разные пряности были.

Каких только сортов тортов не было.

Огромные навесы от дождя.

Не меньше ста метров были столы.

Тогда на этих поминках столько было, продуктов выброшено от жары, от разложения. Какие торты выбрасывались курам, в обрыв! От мест было так мало и непрывычно для холодильников. Тем более часто не было электричества, – куда можно было спрятать добро.

И вечером тех времен смотрю - Алхаз несет огромную голову быка к обрыву и выбрасывает не меньше двадцати килограмм от туши.

- Так можно же использовать эту голову. И холодец. И просто варёное мясо. Такое богатство...

- Хочешь, - возьми, – ответил Алхаз.

И голова светло-черная летит в отвес гор, на камни. А там такая глубина, так отвесно, что только зверь может туда подобраться.

И несколько дней, что я там ночевал, жил – слышал урчание дикого зверя под обрывом.

Ведь это такая глушь заброшенных селений, заброшенных звезд.

И тогда, в Сухуме, я спросил у женщины в черном:

– Почему вы такая печальная?

– Брата родного убили в Ткварчале. Он с группой бойцов был на охране границы в Гале.

И с той стороны – Зугдидской - стреляли и убили пятерых сразу. Завтра сорок дней со дня смерти брата – и все наши сейчас в Ткварчале – делают ограду, ставят памятник.

- А на годовщине тети Асты Алса была? Дочь тёти Асты?

- Была.

И снова спустя год воскликнуть: «Как жалко, что тогда я протянул родственнице несколько конфет. Вместо того, чтобы протянуть деньги на поддержку, на помощь. Эти деньги мелочь, но всё-таки внимание. И до сих пор неудобно, что тогда не проявил такт, деликатность тонкость. Ведь вы же наши самые близкие родичи в мире. Прямые, кровные двоюродные братья и сестры. Наша мама и ваш отец – родные брат и сестра. И горе тем-кто забывает родство; тот столько теряет - в тепле жизни…»

Брат сидит на диване у позднего вечера, у готовящейся мамалыги, которую варит сестра Костоса.

- Дал, когда я был в последний раз – родственница говорила, что в селении вашем, высокогорном больше не живет тот мужчина русский, пожилой, который раньше был женат на сестре твоей матери. Что там, в вашем селении, живет какая-то женщина, смотрит за хозяйством. Откуда эта женщина?

- Ее откуда-то привел Алхаз. У этой женщины дочь. Алхаз сначала поселил ее у себя в квартире. Дал ей комнату. Но женщина не смогла себя кормить, не смогла себя обеспечивать – и Алхаз увез ее к себе в селение, в наше селение. Сейчас она там живет. А дочь ее находится у соседей Алхаса. Что-то помогает по хозяйству, смотрит за козами, за коровами, доит коров, выгоняет на пастбище. Ведь сосед, и его жена пожилые. Уже не могут смотреть за живностью.

- А сын их?

- А сын их живет в городе. Приезжает редко. А жить нужно каждый день на солнце, под дождем, под луной, под холодом. А старость себя частенько и прикрыть не может.

- А ваш знакомый Д… С ним вы по-прежнему не разговариваете?

- Пошел он к черту.

- А если ты идешь, а он навстречу. Встретились на одной тропе? Не поздороваешься?

- Нет. Буду идти, как иду, смотреть вперед.

- А если он тебя ударит ножом?

- Не должен.

– Эту историю я знаю... Когда-то Д. связался не с той женщиной, потому что сам был не тот, с червоточиной. Из-за этой порочной связи погибло несколько людей, наших близких, из-за такого человека, как Д. вообще распространяется зло, распространяется хлам, распространяется инфекция. Таким людям вообще нельзя жениться, чтобы от них не шло неугодное человечеству, человеколюбию потомство. От таких людей от нашего селения идет запустение, уничтожение дворов крестьянских, рабочих, трудовых. От таких людей вообще всё идёт в рашпиль, на рашпиль, в чуму.

И от конкретных причин, от конкретной причины, от конкретного следствия.

От взрыва бомбы в доме, в бухаре (в очаге).

От разорванного в клочья человеческого тела.

От разорванного тела куницы.

От разорванного тела льва.

От разорванного тела женщины, одетой в былое, в чёрное.

Разорванный особняк, одетый в траурную клеть, в траурное логово причудливо волчье.

Разорванная лента на храме, из источника, почерневшего от кровопролитии.

- И с этим человеком, которого и человеком назвать нельзя – ещё разговаривать!? говорит Дал, почти пятидесятилетний, высокий, худой, поседевший, отец шестерых детей, плотник высшего класса. – Таких людей, если их вообще можно назвать людьми, – еще раз повторю нужно убивать, чтобы они не гадили мир.

- А как там, в лесу, в горах, на вершине Нукория Гоу? Очень он мне нравится. Такой начитанный, такой любезно разговорчивый... Мы с ним ходили в те места, где похоронен твой, Дал, родной дядька – родной брат моей матери, родной брат твоего отца. И на могилке которого вы никогда не были. Позор, нищета ума, умственная! Ты хоть помнишь, когда умер твой родной дядька?

- Знаю что давно. Но конкретную дату не помню...

– Твой дядька - одиннадцатилетним умер ровно семьдесят лет назад, умер в этом просторе, в этой чаше, на этих холмах, в этом раздолье для коршунов, для орлов над вечно текущей, шумящей горной речушкой, шумящей особо под ливень, под ветер, под мягко влекущей снег, под мягко влекущую междоусобицу, когда разделывать межи для пашни, и так далеко от его прежней прародины – Инзовки. Эти огромные словянские села с огромной патриархальностью внутри своего бытия. Не меньше ста тысяч болгар были добровольно переселены в Запорожские степи вблизи Азовского моря. Этими переселениями Екатерина вторая в восемнадцатом веке спасала христианское население от уничтожения, спасала от османов. И пусть ей за это благородство будет вечное благословление.

– Откуда Гоу знает, где могилка нашего дяди?!

- Знает! Мы от его дома, который идет выше вашего, метров на триста, поднялись еще по горе крутой.

И от высокого холма нашли фундамент дома, в котором жили лет семьдесят назад люди, которые усыновили нашего родного дядю, когда ему было всего десять лет.

Он как твой отец и как моя мать, мог умереть от малярии в городе О.

Но они были усыновлены, удочерены семьей турка и его женой тетей Маней.

И через год, когда малярия оставила дядю, его придушил дифтерит.

Такая болезнь, которая полностью заполнила горло.

Опухоль заполнила горло. И дядька наш не мог дышать.

Место, где нашел приют наш дядька безлюдное, в верхушках деревьев огромных. Проходит недалеко от селения Ялсу, селения Хатажука, недалеко от огромных пещер непроходимых.

Подход к этим пещерам идет вдоль глубоких обрывов, вдоль частых пролетов коршунов и орлов.

Коршуны чернеющие, мрачно-желтеющие над хозяйскими дворами, приютами.

И когда я собирал землю с могилки дяди, чтобы насыпать её на могилку нашей мамы в городе – коршуны, откуда-то внезапно появившиеся медленно прошли, пролетели, проплыли над моей головой, над головой Гоу – весельчака, земледельца, всадника.

Как он тогда быстро, мастерски пахал землю у себя на огороде, высаживая, выбрасывая в землю, пробрасывая землю очень черноземную зернами желтой кукурузы.. Как он живет? Где работает Гоу?

- Да нигде. Раньше они с Алхазом имели лесопилку возле дома. Но добрые люди возмутились заработками Гоу и Алхаза, написали жалобу и лесопилку прикрыли.

- Чем сейчас живет Гоу?

- Пьёт, кушает..

- А деньги откуда берёт?

- Корову, быка продаст. Этим и живет.

- А Алхаз, чем живет?

- Мотается по местам, где есть орех. Купит, продаст. Раньше медом занимался. В этом году все пчелы вымерзли, вымерли от заразной пчелиной болезни. Теперь надо - заводить снова пчел.

- Как его здоровье?

- Ему уже давно за сорок. Стал болеть. Приключилась болезнь пальцев на ноге. Стал гноиться большой палец. Сделали операцию. Все равно покоя нет.

- А Эсма?

- Учится на врача.

- Эта болезнь рук, ног Алхаза от того, что он много таскал тяжестей на себе.

Сколько он в жизни своей сравнительно молодой работал.

И всё бетонные работы, каменные, с деревом, с бревнами.

Абсолютно себя не жалеет сельский житель.

С утра до вечера еще впридачу скотина, коровы, козы, кукуруза, фасоль, вино, водка, заготовка дров, поиск пропавшей скотины в дождь, снег, в жару, побег на скалы, чтобы увидеть сверху потерявшуюся живность. Или увидеть вора, который тащит корову к себе домой или в лес, за бугор, чтобы зарезать на продажу.

Как всё в мире построено на убиении, на ненасытстве, на холуях, на бесах все построено. А как история с Абждук, со стариком? У него было много буйволов.

– Старик умер. Остался сын, тоже пастух.

Вокруг одни перевалы, снега, лес. Живых душ людских мало: одни козы, одни коровы, один сыр, одно молоко, одна льющаяся с небес луна, одни льющиеся с небес звезды.

И можно ночью только прикрыться кожухом, из овечьей шкуры и застыть на оцепенение. Там тоже случилась история.

Парень и девушка встречались на пастбищах, когда пасли скотину. Девочка забеременела.

Её выдали замуж за отверженного горбатого. Но и там ничего не получилось. И эта дочь пастуха прыгнула в обрыв.

Ребёнка взяли на воспитание.

А юноша, соблазнивший девушку, куда-то делся, исчез.

- И его и ее надо было убить,- резюмирует Дал, отец многодетного семейства. – Убить, чтобы не множился грех, и чтобы не было повадно другим.

- Как катастрофически быстро рушатся древние обычаи, древние нравы. Косяком идет утилизация развратная.

Как устоишь!

Но пытаться бороться все равно надо.

Я помню, как мы шли с Гоу по селению Хатажуки. И сколько там было вывешено медвежьих шкур вдоль домов, на стенах. Шкуры медвежьи сушились, были уже обработаны.

Вдоль одного дома – я видел до восьми шкур медвежьих на продажу.

Вдоль этого селения располагается большая пещера, большие озера, большие мрачные леса.

И оттуда идет миграционная тропа медвежья - вековая, тысячелетняя.

И вот местный житель – рубит и рубит животных.

Пристроится на дереве с ружьём.

И ждет.

Какая бессовестность в уничтожении сплошном животных.

Ни жалости, ни совести при убийстве живой души.

И потом, конечно, божеское проклятие им, этим многочисленным охотникам-убийцам, убийцам живых душ, которые потом ещё просят о божьей милости, чтобы там за гробом, его что-то ожидало хорошее.

Там меня этот Гоу познакомил со своим свекром.

Хромоногим стариком, худощавым, хлебосольным, живущим в долине в маленькой избе, крытой дранкой.

Этот старичок всегда ходил с наганом по лесу, по дому, по саду.

Там так дико на лес, на трущобы, чтобы везде может показаться зверь.

Или медведь, или лиса в погоне за курицей.

И как раз в тот день, в тот год, в то лето, – когда я был, - там были огромные и частые и постоянные дожди. И все посевы на кукурузу, кукурузные сгнивали. И старик жаловался, что не меньше шестьдесят килограмм кукурузы пропало посевной.

Две огромных корзины с кукурузой, с зерном посеял.

И всё это сгнило – под неустанным дождем, не просыхаюшим ливнем.

И там при дворе был брат жены Гоу, страстный охотник.

До трёх медведей убивает в год вдоль одной поляны, загадочной, которую брат жены Гоу – никому не показывает.

Но тогда Гоу мне сказал, что внутри этой Долины был убит в середине двадцатых годов – грузинскими меньшевиками – Татал, брат тех женщин – Наты и Дифы, которые в начале тридцатых годов усыновили вашего отца, мою мать, нашего дядю, который умер в начале тридцатых годов от дифтерита.

Но у этих женщин давно умерших был еще брат – отчеством, которого и был награжден твой, Дал, отец.

На могилке твоего отца так и написано, начертано:

«Г. Е. Д. 1922-1985».

И прожил твой отец у приютивших его людей, уже родных по крови, пятьдесят два года.

Умер от туберкулёза, от рака желудка, от немощи, от больных ног, от вечно суровой работы высоко в горах ещё в самом начале цивилизации.

Где и откуда электрический свет пришел только двадцать лет назад, с конца семидесятых годов.

И когда твой, Дал, отец приезжал к нам, в долину, в город, и мама наша видела мучения своего брата, она говорила. «Уходи ты от этой суровой жизни. Будешь жить у меня. Выучишься на шофёра. У тебя больные ноги. Много ходить не сможешь. А шоферская работа как раз по тебе.

На что твой отец говорил моей маме: «Как же я могу бросить людей, которые от самого детства приютили меня, спасли от смерти, дали жилище, женили. От этих мест пошли мои дети».

0тцу твоему, Дал, было шестьдесят три года, когда он ушел.

А маме – шестьдесят девять.

0ба умерли от тяжелой работы.

- Я помню, – говорит сестра Костоса Ювелина, – когда мы впервые попали к вам в деревню высокогорную, в тысяча девятьсот сорок шестом году, мама взяла с собой из долины кусок сала.

А в вашей деревне жили впридачу с христианскими обычаями ещё и мусульманские обычаи, и сало есть считалось страшным грехом.

И как-то - мама обнаружила, что сала нет.

Это сало соседи дядя Мирчо – выкрали и выбросили собакам.

И еще я помню, что над вашей деревней во время войны Великой Отечественной всегда летали коршуны и похищали кур, петухов, цыплят. И еще я помню, что когда резали кур, петухов, цыплят - все время натирали шкуру, мясо этих птиц очень вкусным, очень резким цветом подливы светло-розовым.

И однажды, когда коршун унёс в небо большую курицу-квочку, и когда с ней уже попрощались от земли, когда она реяла высоко в небе, вдруг она приходит на следующее утро.

Вся ободранная, – с вырванным клоком перьев из спины.

Видимо, коршун упустил квочку от того, что она – была тяжелой.

-Такую курицу нужно было оставить доживать свой век.

Эта курица была герой.

И это нужно отмечать, а не употреблять в общей зарезанной колонне говорит Костос, двоюродный брат Дала и родной брат Ювелины.

- С таким нежным сердцем вообще никого нельзя убивать. Весь животный мир должен жить до самой смерти неуязвлённым.

– Но нужно же как-то спасать душу человечьих грехов, Дал. Парировать и настаивать.

Владимир Делба

ВЕСНА В ГАЛИЛЕЕ

(Фрагмент)

Вчера были с друзьями на Мертвом море.

Сусанна Амичба, наша обаятельная землячка и "принимающая сторона", у кого мы – я и супружеская пара сухумчан, живущих в Москве, Рома и Света, гостим в Израиле, в городе Реховот, делает все возможное, чтобы максимально "открыть" для нас страну.

Март. Весна. Вокруг все цветет, теплый воздух ароматен и свеж. Буйство зелени, деревьев, кустарников, цветов. Фантастика, если понимать, что буквально каждая травинка в Израиле выращена искусственно, а к каждому дереву подведена трубочка с водой. (Забегая вперед – примерно через неделю после нашего отъезда началась жара и песчаные бури. Так что, нам повезло).

Перед поездкой Сусанна завезла нас в легендарный институт Вейцмана. Мы погуляли по великолепному парку, по его зеленым лужайкам, засаженным цветущими экзотическими деревьями. Ухоженность и стерильная чистота территории поражала воображение. Мы будто погрузились в детство, ибо сравнение с сухумским ботаническим садом напрашивалось само по себе.

Контраст всегда усиливает впечатление. Это стало ясно, как только шоссе, по которому мы ехали, углубилось в пустыню Негев. Серая лента асфальта петляла среди угрюмых скал желто-серого цвета, слоистых, потрескавшихся. Убогие постройки изредка встречающихся вдоль дороги поселений кочевников усугубляли настроения, навеянные ландшафтом.

Мы немного оживились, когда дорога вдруг резко побежала под уклон и где-то далеко внизу, в легком мареве, возникло голубоватое пятно с неясным контуром.

– Почти приехали – с радостью воскликнула Сусанна. – Это и есть Мертвое море!

Воздух, с шумом ворвавшийся в окно, слегка приоткрытое Сусанной, стал явно теплее. Голубое пятно внизу, в глубокой впадине между скалистыми холмами, стремительно увеличивалось в размере. Контур приобретал четкие очертания. И когда автомобиль, наконец, зашуршал шинами по асфаль-

ту шоссе, огибающего Мертвое море, нашему взгляду открылась непривычная, завораживающая картина.

Мы ехали по долине, окруженной бурыми холмами, вдоль берега небольшого, в общем, озера. Но не его скромные размеры поразили меня. А цвет! Вернее – все цвета ландшафта.

Солнце, пробившее в этот момент для себя окошко в облаках, окрасило холмы вокруг озера в красно-оранжевые, или, скорее, в терракотовые тона. В сочетании с холодными синими тенями, возникала какая-то фантастическая, марсианская картинка.

Впечатление нереальности пейзажа подчеркивала и непривычная глазу граница суши и воды. Между желтовато-серым песком пляжей, убегающих живой волнистой линией вдаль, и нестерпимо яркой бирюзой спокойной водной глади, переходившей в темно-синий насыщенный цвет в центре водоема, лежала неширокая сверкающая полоска… белого снега. Снег? Здесь, в Израиле, на Мертвом море, при температуре воздуха градусов за двадцать пять тепла?

Удивление длилось всего несколько секунд. Конечно! Это же соль! Ведь в переводе с иврита название озера означает – море соли. Концентрация соли в озере настолько высока, что убивает все живое. Но, одновременно, именно соль и является достоинством здешней воды. Ведь благодаря соли вода обладает уникальными лечебными свойствами, привлекая на берега Мертвого моря жаждущих излечения от многих болезней людей из разных стран мира.

Итак, пейзаж вокруг нас был необычным и фантастически красивым. Если бы его еще не портили здания отелей, выстроившихся шеренгой вдоль шоссе. Построенные, видимо, в шестидесятые-семидесятые годы прошлого столетия, безликие, функциональные коробки не вписывались в окружающую среду, на мой взгляд, ни пропорциями своими, ни цветом, ни архитектурным стилем. Стиль, очевидно, вообще отсутствовал в те времена, когда их строили. Такие бездарные сооружения можно встретить и на Кипре, и в Испании, да и в России тоже. Сочинский «Дагомыс», возведенный примерно в эти же годы югославскими строителями – яркий тому пример.

У меня испортилось настроение и, когда мы, оставив машину на стоянке, вышли на пляж, я плюхнулся в шезлонг под тентом, отказавшись от купания в Мертвом Море.

В полудреме понаблюдал, как осторожно входили в воду мои друзья, следуя специальным инструкциям правильного купания, озвучиваемых по радио на нескольких языках, включая русский. Как потом покрывались их тела белесым налетом морской соли, как смывали они эту соль в пляжных открытых душевых, коих множество установлено было на пляже.

Настроение мое поднялось уже после того, как уехали мы от Мертвого Моря. Наблюдая, за бокалом доброго израильского вина, в придорожном ресторанчике, за восторженной реакцией своих друзей, слушая их радостный, эмоциональный обмен впечатлениями, подумал: да Бог с ней, с архитектурой этой. Если не думать о ней, пейзаж действительно производит впечатление. И потом, самое главное – мои друзья счастливы! Значит – счастлив и я! Значит – поездка удалась!

И вот новый день. Сегодня у нас – тур по святым местам Галилеи.

Комфортабельный автобус с самолетными креслами, обязательным кондиционером и экспресс-туалетом. И, как это принято во многих туристических странах, с запретом на любую еду в салоне.

Сопровождает нас гид по имени Александр, родом из славного города Душанбе. Небольшого роста, пожилой, смуглый, с элегантными седыми усиками, совсем непохожий внешне на хрестоматийного стереотипного иудея. У Саши ясная, четкая дикция, бархатный тембр голоса и энциклопедические знания истории, политологии, различных философских течений и хорошее чувство юмора. Так что, мы “подсели на иглу” его неторопливого повествования, умения завладеть вниманием слушателей, не успев еще далеко отъехать от Тель-Авива. Саша живо, образно рассказывал о разных исторических фактах, в русле темы нашего тура, дополняя их уникальным материалом, а порой документировано, обоснованно оспаривая либо подвергая сомнению те же самые исторические факты, а так же поведение и высказывания некоторых известных, значимых личностей.

Мы и не заметили, как пролетело время, и автобус остановился. Мы находились на крохотной площади, сдавленной небольшими домами, в два и три этажа.

– Выходим. – Объявил Саша. – Назарет.

Мы с Ромой и Светой вышли из автобуса одними из первых. И пока ждали остальных, решили посоревноваться с гидом в чувстве юмора.

– Знаете, Саша, а ведь мы сразу поняли, что Вы – грузин!

Глаза нашего гида, слегка прищуренные, в момент стали круглые, как израильские монеты в 50 огорот, или как наши двухрублевые.

– А с чего это вы вдруг решили, что я грузин? И почему именно грузин? – Вопрошал Саша, крайне удивленный таким, совершенно неожиданным предположением.

– Ну как же, – продолжали мы. – Разве вы не помните старый советский анекдот, в котором девушка, обращаясь к молодому ухажеру, южанину, произносила: “Знаем мы вас, грузин. Бывали мы у вас в Душанбе”. А Вы же из Душанбе! Значит – грузин!

Сашины глаза приняли былую форму, он расхохотался и чинно пожал нам с Ромой руки.

– Записываю в свой актив! Надо же! А я считал себя знатоком советских анекдотов.

А этот вот, к сожалению, никогда не слышал. Спасибо.

Святой город Назарет и наше в нем пребывание заслуживает отдельного, подробного и восторженного описания. Как, впрочем, забегая вперед, и все наше путешествие по весенней Галилее, все святые места, которые нам посчастливилось посетить – это и само Галилейское, Тивериадское море, или, как его еще называют, озеро Кинерит.

И города – Капернаум, Тверия, Ярденит.

Сейчас же я извлекаю из памяти удивительное событие, совершенно неожиданное для меня, и вызвавшее мощный всплеск эмоций.

Наш автобус продолжал путь по извилистому шоссе среди живописных зеленых холмов. Бытовавший в нашем сознании стереотип, что страна Израиль – это сплошная жаркая пустыня, был давно уже разрушен. Цветущие пейзажи весенней Галилеи воспринимались как гимн упорству и трудолюбию живущих здесь людей.

Водитель сбросил скорость, ибо въехали мы в небольшой городок, а может, в большое село. Что сразу бросалось в глаза, так это удивительная чистота вокруг. Безупречное полотно дороги, неширокие тротуары, мощенные каменными плитами, будто только что вычищенные пылесосом, добротные и красивые каменные дома. Архитектура домов, их отделка и декор отличались от строений в других придорожных селах, которые мы проезжали.

В стороне от дороги, за поворотом, возник минарет. Не очень высокий, изящный по своему контуру, был он необычно для арабских мечетей декорирован. Простой узор из горизонтальных полос светлого и темного цветов, с отлично угаданным ритмом их чередования, напомнил мечети, виденные когда-то в Турции.

По шоссе двигалось несколько тракторов, сверкающих краской и никелем деталей получше иных легковушек. Трактора были обвешаны какими-то мудреными, неизвестными мне приспособлениями, очевидно для различных сельхозработ.

Из переулка на дорогу выкатился вдруг странный аппарат, напоминающий электромобиль на поле для гольфа. Двигался он с небольшой скоростью, а управляла автомобильчиком пожилая женщина в белом платке. Машина остановилась у ближайшего дома, и женщина в платке заговорила с двумя девушками в джинсах, стоящими у ворот.

Мы прилипли к окнам автобуса, который передвигался по селу с черепашьей скоростью.

И тут я, можно сказать, испытал шок.

Навстречу автобусу, по тротуару противоположной стороны дороги, шел, ровно держа спину, уверенной походкой тренированного человека, возможно, бывшего военного, пожилой человек. Одет был он в темный пиджак, галифе и сапоги. Гордо посаженная голова, небольшая седая бородка. А то, что поразило меня и, собственно, ввело в шок, так это его головной убор. Голову незнакомца венчала папаха! Да, да! Привычная кавказская папаха.

Я машинально протер глаза. Но ничего не изменилось. Это на самом деле была папаха!

Почудилось на миг, что идет нам навстречу абхаз, обычный сельский житель! Ведь и одежда и черты лица незнакомца – ничего не вызвало бы сомнений!

Но мы находились на расстоянии в несколько тысяч километров от Абхазии, в Израиле, где человек в папахе смотрелся, как марсианин. Да и окружающий нас ландшафт, экстерьеры зданий, плотно обступивших узкие переулки, почти лишенные растительности, ничем не напоминали наши абхазские деревни.

Шок потихоньку отступал.

– Надо спросить Сашу, – подумал я. – Но как сформулировать вопрос? –

Но спрашивать не пришлось, ибо в этот момент, как-будто уловив мои биотоки, гид заговорил сам. Причем неожиданно торжественным тоном.

– Друзья, мы с вами уже проехали большое количество поселений – еврейских и арабских. Возможно, самые наблюдательные из вас обратили внимание, что село, которое мы проезжаем сейчас, не похоже на другие. И дома, и мечеть по своей архитектуре и отделке отличаются от привычных арабских. Они, скорее, турецкие. Да и материал, который используется для строительства, нетипичен. Как правило – это черный камень типа базальта, который умело и красиво чередуют с белым известняком.

Местных жителей на улицах сейчас немного, но, если присмотреться, внешне они отличаются и от иудеев и от арабов. Да еще возникает впечатление, что часть текста на дорожных указателях и вывесках написана на русском. На самом деле это не так. Там действительно присутствует кириллица, но эти надписи сделаны…

Ладно, хватит держать вас в неведении и напряжении.

В этом селе живут черкесы. Это общее название некоторых народов Кавказа, проживающих, в основном, в Причерноморье, представителей адыгского этноса.

В Израиле три села, где проживают черкесы: Рехания, Кфар-Кама и Абу-гош. Причем в первых двух, то есть здесь, население стопроцентно черкесское.

Говорят, что первые кавказцы появились в Палестине чуть-ли не в пятнадцатом веке. Наместники турецкой империи часто выкупали попавших в плен или угнанных в рабство черкесских мужчин, предлагали им службу, достаток и почет, ибо те были прекрасными воинами, опытными и бесстрашными. И многие из них действительно сделали выдающуюся карьеру на военном поприще.

Села же эти появились здесь в конце девятнадцатого столетия, после Русско-Турецкой войны, в результате трагического изгнания части коренных народов с их исторической Родины. Тогда представители адыгского этноса, или черкесы, как их называют, были вывезены в Турцию и в дальнейшем рассеяны по всему Ближнему Востоку.

Я могу долго и подробно рассказывать и об истории Израиля и о месте в ней черкесов. Но хочу отметить главное – черкесы пользуются в нашей стране огромным уважением, ибо всегда поддерживают государство, в том числе защищая его с оружием в руках.

Хочу поведать вам древнюю и поучительную историю, ставшую легендой в этих краях.

В конце девятнадцатого столетия обстановка в Палестине, была, мягко говоря, не простой. На территории компактно проживали и иудеи, и арабы-мусульмане, и друзы и язычники. Как правило, между собой они не ладили. Кроме того, здесь орудовали и местные и пришлые банды, которым местное население, неорганизованное, бедное и невооруженное, оказать отпор не могло.

И когда пошел по округе слух, что поселились неподалеку кавказцы, прирожденные и опытные воины, собрались жители окрестных сел, “скинулись”, и отправили, со скромной суммой денег, ходоков к черкесским старейшинам. Просьба была всего одна – защитить села от бандитов.

Черкесы от денег отказались, но соседям помочь взялись. И при первом же набеге разбили и рассеяли банду. Радости местных жителей не было границ. Благодарили они и славили своих избавителей.

Но через некоторое время все повторилось. Новая банда вторглась в очередную деревню. И вновь пошли к черкесам ходоки.

Но на этот раз, посоветовавшись, объявили старейшины соседям свой вердикт: защищать соседей сами они не пойдут, ибо набеги бандитов разовыми вылазками не остановить. Поэтому, они, черкесы, дадут соседям оружие и научат их, как самим защитить свои села.

Сказано – сделано! И скоро ни одной банды в округе не осталось. И стали процветать соседские поселения. И во стократ усилились уважение, почет и любовь к черкесам! Так гласит сия история, а ее в этих края, да и не только в этих, знают хорошо! –

Для меня рассказ гида стал откровением. Я даже обнаружил, что мои глаза предательски повлажнели. И когда автобус остановился для коротенького “перекура”, я снова подошел к Саше. Тот, подозревая очередную хохму, улыбался, с хитринкой в глазах. Пока не увидел серьезное мое лицо.

– Что-то случилось? – Почти с тревогой спросил он.

– Нет, слава Создателю, но, – и я рассказал об испытанном шоке, о том, что я, абхаз, тоже принадлежу к адыгскому этносу, а следовательно, черкесы, живущие в израильских селах – мой народ…

– Так почему Вы не сказали сразу, я остановил бы автобус! Давайте вернемся, потому-что добираться до Тель-Авива мы будем по другому шоссе.

– Нет, Сашенька, я тронут Вашим вниманием, но смысла не вижу. Программа тура просчитана по минутам. Вряд-ли остальных туристов обрадует непонятная потеря времени. Да и что я смогу за несколько минут? Сказать случайному прохожему через переводчика, что я абхаз, абаза, следовательно, я – Ваш брат! А потом вскочить в автобус и уехать? Нет, надо смотреть вперед. Главное, я обладаю стартовой информацией, благодаря Вам, и, безусловно, стану планировать следующий приезд на Святую землю целенаправленно! Зная теперь, куда мне нужно обязательно приехать. Спасибо! –

Гид как-то по особому, трепетно, что-ли, пожал мне руку. Мы сели в автобус, водитель включил поворотник, выехал на шоссе, и машина устремилась к следующей точке на карте прекрасной этой страны.

Все дальше и дальше от удивительного того городка, где идеально чистые тротуары и надписи на кириллице. Где ездят по переулкам почти игрушечные электромобильчики, управляемые женщинами, а на улицах можно встретить мужчин в кавказских папахах. Где живут красивые, мужественные и талантливые люди, которых уважительно называют черкесами!

НАУЧНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ АКАДЕМИКА О.Х. БГАЖБА

к 75-летию

Счастлив тот человек, дело которого продолжают его ученики, счастлив тот человек, когда с высоты своих прожитых лет ему есть, что показать своим потомкам. Таким человеком, вне всякого сомнения, является Олег Хухутович Бгажба, достойно проживший определённый промежуток времени, встретивший своё 75-летие.

Родился он в интеллигентной семье учёных. Отец – известный академик филолог – Хухут Соломонович, сын народного героя слагавшего песни, мать – первая абхазка кандидат биологических наук, дочь известного общественного деятеля, просветителя Андрея Чочуа. Вне всякого сомнения, все эти благородные начала воплотились в одном человеке, юбилей которого мы с удовольствием отмечаем. Следует сказать больше, трудно найти археолога-кавказоведа так скрупулезно занимающегося древней историей Абхазии. Кто бы хоть раз не обращался к его научным работам! Они являются надёжным фундаментом для исследования истории и археологии не только Абхазии, но и всего Закавказья периода раннего Железного века и развитого средневековья.

Бгажба Олег Хухутович (родился 1 августа 1941 в г. Сухуми) – археолог, историк, кавказовед, доктор исторических наук РАН, профессор АГУ, академик АНА, почетный мастер спорта РА по баскетболу. В 1958 г. окончил абхазскую школу № 10 им. Н. Лакоба г. Сухуми с золотой медалью, затем в 1963 г. историко-филологический факультет Сухумского государственного педагогического института им. Горького с красным дипломом. В 1968 г. начал работать в отделе археологии АбИЯЛИ им. Д. И. Гулиа АН ГССР м.н.с., с.н.с., в.н.с., затем – заведующим отделом истории Абхазского института гуманитарных исследований им. Д.И. Гулиа (1996) по настоящее время. С 1975 г. преподает в АГУ. Старший научный сотрудник Научно-культурного центра Ю.Н. Воронова АГУ (2014). Опубликовал более 150 научных работ (в том числе 15 монографий). Основные научные интересы – археология, история ремесла (гончарное и кузнечное) Абхазии и Кавказа. В целом О.Х. Бгажба первый доктор Российской

Академии наук в Абхазии и пятый по счету профессор Абхазского государственного университета (Ю.Н. Воронов, В.Г. Ардзинба, Б.Е. Сагария, Г.К. Шамба, О.Х. Бгажба).

В 1968 г. О.Х. Бгажба поступил в аспирантуру при Институте археологии АН СССР. Его научным руководителем был известнейший исследователь-кавказовед, лауреат Ленинской премии Е.И. Крупнов. Как вспоминает О.Х. Бгажба, Е.И. Крупнов всегда держал своих учеников в рабочем состоянии, встречаясь с ними два раза неделю. Причем, инициатором встреч он был сам. Его интересовала, как идет работа. Его новые естественнонаучные методы работы по металлографии, под руководством лауреата Ленинской премии П.А. Колчана, определили на будущее специализацию О.Х. Бгажба.

В 1972 г. О.Х. Бгажба успешно защитил кандидатскую диссертацию «Материальная культура средневековой Абхазии (VI–XIII вв.)», посвященную гончарному производству, железному делу (с использованием петрографического, спектрального и металлографического анализов) и монументальной архитектуре на территории Абхазии. Диссертантом были подробно рассмотрены на примере археологического материала фортификационные сооружения в Западном Закавказье: Анакопийская крепость, Сухумская крепость, Замок Баграта, Великая Абхазская стена. Исследователь провёл раскопки поселений, могильников, церквей в Мыку, Бедиа, Новом Афоне, крепостных комплексов древней и средневековой Абхазии (Ачапара, Герзеул и многие др.). Все эти работы нашли свое отражение в публикациях автора. Здесь надо отметить, что большую роль в его формировании как историка, археолога сыграли известные кавказоведы: Л.Н. Соловьев, М.М. Трапш и Ю.Н. Воронов, о чем сам он говорил.

С 1977 по 1986 гг. О.Х. Бгажба принимает активное участие в Цебельдинской археологической экспедиции в окрестностях с. Цабал. Он (в качестве заместителя Ю.Н. Воронова), вслед за М.М. Трапшем, открывшим Цебельдинскую культуру, подтвердил существование данной культуры. Раскопки, которые ими велись в крепости Цабал и в ее округе, обогатили науку множеством уникальных находок, иллюстрирующих самобытную культуру древних апсилов, а Цебельдинский крепостной комплекс ими был датирован 30-ми гг. VI в. Такую точность датировки, придав ей значимость, Э.Я. Николаева подтвердила и для крымских памятников ранневизантийской эпохи, которые обычно датировалось IV–VI вв. В ходе Цебельдинской экспедиции им также была скрупулезно исследована однонефная базилика Шапкы VI века в одноименной крепости.

Надо подчеркнуть, что О.Х. Бгажба является и первооткрывателем самых ранних мечей из дамасской стали (III–IV вв.) на территории бывшего СССР, найденных произвольно в разных частях Абхазии. Это мечи гладиусы из Ачандары и длинные всаднические мечи синдо-меотского типа, а также

бракованные мечи из Эшеры и урочища Пышта, которые свидетельствуют о попытке производства этих мечей на месте.

В 1995 году О.Х. Бгажба защищает в Москве уже докторскую диссертацию «История железообрабатывающего производства в Западном Закавказье (I тыс. до н.э. – середина II тыс. н.э.)», использовав, при ее написании, металлографический анализ. До этого он прошел стажировку по металлографии железа в лаборатории естественнонаучных методов Института археологии АН СССР, куда был прикомандирован в 1973–1980. Провел более 500 металлографических анализов железных и стальных изделий древней и средневековой Абхазии. В частности, в Абхазии О.Х. Бгажба был первым, кто освоил металлографический анализ. В результате впервые была рассмотрена история Абхазии на основе развития одного из важнейших производящих производств – черной металлургии в более 2300 летнем континуитете времени.

Основываясь на итогах археологических материалов из поселений и могильников Колхиды I тыс. до н.э. и на данных металлографических анализов, исследователь выделил несколько самостоятельных этапов в развитии железного века в Западном Закавказье; ранний же этап им датируется VIII веком до н.э. (если не считать более раннего артефакта из Джантуха), когда первые изделия из черного металла были зафиксированы в Абхазии, в комплексах. Так, на основе разработанной модели комплексного подхода (археология, история, металлография, этнология, фольклор, лингвистика) исследователь пришел, в частности, к выводу, что территория Абхазии являлась одним из древних очагов металлургии железа и западнокавказских путей.

О.Х. Бгажба всегда выступал против работ тех грузинских историков и археологов, которые искажают историю Абхазии, в частности, против мифического Колхидского царства, а также и Лазского, которому якобы подчинялись абасги, апсилы, мисимиане, а также он выступает против некоторых работ российских исследователей, искажающих историческую действительность раннесредневековой Абхазии. Его лекции по древней истории Абхазии в телевизионных программах «Кафедра», «Истоки» отличаются насыщенностью подаваемой специалистом разнообразной информации. Слушаются легко и с большим интересом. В этой связи хочется отметить, он подготовил подробное предисловие к моей будущей книге: «Апсилы: История и культура».

Необходимо отметить, что возглавляемый О.Х. Бгажба отдел истории, пройдя все сложности послевоенного периода (грузино-абхазская война 1992–1993 гг.), вырос в солидный научный центр исторического абхазоведения. Сегодня в нем работают: два академика, 6 кандидатов исторически наук, один член-корр., главный и ведущий научные сотрудники и т.д. Эти положительные тенденции указывают на то, что постепенно стала восстанавливаться преемственность научного поколения, которая была нарушена во время войны, когда возникла лакуна. За это время под руководством О.Х. Бгажба были

защищены две кандидатские диссертации (В.А. Нюшкова, Н.В. Касландзия) и при его содействии прошла защита более пяти диссертаций, в том числе докторских (А.Л. Папаскир, В.Л. Бигуаа, О.В. Маана, А.Ф. Авидзба и др.). В этой связи следует отметить, что он является председателем диссертационного Совета по истории, а также археологической комиссии при президенте Академии наук Абхазии.

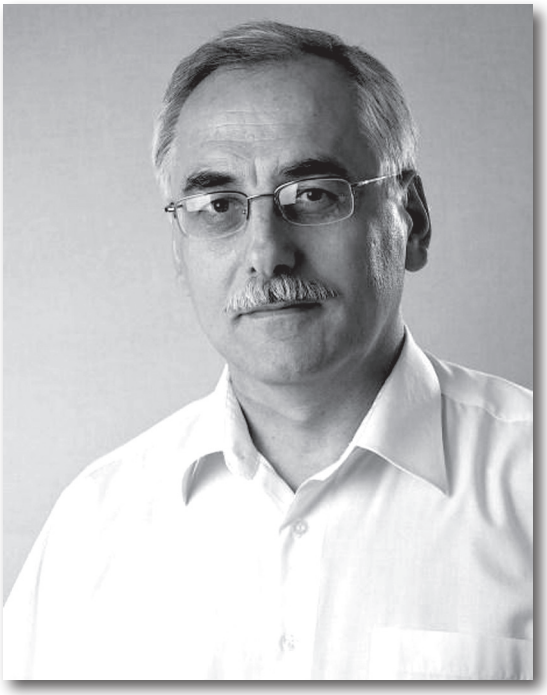
Так, исследователь выступал в качестве официального оппонента по защите кандидатских и докторских диссертаций и с докладами на международных конференциях антиковедов и византинистов. На этих конференциях он имел острую полемику с грузинскими оппонентами, отстаивая тезис, что халибы являются потомками абхазо-адыгских племен хаттов, а также то, что Абхазское царство никогда не было западногрузинским. О.Х. Бгажба является одним из авторов раздела учебного пособия «История Абхазии», выдержавшего два издания (1991, 1993) и одним из авторов учебника «История Абхазии» для 10–11 кл. (2006), в 2016 г. переизданной с дополнениями, а также книги «История Абхазии с древнейших времен по настоящее время» (2007 г.).

Нельзя не сказать, что О.Х. Бгажба проводит большую общественную работу. Его тревога в отношении будущего абхазской исторической науки не безосновательна, поскольку нужны новые и новые кадры молодых историков, о которых он всегда говорит, часто повторяя: «Ведь всем хорошо известно, что без прошлого нельзя осмыслить настоящее и наметить ориентиры на будущее». И в этом отношении, следуя сказанному, О.Х. Бгажба проводит большую воспитательную работу среди студентов. Он с удовольствием работает с дипломниками и аспирантами, просит, чтобы чаще к нему обращались. Принимает серьезное участие в росте молодых ученых Абхазии (Т. Хутаба, Ф. Кобахия, И. Адлейба и др.). Молодые сотрудники, которые работают сегодня в отделе истории АбИГИ, благодаря его содействию, основательно занимаются проблемами, стоящими перед исторической наукой. Многие из них сегодня справедливо называют О.Х. Бгажба своим учителем и наставником.

В 2011 г. О.Х. Бгажба указом Президента РА А.З. Анкваб было присвоено почетное звание «Заслуженный деятель науки Республики Абхазия» за значительный вклад в научно-исследовательскую деятельность в области истории и археологии. В 2015 г. он был награжден указом Президента РА Р.Д. Хаджимба орденом «Ахьдз-Апша» второй степени за весомый вклад в развитие науки и высшего образования в Республике Абхазия.

Желаю дорогому юбиляру Олегу Хухутовичу, удачи, успехов в жизни, ярких дел, крепкого здоровья, кавказского долголетия!

Валентин Нюшков,
к.и.н. с.н.с. АбИГИ



Петр Чекалов

НУХ АБРАМОВИЧ ОЗОВ: ТРАГИЧЕСКИЙ ИЗЛОМ СУДЬБЫ

Нух Абрамович Озов стоял у самих истоков зарождения абазинской письменности и литературы, наряду с Т.З. Табуловым выступил одним из первых национальных переводчиков, авторов произведений, составителей словарей, школьных хрестоматий и грамматик. Но вследствие того, что в 1935 г. он был безвинно осужден, объявлен «врагом народа» и умер в лагере, творческое наследие его долгое время находилось в забвении. Лишь в 1972 году впервые после 1930-х годов было упомянуто его имя [4; 56, 57]. Более-менее регулярное изучение творчества Озова началось в 1990-е гг. Так, в трех номерах газеты «Коммунизм алашара» («Свет коммунизма») от 22 декабря 1990 г., 3 и 10 января 1991 г. под рубрикой «Абазинская литература. Забытые имена» были перепечатаны рассказ «Путь Мусы» и отрывок из большого повествования о 1918 годе под названием «Обманули». В 1991 г. в диссертации П.К. Чекалова анализу адаптированных произведений Озова «Мерцающий» и «Соцсоревнование в колхозе» было посвящено более 10 страниц [30; 17 – 19, 41 – 51]. Этот же материал впоследствии был воспроизведен в учебном пособии «Страницы истории абазинской литературы» [31; 8, 21 – 25]. В 1994 г. рассказ «Путь Мусы» был включен в хрестоматию по абазинской литературе для 9 класса [9; 232 – 234], и в учебнике, вышедшем в следующем году, личности и творчеству зачинателя национальной литературы отводились отдельные страницы [10; 100 – 101]. Свое представительство Н.А. Озов нашел также в справочниках, вышедших в 1996, 2009 и 2014 гг. [32; 8 – 9. 33; 22 – 23. 2; 4.], в публикации газеты «Абазашта» от 4 ноября 2006 г. [3], в антологии абазинской поэзии XX века [5; 566], в сборнике «Абазинская довоенная литература» [1; 18 – 25, 55 – 69]. Брошюра «Нух Абрамович Озов. Судьба и творческое наследие» содержит

все сохранившиеся стихотворные и прозаические тексты автора, его биографию, анализ оригинальных и адаптированных произведений, богатый иллюстративный материал [34].

Сегодняшнее наше обращение к личности Н.А. Озова вызвано новыми обстоятельствами: в Институте восточных рукописей Санкт-Петербурга были открыты записи профессора А.Н. Генко, производившиеся во время экспедиции по абазинским аулам Черкесии в 1929 г., среди которых значатся предание «О том, как шахгиреевцев выгнали из гор» и «Путь Озова Нуха», записанные со слов Н.А. Озова. Помимо того, в архиве ФСБ Карачаево-Черкесской республики выявлено «Восстановленное уголовное дело Озова Н.А.». В этих документах зафиксированы ценные сведения, проливающие свет на неизвестные ранее страницы биографии одного из первых абазинских литераторов.

Необходимо отметить следующее. Настоящее архивно-уголовное дело Озова утеряно по неизвестным причинам. (Сохранилось только личное дело его на 52 листах). После обращения Ханищ Пашевны Озовой, вдовы Н.А. Озова, к Председателю Верховного суда СССР и Генеральному прокурору СССР с просьбой о пересмотре дела Нуха Абрамовича и восстановлении его доброго имени, если он не виновен, по инициативе прокуратуры СССР было начато восстановление уголовного дела Озова. Из разных уголовных дел в одну папку было сведено все, что имело какое-либо отношение к аресту и осуждению Н.А. Озова. Так возникло «Восстановленное уголовное дело…» К сожалению, в нем отсутствуют протоколы допроса обвиняемого, протокол судебного заседания, кассационная жалоба осужденного, но, тем не менее, обнаруженные документы позволяют выстроить линию судьбы Озова в большей полноте, чем это было возможно ранее. С учетом находок последнего времени попытаемся последовательно восстановить жизненный путь одного из первопроходцев национальной литературы.

Нух Абрамович появился на свет в 1900 г. в ауле Апсуа на территории современной Карачаево-Черкесской республики. 5 сентября 1929 г. он рассказывал профессору А.Н. Генко: «Родился в трудовой семье. Мой отец пахал, охотился, занимался пчелами». Отец умер, когда Нуху было всего 6 лет. И, тем не менее, через год он пошел в аульскую школу. После ее окончания выучился арабскому языку. (Где находилось место обучения, не установлено). В связи с тем, что у Нуха не было братьев и сестер, всю домашнюю работу и уход за скотом во время отсутствия сына приходилось выполнять матери. Поэтому во время каникул Нух возвращался домой, помогал управляться с хозяйством, а потом снова отправлялся на учебу. В записях Генко отмечается, что Нух воротился в аул, «не завершив обучения». Вероятно, это произошло накануне Октябрьской социалистической революции, потому

что в другом месте Озов отмечал: «Перед революцией 17 года я вернулся и находился дома, работал».

В 1919 г. в Теберде открылись 4-месячные курсы для школьных учителей черкесского языка. Нух записался на эти курсы, а после их завершения работал учителем в ауле Апсуа до 1928 г. [23; 155]. (В приговоре Черкесского областного суда указывается, что Нух Абрамович происходил из крестьян-середняков, с 1919 по 1922 гг. являлся эфенди а. Апсуа [7; 18]).

Из «объяснения» (жанр протокола определен именно так) Ханищ Пашевны, данного 14 августа 1979 г., становится ясно, что вышла она замуж за Нуха Абрамовича в 1925 г., жили «очень хорошо и дружно», от совместного брака родились две девочки: Раиса (1928) и Роза (1932). Сообщается также, что Нух Абрамович обладал высшим образованием, являлся членом КПСС с 1922 г. [7; 4], но эти данные не верны. Со слов самого Озова в анкету арестованного было занесено, что он *имеет среднее специальное педагогическое образование* по специальности педагог-редактор со стажем работы 12 лет, работал переводчиком Черкесского национального издательства с 1929 г., служил переводчиком в НКВД и при прокуратуре, помимо абазинского, владел русским, арабским, черкесским и абхазским языками, в армиях не служил, *беспартийный*, выходец из крестьян, имеет жену и двоих детей [7; 14].

«Беспартийность» Озова отмечается и в протоколе допроса Х.Г. Кужева, зав. отделом культпропа Черкесского обкома ВКП(б): «Озова Нуха (…) рекомендовали закрепить за партиздатом, хотя он и *беспартийный*» [7; 58].

М.И. Вередибин, исполнявший обязанности заместителя редактора русскоязычной газеты «Красная Черкесия» и выступавший на следствии в качестве свидетеля, показывал, что Нух Абрамович «был выписан из Сухума в Черкесию Кужевым и Абуковым» [7; 45]. Этот факт подтверждается и показаниями Х.Г. Кужева: «Озов Нух работал в Абхазии, и я дал свое согласие выписать его для работы в Нац. издательстве, что потом и было сделано» [7; 57].

Вероятно тогда же Озову и была предоставлена квартира в областном центре по улице Пушкинской [7; 4]. На это косвенно указывает фрагмент Постановления Бюро Черкесского обкома ВКП(б) от 29 января 1935 г.: «Кужев Хаджиби выписал Озова из Абхазии в Черкесию и устроил его для работы в Нациздательство, создал ему материально-бытовые условия» [18; 1].

По материалам следствия трудно установить причины, точные даты отъезда и возвращения Нуха Абрамовича из Абхазии. Хотя на этот счет имеются некоторые указания, они довольно противоречивы, больше запутывают, чем проясняют ситуацию. Поэтому за отсутствием достоверной информации оставим этот вопрос открытым.

В национальном издательстве Озов совмещал обязанности переводчика, рецензента, редактора [7; 73], и, по всей вероятности, стяжал заслуженное

уважение среди сослуживцев. По словам Х.У. Кячева, до ареста работавшего заведующим отделом областной газеты, в издательстве Озов «был на первом месте», и Х.Г. Кужев рекомендовал работникам печати «учиться работать у Озова» [7; 74]. И М.И. Вередибин в своих показаниях подчеркивал, что Озов «пользовался огромным авторитетом среди Кужева, Дышекова Магомеда, Абукова и других и имел на них огромное влияние. Большим авторитетом Озов Нух пользовался и у себя в ауле. В 1934 г., когда он приехал в аул Апсуа, за ним бегали в ауле, как за архиереем, доходя до прямого раболепия» [7; 45]. (В скобках заметим, что эти положительные характеристики преподносились в негативном свете: вот, мол, как возносили «врага народа»!).

Напомним, что в связи с отсутствием письменности на родном языке абазинские дети до 1933 г. в школах обучались на черкесском языке. И Нух Абрамович, учитель, в своем ауле с детьми занимался на черкесском. Будучи одним из наиболее подготовленных педагогов, он был привлечен к составлению и изданию учебных пособий: в 1930 г. он выпустил букварь для взрослых «Путь крестьянина, колхозника»; в том же году совместно с Т. Табуловым и А. Алтодуковым подготовил книгу для второго года обучения в сельской школе «Новая жизнь», переизданную в следующем году; в 1931-м перевел 23-страничный рассказ В. Конеля «Материно горе». И все это – на черкесском языке.

В октябре – ноябре 1932 г. был утвержден абазинский алфавит на латинской графической основе, и со следующего года обучение в абазинских школах стали вести на родном языке. В связи с этим срочно понадобились учебные пособия.

11 октября 1933 г., выступая в Горском научно-исследовательском институте в Ростове профессор А.Н. Генко говорил: «Все значительные в практическом (орфографическом и орфоэпическом) и педагогическом отношении вопросы грамматики зафиксированы в форме конкретных правил под мою диктовку научным сотрудникам Ч.Н.И.И. тов. Табуловым (…). Кроме Табулова, в теоретической части моих работ принимали участие т.т. Нипов (из селения Кувинского), Озов Дауд и Озов Нух (из сел. Апсух)» [22; 142]. Таким образом, Нух Абрамович был одним из первых абазин, получивших научную консультацию по абазинской грамматике. И потому не случайно, что он оказался в числе тех, кому были поручены переводы выступлений руководителей Коммунистической партии и советского государства, создание первых национальных учебников по языку и литературе.

Одним из первых печатных продукций на абазинском языке явился перевод Н.А. Озова «Письма 250 северокавказских бригадиров Сталину», вышедших отдельной брошюрой в Баталпашинске в 1933 году. В следующем был издан перевод отчетного доклада Сталина на 17-м съезде ВКП(б), подготов-

лена рукопись абазино-русского общественно-политического словаря [7; 46]. В том же 1934 г. вышли два учебника Озова: «Грамматика абазинского языка для начальной школы. Часть 2. Третий год обучения» и «Грамматика абазинского языка для начальной школы. Часть 2. Четвертый год обучения». Они были снабжены авторским предисловием, а помимо того второе издание открывалось вступительным словом В. Мусатова, представителя Черкесского отдела народного образования: «Настоящий учебник для четвертого класса начальной школы и уже вышедший для третьего класса, составленные т. Озовым Н., является в то же время работой, впервые устанавливающей систему грамматических фактов абазинского языка. (…) Перед автором стояли значительные трудности, т.к. и вопросы алфавита и терминологии далеко еще не разрешены» [20; 5].

Сам Нух Абрамович тоже останавливался на сложности работы. Имея в виду правила грамматики, он говорил: «Чтобы вскрыть эти законы, необходимо преодолеть большие трудности, обладать глубокими знаниями, прикладывать максимум усилий. До тех пор, пока найдется человек с такими данными, мы, не жалея своих малых сил, пусть кривобоко, но должны прокладывать дорогу.

Когда мне, не обладающему достаточными знаниями, предложили впервые пойти по этому пути, я не стал отказываться, считая, что для новых поколений это послужит хоть каким-то ориентиром. Я надеюсь, что эта работа явится импульсом для тех, в чьем сердце живет стремление к добру, но которым не хватает собственных усилий. Последующие образованные люди восполнят и выправят начатое. Только к несуществующему нельзя ничего добавить» [20; 4].

Как видим, автор учебников был достаточно самокритичен, осознавал возможные огрехи в своей работе, и, тем не менее, считал необходимым начать и сдвинуть дело с мертвой точки, рассчитывая на последующие и наиболее подготовленные кадры, которые смогут устранить недочеты первого опыта. Им двигала не слава первопроходца, а стремление сослужить своему народу тем, на что был способен.

Озов обращался к будущим читателям с просьбой сообщать об обнаруженных недостатках в облоно или ему лично. Он подчеркивал, что такие замечания окажутся полезны и будут содействовать улучшению учебника. «ЦхъраГІаГІвта шваХІзал!» – «Станьте нам помощниками!», – заканчивал он предисловие.

Одновременно с учебниками по грамматике в августе того же 1934 г. Нух Абрамович подготовил и издал «Книгу для чтения. Учебник для школ малограмотных». На титульном листе автор сделал специальную оговорку, что большинство материалов взято из сборника Д. Богоявленского и Л. Тимо-

феева. Естественно, что русскоязычные тексты нужно было переводить на абазинский язык, что само по себе уже являлось большой творческой работой. Так, среди переводных произведений оказались «Мщение» И. Никитина, «Калистрат» Н. Некрасова, «Сказка о попе и работнике его Балде» А. Пушкина, отрывок из рассказа «После бала» Л. Толстого, отрывок из романа «Мать» М. Горького и многие другие.

Но Озов не всегда соблюдал точность при переводе, нередко он сознательно видоизменял оригинал, вводя национальные имена и местную топонимику, корректируя сюжет по своему усмотрению, *адаптируя* иноязычные тексты под местные условия, приближая их к восприятию абазинского школьника. Также поступал и Т.З. Табулов. И это была вынужденная и необходимая мера для того времени, так как свои национальные произведения, которыми можно было бы заполнить страницы учебников по родной литературе, еще отсутствовали или их было крайне недостаточно. Таким образом, Матренка М. Салтыкова-Щедрина у Озова превращается в Мариам, Авдотья А. Неверова – в Щащу, полицейский надзиратель Очумелов из чеховского «Хамелеона» – в старшину Гапф Фукана, коммунист Семен Давыдов из шолоховской «Поднятой целины» – в Сахата Лагучева… Любопытно, что в таких случаях Озов не приводил имени автора адаптированного текста, тогда как в переводах, где соблюдалась точность соответствий, эти указания всегда давались. Вероятно, он полагал, что такое сотворчество сродни оригинальному творчеству. Видимо, исходя из подобных соображений, он и включил два адаптированных текста из своего учебника («Мерцающий» и «Соцсоревнование в колхозе») в сборник произведений писателей Черкесии «Идем на пробу», изданный все в том же 1934 г.

Считаем необходимым подчеркнуть, что *адаптация* – общепринятый вид творческой деятельности и в «Литературной энциклопедии терминов и понятий» определяется как «сокращение и упрощение текста для малоподготовленного читателя, детей или в учебных целях» [15; 19]. Это толкование в «Литературном энциклопедическом словаре» дополняется следующим образом: «Чаще всего адаптируются произведения на иностранном языке, предназначенные для начального чтения. В этом случае текст обычно сокращается, упрощается синтаксис, исключаются сложные обороты, редко употребляемые слова и словосочетания заменяются или поясняются» [16; 14].

Данную оговорку мы вынуждены ввести в связи с тем, что позднее, в 1935 г., появится публикация, изобличающая Нуха Абрамовича как плагиатора [28; 3].

Как говорилось выше, подробный анализ оригинальных и адаптированных произведений начинающего писателя дан в брошюре «Нух Абрамович Озов. Судьба и творческое наследие». Здесь же воспроизведем только обобщение, вытекающее из проведенного исследования:

«Главными достоинствами фрагмента «Обманули» являются свобода изложения, реалистическая организация поступков и действий персонажей. Ситуации, авторские ремарки, реплики героев – все жизненно и правдоподобно; язык – живой и естественный. Автору удалось отразить разнообразные оттенки настроения действующих лиц, их различное отношение к происходящим событиям, речь, характерные индивидуальные черты; он сумел описать толпу не только с внешней стороны, но и проникая в ее психологию. Одним из достоинств писателя необходимо признать и то, что он мог подвести читателя к нужной ему мысли, к заложенной в произведении идее. Анализ текстов не оставляет сомнения в том, что Озов был классовым, партийным литератором, горячо отстаивавшим интересы трудящихся и социалистической революции. И, судя по всему, из него мог получиться хороший прозаик. В нем было заложено хорошее творческое начало, непредубежденное отношение к слову, свободное обращение с ним, языковое и художественное чутье. И эти качества письма проявились в самых первых его литературных опытах. (…)

Естественно, с позиции сегодняшнего дня, не принимая в расчет исторические обстоятельства начала 1930-х годов, можно свысока указывать на некоторые изъяны и недочеты начинавшего писателя, они – неизбежные издержки всякого творческого процесса, и уж тем более – относящегося ко времени возникновения, зарождения национальной литературы, когда не было вокруг ни одного примера для подражания. (Напомним, что первые рассказы Т. Табулова на абазинском языке увидели свет в том же 1934 году). Еще несколько лет спокойного творческого развития, и Озов мог предстать перед нами развившимся, зрелым писателем, но судьба его обернулась иначе» [34; 21 – 22].

Здесь необходимо сделать некоторое отступление.

Несмотря на немногочисленный состав носителей абазинского языка, он характеризуется большой диалектной дробностью: помимо двух основных довольно резко отличающихся друг от друга диалектов (тапантского и ашкарского), каждый из них включает в себя еще ряд говоров и подговоров.

А.К. Хашба указывал, что постановление Облисполкома Черкесской автономной области о создании абазинской письменности было вынесено в июле 1930 года [29; 96], но еще долго решался вопрос о том, какой из двух диалектов положить в основу абазинского литературного языка. В феврале 1932 г. областная русскоязычная газета писала по этому поводу: «Не подработан еще окончательно вопрос, какой основной будет принят в Области язык: Топантовский или Шкоровский» [17; 4].

Только в октябре 1932 г. состоялось расширенное совещание культпропа Черкесского обкома ВКП(б), на котором «при активной, высокоценной по-

мощи профессора Сердюченко, ***был разрешен вопрос об основном абазинском диалекте (тапантовский)*** и выработан ряд практических мероприятий по осуществлению решения о введении абазинской письменности» [13; 2].

По переписи 1926 года абазин в Черкесии и Карачае проживало 13 615 человек. Из них 10902 говорили на тапантском диалекте, 2713 – на ашкарском. Факт численного превосходства тапантовцев над шкароовцами (в 4 раза) предопределил выбор. И сегодня предпочтение тапантского диалекта в качестве основы для национального литературного языка представляется целесообразным и обоснованным.

25 ноября 1932 года в Баталпашинске была созвана конференция абазинских учителей с активом абазинских работников, на котором было оглашено решение Всесоюзного Центрального Комитета Нового Алфавита о введении абазинской письменности в Черкесской автономной области [13; 2].

Почему мы сочли необходимым сделать данное отступление о создании абазинской письменности? Нух Абрамович был представителем ашкарского диалекта, ратовал за то, чтобы в основу абазинского литературного языка был положен родной для него диалект. Более того, свои переводы, хрестоматии и учебники он осуществлял на своем диалекте. (Впоследствии эта позиция будет квалифицирована как преступление и найдет свое место в тексте приговора суда: «В целях задержки развития в Черкесии (…) письменности на абазинском языке протаскивали так называемый Ащуаровский диалект» [7; 19]). Но это не все. Принятый алфавит не был идеальным и требовал совершенствования. Этот вопрос подробно излагался профессором Г.П. Сердюченко в публикации «Об абазинской письменности» [24; 17 – 32]. Помимо того, еще не были решены многочисленные проблемы, связанные с практическим пользованием абазинского письма. В этой связи совершенно не случайна оговорка, допущенная Мусатовым в предисловии к учебнику Озова: «…является в то же время работой, *впервые устанавливающей систему грамматических фактов абазинского языка*. (…) *Перед автором стояли значительные трудности, т.к. и вопросы алфавита и терминологии далеко еще не разрешены*» [20; 5].

Примечательными в этом плане представляются и сетования А. Гукемухова по поводу положения черкесской и ногайской письменностей, появившихся ранее абазинской: «В наших младописьменных языках еще не выработана твердая орфография. Каждый автор, переводчик, газетный работник, учитель пишет так, как ему кажется правильным, каждый ссылается на свои доводы, доказывает свое мнение. Такая анархия в орфографии сказывается отрицательно и на поднятии производительности труда в нашей полиграфической промышленности» [12; 3]. Что же говорить об абазинской письменности, которой от роду было всего два года? Разумеется, положение здесь

складывалось еще хуже. И вот в этой обстановке неразрешенности многих элементарных языковых проблем начинается проверка переводческих и учебно-методических работ.

В Государственном архиве Ставропольского края обнаружена телеграмма, направленная в Карачаевское партийное издательство (г. Микояншахар), за подписью директора Горского научно-исследовательского института Буркина Н.Г. и заведующего лингвистическим отделом Сердюченко Г.П.: «Согласно решения Крайкома срочно вышлите Горский институт переводы материалов 17 партсъезда» [11; 21].

Такие же телеграммы были разосланы еще в три области Северо-Кавказского края, включая и Черкесию. И перевод Озова речи Сталина на 17-м съезде партии, который к тому времени был уже издан и частично распространен, выслали в Ростов, тогда – краевой центр, где и располагался Горский институт.

Следует отметить, что редактировали перевод Кужев Х.Г., зав. отделом культпропа Черкесского ВКП(б), и Меремшаов А.Х., зав. облздравотделом. Они же и дали положительную рецензию. Показателен тот факт, что за успешно выполненную работу рецензенты рекомендовали Озова закрепить за партийным издательством несмотря на то, что он был беспартийным [7; 58].

Немаловажным в данной ситуации выступает и то, что оба рецензента были природными абазинами, имели высшее образование, являлись членами ВКП(б). То есть они обладали достаточной квалификацией для того, чтобы оценить работу Озова по существу с точки зрения грамотности, соответствия оригиналу, выдержанности партийной линии. Однако в Горском институте пришли к другим выводам и проинформировали обком партии Черкесии о результатах проведенной проверки. Впоследствии рецензия и экспертное заключение Горского института, приобщенные к уголовному делу Н.А. Озова, исчезли вместе с самим «делом», но об их общем духе и направленности можно судить по отдельным фрагментам, зафиксированным в печати тех лет и в тексте приговора суда.

В этой связи небезынтересно задаться вопросом: кто выступил экспертом на краевом уровне? Из-за отсутствия соответствующих документов прямого ответа на поставленный вопрос мы не получим, но, исходя из того, что переводы изучались в Ростове, можно предположить, что абазина среди проверявших не было.

Из ученых 1930-х гг. абазинским языком владели два профессора: А.Н. Генко и Г.П. Сердюченко. Первый жил в Ленинграде, работал в Институте Востоковедения, и потому вряд ли мог быть привлечен к такой работе. Второй, как об этом говорилось выше, являлся заведующим лингвистического отдела того самого института, куда стекались переводы. Исходя из того,

что в приговоре суда дважды фигурирует его имя («Согласно заключения экспертной комиссии, рецензии Краевого Комитета Нового Алфавита и выводов профессоров-языковедов Сердюченко и Малых…» [7; 19]; «… о чем подробно изложено в рецензии и заключении профессоров-языковедов Сердюченко и др. …» [7; 20]), можно установить, что изучал работу Озова не кто иной, как Г.П. Сердюченко. И выводы его оказались не в пользу переводчика. Если вспомнить, что в свое время Сердюченко выступал за то, чтобы в основу абазинского литературного языка положить тапантский диалект, а Озов – за ашкарский, станет ясно, что вольно или невольно они оказались в оппозиции друг к другу по данному вопросу.

В другое время, скорее всего, все явные и мнимые прегрешения переводчика, тем более с учетом языковой ситуации, которую мы обрисовали выше, остались бы в плоскости чистой литературы, но История вторглась в судьбы людей и представила все в ином, зловещем свете.

1 декабря 1934 года в Ленинграде был убит С.М. Киров, член Политбюро ЦК ВКП(б), один из ближайших соратников И.В. Сталина, пользовавшийся широкой популярностью в партии. Это событие стало катализатором массовых арестов и расправ с политическими оппонентами Сталина, оно же спровоцировало резкое изменение существовавшего в то время законодательства в сторону ужесточения. Уже 4 декабря в газете «Правда» было опубликовано Постановление ЦИК СССР «О порядке ведения дел о подготовке или совершении террористических актов», 5 декабря – «О внесении изменений в действующее уголовно-процессуальные кодексы союзных республик»; 30 марта 1935 г. вышел закон о наказании членов семей изменников Родины; 7 апреля – указ, позволяющий привлекать к уголовной ответственности детей старше 12 лет; 27 мая по приказу НКВД СССР были образованы «тройки», включавшие в себя начальника УНКВД, начальника отдела милиции, прокурора. Теперь эти «тройки» могли рассматривать дела и выносить приговоры без ведома суда. Таким образом, убийство Кирова отозвалось самыми трагическими последствиями для всей страны. И первая волна арестов, прокатившихся зимой – весной 1935 г., получили название «Кировский поток». И в этой накаленной политической ситуации стало возможно оболгать, зачислить в ряды «врагов народа» по пустяковым поводам, надуманным предлогам любого человека и подвергнуть суровому наказанию. Но по странному стечению обстоятельств в сети НКВД чаще всего попадали самые лучшие, достойные, наиболее яркие и талантливые люди. Не избежал этой участи и Н.А. Озов.

Установившаяся политическая атмосфера благоприятствовала людям с низменными инстинктами, не пренебрегавшими доносами и клеветой на невинных людей. Одним из таких выступил М.И. Вередибин. Уроженец г.

Пятигорска с незаконченным средним образованием, он на заре туманной юности примыкал к группе анархистов, затем около года служил в Красной армии (1918 – 1919), после чего оказался в органах Военного трибунала (1920 – 1926). В Черкесию он попал в 1931 г., и со следующего года работал заместителем заведующего агитационно-массового отдела обкома ВКП(б), затем, имея за плечами всего 6 классов гимназии, в апреле 1934 г. стал директором Черкесского научно-исследовательского института, с 1935 по январь 1936 г. являлся заместителем редактора областной газеты «Красная Черкесия», после чего перевелся ответсекретарем Облисполкома. В октябре 1936 г. переехал обратно в Пятигорск [6; 80, 131].

Его можно считать профессиональным осведомителем. Позднее, оказавшись на скамье подсудимых (1939), он ставил себе в заслугу многочисленные «сигналы», «заявления», «показания», «докладные записки» на своих жертв, требовал приобщить к делу его переписку с управлением НКВД области на 64 листах для подтверждения своей «непрерывной борьбы с буржуазными националистами ЧАО» [6; 82], подчеркивал свою роль в «разоблачении» А.Х. Психомахова, Х. Камбиева, являвшихся один за другим председателями облисполкома, за что был премирован Черкесским НКВД карманным фотоаппаратом стоимостью в 300 руб. В то время даже поднимался вопрос о переводе Вередибина на работу в НКВД за хорошую работу [6; 92]. Этот же человек давал показания и на Озова во время следствия в 1935 г.

Деталь, возможно, незначительная: как руководитель областного научно-исследовательского института Вередибин был знаком с Сердюченко, возглавлявшим лингвистический отдел краевого НИИ. Во время суда, о котором мы только что говорили, Вередибин требовал вызвать его в качестве свидетеля для подтверждения своей «монопольной работы в разоблачении буржуазных националистов Черкесии» [6; 82]. Мы полагаем, что в конце 1934 – начале 1935 гг. он как член обкома ВКП(б) располагал результатами краевой экспертной комиссии. Не исключено, что эти же данные он мог получить от Сердюченко приватно.

Теперь попытаемся восстановить ход последующих событий в хронологической последовательности.

27 декабря 1934 г. на пленуме обкома ВКП(б) Черкесии Вередибин выступил с разоблачительной речью в адрес заведующего отделом культпропа Кужева Х.Г., заведующего областным отделом народного образования Хасанова и других. На следующий день Бюро обкома создало комиссию для расследования озвученных фактов обвинения. Тогда же Вередибин передал в обком ВКП(б) докладную записку на 64 страницах [6; 82]. Через месяц, 29 января 1935 г., заслушав сообщение комиссии, бюро обкома вынесло решение. 5

февраля оно было опубликовано на первой полосе областной газеты «Красная Черкесия» под общим заголовком «О буржуазно-националистической группе Озова и др.» Как и полагалось, под ним стояла подпись секретаря обкома ВКП(б) И.А. Кравцова, но с большой долей вероятности можно говорить о том, что текст постановления был подготовлен если не самим Вередибиным, то на основе материалов из его докладной записки. На это указывает его признание на суде: «Приобщить к делу газету «Красная Черкесия» от 5.II.35 г. для обзора суду, где было опубликовано постановление обкома ВКП(б) по вопросу моей докладной записки (на 64 листах)» [6, 82].

Воспроизведем основную часть этого документа:

«а) В аппарат Черкесского Нациздательства пролезли классово враждебные нам элементы (Озов Нух – мулла, Абуков[1] – князь), которые в свою очередь для «работы» в Нациздательстве вербовали кулацко-мульские, к-р (контрреволюционные – П.Ч.) элементы (Дышекова[2] – белый эмигрант, Табулова[3] – мулла). Эта группа на страницах нашей печати протаскивала буржуазно-националистические взгляды и путем извращения переводов на родной язык (доклада т. Сталина на 17-м съезде партии) пыталась дискредитировать политику и практику партии.

б) Особое абактивление этой буржуазно-националистической группы имело место:

1. В период введения абазинской письменности. Несмотря на то, что обкомом ВКП(б) и Центральным Комитетом Нового Алфавита был окончательно решен вопрос о введении абазинской письменности на основе тапантинского с учетом особенностей ашхаронского диалекта (…), группа Озова под видом активной защиты ашхаронского диалекта сознательно срывала введение письменности на абазинском языке, саботировала издание абазинского букваря, тем самым отрицала возможность строительства абазинской национальной по форме, социалистической по содержанию культуры.

2. В извращении доклада т. Сталина на 17-м съезде партии при переводе его на абазинский язык:

т. Сталин: «После того, как правильность политической линии партии подтверждена опытом ряда лет, а готовность рабочих и крестьян поддер-

---

[1] Абуков Халид Кучукович – член ВКП(б) с 1928 г., автор романа «На берегах Зеленчука», председатель Союза советских писателей Черкесии, делегат первого Всесоюзного съезда писателей.

[2] Дышеков Магомед Пшиканович – доцент Пятигорского пединститута, автор учебника грамматики кабардино-черкесского языка (1933) и романа «Зарево» (1934).

[3] Табулов Татлустан Закериевич – составитель первого черкесского и первого абазинского алфавитов, автор многочисленных учебников и литературных произведений на черкесском и абазинском языках, первый профессиональный литератор из абазин.

жать эту линию не вызывает больше сомнений» (доклад т. Сталина на 17-м съезде партии)

Озовым переведено:

«После того, как правильность линии партии будет подтверждена», при чем слово «готовность» совершенно выброшено.

Часть раздела о партийном контроле в докладе Сталина совершенно выпущена. Кроме этого, имеется в этом переводе ряд других грубых политических извращений. Перевод доклада т. Сталина на 17-м съезде партии, сделанный Озовым на абазинском языке издания 1934 года.

3. В оперативной работе аппарата Нациздательства:

Монополизировав в своих руках выпуск учебников и художественной литературы на национальных языках, группа Озова – Абукова бесконтрольно и преступно производила расходование государственных средств, отпускаемых для Нациздательства, выпускала в свет труды без всякой надобности…

Абуков производил оплату авторам за рукописи, которые больше года находятся в издательстве и запрещены к изданию, нарушали закон об авторском гонораре, вследствие чего отдельные автора получили из Нациздательства большую сумму средств (Абуков, Озов, Дышеков, Табулов).

4. В отделе народного образования:

использовав потерю классовой бдительности Хасанова (бывшего зав. облоно), группа Озова добилась через него изъятия из Научно-исследовательского института работ по языковому строительству и передачи этой работы частным авторам: Озову, Дышекову, Табулову и др., тем самым эта группа с помощью Хасанова добилась свертывания работы Научно-исследовательского института (ликвидация аспирантуры)…

в) Бюро обкома ВКП(б), не снимая с себя политической ответственности за несвоевременное разоблачение деятельности буржуазно-националистической группы Озова, в то же время отмечает предательскую двурушническую роль в этом деле члена Бюро обкома ВКП(б) – зав. культпропом Кужева, который категорически отрицал какую бы то ни было связь с Озовым, в то же время установлено, что Озовская группа сколотилась под покровительством Кужева, захватила всю работу Нациздательства, языкового строительства, комитета Нового Алфавита и которая получала от Кужева политическую поддержку. Кужев Хаджиби выписал Озова из Абхазии в Черкесию и устроил его для работы в Нациздательство, создал ему материально-бытовые условия, выдал Озову Н. рецензию и отзыв на перевод Озовым доклада т. Сталина на 17-м съезде партии, в которых утверждал, что в этом переводе нет «ни одной политической ошибки, что и свидетельствует о серьезном и действительно большевистском отношении Озова к переводу т. Сталина», рекомендовав «всем молодым переводчикам учиться

у Озова», рекомендовал «Озова как лучшего переводчика на работу в Нациздательство»…

Такое отношение Кужева к классово враждебным нам элементам является не случайностью, а наоборот, это подтверждает, что Кужев, скатившись в болото местного национализма, идейно сомкнулся с буржуазно-националистическими к-р элементами, избрав метод маскировки своего антипартийного поведения – двурушничество.

Для дальнейшего разоблачения и решительной борьбы с буржуазно-националистическими к-р элементами в Черкесии и для ликвидации последствий вредительской группы Озова в Нациздательстве, Бюро обкома ВКП(б) постановляет:

1. Обязать т. Мураткова[1] немедленно изъять от Озова, Абукова, Дышекова и Табулова все работы, данные им по составлению учебников и переводов, и дело на конкретных виновников и их пособников в незаконном получении государственных средств из Нациздательства – передать Облпрокуратуре для привлечения их к уголовной ответственности.
2. Образовать специальную комиссию в составе тт. Булатукова (председатель), Амирокова, Павленко, Мураткова для проверки всех работ по изданию этой группы и результаты работы этой комиссии заслушать на Бюро обкома ВКП(б).
3. За прямую помощь буржуазно-националистическим элементам и за двурушничество члена Бюро обкома ВКП(б) – зав. культпропом Кужева Хаджиби с работы в обкоме ВКП(б) снять, вывести из состава членов Пленума и Бюро обкома ВКП(б) и из рядов партии исключить.
4. За потерю классовой бдительности, за развал работы в отделе народного образования, за двурушничество и присвоение 1200 руб. государственных средств бывшего зав. облоно Хасанова вывести из состава членов Пленума обкома ВКП(б) и из рядов партии исключить, а дело о незаконном получении 1200 руб. передать Облпрокурору для привлечения к уголовной ответственности…» [18; 1].

Постановление абсолютно соответствовало духу времени не только прямолинейностью, бескомпромиссностью, но и малограмотностью, голословностью, безаппеляционностью, узколобостью. Характерными чертами его также выступают откровенный наговор, грубая подтасовка фактов, отсутствие аргументации, полное игнорирование объективных реалий, конкретной языковой ситуации, презумпции невиновности: «преступления» группы преподносились так, будто их вина была уже доказана судом.

[1] Муратков Шугаиб Титович – заведующий Национальным издательством Черкесии.

Любопытным при этом представляется следующее обстоятельство. Все начиналось с разоблачений Кужева и Хасанова, членов бюро обкома, а в постановлении основные обвинения вылились против Озова, Абукова, Дышекова, Табулова, которые неоднократно упоминались в одной связке. Эти же лица обозначаются как «эта группа» (трижды), «группа Озова – Абукова» (однажды), «озовская группа» (однажды) и «группа Озова» (пять раз). И, если вспомнить заголовок постановления «О буржуазно-националистической *группе Озова* и др.», не может не вызвать недоумения вопрос: почему главой группы был обозначен рядовой сотрудник издательства, а не, скажем, Кужев или Хасанов, члены обкома партии, не Абуков, председатель Союза писателей, не Дышеков, доцент института? Все это, на наш взгляд, указывает на то, что личность Нуха Абрамовича была незаурядной, яркой, активной, заслоняющей собой фигур, официально занимавших гораздо более солидные посты.

Переходя к частным вопросам, нашедшим свое выражение в постановлении, остановимся на тезисе о засилии аппарата областного издательства классово враждебными, контрреволюционными элементами. На допросе в качестве обвиняемого Х.Г. Кужев признавал, что издательство «действительно было насыщено соц. чуждыми элементами. Тогда в Нац. издательстве работали Озов Нух – б/ (бывший – П.Ч.) эфенди, Абуков – б/ князь, Табулов – б/ эфенди, Кячев Хамзат – из дворянской семьи. (…) Такую засоренность я считал терпимой только потому, что за отсутствием кадров не имел, кем заменить этих людей» [7; 57].

Но ведь одно дело – социальное происхождение, занятия определенным видом деятельности в далеком прошлом, совсем другое – относиться враждебно к своему народу, являться действительным контрреволюционером. Никто из членов искусственно сфабрикованной «группы Озова» к «классово враждебным элементам» не относился, никаких «буржуазно-националистических взглядов» в печати не «протаскивал», не извращал, не дискредитировал «политику и практику партии». И Кужев об этом заявлял однозначно: «Никакой к-р (контрреволюционной – П.Ч.) работы на идеологическом фронте через перечисленных лиц и лично сам я не проводил, хотя имели место в отдельных случаях в печати к-р извращения, допускаемые работниками издательства» [7; 57]. И последняя оговорка – вынужденная: просчеты и погрешности, разумеется, случались, но не сознательные контрреволюционные извращения.

Обратимся к другому фрагменту: «Группа Озова под видом активной защиты ашхаронского диалекта сознательно срывала введение письменности на абазинском языке, саботировала издание абазинского букваря, тем самым отрицала возможность строительства абазинской национальной по форме, социалистической по содержанию культуры».

Как это соотносится с деятельностью обвиняемых?

Табулов Татлустан Закериевич был носителем тапантского диалекта, выступил составителем абазинского алфавита на латинской основе, в первый год введения письменности (1933) выпустил букварь, книгу для чтения после букваря, учебник по грамматике и правописанию; в следующем, 1934 г., составил и издал еще пять букварей, учебников по языку и литературе. Он являлся ярым сторонником образования народа и в историю вошел как просветитель, основоположник абазинской литературы. Естественно, он не мог иметь никакого отношения к абсурдным обвинениям, выдвигаемым против «группы Озова».

Абуков Халид Кучукович – член ВКП(б) с 1928 г., автор романа «На берегах Зеленчука», председатель Союза советских писателей Черкесии; Дышеков Магомед Пшиканович – доцент института, автор учебника грамматики кабардино-черкесского языка (1933) и романа «Зарево» (1934). Оба по национальности черкесы, и уже по этой причине не могли быть причастны к процессам, связанным с введением абазинской письменности, изданием букваря на этом языке и «строительству» абазинской культуры.

С изданиями Нуха Абрамовича мы уже знакомы. Выше мы подчеркивали, что он был «классовым, партийным литератором, горячо отстаивавшим интересы трудящихся и социалистической революции». Вменять ему в вину то, что прозвучало в постановлении – нонсенс. Единственное, что имеет к нему отношение – приверженность к ашкарскому диалекту. Но это общественная позиция, а не преступление.

Вторым пунктом в постановлении шел вопрос об «извращении» Озовым доклада Сталина на 17-м съезде партии при его переводе на абазинский язык. К нему мы вернемся позже, а пока перейдем к другим обвинениям: о монополизации выпуска литературы группой Озова – Абукова, бесконтрольном расходовании государственных средств, издании запрещенных книг…

На тот момент заведующим областного издательства являлся Ш.Т. Муратков. Ранее, с 1932 г., эту должность занимал Х.К. Абуков, но он категорически отрицал свою причастность к расхищению средств: «Бесконтрольно денег из Нац. издательства я лично не получал и не выдавал». Правда, тут же он уличал в этом других: «Мне известно, что бесконтрольное получение денег были со стороны Дышекова Магомеда, Озова Нуха и др., но в какой они сумме получили, я сейчас не могу сказать, не помню» [7; 68].

Озов и Дышеков являлись сотрудниками издательства, но не имели доступа к распределению средств. Помимо заработной платы, они получали гонорар за подготовку и выпуск литературно-художественных и учебно-методических изданий по договору согласно существовавшим тогда расценкам, и расхитителями выступать они никак не могли.

По поводу запрещенных изданий следует заметить, что таковых на тот момент не было вообще. В этом плане показательны ответы М. Дышекова на вопросы следователя:

– Известно ли Вам об изъятии книги «На берегах Зеленчука», автором которой был Абуков?

– Да, известно, что *по унификации алфавита эта книга подлежала или переизданию, или окончательно быть выбракованной таким образом и изъятой из обращения*…

– По каким мотивам была изъята из обращения написанная Вами книга – роман «Зарево» и учебник грамматики кабардино-черкесского языка?

– Мне об этом неизвестно. Я знаю, что *до моего ареста литературный труд, роман «Зарево» и учебник не были изъяты из обращения*… По Черкесии о выбракованных в виду искажения учебников, брошюр и др. литературных трудов мне известно не было, и вообще *я не знаю о том, чей учебник или книга были изъяты и выбракованы по мотивам идеологического искажения*» [7; 42].

В этом плане заслуживает внимания и заявление Абукова: «*В части издания литературных к-р произведений мне неизвестно*» [7; 68].

Дышеков и Абуков являлись членами Союза писателей СССР, последний, как упоминалось об этом выше, был председателем Союза писателей Черкесии. И, уж если они не знали о существовании запрещенных книг, должно быть, их и не было на самом деле. Другое дело, что уже после ареста и осуждения Абукова, Дышекова, Озова их художественные и учебно-методические издания действительно были запрещены и изъяты [7; 39]. Но ведь это произошло потом, а не до постановления.

Указание же на то, что эти авторы якобы «выпускали в свет труды без всякой надобности» полностью остается на совести составителя документа: это его видение, его желание представить ситуацию именно в таком свете. Но данное утверждение никакого отношения к объективному положению дел не имеет.

Не менее абсурдным выступает пункт об «изъятии» группой Озова «работ по языковому строительству» и передаче их «частным авторам», «свертывании работы Научно-исследовательского института». Во-первых, и Озов, и Абуков, и Дышеков, и Табулов находились на государственной службе и никак не могли представлять собой частных авторов. К тому же Т.З. Табулов работал в самом НИИ. Во-вторых, добиться свертывания работ института они тоже не могли в виду отсутствия у них каких бы то ни было мотивов и соответствующих полномочий.

Научно-исследовательский институт в Черкесии был образован в апреле 1932 г. По инициативе заместителя секретаря обкома ВКП(б) Булатукова в октябре 1933 г. в институте были открыты курсы аспирантов. Решение об этом

принималось на бюро обкома задним числом, 16 ноября 1933 г. По данному вопросу выступал М.И. Вередибин, после чего постановили утвердить список аспирантов с отрывом от производства (6 человек), без отрыва от производства (19 человек, в их числе сам Вередибин и Табулов), определить начало занятий с 10 октября 1933 г., обеспечить курсы помещением, учебными пособиями, программами, выделить из особого фонда снабжение для приезжающего в Черкесию профессорско-лекторского состава [8; 179].

О дальнейшей судьбе аспирантуры Вередибин на суде повествовал так: «… Я их ровно через месяц разогнал со дня моего поступления на работу штатным директором Института научно-исследовательского 20/V.35[1] г., за что на меня из-за этих аспирантов создавали судебное дело» [6; 122].

Действительно, 20 мая 1934 г. по Черкесскому научно-исследовательскому институту вышел приказ следующего содержания:

«В связи с сокращением краем ассигнований ЧНИИ на 1934 г. с 95 т. рублей до 20 т. рублей и учитывая, что за истекший период времени ассигнованные 20 т. рублей уже использованы, вследствие чего Институт лишен возможности для дальнейшего своего существования:

1. Ликвидировать с 21 мая аспирантуру Института и с этого числа прекратить оплату стипендии аспирантам Института <…>, передав последних в распоряжение обкома ВКП(б) с 21 мая…» [8; 172].

Как свидетельствуют документы, аспирантура была закрыта по объективным причинам и по личному распоряжению Вередибина. Гнусность последнего заключалась в том, что содеянное им самим он переложил на плечи Озова и его товарищей, преподнося этот факт как антисоветскую вылазку.

Гнусность Вередибина в данном случае выражалась в том, что ответственность за им самим содеянное он переложил на плечи Озова и его товарищей, преподнося этот факт как антисоветскую вылазку. (В скобках заметим, что аспирантура открывается исключительно только при наличии в институте доктора наук и ведется под его научным руководством. В этом смысле закрытие курсов аспирантуры можно считать вполне обоснованным, так как без соответствующего научного сопровождения они выступали голой фикцией).

Высший цинизм власти сказывался в том, что классово враждебными элементами, контрреволюционерами, буржуазными националистами, сознательно срывавшими введение письменности, отрицавшими возможность строительства культуры объявлялись как раз те, кто своим умом и талантом способствовал зарождению письменности, верой и правдой служил просвещению народа, становлению национальной литературы и культуры.

---

[1] Год указан не верно, должно быть 1934-й.

Как развивались события далее?

М.И. Вередибин свидетельствовал: «После чистки партии и разоблачения на пленуме озовской группы в Москву ездили Нарик Джегутанов и Психомахов Али. Возвратившись из Москвы, Джегутанов заявил: «Вот теперь попадет областному руководству».

Вслед за этой поездкой в Москву уже после своего разоблачения ездил Озов Нух, который, возвратившись в Черкесию, распространялся: «Теперь кое-кто в области полетит. В Черкесию выезжает специальная правительственная комиссия» [7; 44].

Неизвестно, посетила названная комиссия область или нет, но на месте сложа руки не сидели, работали на упреждение, тем более, что постановление давало для того все основания: «Дело на конкретных виновников и их пособников в незаконном получении государственных средств из Нациздательства – передать Облпрокуратуре для привлечения их к уголовной ответственности» [18; 1].

Ханищ Пашевна, жена Нуха Абрамовича, вспоминала: «10 мая 1935 г. я с мужем приехали в а. Апсуа к родителям мужа… Пришел начальник РОВД Сухоев с четырьмя милиционерами и сказали мужу: «Вы арестованы», и на моих глазах и глазах 3-летней Розы и 7-летней Раи увезли моего мужа» [7; 4 – 5].

Дом и все имущество вплоть до ложек и вилок было конфисковано. Ханищ Пашевна с двумя малолетними дочерьми в буквальном смысле оказалась на улице. Когда их выводили из дома, старшая девочка прихватила куклу. Отобрали и ее, кинули в линейку. Затем во дворе были сожжены выпущенные Озовым учебники и множество рукописей [34; 28]…

Арестовали Нуха Абрамовича «за вредительство в литературе» сотрудники областной прокуратуры [7; 39], содержался в Черкесской тюрьме. Во время следствия по указанию зам. прокурора области Дукарева, затем отношением, подписанным начальником УНКВД Страшевским, Озова «перечисляли содержанием под стражей» то за областным УНКВД, то за прокуратурой [7; 15].

Следствие еще шло, когда в центральной газете «Правда» была опубликована зловещая статья Д. Котлярского «Под покровом перевода». Воспроизведем из нее фрагменты, относящиеся к Н.А. Озову:

«На абазинский язык доклад товарища Сталина на XVII партийном съезде переводил некий Озов Нух. Комиссия Черкесского обкома ВКП(б) в составе Кужева и Меремшаова одобрила работу Озова Нуха. Между тем при переводе пропущено много фраз и отдельных слов. Озов Нух так извратил важнейший исторический документ, что многие товарищи, прекрасно знающие абазинский язык, ничего не могут понять» [14].

Если бы статья в «Правде» ограничилась только констатацией ошибок (даже и таких абсурдных), наверно, можно было бы избежать трагические

последствия. Но Котлярский не остановился на этом. Ему показалось мало нагроможденной тенденциозной лжи, и он перешел на личности, ставя вопрос самым кардинальным образом: «Кому же в <…> Черкесии доверили переводы важнейших партийно-политических документов и учебников? Озов Нух – этот монопольный переводчик Черкесского издательства – бывший мулла, махровый националист. Последние годы он подвизается в роли переводчика и политредактора…» [14].

«Бывший мулла», «махровый националист» – политические ярлыки, звучавшие в то время как приговор. Вся статья представляла собой открытый, злобный наговор. Ситуация обрела абсурдный характер не только вследствие игнорирования неких прописных истин, но самим фактом обвинения Озова в тех грехах, в которых он не был повинен вообще. Дух и лексика статьи не оставляли сомнения в том, что судьба Нуха Абрамовича уже предрешена.

Через пять дней областная русскоязычная газета «Красная Черкесия» отреагировала на публикацию в центральной печати и вышла с передовицей, занимавшей первые две колонки первой страницы: «Озовщине положить конец». В ней словосочетание «контрреволюционная озовщина» встречалась трижды, «буржуазно-националистическая группа Озова» – дважды, «контрреволюционная националистическая группа Озова» – однажды, еще по одному разу – «классово-враждебный элемент», «контрреволюционные элементы», «пособники-двурушники», «предатели интересов партии»… Статья насквозь была пропитана пролетарским гневом и открыто призывала «решительно выкорчевывать и убирать с дороги», «положить конец» подобным явлениям [21; 1].

Но это было не все. Целый разворот номера этой же газеты – вторая и третья страницы – вышли под общим заголовком, растянувшемся на две полосы: «Повысить большевистскую бдительность», и ниже буквами помельче – «До конца разгромить классово-враждебные элементы на фронте культурного строительства». И далее следовали перепечатка статьи Д. Котлярского «Под покровом перевода» и анонимная статья «Халтура продолжает гулять»[1], развивающая тезисы правдинской публикации. Да и в других заметках, напрямую с Озовым не связанных («Переводную литературу под критику масс», «Кто поможет мне издать мое произведение»), возвращались к ярлыкам Котлярского, и они не только не подвергались сомнению, а утверждались как бесспорный факт.

---

[1] Статья не подписана, но автором ее являлся М.И. Вередибин. Во время следствия он указывал: «Более подробно мною дана оценка в статье, помещенной на столбцах газеты «Красная Черкесия», вырезку из газеты при сем прилагаю под заглавием «Халтура продолжает гулять» [7; 46].

Эти публикации еще больше подогревали страсти, оказывали давление на следствие, так как громогласно провозглашали преступность действий Озова еще до вынесения судебного вердикта.

Ситуация усугубилась тем, что органы НКВД области вскрыли в Черкесии мифическую «контрреволюционную повстанческую националистическую организацию», и дело Озова было увязано с ней, вследствие чего оно приобрело еще более устрашающий характер.

Тем временем за положительный отзыв о переводе Озова 9 сентября 1935 г. был арестован и привлечен к уголовной ответственности А.Х. Меремшаов. И перед судом они предстали вместе. Судебное заседание проходило в закрытом порядке и длилось три дня: с 9 по 11 ноября 1935 г. На третий день был вынесено решение. Воспроизводим документ с незначительным сокращением:

П Р И Г О В О Р
/по д. № 255/35 г./

И М Е Н Е М Р С Ф С Р

1935 года Ноября 9, 10 и 11-го дня в гор. Сулимове ЧАО Областной суд <…>, рассмотрев в закрытом судебном заседании дело № 255/35 г. по обвинению:

1. ОЗОВА Нуха Абрамовича, 35 лет, грамотного, беспартийного, не судимого, в Армиях не служившего, по национальности абазинца, по соц. положению служащего, по профессии учителя, раньше, в 1919 по 1922 г. был эфенди в а. Апсуа, происходящего из крестьян-середняков, уроженца а. Апсуа, Кувинского района, ЧАО.

2. МЕРЕМШАОВА Айса Хусиновича, 29 лет, грамотного, окончил СПШ и Ком Вуз в 1933 г., быв. члена ВКП(б) с 1928 года, исключен в 1935 году, сейчас беспартийного, ранее не судимого, служившего в Красной Армии с 1926 по 1927 год, по национальности абазинца, по соц. положению служащего, происходит из крестьян, из кулацкой семьи, уроженца аула Эльбурган, Хабезского района, ЧАО, –

в совершенных преступлениях, предусмотренных в отношении обоих ст.ст. 58-2-10 и 11 УК РСФСР.

Судебным следствием Судколлегия Облсуда установила, что в 1934 году в Черкессии была вскрыта к-рев. повстанческая националистическая организация, в которую входили б. Председ. Черкесс. Облик. ПСИХОМАХОВ, б. н-к Облзу ДЫШЕКОВ, быв. нач. Облмилиции ДЫШЕКОВ, б. директор совхоза ДЖЕГУТАНОВ, б. директор МТС КАРДАНОВ и др., которые ставили своей це-

лью свержение Советской Власти и восстановление старого строя, при чем одним из идейных руководителей этой к-р организации является работник Черкесского Нациздательства ДЫШЕКОВ Магомет, и которые за проводимую ими к-революционную деятельность в конце октября с.г. осуждены Спецколлегией Сев. Кав. Крайсуда.

Под идейным руководством того же ДЫШЕКОВА Магомета в Черкесском Нациздательстве, которое в 1933 и 1934 году по существу являлось финансовой базой указанной повстанческой организации, была организована националистическая группа в лице подсудимых по данному делу ОЗОВА Нуха, МЕРЕМШАОВА Айсы, равно скрывшегося от суда бывш. зав. культпропа Обкома КУЖЕВА Хаджиби и др.

Если к-р повстанческая организация ПСИХОМАХОВА, ДЫШЕКОВА и др. проводила свою вредительскую работу в области экономического строительства и развития Черкессии, то националистическая группа в Нациздательстве ОЗОВА и др., будучи тесно связана с повстанческой организацией ПСИХОМАХОВА, под идейным руководством ДЫШЕКОВА Магомета, проводили свою вредительскую работу на кулацком фронте, проводя яркий национализм и политические извращения, как в спускаемых Нациздательством на абазинском языке переводах, политических брошюрах и книгах, так и в издаваемых на местном национальном языке учебниках и художественной литературы.

Подсудимый ОЗОВ Нух, являясь членом указанной националистической группы, вместе с КУЖЕВЫМ Хаджиби и др., в целях задержки развития в Черкессии национального по форме и социалистического по содержанию культуры и письменности на абазинском языке протаскивали так называемый Ащуаровский диалект, являвшийся меньшинством языка населения Черкессии, но сходный с диалектом Абхазии и, всячески противодействуя развитию так называемого тапантинского диалекта, являющегося языком большинства населения Черкесии.

В то же время к-р националистическая группа ОЗОВА, КУЖЕВА и др. в целях вербовки в свою организацию среди местных национальностей Черкессии проводили контрреволюционную агитацию, направленную к тому, что «в Черкессии засилие русских», что «лучшие люди из националов Черкессии, в том числе абазинцы выживаются и их затирают», что «необходимо заменить руководство национальным» и т. д., одновременно организовали вокруг себя в нациздательстве людей из числа выходцев из соц. чуждой среды, как то, ТАБУЛОВ, быв. эфенди; АБУКОВ быв. князь; ПАЗОВ Яхья, быв. эфенди, сейчас осужден как член повстанческой к-р организации и др., завербовав в 1934 году в число своей организации подсудимого МЕРЕМШАОВА, КЯЧЕВА, которые признали свое участие в этой организации и др.

Вредительство на культурном фронте и протаскивание своей к-р националистической политики группой ОЗОВА, КУЖЕВА и др. выражалось в политических извращениях политики партии при переводе на абазинский язык таких политических документов, как доклад тов. Сталина на 17 съезде ВКП(б), речь тов. Сталина на I-м Всесоюзном съезде колхозников-ударников, речь тов. Кагановича «о чистке партии» на Московском горпартактиве, доклад тов. Молотова на Пленуме Моссовета к 16 годовщине Октябрьской Революции, доклад тов. Коссиора на Пленуме ЦК ВКП(б) в октябре 1933 года «Об итогах и ближайших задачах национальной политики на Украине».

Так, согласно заключения экспертной комиссии /л.д. 220/, рецензии Краевого Комитета Нового Алфавита /л.д. 235 – 245/ и выводов профессоров-языковедов СЕРДЮЧЕНКО и МАЛЫХ /л.д. 52 – 59/, при переводах Черкесским Нациздательством на абазинский язык указанных выше политических документов, ОЗОВЫМ, КУЖЕВЫМ, КЯЧЕВЫМ и др. вводились слова, совершенно непонятные для местного населения и к тому же политически искажающие смысл переводимого, советские и интернационалистские слова, которые при переводе совершенно искажали смысл и содержание переводимого, и помимо того, отдельные фразы были так переведены, что они представляли политику партии в абсолютно недопустимых политических искажениях.

Наиболее яркие извращения были допущены при переводе подсудимым ОЗОВЫМ Нухом, ответредакторе КУЖЕВЕ и рецензии подсудимого МЕРЕМШАОВА и КУЖЕВА на абазинский язык доклада тов. Сталина на 17 съезде ВКП(б). Здесь отдельные термины передаются так: кризис – как «сильное ухудшение»; бюрократ – как «человек, считающий себя выше других»; интерес – как «ценность»; отчет – как «счет»; компас – как «дом бога»; аплодисменты – как «битие по щекам» и т.д.

Перевод доклада тов. Сталина переведен таким образом, что подвергается сомнению политика нашей партии. Так, слова тов. Сталина, что «после того, как правильность политической линии подтверждена на опыте ряда лет, готовность рабочих и крестьян поддержать эту линию не вызывает больше сомнений» (ст. 49) подсудимый ОЗОВ перевел так: «что если политическая линия партии будет подтверждена, то рабочие и крестьяне эту линию поддержат» (ст. 60 перевода).

Или дальше, слова тов. Сталина, что «артель удачно приспособляет личные бытовые интересы к общественном интересам, облегчая тем самым воспитание вчерашних единоличников в духе коллективизма» подсудимый ОЗОВ, выбрасывая слова «артель» и «коллективизм», переводит, что «личные ценности и общественные ценности точно совпадают, и к этому приучается вчерашний единоличник». В этом же докладе тов. Сталина при переводе на абазинский язык подсудимым ОЗОВЫМ допущены не только про-

пуски отдельных слов, но выпущен целый абзац об организации комиссии партконтроля, не помещена резолюция 17 съезда ВКП(б) по докладу тов. Сталина и, кроме того, преуменьшены приводимые в докладе тов. Сталина цифровые сведения, показывающие развитие хозяйственной и культурной мощи СССР.

Несмотря на такие извращения, подсудимый МЕРЕМШАОВ совместно с редактировавшим эту книгу КУЖЕВЫМ дали хорошую рецензию и положительный отзыв о работе ОЗОВА (л.д. 4), и за это ОЗОВУ за перевод уплачено 810 руб., за рецензию 120 руб. и типографские расходы по печатанию книги 903 руб. 1833 руб. (л.д. 105). <…>

Такие же абсолютно недопустимые политические извращения были допущены при переводах КЯЧЕВЫМ и подтверждены ОЗОВЫМ Нухом доклады тов. Молотова и тов. Кагановича и при переводе ОЗОВЫМ Нухом и при его же редактировании доклады тов. Коссиора, о чем подробно изложено в рецензии и заключении профессоров-языковедов Сердюченко и др. (л.д. 52, 220).

Судебным следствием установлено, что подсудимой ОЗОВ Нух получил из Черкесского Нациздательства на свои негодные работы и переводы, которые не вышли из печати, 4986 руб., за не представленные рукописи 1099 руб., а всего незаконно получил 6085 руб., а кроме того в сентябре 1934 года мошенническим путем получил по чеку Нациздательства в Госбанке зарплату для рабочих в сумме 1000 руб., но эти деньги обратно в кассу Нациздательства не сдал.

Кроме того, подсудимый ОЗОВ Нух выпустил в свет через Черкесское Нациздательство под его авторством четыре азбуки, в которых также проводил свою к-р националистическую политику. Так, в предисловии к грамматике 4-го года обучения ОЗОВ Нух пишет, что «в Советском Союзе народ еще не знает, что для него плохо и что хорошо, народ сейчас еще верит единственно в волю бога» (л.д. 58), и в этих же учебниках 3 – 4 года обучения ОЗОВ говорит, что «все колхозники работают как-нибудь, между прочим, и что ни у кого из них нет охоты поднять свою работу». За эту негодную работу ОЗОВ получил из Нациздательства 1815 руб. и выпуск этих книг обошелся всего 3212 руб. 50 коп., и эти книги, как и другие переводы ОЗОВА были изъяты и конфискованы (л.д. 99).

На основании изложенного Судколлегия Облсуда признает ОЗОВА Нуха виновным в том, что он, являясь членом к-р националистической группы в Черкесии, проводил агитацию и пропаганду в интересах своей к-р организации и, вербуя в эту организацию, используя национальные предрассудки трудящихся масс Черкесии и, кроме того, в тех же целях производил переводы и редактирование на абазинском языке с политическим извращением политических документов, что предусмотрено ст. 58-10 ч. 2 и 58-11 УК.

МЕРЕМШАОВА Айсу суд признает виновным в том, что он, будучи вовлечен в состав к-р националистической организации Черкесии, в интересах этой организации дал положительный отзыв и рецензии на выпуск политически вредного перевода ОЗОВА на абазинском языке доклада тов. Сталина, тем самым способствовал проведению в контрреволюционных целях группой ОЗОВА и других к-р агитации через печать, что и предусмотрено ст. 58-10 ч. 1 и 58-11 УК.

Поэтому Судколлегия Облсуда П Р И Г О В О Р И Л А:

ОЗОВА Нуха Абрамовича на основании ст.ст. 58-11 и 10 ч. 2 УК подвергнуть лишению свободы сроком на десять лет в ИТЛ с 10.5.35 г. с конфискацией всего имущества.

МЕРЕМШАОВА Айсу Хусиновича на основании ст. 58-11 и 10 ч. 1 УК подвергнуть лишению свободы в ИТЛ на пять лет с 10.9.35 г.

В порядке удовлетворения причиненных убытков Черкесскому Нациздательству взыскать с ОЗОВА восемь тысяч четыреста шестьдесят четыре руб. (8464 руб.) и, кроме того, с ОЗОВА и МЕРЕМШАОВА за их солидарной ответственностью 1833 руб. (тысяча восемьсот тридцать три руб.) [7; 18 – 21].

Итак, все обвинения, выдвигавшиеся против Озова в постановлении обкома ВКП(б) Черкесии и публикации Котлярского, нашли свое полное и расширенное выражение в приговоре суда. И ключевыми словами в нем выступили «политические искажения» и «политические извращения», многократно повторявшиеся в тексте документа. Назрела необходимость разобраться, так это было на самом деле или нет.

Так как «наиболее яркие извращения», по мнению судей, Озовым были допущены при переводе речи Сталина на 17-м съезде ВКП(б), попытаемся на примере анализа абазинской версии доклада выяснить обоснованность предъявленных обвинений.

Съезд прошел в период с 26 января по 10 февраля 1934 года. Рукопись переводного доклада Озов сдал в партийное издательство Черкесии 14 марта 1934 г., и спустя почти месяц (11 апреля 1934 г.) 83-страничная брошюра «И. Сталин. Отчетный доклад 17 съезду партии о работе ЦК ВКП(б)» на абазинском языке вышла из печати. Даты позволяют установить, что на довольно объемную и очень ответственную работу Озову было отпущено не более двух месяцев. Немаловажно отметить и то, что перевод осуществлялся в то время, когда абазинской письменности от роду было всего один год и два месяца, вследствие чего не был разработан еще литературный язык и связанные с ним нормы; даже в зачаточном состоянии не успели проявиться функциональные стили, выработаться правила правописания, вследствие чего в орфографии царила анархия...

В связи с этим следует недвусмысленно заявить: обязывать представителей национального языка, находившегося в таком состоянии, переводить столь серьезные партийные документы являлось не чем иным, как политической авантюрой, а проверять и тем более судить переводчиков за неизбежные при этом ошибки и недочеты – преступление!

Обратимся к переводному тексту и начнем с наблюдений общего плана.

В первую очередь обращает на себя внимание наличие большого количества интернациональных слов, общественной, политической, экономической, сельскохозяйственной терминологии. Вследствие того, что они еще не успели прижиться на национальной почве[1], их приходилось воспроизводить в свойственной им в русском языке форме: буржуазия, капитализм, социализм, кинотеатр, корреспондент, тираж газет, тракторный парк, реконструкция, инфляция… Обладая изрядным творческим потенциалом, Озов не мог довольствоваться механическим переписыванием заимствованных слов, он старался хотя бы отчасти придать им национальную окраску, в результате чего выходило: апродуктемапсахра (продуктообмен), нефтьгIацIхырта (нефтедобывающая отрасль), аметаллчвепшквам (цветная металлургия), арачва кокс (коксующий уголь), акалхоз апхъагылагIв (председатель колхоза), наука-елыргара институт (научно-исследовательский институт) и т. д. Но нередко ему удавалось создавать и полные терминологические кальки на национальном языке: безработица – анхартадара, общественное питание – ауагIа чартаква, экономика – бзахара млыкв, народное хозяйство – хIажвлара млыкв, животноводство – арахврхIара, поголовье скота – арахв хъа пхьадзара, хлопчато-бумажная отрасль – бамби-швъабыгъьлыцIква рчпарта, высшее учебное заведение – апхьарта хъадзаква, реорганизационный период – кIашвара гIамта, единолично-крестьянский сектор – ахъазачIв нхагIвква ргвып…

В этом ряду отдельной строкой выделим новообразование, связанное с термином «паразитические классы» – «агIвыманхашафачва классква». Обратный перевод: «класс *поедателей чужого заработка*». Безусловно, нужно было обладать немалой изобретательностью ума, чтобы придумать такое!

Перевод простых, незамысловатых фраз, нужно полагать, не вызывал у Озова особого труда. Неплохо справлялся он и с задачами, когда нужно было адекватно перекладывать и образные выражения: «В нашей все

---

[1] Терминология на национальном языке как раз и разрабатывалась в ходе подобных переводов. В следственных материалах упоминается подготовленный Н.А. Озовым и изъятый во время ареста словарь общественно-политических терминов. Вероятно, это был рукописный вариант, так как само издание словаря в то время не состоялось. Первый «Русско-абазинский словарь общественно-политической терминологии» увидел свет лишь в 1983 г., спустя почти полвека.

еще *молодой в техническом отношении* стране» – «*Техника уысла ужвыгьи йшlаркlву* хlкъральыгlва» [27; 28]; «Промышленность наша *развивается на здоровой основе*» – «ХIпромышлена *атлапса згlвада йыквта аштшецlнахуа*» [27; 29]; «Промышленность *будет хромать на обе ноги*» – «Апромышлена *гlвщапlыкlла йтлачалуштl*» [27;32] …

Случалось, что не находя точного национального эквивалента, Озов несколько видоизменял фразу, но смысл при этом сохранял неизменным: «Советское крестьянство окончательно *отчалило от берегов* капитализма» – «Асавет нхачва акапитализм *апсыхlваква* ецапш рымахымкlва *йкlарпсатl*» [27; 38]. Обратный перевод: «Советские крестьяне без оглядки *покинули долины* капитализма». Как видим, «берега» были заменены «долинами», глагол с морской семантикой «отчалило» – на упрощенный вариант «покинули», но суть фразы осталась той же.

Без особых смысловых потерь удавалось Озову воспроизводить и специфические фразеологизмы, не привычные для национального уха: «Мы, большевики, должны все время *держать порох сухим*» – «ХIара, абальшавикква, зкьынгьи хlызпшlагылта *ахыхъвшв бахта йззахlкlзара хlборчу*» [27; 58]; «Работает ли аппарат честно и по-большевистски или *вертится на холостом ходу?*» – «Бальшавикрала, гвыцкьарала йынхума аппарат, йа *ахъаз йъагылу йхъынхlвгlвацума?*» [27; 77]. (Так как в абазинском языке нет понятия «холостой», переводчику пришлось передать его смысл иным образом: «*вращается, стоя на одном месте*»).

Приведем еще несколько примеров устойчивых выражений, не отягощая их контекстом: «могут развинтить все дело» – «ауыс емцlкlылдырпlлахрата рылшуштl» [27;79]; «станет ясней ясного» – «абергьльы ацкlыс рыцlа йбергьльыхта» [27;38]; «результат вывиха ума» – «рхъа ракъыль тзырпаз» [27;52]; «положить под сукно» – «остольквпса йыцlаргвауамцара» [27;73]; «набили руку» – «рнапlы дырчвытl» [26;73] (обратный перевод: «наполнили руку»)...

Последний пример мы привели для того, чтобы показать: не все у Озова получалось как должно, и тому чаще всего выступали не субъективно-авторские, а объективные причины: в абазинском языке есть слово «бить», но переправить его в значении «набить» нельзя.

Не все можно признать безусловно удачным и в области терминологии. Так, например, вместо «транспорт» Озов почему-то предпочитал пользоваться словом «дорога» («мгlва»): «железнодорожный транспорт» – «айхамгlва» (железная дорога), «водный транспорт» – «дзымгlва» [27;55] (водная дорога)… Представляется, что в таких случаях было бы уместно и даже необходимо использование самого русского слова «транспорт». И такие недочеты (в данном случае авторские) можно считать естественными: не мог один человек охватить всё и вся одновременно, разом решить все языковые проблемы

через год после создания алфавита. Озов был просто талантливым человеком, но не ходячей энциклопедией. И удивляться следует не тому, что у него что-то не выходило, а тому, – как много ему удавалось!

Возьмем другой пример: «свистопляска» – «ашвшвракIвашара» [27; 18]. Великолепный неологизм! Уверен, что каждый мало-мальски обладающий языковым чутьем абазин оценит его по достоинству! Такие находки, несомненно, должны были обогащать национальный язык, но, как мы знаем, данная работа наряду с другими изданиями Озова была изъята и уничтожена, сохранились лишь единичные экземпляры в центральных библиотеках. И за все последующие годы ни один из абазинских литераторов не пересоздал это слово.

Озов не оставался равнодушным к особенностям речи вождя, старался передавать характерные нюансы. Так, фразу «Но этого мало, слишком мало для нас, для нашей экономики» можно было бы упростить, сохранив лишь общий смысл: этого слишком мало для нашей экономики. Озов же ощутил и адекватно передал элемент градации, присущий сталинскому тексту: «Ауаса ауи мачIпI, ймачIдзапI хIара хIыхъаз, хIбзахара млыкв ахъаз» [27; 55]. Он оставался точным и в передаче повторов одних и тех же речевых конструкций, типичных для стиля Сталина: «*Нам нужна теперь* не инспекция, а проверка исполнения решений центра, – *нам нужен теперь* контроль над исполнением решений центра. *Нам нужна теперь* такая организация…» – «*Ужвы хIара йахIтахъу* гьинспекциям, ацентр рунашва-хIвахьа ашырзачIаквахьу айлыргара акIвпI, – *хIара йахIтахъу* ацентр рунашва-хIвахьа арзачIара аконтроль акIвпI. *ХIара йахIтахъу* ари апш организация…» [27; 77 – 78].

Проведенный анализ общего уровня перевода подводит нас к мысли о том, что выполнен он не формально, не бездумно, а серьезно, творчески, со знанием дела, добротно и добросовестно, с сохранением общего и частных особенностей стиля. Об основательности подхода свидетельствует и тот факт, что в тексте переводного доклада приводилось около 30 сносок, в которых объяснялись значения наиболее трудных слов: валюта, депрессия, демпинг, картель, кредит, колония, монополия, пацифизм, реванш и многое другое. Желая продемонстрировать потенциальные возможности только что народившейся письменности, Озов порой находил довольно удачные новообразования. Если же в иных случаях ему приходилось жертвовать формой высказывания, то содержание он всегда оставлял тождественным оригиналу. Проявлялись определенные недостатки, вызванные субъективными факторами, но чаще всего они объяснялись причинами объективного свойства. В целом можно констатировать, что оба текста – оригинальный и переводной – адекватны друг другу, все наиболее важные и не столь принципиальные положения речи Сталина на абазинском языке воспроизведены верно. И

в связи с этим нужно заявить однозначно: центральный тезис приговора, что «доклад тов. Сталина переведен таким образом, что подвергается сомнению политика нашей партии» не соответствует действительности. Также неправомерно и абсолютное большинство частных претензий, предъявленных к переводу.

1. Вспомним, что еще Котлярским Озову инкриминировалось то, что последний при переводе исключил «много фраз и отдельных слов». И в приговоре, в перечне политических прегрешений Озова, этот пункт тоже присутствовал: «пропуски отдельных слов». Необходимо заметить, что тут игнорируются важнейшие принципы перевода, когда на другой язык нужно перелагать не буквально каждое слово и выражение оригинала, а их смысл и значение. И сокращение фраз и слов не могут являться нарушением, а уж тем более обвинением, если при этом общее содержание и дух текста представлены верно.

2. В тексте приговора приводился конкретный пример, который призван был уличить Озова по данному принципу: «Слова тов. Сталина, что «артель удачно приспособляет личные бытовые интересы к общественным интересам, облегчая тем самым воспитание вчерашних единоличников в духе коллективизма» подсудимый ОЗОВ, выбрасывая слова «артель» и «коллективизм», переводит, что «личные ценности и общественные ценности точно совпадают, и к этому приучается вчерашний единоличник».

Чтобы все встало на свои места, воспроизведем цитату не частично, а целиком: «Возьмем, далее, вопрос о сельскохозяйственной артели и сельскохозяйственной коммуне. Теперь все признают, что артель является при нынешних условиях единственно правильной формой колхозного движения. И это вполне понятно: а) артель правильно сочетает личные, бытовые интересы колхозников с их общественными интересами, б) артель удачно приспособляет личные, бытовые интересы – к общественным интересам, облегчая тем самым воспитание вчерашних единоличников в духе коллективизма» [26; 351].

А вот перевод на абазинский язык: «Акыт мылькв артели акыт мылькв коммуни руыс гIахIахвпI. Йахьчlва ргIапсщата йаъаквула акалхоз щаквыргылщаква йрегъьа гачlвыкlыу аъартели ашакlу шкыту ецнарахвтI. Йаргьи нахъата елкIагIапI: а) акалхозникква дасу зхъата йчlву унагIва бзахара харзыната йрымаквуи аъартель таразта ецнащтийитI; б) зхъата рчlву аунагIва бзахара харзынакви ажвлара йырзелу ахарзынакви къвлета еквнаршвитI йара ауила йацы йхъазачlвбзахагIвквазгьи айцыбзара ргвы йаланажьлитI, ауи йазнабжьитI» [27; 60].

И вот еще обратный перевод с абазинского: «Возьмем вопрос сельскохозяйственной артели и сельскохозяйственной коммуны. Сегодня всеми

признано, что лучшей формой организации колхоза является артель. И это вполне понятно: а) артель правильно сочетает имеющиеся у колхозников личные, бытовые и общественные ценности; б) удачно приспосабливает личные, бытовые ценности к общественным ценностям, и тем самым склоняет сердца вчерашних единоличников, приучает их к совместной жизни».

Простое сопоставление убеждает, что оба текста совпадают по содержанию. В чем разница? 1. Сталин в одной фразе слово «артель» употребил 4 раза. Из них Озов обошелся без последнего упоминания, но по контексту ясно, что речь идет именно об артели. Поэтому данный пропуск никакого смыслового нарушения (а тем более – искажения или извращения) не влечет. 2. Слово «коллективизм» именно в такой форме во фразе отсутствует, но это компенсируется словосочетанием «совместная жизнь». 3. У абазин нет слова, которое точно передавало бы значение русского слова «интерес», и потому переводчику пришлось подобрать наиболее подходящее по смыслу национальное слово «харзынаква» (клад, добро, имущество, ценности). Таким образом, используя национальные языковые средства, переводчику удалось передать соответствующее оригиналу содержание.

3. Озов обвинялся и в том, что он выкинул «целый абзац об организации комиссии партконтроля». И в постановлении обкома ВКП(б) отмечалось: «Часть раздела о партийном контроле в докладе Сталина совершенно выпущена».

Действительно, во втором параграфе («Вопросы организационного руководства») третьего раздела («Партия») выступления вождя подробно говорилось об организации комиссии партийного контроля, и все пять абзацев, посвященных данному вопросу, – без какого-либо исключения! – в переводе Озова наличествуют. Таким образом, заключение по этому пункту попросту ложно.

4. Озову вменялось в вину, что в переводе «не помещена резолюция 17 съезда ВКП(б) по докладу тов. Сталина». Но Озов переводил только речь Сталина, а не резолюцию по ней. Такая задача перед ним и не стояла, в чем убеждает и название издания: «И. Сталин. Отчетный доклад 17 съезду партии о работе ЦК ВКП(б)».

5. Котлярский в свое время ставил вопрос таким образом: «Озов Нух так извратил важнейший исторический документ, что многие товарищи, прекрасно знающие абазинский язык, ничего не могут понять». То же самое находим и в тексте приговора: «вводились слова, совершенно непонятные для местного населения».

По мысли публициста и судей, непонимание возникало из-за допущенных Озовым извращений. На самом деле ситуация была связана с осуществлением перевода на ашкарском диалекте, имеющем свои фонетические и

смысловые особенности. Не намеренные искажения, а диалект переводчика делал его язык не совсем понятным для «товарищей», прекрасно знавших ***только*** *тапантский диалект* абазинского языка. Грубая подтасовка: объяснить непонимание извращением, умолчав об истинных причинах.

6. Котлярский упрекал Озова в том, что тот слово «соцсоревнование» заменил диким выражением «драка быков».

Парадоксально, но в докладе Сталина такого слова нет, есть просто «соревнование» в составе фразы «Развертывание *соревнования* и ударничества среди трудящихся» [26; 369]. Озовым, как предложение в целом, так и слово «соревнование» переведено абсолютно верно: «*Айцлыбри* ударнала нхари аквчучва руацIа апны тшемгвацIнарыхра» [27; 73].

Слово «соцсоревнование» Озов употребил в адаптированной главе из шолоховской «Поднятой целины», получившей название «Аколхоз апны *асоцацлыбра*» («*Соцсоревнование* в колхозе»). Ни в первом, ни во втором случаях эти переводы ничего общего с «дракой быков» не имеют. (Кстати, слова «ацлыбра» и «соцацлыбра» довольно часто использовались в национальной периодической печати вплоть до 1960-х гг., пока на смену им не пришло другое слово «анкъвакъвра»).

Как видим, «дикость выражений» свойственна была не Озову, а экспертам и интерпретаторам заключений, придававшим отдельным словам и фрагментам перевода несусветные смыслы. И такие случаи, к сожалению, не были единичными.

7. И в публикации Котлярского, и в приговоре суда приводился факт замены слова «компас» выражением «дом бога».

«Компас» в докладе Сталин привел единственный раз: «Не может быть сомнения, что пока мы остаемся верными этому учению (Маркса, Энгельса, Ленина. – П.Ч.), пока мы владеем этим *компасом*, – будем иметь успехи в своей работе» [26; 377].

Озов фразу переложил адекватно: «Ауат ргIвильма хIазцIабыргта, ауи амгIва хIаъандзаъу, ауи *акъьибльама* хIнапIаншваларата хIуыс йъадзахIрыхъв, – хIынхара апны азекв швараква хIамазуштI» [27; 80].

Обратный перевод: «Пока мы будем верны учению, которое они (Маркс, Энгельс, Ленин. – П.Ч.) нам оставили, пока мы будем идти этим путем, сверяясь с ними, как с *компасом*, – нам будет сопутствовать успех в нашей работе».

«Компас», как видим, на своем месте, и никакого «дома бога» здесь нет.

8. И Котлярским, и судьями утверждалось еще, что Озов вместо «аплодисменты» использовал выражение «битие по щекам». Как обстоят дела по этому вопросу?

Речь Сталина во время выступления прерывалась рукоплесканиями участников съезда 31 раз, и в стенографическом отчете в этих местах в

скобках указывалось: «аплодисменты», «продолжительные аплодисменты», «бурные аплодисменты», «бурные продолжительные аплодисменты», «бурные, долго не смолкающие аплодисменты», «гром аплодисментов»…

Все эти моменты при переводе соблюдались неукоснительно вплоть до фиксации степени эмоциональности: «анапІасраква», «анапІасра ауыра», «напІасра швабыж», «напІасра ауыра ду», «щардара ешІамсуата напІасраква», «анапІасра дыдра»… Но в четырех случаях закралась еле заметная для глаза опечатка: вместо «напІасра» получилось «напасра». А на латинице, которой пользовался Озов, разница между словами стиралась еще больше: «napasra» – «napasra».

Чтобы заметить такую ошибку, нужно было вычитывать текст чуть ли не с лупой в руках. И нужно было быть попросту нечистоплотным человеком, чтобы результат технической погрешности всерьез квалифицировать как сознательную идеологическую диверсию.

В чем суть дела?

В абазинском языке существуют два самостоятельных слова: «напІы» и «напа». Первое из них обозначает «рука», второе – «совесть». И, если добавить к этим существительным глагол «бить» («асра»), получается: «напІасра» – бить в ладоши, рукоплескать, «напасра» – «бить по щекам» или «бить по совести» (абазинское национальное сознание соотносит «совесть» и «стыд» с лицом человека, его щеками). Эксперты, а за ними Котлярский и судьи, 27 раз подряд «проглядев» правильно переведенное слово, заметили только вариант с ошибкой и представили дело так, будто в докладе только искаженное слово и приводилось. Кстати, «напасра» (бить по совести) абсолютно не звучит на национальном языке, и ни один абазин не догадался бы так выразиться. Искусственность конструкции лишний раз подтверждает непреднамеренность ошибки.

И ведь к ответственности привлекли не типографского работника, а переводчика, как будто он сам стоял у линотипа и собственноручно набирал свой текст. В подходе к делу, в интерпретации фактов нельзя не усмотреть умышленности, сознательного желания оклеветать ни в чем не повинного человека.

9. Передача термина «кризис» как«сильное ухудшение».

В словаре С.И. Ожегова «кризис» трактуется в трех значениях: «1. Резкий, крутой перелом в чем-н. 2. Периодическое относительное перепроизводство товаров в капиталистическом обществе, *ведущее к расстройству экономической жизни, безработице и нищете трудящихся. 3. Затруднительное, тяжелое положение*» [19;271].

В словаре иностранных слов «кризис» трактуется еще шире, но выделим первое значение: «Резкий, крутой перелом, *тяжелое переходное состояние*» [25; 260].

Как видим, Озов использовал слово в русле научных трактовок и никакого смыслового перекоса не допустил. Этот вывод достаточен и дополнительных комментариев не требует. И, тем не менее, остановимся на вопросе подробнее, чтобы еще раз продемонстрировать механику подделок.

Слово «кризис» в выступлении Сталина было использовано 55 раз. В абсолютном большинстве случаев оно воспроизводилось Озовым в том же самом виде, в каком оно писалось на русском языке, только латинскими буквами: «krizis». (Напомним, что абазинский письменный язык тогда функционировал на латинской графике). Иногда переводчик заменял его абазинским словом «цIгIвагIра» и рядом в скобках снова указывал: «(krizis)», чтобы читатель понял, в каком значении оно употребляется. И лишь три раза национальное слово было использовано самостоятельно, без уточняющего сопровождения… Три из пятидесяти пяти. И именно они были замечены и вынесены в обвинении! Остальные 52 случая правильного употребления удивительным образом оказались вне поля зрения экспертов, а вслед за ними и судей.

10. Использование слова «отчет» в значении «счет».

Слово «отчет» в сочетании с «период» (отчетный период) в выступлении Сталина было употреблено 27 раз, и в сочетании с «доклад» (отчетный доклад) – 2 раза. Последнее словосочетание воспроизводилось с минимумом необходимых изменений: «аотчет доклад». И «отчетный период» перекладывалось верно: «аотчет гIамта». Но в трех случаях Озов допустил употребление в этом же значении иного словосочетания: «хIисап гIамта». («ХIисап» по-абазински – «задача», «цель», «анализ» в зависимости от контекста). Именно они имелись в виду, когда эксперты указывали на то, что Озов вместо «отчет» употребил «счет». Необходимо заметить, что «хIисап гIамта» в тексте доклада обретает значение «время выполнения задачи», что по семантике сходно с «отчетным периодом». Даже если слово «хIисап» было бы употреблено неверно, это составило бы лишь 10% от общего количества употребления. Но и на этот раз эксперты, удивительно последовательно не заметив не вызывающих никакого сомнения 90% правильного использования, сосредоточили внимание исключительно на том, что можно было переиначить по своему усмотрению.

11. «Преуменьшение» приводимых в докладе цифровых сведений, «показывающих развитие хозяйственной и культурной мощи СССР».

Речь вождя была испещрена многочисленными статистическими выкладками. Помимо того, в ней использовалось около 20 таблиц, в каждой из которых значилось по несколько колонок из цифр. Мы провели сверку всех приводившихся в докладе чисел и пришли к выводу, что действительно при переводе было допущено 11 неточностей. Правда, не всегда они по-

нижали хозяйственную и культурную мощь страны, но, тем не менее, факт остается фактом. Но здесь встает другой вопрос: кем были допущены эти ошибки? Самим переводчиком или наборщиком в типографии? И кто несет за них ответственность: переводчик, корректор или редактор? Вспомним, что в национальном издательстве Черкесии существовал порядок, согласно которому корректор вычитывал все отпечатанные тексты, а редактор перепроверял этот же материал уже после корректора [6; 95]. Вина лежала явно не на переводчике.

12. Использование термина «бюрократ» в значении «человек, считающий себя выше других».

Это один из немногих случаев, когда замечание является полностью справедливым. Озов, действительно пренебрегая интернациональной формой слова «бюрократ», всегда заменял его национальными: «пагьа» (гордый, высокомерный, заносчивый), «хъардура» (зазнайство)… Отметим, что Сталин упоминал иногда о «зазнавшихся вельможах-бюрократах» [26; 370], и, тем не менее, нужно признать, что психология чванства, характерная для данного класса чиновников, все же не выражает смысловой сути термина «бюрократ»: должностное лицо, выполняющее свои обязанности формально, в ущерб делу [25;93].

12. В качестве яркого примера допускаемых Озовым извращений и в постановлении обкома ВКП(б), и в приговоре суда приводилась фраза: «Слова тов. Сталина, что «после того, как правильность политической линии подтверждена на опыте ряда лет, готовность рабочих и крестьян поддержать эту линию не вызывает больше сомнений» (ст. 49) подсудимый ОЗОВ перевел так: «что если политическая линия партии будет подтверждена, то рабочие и крестьяне эту линию поддержат» (ст. 60 перевода)».

Приведем выражение целиком: «После того, как правильность политической линии партии подтверждена опытом ряда лет, а готовность рабочих и крестьян поддержать эту линию не вызывает больше сомнений, – роль так называемых объективных условий свелась к минимуму» [26; 366].

Обратим внимание на то, что в сталинской цитате из текста приговора пропущены слова «партия», противительный союз «а», и словосочетание «опытом ряда лет» приводится в иной редакции: «на опыте ряда лет»…

Следуя принципам судопроизводства, коих придерживались судьи, их самих следовало переквалифицировать в «обвиняемых» и подвести под карающий меч пролетарского правосудия. Но вернемся к нашему сопоставлению и представим перевод фрагмента на абазинский язык: «Апартия политикала линията йрыму аштаразу скIвша къаумдзакI елдырганхьула йандырцIабыргграгIакI, арабочагьи анхачвагьи ауи алиния хIацыркIрагьи кьангьашра алахымкIва йангылрагIакI амщтIахь, – заджвгьи йбзорамкIва

йгIаншауа ауысква хIвата йзыпхьакв магIаната йрымаху захIа мачI аъахым йазцат» [27; 72].

Обратный перевод с абазинского: «После того, как политическая линия партии будет подтверждена опытом многих лет, рабочие и крестьяне поддержат эту линию без всякого сомнения, значение так называемых объективно свершающихся дел свелась к минимуму».

Что можно сказать по этому поводу? Действительно, прегрешения есть, но не столько смысловые, сколько грамматические: прошлое время финальной части озовского высказывания не согласуется с будущим временем основной части. Но важно при этом, что переводчик приходит к тому же результату, что и Сталин: «роль так называемых объективных условий свелась к минимуму» – «значение так называемых объективно свершающихся дел свелась к минимуму».

Подытоживая проведенные наблюдения, можно сказать: сопоставительный анализ оригинального и переводного текстов показал полную несостоятельность выдвинутых против Озова обвинений, их надуманность, искусственность, предвзятость. Во всем переводном докладе нельзя найти ни одного принципиального нарушения, которое можно было бы трактовать как политическое искажение. Даже если иметь в виду пункты, где обвинения были отчасти или полностью справедливы (опечатка в слове «аплодисменты» («напасра»), погрешности в числовых показателях, использование слова «бюрократ» в нехарактерном для него значении), все равно нужно однозначно заявить: за такие изъяны человека в тюрьму не сажают! Особенно, если иметь в виду полную неразбериху, царившую в абазинской письменном языке того времени. Таким образом, не Озовым было совершено преступление, а – по отношению к нему!

Вообще, чтобы давать правдивую оценку труду Озова, нужно было знать и учитывать многие факторы, в том числе специфику переводческой работы и особенности функционирования абазинского языка. Помимо того, нужно было оставаться просто объективным, беспристрастным, не выдумывать несуществующих прегрешений, не придавать идеологической окраски недочетам, которые в большинстве случаев объяснялись техническими сбоями или общим уровнем состояния национального языка... К сожалению, почти во всех случаях авторы статей и документов не утруждали себя подобными задачами, не пытались вникнуть в суть декларируемых нарушений, а сверх того ставили еще перед собой установку опорочить имя и труд одного из первых абазинских литераторов. И в этом они преуспели!

Не с тем, чтобы пытаться обелить Озова задним числом, а истины ради стоит только всмотреться непристрастными глазами в ситуацию, как все станет ясно: человек, принявший Октябрьскую революцию, самозабвенно,

с полной самоотдачей работавший во имя утверждения ее идеалов, во благо просвещения, процветания культуры своего народа, не мог заниматься вредительством, вести тайную контрреволюционную работу.

Но вопреки всем логическим доводам и фактическому положению вещей, суд признал Озова виновным по всем пунктам обвинения. И вслед за этим автоматически возникал вопрос о необоснованных финансовых затратах, связанных с деятельностью обвиняемого. Вопрос ставился таким образом: если Озов не оправдал доверия власти и употребил свое положение и труды на антисоветскую агитацию, следует вернуть государству все деньги, выплаченные ему и потраченные на издание его «негодных работ». И «в порядке удовлетворения причиненных убытков Черкесскому Нациздательству», решено было «взыскать» с него 8464 руб., плюс еще 1833 руб. за «солидарной ответственностью» с А.Х. Меремшаовым. Суммы по тем временам внушительные! Причем «взыскивали» не только за полученные гонорары, но и за рецензии, выплачивавшиеся другим лицам, за издательские и типографские расходы всех изданных Озовым партийных документов и школьных учебников.

Все это выглядело довольно абсурдно. Но ведь и это не все. Вдобавок ко всему Озова обвинили в «мошенничестве», в «незаконном» присвоении 1000 руб., которые он получил «по чеку Нациздательства в Госбанке».

У нас нет никаких доказательств, подтверждающих или опровергающих подлинность данного факта. Но, исходя из того, что суд неоднократно беззастенчиво обвинял Озова в несовершенных преступлениях, допускаем вполне возможным ложность и данного пункта. Тем более, что Озов финансистом не был, в национальном издательстве работал редактором и переводчиком, а не бухгалтером. Тогда почему он должен был получать зарплату за рабочих в Госбанке? И каким образом чек на 1000 руб. должны были выдавать человеку, к финансовой сфере никакого отношения не имеющему?

Вопросы повисают в воздухе не только потому, что сейчас на них уже никто не даст ответа, но, полагаем, и по той причине, что такого положения вещей в природе вообще быть не могло.

Напомним, что судебное заседание прошло в закрытом порядке и протокол его не сохранился. Озов не был согласен с вынесенным решением и направил жалобу в Верховный Суд РСФСР. 26 декабря 1935 г. Судебная Коллегия Верховного Суда РСФСР рассмотрела обращение и определила приговор областного суда оставить в силе [7; 22].

Следствие длилось ровно полгода. Свидание с подследственным, а также переписка с ним и передача продуктов были запрещены. Лишь после суда Ханищ Пашевне единственный раз позволили увидеться с мужем. После

этого осужденный еще полтора месяца находился в Черкесской тюрьме, но больше свиданий с родственниками ему не разрешили [7; 4об].

26 декабря 1935 г. приговор по делу Озова вступил в полную законную силу, и осужденный был направлен на место отбывания срока наказания – в Темниковский исправительно-трудовой лагерь Мордовской АССР. Переписку разрешили, и Нух Абрамович ежемесячно отправлял жене письма. Есть основания полагать, что писал он и в государственные инстанции, прося пересмотреть его дело. По словам Ханищ Пашевны, в 1942 году Нух Абрамович сообщил, что они скоро увидятся, так как дело его изучила Москва и он признан невиновным [7; 5]. Достоверно известно, что в 1940 г. Прокуратура СССР дважды запрашивала администрацию ИТЛ, кем, когда и по какой статье уголовного кодекса осужден Н.А. Озов [7; 16], но никаких документов, подтверждающих пересмотр и положительное решение в «Восстановленном уголовном деле…» не имеется. Есть справка о смерти Н.А. Озова, наступившей 11 июня 1942 года по причине туберкулеза легких при нахождении на излечении в стационаре лагеря [7; 17].

В 1955 году по указанию органов прокуратуры по делу контрреволюционной повстанческой националистической организации была проведена дополнительная проверка, в результате которой установлено, что Психомахов, Дышеков и другие обвиняемые по делу были осуждены необоснованно, так как ***никакой антисоветской организации в Черкесии не было.***

Постановлением Президиума Верховного Суда РСФСР от 10 ноября 1955 года приговор спецколлегии Северо-Кавказского краевого суда от 1 ноября 1935 года в отношении Психомахова, Дышекова и других обвиняемых по делу отменен и все ранее осужденные реабилитированы.

К материалам дополнительной проверки по делу Психомахова и других приобщены справки по уголовным делам на бывших сотрудников УНКВД по Орджоникидзевскому краю и Черкесской автономной области Булаха и Страшевского, которые в 1934 – 1937 годах грубо нарушали социалистическую законность, производили массовые и необоснованные аресты советских граждан в основном из числа партийно-советского актива, давали указания своим подчиненным на следствии к арестованным применять меры физического воздействия и фальсифицировать уголовные дела.

За совершенные преступления быв. начальник УНКВД Орджоникидзевского края Булах П.Ф. Военной коллегией Верховного суда СССР 28 июля 1938 года осужден к расстрелу, приговор приведен в исполнение, а быв. начальник УНКВД Черкесской автономной области Страшевский И.И. Военным Трибуналом войск НКВД в апреле 1940 года осужден к 10 годам лишения свободы.

Также в течение 1955 – 57 гг. были отменены ранее состоявшиеся приговоры в отношении

– быв. завотделом редакции Черкесской областной газеты Кячева Х.У.,

– быв. заведующего отделом культпропа Черкесского обкома ВКП(б) Кужева Х.Г.,

– быв. заведующего типографией нациздательства Кужева Х.М.,

– быв. зав. нациздательством Черкесской автономной области Мураткова Ш.Т.,

– быв. председателя Союза советских писателей Черкесии Абукова Х.К. [7; 98 – 99].

После обращения Ханищ Пашевны Озовой к Председателю Верховного Суда СССР и Генеральному прокурору СССР в июле 1979 г. соответствующими органами была проведена большая работа, завершившаяся 29 октября 1980 г. Постановлением Президиума Верховного Суда РСФСР:

«Уголовное дело в отношении Озова и Меремшаова не сохранилось, оно было восстановлено органами КГБ по Ставропольскому краю, и из него усматривается, что в 1933 – 1934 гг. антисоветской организации в Черкесии, членами которой якобы являлись осужденные, не существовало. Привлеченные в тот период времени к уголовной ответственности бывший председатель Черкесского облисполкома Психомахов и другие руководители областных организаций, которые якобы возглавляли эту организацию, реабилитированы.

Приведенные в приговоре выдержки из переводов различных документов, сделанных Озовым, по своему содержанию не являются антисоветскими.

Следовательно, *в действиях Озова и Меремшаова отсутствует состав преступления* и дело о них подлежит прекращению производством.

Соглашаясь с протестом и руководствуясь п. 2 ст. 378 УПК РСФСР, Президиум Верховного Суда РСФСР

п о с т а н о в и л:

Приговор областного суда Черкесской автономной области от 11 ноября 1935 года и определение судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РСФСР от 26 декабря 1935 года в отношении Озова Нуха Абрамовича и Меремшаова Айсы Хусиновича отменить и дело производством прекратить за отсутствием в их действиях состава преступления» [7; 104].

Уже на основании этого постановления 11 ноября 1980 г. Н.А. Озов был окончательно реабилитирован Верховным Судом РСФСР.

Таким образом, через 45 лет справедливость все-таки восторжествовала. Но горько от сознания такого «торжества». Достойнейший из абазин своего времени был оболган, оклеветан и осужден, жизнь исковеркана, превращена в ад и прервана преждевременно. Книги его, написанные для

детей, сожжены вместе с рукописями, не дошедшими до печатного станка. Но еще больше рукописей и книг его умерли не рожденными.

Примечания:

1. Абазинская довоенная литература / Сост. П.К. Чекалов. – Ставрополь, 2008. – 192 с.
2. Абазинские писатели. – Черкесск, 2014. – 23 с.
3. Абазинские писатели и поэты // Абазашта. – 2006. – 4 нояб.
4. Акбашев А.Х., Багдасаров Г.С. Интернациональное и патриотическое воспитание старшеклассников. Развитие школьного образования в Карачаево-Черкесии. – Черкесск, 1972. – 76 с.
5. Антология абазинской поэзии. XX век. В 2 т. Т. 1 / Сост. М.Х. Чикатуев. – Черкесск – Минеральные Воды, 2007. – 602 с.
6. Архив ФСБ КЧР. Архивно-следственное дело № 12682 по обвинению Табулова Т.З.
7. Архив ФСБ КЧР. Восстановленное уголовное дело № 16 пс-80 пр по обвинению Озова Н.А.
8. Архив ФСБ КЧР. Архивно-следственное дело № 12474 по обвинению Вередибина М.И.
9. Баталов К.А. Абазинская литература. Хрестоматия. 9 класс. – Черкесск, 1994. – 288 с.
10. Баталов К.А. Абазинская литература. Учебник. 9 класс. – Черкесск, 1995. – 102 с.
11. Государственный архив Ставропольского края. Ф. 1260, оп. 1, ед. хр. 81. – Л. 21.
12. Гукемухов А. К вопросу о языковом строительстве // Красная Черкесия. – 1932. – 12 февраля. – С. 3.
13. Кишмахов М. На новом подъеме. К вопросу об абазинской письменности // Красная Черкесия. – 1932. – 21 декабря. – С. 2.
14. Котлярский Д. Под покровом перевода // Правда. – 1935. – 1 июля.
15. Литературная энциклопедия терминов и понятий. – М.: НПК «Интелвак», 2003. – 1596 ст.
16. Литературный энциклопедический словарь. – М.: Советская энциклопедия, 1987. – 752 с.
17. Майкопский, Гуков, Абдоков. Больше внимания коренизации // Красная Черкесия. – 1932. – 29 февраля. – С. 4.
18. О буржуазно-националистической группе Озова и др. Постановление Черкесского обкома ВКП(б) от 29 января 1935 г. // Красная Черкесия. – 1935. – 5 февраля. – С. 1.
19. Ожегов С.И. Словарь русского языка. – М.: Русский язык, 1983. – 816 с.
20. Озов Н.А. Грамматика абазинского языка для начальной школы. Часть 2. Четвертый год обучения. – Сулимов, 1934.
21. Озовщине положить конец // Красная Черкесия. – 1935. – 6 июля. – С. 1.

22. Пазов С.У., Чекалов П.К. О становлении научной работы в Карачаево-Черкесии в 1930-е гг. // Вестник КЧГУ. – Карачаевск. – 2011. – № 29. – С. 133 – 155.
23. Санкт-Петербургский Институт восточных рукописей. Записи проф. Генко А.Н. 1929 г., осуществленные в абазинских аулах Черкесии.
24. Сердюченко Г.П. Об абазинской письменности // Ученые записки Ростовского педагогического института. – Ростов-на-Дону, 1938. – С. 17 – 32.
25. Словарь иностранных слов. – 13-е изд., стереотип. – М.: Русский язык, 1986. – 608 с.
26. Сталин И.В. Сочинения. – Т. 13. – М.: Государственное издательство политической литературы, 1951. – С. 282 – 379.
27. Сталин И. Отчетный доклад 17 съезду партии о работе ЦК ВКП(б) / Перевод на абазинский язык Н. Озова. – Сулимов, 1934. – 83 с.
28. Халтура продолжает гулять // Красная Черкесия. – 1935. – 6 июля. – С. 3.
29. Хашба А.К. К вопросу о создании письменности для абазин Северного Кавказа // Избранные работы. – Сухуми, 1972.
30. Чекалов П.К. Маяковский и абазинская поэзия. Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук. – Москва, 1991. – 199 с.
31. Чекалов П.К. Страницы истории абазинской литературы. – Черкесск, 1995. – 102 с.
32. Чекалов П.К. Абазинские писатели. – М.: Агент, 1996. – 80 с.
33. Чекалов П.К. Абазинские писатели. – Ставрополь, 2009. – 140 с.
34. Чекалов П.К. Нух Абрамович Озов. Судьба и творческое наследие. – Ставрополь, 2012. – 68 с.

СИМОН БАСАРИА, САМСОН ЧАНБА

Из неопубликованного

В начале XX в. из среды абхазского народа выдвинулся ряд блестящих личностей, ставивших перед собой благородную цель – поднять самосознание и образование абхазского народа, который до 1907 года имел статус «виновного населения». Первым, кто широко и разносторонне подошел к данной проблеме был профессор Г. А. Дзидзария. В 1979 году вышел его объемистый труд «Формирование дореволюционной абхазской интеллигенции», где автор скрупулезно и с большой ответственностью вывел из забвения сотни имен, служивших до революции 1917 года верой и правдой родному абхазскому народу.

Здесь ниже мы представляем на суд читателя публицистические статьи выдающихся представителей абхазского народа, его интеллигенции – Симона Петровича Басария (псевдоним – Махайд Апсуа, Симон Апсуа) (1884-1941) и Самсона Яковлевича Чанба (псевдоним – Ч., С. Ч., С. Чамба) (1886-1937). Еще не все их публикации собраны, некоторые материалы опубликовал Г. А. Дзидзария, светлая ему память, в 1967, 1982, 1986 годах. Большая часть предлагаемая читателю материалов публикуется впервые.

Материалы представлены хронологически, в них видно, что достойные сыны абхазского народа держали перо на пульсе времени, видели чаяния народа и указывали верный путь. А когда требовалось, стойко отстаивали интересы родного народа и никогда не шли против совести, ибо в основе их характера была нравственность, стержень на котором удержится человечество.

Как и большинство достойных сынов абхазского народа, С. Я. Чанба и С. П. Басария были репрессированы в 1937 и 1941 годах. Вечная им память.

Р. Х. Агуажба

Симон Басария

С. П. Басария

Из Абхазии

Кто не восхищается чудной Абхазией, – этой давно воспетой части «пламенной Колхиды»! По своей роскошной растительности и очаровательным видам эта местность давно заслужила имени «Перла Кавказа».

Туристу, едущему на пароходе из России, сразу бросается в глаза контраст между ландшафтами Черномории и Абхазии. Вы одинаково восхищаетесь Гаграми, Гудаутами, Новым Афоном и дивным Сухумом; но далее внимание ваше становится пассивным в восприятии новых впечатлений, ибо они тут слабы. Вы начинаете жизнь только виденными прелестями, вам уже не ждать новых пейзажей, а при виде Очемчир – вами даже овладевает некоторая грусть. Ваши эстетически настроенные чувства никак не могут примириться, видя такую сильную резкость в перемене картин. Еще издалека вам кажется, что местечко сидит по горло не то в земле, не то в болоте. При высадке с парохода, вы воочию убеждаетесь в последнем. Вам не верится, что вы уже в Абхазии, по крайней мере в преддверии ее, – тут все так не интересно, серо, безжизненно и нудно. Если в Сухуме, Гаграх и Афоне воздух был насыщен приятным ароматом, то в Очемчирах обоняние ваше тоже начинает усиленно работать, но только не от благовонных ацилей, каприфоль, рододедрон, орхидеи и разных мотыльковых растений, а от смрада и веяния болотной гнилью. Казалось бы, легко можно было бы найти на берегу Черного моря хорошее место для поселения, благоприятное для его поселяющих, но Очемчиры, по какой-то злой иронии судьбы, лишился этой возможности и оказался закопанным в котловине и пришлось бы ему влачить свою жалкую жизнь, как белян на болоте. При здешних обильных атмосферных осадках, при господствующей апатии обывателей в уничтожении гибельного влияния излишества влаги и даже отсутствия малейшего старания в этом направлении, вы легко можете себе приставить, как далеко зашло это злосчастное местечко в обладании всеми дарами болота. А ведь здесь уже городовое положение, имеется хозяйственно-полицейское управление, тут же участковое управление и другие административные учреждения: мировой отдел, почтово-телеграфная контора, таможня и пр.

Ко всему этому надо добавить и то, что были потрачены крупные деньги, якобы «на поднятие благосостояния местечка». Даже имеется налицо такой чудовищный факт, кажется, раскрытый в прошлое лето директором канцелярии наместника, ревизовавших Абхазию и, в частности, м. Очемчиры; дело в том, что были потрачены сорок тысяч местечковых денег на «благоустройство Очемчиры».

Деньги, действительно» ушли куда-то, но Очемчиры ничуть не устроили, местечко осталось в прежнем виде, напоминая скорее свалочное место, чем «устроенное». Прямо грустно становится при виде ненормальностей. Затхлая атмосфера не уменьшилась, место опять гибнет во мраке, убыль грязи в болотах и топкость их тоже не уменьшилась, доказательством тому служит тот невероятный факт, что года два тому назад здесь в болоте утонул стражник вместе с лошадью.

Да, становится стыдно за тех, кто считаются фактическими родителями города.

Симон Апсуа, «Батумские новости», 1909,; 3/IV.

ВЫМЕРШИЕ НАРОДЫ
Убыхи и Садзуа

Прежде чем говорить об этих уже несуществующих племенах Кавказа, я скажу несколько слов о происхождении.

Убыхи занимали полосу земли протяжением не более 30 верст, между речками Хамыш и Бу; соседями их были: к северо-западу – шапсуги, на реке Белой – абадзехи, на с.-з. от Гагр до Хамыша абхазское племя садзуа, известное у русских под именем джигетов. Язык садзуа сильно разнился от абхазского, но в абхазском их происхождении никто из тогдашних лингвистов не сомневался. Что касается убыхов, т. е. вопроса о происхождении их, то литературный спор в решении этого вопроса среди филологов 50 и 60 годов вызвал бурные споры. Племя это в одно время называется совершенно особым от адыгов и абхазцев; с течением же времени оно опять причисляется то к адыгам, то к абхазцам. Наш даровитый известнейший отечественный филолог Петр Карлович Услар (1816-1875), исследовавший многие кавказские языки, разрешая вопрос об убыхском языке, говорит: «У многих писателей классических, византийских, итальянцев, в средние века встречаем указание, что между зихами (черкесами) и абасками (абхазцами) живет особый народ». Такое предположение еще более усилило любознательность лингвистов, но спорный вопрос от этого не разрешался, а скорее осложнялся и путался; зато литература кавказской этнографии обогатилась такими ценными тру-

дами, как Белля (он жил безвыездно среди черкесов три года), Люлье и др.

Все-таки ни одному из них не удается записать хоть одно убыхское слово, а потому рассуждения об этом языке имеют характер проблематический, между тем все они были современниками убыхов.

Н. К. Услару «посчастливилось» записать, со слов природного15 летнего убыха много слов и предложений; занятие, по словам Услара, продолжалось шесть дней, так как на седьмой день русская картечь сразила и этого последнего убыха. После этого г. Услару только приходится восклицать: «последние события нанесли ему (убыхскому языку) смертельный удар. Едва ли уцелел один убых на Кавказе!»; но все это не мешало почтенному лингвисту самому участвовать в отряде, действовавшем (1861 г.) против убыхов со стороны Майкопа, Г. Услар, как человек военный, очевидно, был пропитан духом тогдашней истребительной политики, и на его глазах сходило с лица земли это таинственное племя.

Он говорил тогда: «ряд непокорных племен заслоняет их (убыхов) от нашего оружия».

Вот о чем скорбел почтенный ученый! По его выходят, будто применение русского оружия к убыхам в садзам было непременным уделом этих двух родственных народностей.

Оружие было применено во всей полноте, и от двух народов не осталось ни одного человека.

Я отвлекся от прямой задачи.

То крайне немногое, что узнал Услар об убыхском языке, убедило его в близком родстве этого языка с абхазским, но Услар неуверенно говорит об этом родстве и потому призывает всех интересующихся поторопиться исследовать этот язык, потому что убыхский язык при последнем издыхании, и лингвисты будут, – говорят Услар, – горько сожалеть о том, что исчез он, не оставив по себе следа».

Опасение Услара сбылось: скоро не стало этого народа. Что убыхи абхазского племени – это, казалось, не должно было бы вызвать среди ученых лингвистов сомнения, но это объясняется совершенно неправильным методом исследования языка. Лингвисты, не имея возможности, по тогдашним условиям, лично изучать убыхский язык на месте, отыскивают родство этого языка у племен адыге, либо у абхазцев, и забывая, что убыхи пережили несколько стадий видоизменений, и что последними их родичами были садзуа (джигеты). Если язык этих последних сильно разнился от абхазского, то, я думаю, языки абхазский и убыхский могли быть несходными; понятно, между абхазцами и убыхами жили более близкие родственники садзуа и медозуи. Вот все это приводило исследователей убыхского языка к разным фантастическим гипотезам. Я уверен, что прими г. Услар базисом своих исследований

убыхского языка наречие садзуа, он скоро пришел бы к категорическому выводу, что убыхи говорят на языке садзуа (конечно, с примесью слов северных соседей убых – шапсугов и абадзех), а садзуа на абхазском.

Тут я упомяну общее заблуждение кавказоведов в объяснении слова абадзехи. Абхазцы у адыге известны под именем абаза. По объяснению Услара и др. филологов слово абадзехи составлено из ***абадза*** (абаза) и ***их***, т.е. ниже, иначе подабхазцы, но это совершенно неправильно; ***их*** означает – голова, выше, север; так что перевод букет – «живущие выше абаза (абхазцев)», последними разумеются убыхи и садзуа.

Другим доказательством родства языков убыхского и абхазского служит следующий исключительно этим двум языкам свойственный признак, именно все имена существительные начинаются с буквы а.

Помимо этих доказательств, мы встречаем в лексиконе убыхов массу слов (лес, баран, дождь, месяц, мать и др.), тождественных с абхазскими, но при их артикуляции обнаруживается присутствие флексий, что можно объяснить влиянием абадзехского наречия.

Все это дает основание полагать, что убыхи народ абхазского племени, в незапамятное время отделившееся от абхазцев в силу политических и религиозных причин.

Если мингрельцы и имеретины отзываются об абхазцах, как о народе воинственном, то у последних убыхи и садзуа являются легендарными рыцарями: они, по словам их соплеменников, находили неприличным сражаться иначе, как на коне и холодным оружием. Мне рассказывал абхазец, воевавший под русскими знаменами, что садзуа, загнанные в местности Псху и окруженные русскими полками, в отчаяннейших схватках погибают почти все, а оставшиеся, дабы не отдаться живыми в руки врагов кончали самоубийством.

Вообще, в войне на Западном Кавказе, мы встречаем странное явление: здесь самурзаканцы помогают русским покорять неприступных цебельдинцев, там бзыбская Абхазия содействует им же в уничтожении убыхов, потом садзуа, а через несколько лет на бзыцбев натравливаются абхазцы – абжуа. Английская политика в Индии помогла скорому покорению этой части Кавказа.

Но как бы то ни было, приходится констатировать печальный факт: уже в 70 годах мы не встречаем ни одного представителя этих безвременно погибших народов… Впрочем, в новейших русских учебниках географии есть указание, что убыхи и садзуа благоденствуют на западном Кавказе, занимаясь «мирным трудом».

Вот как мы знаем свой край!

Вот как мы чудно изучили его!

газ. «Кавказский край», 27/IX – 1909 г.

МАТЬ АБДУЛ-ГАМИДА – РУССКАЯ

Нашему абхазскому корреспонденту удалось узнать, что мать экс-султана Абдул-Гамида была русская. Мы приводим эти интересные, касающиеся происхождения Абдул-Гамида сведения.

Прежде, чем говорить об этом интересном факте, я скажу несколько слов о лице, передавшем мне этот рассказ.

Лицо – это Реджеб Хахубия, самурзаканец, ему около 100 лет, он известен у всех горцев Кавказа и даже в Мингрелии, Гурии и Имеретии. Он участвовал под русским знаменем во время взятия Гуниба, в упорнейшей войне с джигетами, убыхами и дальцамн. Он изъездил всю Россию и Турцию, причем в последней имел родственные связи с двором. Отличался не раз во время русско-турецкой войны и был взят в плен турками, но бежал из Константинополя. После этого долгое время был в опале у русского правительства, был в бегах, его бесстрашие во время облав приводило казаков в трепет, и он всегда уходил невредим; был амнистирован только два года тому назад. Человек он колоссального природного ума и огромнейшей памяти, говорит по-мингрельски и по-абхазски. Имя его в Самурзакани и собственно Абхазии сделалось легендарным и оно величается не менее имени другого народного, героя, просвещенного абхазского князя Таташа Маршания.

Реджеб Хахубия, можно сказать, является воплощением всего горского: в нем беззаветная храбрость, неподкупная справедливость и удивительная энергия.

Личность эту можно назвать феноменальною еще вот почему: на 75 году его жизни у него выпали постоянные зубы и выросли новые. В настоящее время ему, на вид, нельзя дать и 60 лет, он все такой же как в молодости лихой наездник и отличный стрелок.

Всех, интересующихся судьбою многоязычного Кавказа и бесконечных войн, имевших место на Кавказе из непосредственных источников, я отсылаю к этой редкой личности (сел .Бедия, Самур, уч. Сухум. ок.).

По словам Хахубия, в былое время в Абхазии, на берегу Черного моря, была развита торговля невольниками и невольницами, доставляемыми другими горцами Кавказа. Северокавказские горцы продавали абхазцам, главным образом, русских пленников.

Знатные абхазцы женили своих пленников – русских на русских пленницах, причем, родившихся детей, турки, к слову сказать Абхазия тогда была в вассальной зависимости от Порты, обращали в ислам и обучали турецкому языку, для чего передавали их фанати-кам-хаджи (муллам). Так, сын одного русского узника известный впоследствии Мулла-Ахмат, купленный неким

абхазцем Дадином-Арухтава, прошел на месте всю духовную турецкую школу и сделался муллой.

В скором времени другой абхазец – Абдлипа купил себе русского пленника, человека молодого и красивого.

Так как за русского можно было выдать только русскую, то Абдлипа купил у Арухтавы сестру муллы Ахмата и женил на ней своего невольника.

От этого принудительного брака родились две девочки-красавицы.

Когда девочки достигли 12-летнего возраста, то они были отобраны от родителей и посланы на торжище, где «знатоками» определялась красота девиц, набираемых для гарема султана.

«Товар» оказался очень ценным, хозяин получил хорошие деньги и обе сестры были отправлены в Стамбул. Одна из сестер попала в гарем султана, а другая была взята пашою в провинцию.

От первой в гареме скоро родился мальчик, впоследствии султан Абдул Гамид. Так как по гаремному обычаю, если первенец был мальчиком, роженица удостаивалась звания «жены султана», то и мать Абдул Гамида с этого времени перестает жить в гареме и переходит в число «настоящих жен султана»; этой привилегией не пользуются родившие девочек.

Удостоившись такой чести наша соотечественница поспешила отобрать свою сестру от паши, причем дело не обошлось без грозного приказа султана, отца Абдул Гамида.

Вытребовав свою родную сестру, султанша заставила ее кормить грудью двухмесячного ребенка Абдула.

Обе сестры тщательно скрывали свое русское происхождение и называли себя черкешенками, и когда бывший их воспитатель Арухтава, узнав о выпавшем счастье на долю его невольниц, переселился в Стамбул, то сестры «заставили» его именовать их сестрами и под угрозой запретили говорить о происхождении их. Арухтава был одарен, получил в собственность хорошее поместье и, когда в 90-х годах женил своего сына, то послал приглашение «своей сестре», матери Абдул Гамида.

«Сестра» приехать не приехала, но прислала подарки. По словам моего рассказчика мать Абдул Гамида была женщина добрая, особенно она была внимательна к выходцам с Кавказа; по протекции этой женщины был пристроен ко двору некто Гогуа, история его происхождения совершенно аналогична с историей двух сестер. Человек он был даровитый и скоро выдвинулся. В 90-х годах уже Гогуа-паша являлся правой рукой Абдула Гамида. Грозный повелитель редко что делал без ведома Гогуа-паши. Чтобы убедиться в достоверности изложенного выше, наш корреспондент, по указанию г. Хахубия, беседовал со многими турками Арухтова, причем один из них на днях приехал из Стамбула и все они подтвердили, что бывший властелин

Порты, «повелитель правоверных», Абдул Гамид родился от русской женщины и вскормлен в детстве молоком русской же.

Газ. «Отклики Кавказа», 13 августа, 1910 г.

ЗАБЫТЫЙ КРАЙ
(Абхазия)

Еще Сократ сказал: «Заговори, чтобы я тебя понял». Я думаю, будет вполне уместно отнести это выражение к непонятным и малоизвестным русской публике абхазцам. Абхазцы о себе не могли говорить, ибо у них не было письменности, не было образованных людей, а между тем это один из древнейших народов Кавказа, выстрадавшего в своем историческом прошлом немало и сохранившего каким-то чудом, свою индивидуальность. Грузины, армяне сами говорят за себя, они сами в состоянии были изложить подробный исторический путь своего народа. Но не такова была судьба злосчастной и малодоступной Абхазии. Многие русские бытописатели не только не способствовали делу единения Абхазии с коренной Россией, но старались вызвать в русском читателе отвращение к этим людям. Первое знакомство с Абхазией и абхазцами дает известный генерал Дубровин в своем труде «История войны и владычества русских на Кавказе». Извращение истины в этом труде доходило до изумительной бесцеремонности; нравы, обычаи, политический, экономический строй, религиозные верования абхазцев обрисовываются в совершенно ином виде. Что удивительного? Дубровин не был в Абхазии и в глаза не видел ни одного абхазца. Другая писательница Кавказа – Желиховская, получившая у кавказских критиков имя «сумасбродной женщины», умудрилась описать жизнь и нравы абхазцев с парохода Русского общества. Правда, были в Абхазии и серьезные писатели; упомяну мало известный, но в высшей степени ценный труд г. Альбова «Этнографические наблюдения», «Живая старина». Альбов 5 лет путешествовал по Абхазии, непосредственные личные наблюдения дали ему возможность проверить все сбивчивые литературные сведения о домашнем и общественном быте, характере, религиозных верованиях абхазцев. Посетил Абхазию и известный писатель Евг. Марков, который посвятил Абхазии следующие строки – «мы, русские, своим неумелым обращением, погубили, разорили абхазцев, а между тем, народ этот чудный, вежливый... настоящие французы Кавказа». Все эти писатели захватывали только период своего времени, и никто из них не говорит о прошлом абхазцев.

Заметим, что абхазцы известны были еще первому летописцу Нестору под названием «абезов» и что народ «абеза» упоминается в числе приходивших

в Киев для построения церкви св. Софии при св. князе Владимире. Наконец, русские князья удельного периода вступали в брачный союз с дочерьми князей абезских (См.: у Нестора, ст. 323, 424, 477).

Если взглянем вглубь исторических фактов, то найдем, что Абхазия в продолжении громадного промежутка времени подвергалась многим политическим изменениям. За семь веков до Рождества Христова нынешнюю Абхазию завоевывали греки, которые не отбирали у абхазцев самоуправления до тех пор, пока они не подпали под власть понтийского царя Митридата (за 100 лет до Рождества Христова). После Митридата страна эта подчинилась влиянию Рима и во время гонения христиан она была местом ссылки последних.

Во время войн византийцев с персами, абхазцы, пользуясь слабостью воюющих сторон, объявили себя независимыми и избрали двух царей. Со стороны Византии абхазцы в этом встретили противодействие, и после жестокого сражения византийцы взяли построенную абхазцами крепость у входа знаменитого Трахейского ущелья и окончательно подчинили своей власти Абхазию. Следствием этого подчинения было принятие абхазцами учения христиан, семена которого были внесены в Абхазию еще учениками Иисуса Христа; с этого времени и вплоть до самого падения Византии Абхазия переживает лучшие годы своей жизни. Она получает собственного правителя «архонта» и делается сильным царством, простирая свое нравственное влияние на многочисленные соседние народы, подчинив себе горные народы и даже Лазику. Первый из архонтов Абхазии, Леон I, объявивший себя царем в 786 году, был родоначальником царей, правивших Абхазией до 985 года по Рождестве Христове.

Вот перечень абхазских царей: Леон I, Леон II, строитель Кутаиса и его крепости; Феодосий I, построивший в Имеретин город Хони; в его царствование в Абхазии появились свои католикосы. Георгий I, Иоанн, Арданасе, Баграт I, Константин, Георгий II (+955), ведший упорную борьбу с грузинскими царями; Леон III; Дмитрий, Феодосии II (+985); за сим судьба Абхазии сливается с грузинской, цари именуются абхазо-имеретинскими.

Со дня принятия христианства (V в.) Абхазия развивается не только в пространственном своем величии, но также и в культурном отношении. В XI в. Абхазия переписывает высший культ своего духовного развития, страна, в полном смысле слова, усеивается школами, монастырями, городами, грандиозными общественными постройками; эти молчаливые свидетели вымершей цивилизации Абхазии до сих пор уцелели во многих местах.

С падением Византии и с появлением турок, внесших мрак и произвол, Абхазия идет на путь усиленного регресса; культурный облик ее изменяется до неузнаваемости и она с лишком 400 лет борется с угнетательницей

– Турцией, отстаивая свою веру, свою индивидуальность. Следствием влияния турок было то, что многие абхазцы стали переходить в ислам, в стране развилась торговля невольницами и невольниками, чувство гражданственности у абхазцев начало изглаживаться.

В таком виде застает их русское правительство. По словам истории, сами абхазцы добровольно приняли русское подданство в 1810 году; но не успокоение и не культуру внесли русские в начале своего «владычества». Бесцеремонность в обращении с абхазцами местных властей доходила до безобразия. Лучшие, протестующие абхазцы начинают бросать свою излюбленную Абхазию и переселяться к чуждым им туркам. В стране поднимается смута; так, в 1821 году, в Абхазии вспыхнул сильный мятеж, подавленный генералом Горчаковым. В 1864 году часть абхазцев возмущается в селе Соуксу (1866 г. – Р. Г.), убивает окружного начальника, полковника Коньяра, 4-х офицеров, чиновника Черепова и 54 казака из конвойных и сами в количестве 2000 человек поджигают Сухум. В ответ на это правительственные войска уничтожают дотла с. Лыхны. В 1866 году (1867 – Р. Г.) жители Цебельды и Дала, после упорной и жестокой войны с русскими переселяются в числе 10.000 душ в Турцию; приблизительно в это же время часть абхазцев переселяется в Баталпашинский отдел, где они известны под именем абазинцев.

Настает злосчастная для абхазцев последняя русско-турецкая война. Абхазцы опять заволновались, берут с боя Сухум и поджигают все правительственные здания, окружают и уничтожают поголовно отряд полковника Мкеладзе, загоняют сухумские полки в цебельдинские теснины и преследуют генерала Алхазова до самых границ Самурзакани.

Кончилась война, восторжествовало русское оружие, и абхазцы, заранее зная, что их ожидает, покинув родину, переселяются в Турцию». Осталось в Абхазии (по последней перенеси) только 30 тысяч душ обоего пола, это все, что уцелело из 70 тысяч абхазцев. Опустевшие земли были розданы чиновникам, пришельцам грекам, армянам и мингрельцам, а лучшие горные части были превращены в «казенные». Но этим не кончилась немилость русского правительства: оставшиеся абхазцы объявляются «виновным населением», лишаются прав на земли, коронной службы, и проектируется план о поголовном выселении абхазцев «в отдаленнейшие губернии России». Впрочем, план этот не удается, благодаря вмешательству, как говорят, великих князей с Михаилом Николаевичем во главе. Абхазцы хорошо сознавали, что решается их судьба, неоднократно просили высшую власть брать их в солдаты и снять с них позорное имя «виновных», но ни одна просьба абхазцев, по их словам, не доходила до царя, и они с лишком 30 лет считались «временными жителями» родной земли. Только с назначением на пост наместника Кавказа Воронцова-Дашкова дела Абхазии принимают совершенно иной

оборот: назначается внимательный окружной начальник, решается вопрос о мере виновности абхазцев перед русским правительством. Беспристрастные следователи пришли к справедливому выводу, что абхазцы преданные и такие же, как и другие, верноподданные русские, что все содеянное ими против правительства – результат неумелого обращения с ними местных властей. Обо всем этом совет министров довел до сведения монарха, который указом своим велел два года тому назад уравнять абхазцев в правах с остальным населением империи.

Царское распоряжение было объявлено абхазцам при необычайной торжественной обстановке в сел. Моквы. Вот самая краткая и скорбная характеристика бурной, всегда полной воинских тревог и кровопролития, жизни абхазцев.

Через несколько месяцев исполнится столетие со дня покорения Абхазии. Интересно посмотреть на итоги векового культурного развития колоссального государства на эту «заброшенную страну». Приведу выдержки из просьбы, поданной директору канцелярии наместника Кавказа прошлым летом, когда он ревизовал Абхазию. Это была первая ревизия в продолжении 100 лет.

Петиция начиналась так: «при нашей темноте, поголовной неграмотности, мы не в состоянии принимать участия в устройстве нашей жизни и потому должны слепо, всецело доверять ближайшим нашим начальникам: участковому приставу и полицейским стражникам, ибо высшее начальство редко когда посещает нашу заброшенную страну, а между тем многое хотелось бы передать ближайшим помощникам нашего царя; среди них вот несколько просьб». Здесь начинается изложение того, как с них взыскиваются путем экзекуции по два налога; говорится о медицинской беспомощности. «Гибнем мы, – говорится в просьбе квитоульцев, – благодаря отсутствию медицинской помощи. Для нас недоступны как врачи, так и медикаменты. Чтобы вызвать фельдшера из Очемчир, нужно заплатить 15-20 руб. за один визит; конечно, редко, кто вызывает его, и мы предоставлены естественному течению болезни; поэтому неудивительно, если у нас смертность больше рождаемости, ибо были случаи, что люди умирали за неимением простого слабительного. Умоляем ваше превосходительство, – заключают абхазцы, – помочь, если есть какая-нибудь возможность, выручить нас из грозящей беды; до слез жаль, когда на наших глазах умирают дети наши от лихорадки, за отсутствием хинина». Вот вопль вырождающейся нации!».

Говорилось в просьбе и об образовании. «Существующий у нас, – говорили жители Абжуа, – I клас. училища, сделавший несколько выпусков, не дал никакой пользы. Дети научаются еле-еле подписывать свои фамилии. Русскому языку не научаются, книг вне дома не читают; развитие их ниже тех

ребят, которые остаются у сохи. При такой постановке дела у абхазцев развивается только отвращение к образованию и в последнее время редкий родитель отдает своего сына в сельскую школу. Посему желательно иметь школу с более обширной программой, с хорошо образованными учителями; если этого нельзя, то лучше деньги, ассигнуемые на школу, употребить на поднятие народного здравия, а школы закрыть».

Осмелились говорить абхазцы и о полицейском разгуле. «Мы привыкли думать, – говорится, – что все, состоящие на царской службе, должны соблюдать закономерность, а потому не можем допустить, чтобы высшее начальство разрешило применять к нам физические наказания. Мы с охотой будем указывать «порочных лиц» и высылать их по приговору, но применять к подозреваемым неслыханный нами способ исправления, просим отнюдь не разрешать».

После перечисления еще ряда просьб и жалоб, абхазцы заканчивают: «в заключение покорнейше просим изложить наместнику Кавказа эти наши просьбы и слезные мольбы. Многое еще хотелось доложить высшему начальнику края, но ограничились вопросами более всех волнующими нас, несчастных и обездоленных абхазцев».

«Кавказский край», 1909, 20 сентября.

«ЗАБЫТЫЙ КРАЙ»
К столетию со дня покорения Абхазии (1810 – 1910)

Еще Сократ сказал: «Заговори, чтобы я тебя понял». Я думаю, будет вполне уместно отнести это выражение к непонятным и мало известным русской публике абхазцам.

Абхазцы о себе не могли говорить, ибо у них не было письменности, не было образованных людей, а между тем это один из древнейших народов Кавказа, выстрадавшего в своем историческое прошлом немало и сохранившего каким-то чудом свою индивидуальность. Грузины, армяне сами говорят за себя, они сами в состоянии были изложить подробный исторический путь своего народа. Но не такова была судьба злосчастной и мало доступной Абхазии. Многие русские бытописцы не только не способствовали делу единения Абхазии с коренной Россией, но старались вызывать в русском читателе отвращение к этим людям. Первое знакомство с Абхазией и абхазцами дает известный генерал Дубровин в своем труде «История войны и владычества русских на Кавказе». Извращение истины в этом труде доходило до изнурительной бесцеремонности; нравы, обычаи, политический, экономический строй, религиозные верования абхазцев обрисовываются

в совершенно ином виде. Что удивительно? Дубровин не был в Абхазии и в глаза не видел ни одного абхазца. Другая писательница Кавказа – Желиховская, получившая у кавказских критиков имя «сумасбродной женщины», умудрилась описать жизнь и нравы абхазцев с парохода русского общества. Правда, были в Абхазии и серьезные русские писатели; упомяну мало известный, но в высшей степени ценный труд Г. Альбова «Этнографические наблюдения», «Живая старина». Альбов пять лет путешествовал по Абхазии, непосредственные личные наблюдения дали ему возможность проверить все сбивчивые литературные сведения о домашнем и общественном быте, характере, религиозных верованиях абхазце. Посетил Абхазию и известный писатель Евг. Марков, который посвятил Абхазии следующие строки – «мы русские, своим неумелым обращением, погубили, разорили абхазцев, а, между тем, народ этот чудный, вежливый... настоящие французы Кавказа». Все эти писатели захватывали только период своего времени, и никто из них не говорит о прошлой абхазцев.

Заметим, что абхазцы известны были еще первому летописцу Нестору под названием «абезов» и что народ «абеза» упоминается в числе приходивших в Киев для построения церкви св. Софии при св. князе Владимире. Наконец, русские князья удельного периода вступали в брачный союз с дочерьми князей абхазских (см. у Нестора, ст. 323, 424, 477).

Если взглянем вглубь исторических фактов, то найдем, что Абхазия в продолжении громадного промежутка времени подвергалась многим политическим изменениям. За семь веков до Рождества Христова нынешнюю Абхазию завоевывали греки, которые не отбирали у абхазцев самоуправления до тех пор, пока они не подпали под власть понтийского царя Митридата (за 100 лет до Рождества Христова).

После Митридата страна эта подчинилась влиянию Рима и во время гонения христиан она была местом ссылки последних. Во время войн византийцев с персами, абхазцы, пользуясь слабостью воюющих сторон, объявили себя независимыми и избрали двух царей. Со стороны Византии абхазцы в этом встретили противодействие, и после жестокого сражения византийцы взяли построенную абхазцами крепость у входа знаменитого Трахейского ущелья и окончательно подчинили своей власти Абхазию. Следствием этого подчинения было принятие абхазцами учения христиан, семена которого были внесены в Абхазию еще учениками Иисуса Христа; с этого времени и вплоть до самого падения Византии Абхазия переживает лучшие годы своей жизни. Она получает собственного правителя «архонта» и делается сильным царством, простирая свое нравственное влияние на многочисленные соседние народы, подчинив себе горные народы и даже Лазику.

Первый из архонтов Абхазии, Леон I, объявивший себя царем в 786 году, был родоначальником царей, правивших Абхазией до 985 года по Рождестве Христове.

Со дня принятия христианства (V в.) Абхазия развивается не только в пространственном своем величии, но также и в культурном отношении.

В XI в. Абхазия переписывает высший культ своего духовного развития, страна, в полном смысле слова, усеивается школами, монастырями, городами, грандиозными общественными постройками; эти молчаливые свидетели вымершей цивилизации Абхазии до сих пор уцелели во многих местах.

С падением Византии и с появлением турок, внесших мрак и произвол, Абхазия идет на путь усиленного регресса; культурный облик ее изменяется до неузнаваемости и она с лишком 400 лет борется с угнетательницей – Турцией, отстаивая свою веру, свою индивидуальность. Следствием влияния турок было то, что многие абхазцы стали переходить в ислам, в стране развилась торговля невольницами и невольниками, чувство гражданственности у абхазцев начало изглаживаться.

В таком виде застает их русское правительство. По словам истории, сами абхазцы добровольно приняли русское подданство в 1810 году; но не успокоение и не культуру внесли русские в начале своего «владычества». Бесцеремонность в обращении с абхазцами местных властей доходила до безобразия. Лучшие, протестующие абхазцы начинают бросать свою излюбленную Абхазию и переселяться к чуждым им туркам. В стране поднимается смута; так, в 1821 году, в Абхазии вспыхнул сильный мятеж, подавленный генералом Горчаковым. В 1864 году часть абхазцев возмущается в селе Соуксу (1866 г. – Р. Г.), убивает окружного начальника, полковника Конъяра, 4-х офицеров, чиновника Черепова и 54 казака из конвойных и сами в количестве 2000 человек поджигают Сухум. В ответ на это правительственные войска уничтожают дотла с. Лыхны. В 1866 году (1867 – Р. Г.) жители Цебельды и Дала, после упорной и жестокой войны с русскими переселяются в числе 10.000 душ в Турцию; приблизительно в это же время часть абхазцев переселяется в Баталпашинский отдел, где они известны под именем абазинцев.

Настает злосчастная для абхазцев последняя русско-турецкая война. Абхазцы опять заволновались, берут с боя Сухум и поджигают все правительственные здания, окружают и уничтожают поголовно отряд полковника Мкеладзе, загоняют сухумские полки в цебельдинские теснины и преследуют генерала Алхазова до самых границ Самурзакани.

Кончилась война, восторжествовало русское оружие, и абхазцы, заранее зная, что их ожидает, покинув родину, переселяются в Турцию».

Осталось в Абхазии (по последней перенеси) только 30 тысяч душ обоего пола, это все, что уцелело из 70 тысяч абхазцев.

Опустевшие земли были розданы чиновникам, пришельцам грекам, армянам и мингрельцам, а лучшие горные части были превращены в «казенные». Но этим не кончилась немилость русского правительства: оставшиеся абхазцы объявляются «виновным населением», лишаются прав на земли, коронной службы, и проектируется план о поголовном выселении абхазцев «в отдаленнейшие губернии России». Впрочем, план этот не удается, благодаря вмешательству, как говорят, великих князей с Михаилом Николаевичем во главе.

Абхазцы хорошо сознавали, что решается их судьба, неоднократно просили высшую власть брать их в солдаты и снять с них позорное имя «виновных», но ни одна просьба абхазцев, по их словам, не доходила до царя, и они с лишком 30 лет считались «временными жителями» родной земли. Только с назначением на пост наместника Кавказа Воронцова-Дашкова дела Абхазии принимают совершенно иной оборот, вопрос о мере виновности абхазцев перед русским правительством разрешается окончательно и два года тому назад они были уравнены в правах с остальным населением империи.

В этом году исполнится столетие со дня покорения Абхазии.

Интересно посмотреть на итоги векового культурного развития колоссального государства на эту «заброшенную страну».

Приведу выдержки из просьбы, поданной директору канцелярии наместника Кавказа прошлым летом, когда он ревизовал Абхазию. Это была первая ревизия в продолжении 100 лет. Петиция начиналась так:

«При нашей темноте, поголовной неграмотности, мы не в состоянии принимать участия в устройстве нашей жизни и потому должны слепо, всецело доверять ближайшим нашим начальникам: участковому приставу и полицейским стражникам, ибо высшее начальство редко когда посещает нашу заброшенную страну, а между тем многое хотелось бы передать ближайшим помощникам нашего царя; среди них вот несколько просьб».

Здесь начинается изложение того, как с них взыскиваются путем экзекуции по два налога; говорится о медицинской беспомощности.

«Гибнем мы, – говорится в просьбе квитоульцев, – благодаря отсутствию медицинской помощи. Для нас недоступны как врачи, так и медикаменты. Чтобы вызвать фельдшера из Очемчир, нужно заплатить 15-20 руб. за один визит; конечно, редко, кто вызывает его, и мы предоставлены естественному течению болезни; поэтому неудивительно, если у нас смертность больше рождаемости, ибо были случаи, что люди умирали за неимением простого слабительного. Умоляем ваше превосходительство, – заключают абхазцы, – помочь, если есть какая-нибудь возможность, выручить нас из грозящей беды; до слез жаль, когда на наших глазах умирают дети наши от лихорадки, за отсутствием хинина».

Вот вопль вырождающейся нации!».

Говорилось в просьбе и об образовании.

«Существующий у нас, – говорили жители Абжуа, – I клас. училища, сделавший несколько выпусков, не дал никакой пользы. Дети научаются еле-еле подписывать свои фамилии. Русскому языку не научаются, книг вне дома не читают; развитие их ниже тех ребят, которые остаются у сохи. При такой постановке дела у абхазцев развивается только отвращение к образованию и в последнее время редкий родитель отдает своего сына в сельскую школу. Посему желательно иметь школу с более обширной программой, с хорошо образованными учителями; если этого нельзя, то лучше деньги, ассигнуемые на школу, употребить на поднятие народного здравия, а школы закрыть».

После перечисления еще ряда просьб и жалоб, абхазцы заканчивают:

«В заключение покорнейше просим изложить наместнику Кавказа эти наши просьбы и слезные мольбы. Многое еще хотелось доложить высшему начальнику края, но ограничились вопросами более всех волнующими нас, несчастных и обездоленных абхазцев».

«Закавказье», 1910, I / IV.

ИЗ ДАЛЕКОЙ АБХАЗИИ
(От нашего корреспондента)
«Летучая команда»

Даже российский обыватель, привыкший к разного рода институтам полицейских установлений, наверно, удивится изобретательности, с какой у нас вырабатываются особые виды полиции для некоторых местностей Кавказа и в частности, например, для Сухум. округа, я говорю о «летучей команде стражников» в Абхазии.

Абхазцы, как известно, давно оттеснены от северокавказских горцев, от побережья Черного моря, причем, освободившиеся земли были розданы чиновникам, пришельцам грекам, немцам, эстонцам и мингрельцам, а лучшие горные части превращены «в казенные», помимо этого сами абхазцы были объявлены «виновным населением», лишены прав на земли; этого оказалось мало, нашли, что русские законы, для этих «временных жителей» родной земля, слабы, а потому здесь ввели особое «военно-народное управление», которое существует здесь и по сие время. Удивительно то, что приемы управления этим краем не смягчаются с течением времени, так например, «летучая команда» о которой будет речь впереди появилась ровно через 78 лет со дня присоединения Абхазии к России, и это после того, как

в 1905 году, сам Наместник Кавказа, Воронцов-Дашков, нашел, что «абхазцы ведут себя похвально» и донес об этом Государю императору.

Похвальное «поведение» способствовало изданию Высочайшего указа об уравнении абхазцев в правах с остальным населением империи. Казалось «грустный страждущий край» заживет новой жизнью, «истомленный народ» вздохнет свободнее, но учреждаются новые типы полиции и мы снова наблюдаем печальные картины жизни абхазцев.

На содержание «летучей команды» и на ее вооружение взыскивается с абхазцев в общем в год минимум: 199914 руб.[1] Вначале, в бытность начальником округа кн. Джеондиери и начальником участка Чигогидзе, «летучая команда» отвечала прямому своему назначению, т. е. являлась милицией в помощь сельским старшинам, но оба эти начальника должны были уйти, во главе правления стали новые лица и на «летучую команду» стали возлагаться иные функции.

Это немедленно же отразилось на положении вещей в крае.

Еще в 1908 г. абхазцы обращались с жалобами в высшие сферы. «Мы привыкли думать, – говорилось в одной жалобе, – что состоящие на царской службе должны соблюдать закономерность, начиная от стражников, а потому не можем допустить, чтобы высшее начальство разрешило применять к нам физические наказания. Мы с охотой будем указывать порочных лиц и высылать их по приговору, но применять к подозреваемым, неслыханный нами, со дня нашего подданства русскому правительству, способ исправления, просим отнюдь не разрешать».

Жалоба эта, однако не возымела должных результатов.

Положение абхазцев в настоящее время самое отчаянное.

Чтобы дать некоторое понятие о том, что происходит сейчас в Абхазии, я перейду к съезду жителей 16 тысячн. Кодорского участка в сел. Мокви. Съезд был созван начальником участка 25 июля.

Так как в этом году исполняется 100-летие со дня присоединения Абхазии к России, то я, предполагая, что здесь будут подводиться итоги векового культурного влияния колоссального государства на эту «заброшенную страну», отправился на это собрание в качестве репортера.

Я видел съезды других горцев в Кубан. обл., видел гуманное отношение к ним атаманов отделов, но оказывается при «военно-народном управлении» ничего подобного не полагается. Даже сидеть здесь не принято, таких счастливцев только 6 и для них приготовлены места, а все остальные 300 человек должны стоять. Скоро подъехал участковый начальник (в чине корнета), конвоируемый всей «летучей командой».

[1] Я беру здесь налог только с коренных жителей, взыскивается и с иногородних.

Абхазцы тесным кольцом окружают своего начальника, будучи сами окруженными «летучей командой». Заседание открылось, причем, «совещание» происходило при «команде», вооруженной с ног до головы. Если посмотреть со стороны, то получалось впечатление, будто все мы участники съезда, военнопленные, только что захваченные «летучей командой».

И надо только удивляться строгости местных властей, ведь они давно знают, что абхазцы народ мирный, обезоруженный, им запрещается даже ношение «ножа большого формата», для чего же, спрашивается, держать наготове винтовки? Неужели на мирных, спокойных абхазцев нужно действовать архаическим способом устрашением?..

Несмотря на такую страшную обстановку, абхазцы заговорили и в каждом слове их было много горечи.

О чем же они просят у начальника?

1) Не взыскивать с них лишний налог, 2) не дозволять заведывающему командой творить беззакония. На первую просьбу г. начальник ответил «с этим злом трудно бороться». По второму вопросу ряд ораторов, в числе их князья – Таташ Маршания, Дм. Маршания, Заурбек Дзапш-ипа, Коция Анчабадзе и др. приводили массу фактов лихоимства, истязания, глумления над личностью и т. п.

Вообще излагали все, что накопилось у народа за последние годы...

Какое же удовлетворение получили абхазцы? Г. начальник ответил приблизительно: заведывающий командой (такой-то) служит, он урядник, а потому только прямое его начальство имеет право спрашивать у него отчет, причины бездействия и пр. Разбирать действия его вы не имеете права, и я запрещаю это обсуждать; требования отчета – это посягательство на права г. начальника, как прямого начальника заведывающего командой. Те же ораторы спрашивают начальника, что делать им, абхазцам: требовать отчета расхода общинных денег нельзя, на беззаконие жаловаться нельзя, а между тем, народ страдает от бесконтрольной «летучей команды».

На это г. начальник ответил, что «жаловаться можно», но кому жаловаться несчастным абхазцам и кто виноват в их несчастьи?

Я ничего не имею против урядника, заведывающего «летучей командой», он открыто говорил мне: «20 марта 1908 г. я был простым стражником, но, получив от окружного начальника приказ уничтожить воровство и разбои, не брезгая средствами, я, как нижний чин, должен был исполнить приказ и стал действовать».

Неужели в дни нашей жизни, в дни ревизий, не будет обращено внимание на «забытый край» и хорошо было б, чтобы хотя в знак 100 лет. юбилейного подарка маленькая Абхазия добилась основательной ревизии.

«Отклики Кавказа», 1910, № 257.

ИЗ ДАЛЕКОЙ АБХАЗИИ
Местечко Очемчиры

Кто не восхищается дивной Абхазией – этой давно воспетой частью «Пламенной Колхиды!».

По своей роскошной растительности и очаровательным видам эта местность давно заслужила имя «перла Кавказа».

Туристу, едущему на пароходе из России, сразу бросается в глаза контраст между ландшафтами Черноморской губернии и Абхазии.

Вы одинаково восхищаетесь Гаграми, Гудаутами, Новым Афоном и чудным Сухумом; но далее внимание ваше, в восприятии новых впечатлений, становится пассивным, вы начинаете жить только виденными прелестями, вам уже не ждать новых пейзажей, а при виде Очемчиры вами даже овладевает некоторая грусть. Ваши эстетически настроенные чувства никак не могут примириться, видя такую сильную резкость в перемене картин. Еще издалека вам кажется, что местечко сидит по горло не то в земле, не то в болоте. При высадке с парохода, вы воочию убеждаетесь в последнем. Вам уже не верится, что вы уже в Абхазии, по крайней мере в преддверии ее; тут все так неинтересно, серо, безжизненно и нудно. Если в Сухуме, Гаграх и Афоне воздух был насыщен приятным ароматом, доходящим в этих местах весною да приторности, то в Очемчирах обоняние ваше тоже начинает усиленно работать, но только не от благовонных ацелей, каприфоль, рододендров, орхидей и разных мотыльковых растений (их как бы тут и не родина), а от смрада болотной гнили и пр. пр.

Казалось, легко можно было найти на берегу Черного моря хорошее место для поселения, благоприятное для его поселяющих, но Очемчиры, по какой-то злой иронии судьбы, лишился этой возможности и оказался закопанным в котловине, где и влачит жалкое свое существование, как волжский белян на болоте.

При здешних обильных атмосферных осадках, при господствующей апатии обывателей в уничтожении гибельного влияния излишества влаги и даже отсутствие малейшего старания в этом направлении, вы легко можете себе представить, как далеко зашло это злосчастное местечко в обладании всеми дарами болота. А ведь здесь уже городское положение, имеется хозяйственно-полицейское управление, тут же участковое управление, таможня, п.-телеграф, контора, мировой отдел и др. учреждения. Ко всему этому надо добавить и то, что тратятся крупные деньги якобы на поднятие благосостояния города. Даже имеется налицо такой чудовищный факт, кажется, раскрытый директором канцелярии наместника Кавказа, ревизовавшим Абхазию и, в частности, м. Очемчиры; дело

в том, что были потрачены сорок тысяч местечковых денег на его «благоустройство».

Деньги, действительно, ушли куда-то, но Очемчиры ничуть не устроился, он остался при нескольких старых допотопных фонарях «на кривых ножках».

Потратив крупные деньги, опустошив без того пустую кассу и оставив Очемчиры опять таким же свалочным местом для всяких нечистот, – это, по меньшей мере, преступно со стороны тех господ, которые считаются фактически попечителями города.

Затхлая атмосфера не уменьшилась, место опять погибает во мраке, убыль грязи в болотах не замечается, доказательством тому служит следующий невероятный факт: года два тому назад в одном из болот Очемчиры утонул стражник вместе с лошадью.

Большой интерес представляют жители мес. Очемчиры; большинство из них мингрельцы, потом идут турки, армяне, грузины, греки и даже русские и абхазцы. Говорят они на своеобразном языке; причем корень слов всегда мингрельский, приставки, суффиксы и флексии отчасти русские, отчасти грузинские, а то турецкие и абхазские, и в общем получается особое очемчирское наречие. Удивительно то, что «местные» адвокаты, имя которым легион, объясняются в судах и др. правительственных учреждениях на этом очемчирском языке.

Нельзя упрекнуть очемчирцев в отсталости: у них два фаэтона, кафе «Америка» и «нормальное 2-х классное училище», и даже в этом году, да будет к чести им сказано, очемчирцами было найдено, что такое училище не удовлетворяет требованиям времени и стали помышлять о более высшем типе учебного заведения», но, к сожалению, остановились на «ненормальном» типе, именно: городском училище по полож. 72 года.

О других проявлениях умственного запроса очемчирцев говорить не приходится, здесь нет ни читальни, ни библиотеки и даже в «Америке» нет ни одной газеты и посетитель, если он не принадлежит к местной интеллигенции, должен оставить это «общественное собрание», так как здесь люди упражняются в курении и игре в карты (обыкновенно в кончину).

Среди пестрой публики в этом клубе вы находите педагогов, их можно узнать по форменной фуражке (кстати, их здесь не снимают, да и вешалок нет на то). У нас в России, слава Богу, поколение учителей – Кутейкиных уже вымерло повсеместно, но «военно-народная» Абхазия обладает учителями с азами и буками. Эти «просветители» получают такое мизерное образование, что не имеют права претендовать даже на звание местного адвоката.

* * *

Мудрое наставление практичных людей – «держать нос по ветру» – присущ и очемчирцам,: причем они умудряются даже до ветра определить его направление; такое поспешное усердствование приводило к разным курьезам, особенно их было много в «дни свобод». В 1906 г. в Очемчиры высадился Алиханов и местечко Очемчиры и вся Абхазия вошли в район его деятельности.

«Отклики Кавказа», 1910, № 259.

О ЧЕРНОМОРСКОЙ ЖЕЛЕЗНОЙ ДОРОГЕ (Ново-Сенаки – Сухум)

Давным-давно производятся разные изыскания по разным направлениям, составляются проекты для определения наилучшего пути сообщения Черноморского побережья с Закавказьем, проспекты стоимости дороги и прибыльности ее одабриваются неоднократно Петербургом, так о колоссальном значении проектируемой дороги для государства в военном и экономическом отношении – двух мнений никогда не было, ибо и центральная власть должна была согласиться с известным ученым археологом Чернявским, неоднократно поднимавшем вопрос о «забытом древнем пути», богатом водами, рудами и лесами, указывавшее на необыкновенное богатство абхазских минеральных вод, почти совершенно неизвестных, но ценность которых возвышается, по сравнению с пятигорской группой, редким по своей целебности сухумским климатом; указывалось на необыкновенное богатство лесов «Золотой Колхиды» (говорю об Абхазии), в которых в неисчерпаемом количестве находятся такие ценные породы, как самшит, ореховое дерево, каштановое и даже негной дерево (красное), не говоря уже о вековых дубах, но все это вместе взятое не могло сдвинуть воз, который и доныне на одном месте.

В настоящее время вопрос о железной дороге Сухум-Ново-Сенаки похож на близкое осуществление.

Командированный из Петербурга генерал Тизенгаузен многое сделал в ускорении решения этот вопроса.

Говорят г. Тизенгаузену вменено в обязанность привлечь к постройке дороги население Абхазии и Мингрелии путем подписки, для покрытия 9 ½ мил. руб., на акции и безвозмездной уступки под железнодорожную полосу свои земли.

Население с живейшим интересом относится к докладам генерала Тизенгаузена и спешит подписаться на акции, т. к. это необходимо для получения от правительства концессии.

Казалось, такому культурному начинанию только должны радоваться все, в ком дороги интересы отечества, но последние газетные сведения говорят нам, что нашлись люди с таким узколичным эгоистическим расчетом, которым наплевать на интересы населения и государства, я говорю о стоглавой гидре, сиречь «Русском обществе пароходства», неоднократно пожиравшем все проекты по сооружению упомянутой дороги и в данном случае усиленно желающем «снять вопрос с очереди», и есть основание, что черноморскому монополисту и на этот раз удастся, во имя своего кумира – «золотого тельца», затормозить благое дело г-на Тизенгаузена. Но неужели это будет?

Ведь теперь кажется и таким акционерам как «Рус. об. парох.» не всегда удается сделать так, как им выгодно; и для о-ва Владикавказской железной дороги, главная аорта которой уже разорвана двумя общественными дорогами – Армавир-Туапсинской и Черноморско-Кубанской. Да будет то же самое и с ненасытным «Русским Обществом»!

«Отклики Кавказа», 1910, № 351.

УЖАСЫ ЗИМЫ В СУХУМСКОМ ОКРУГЕ

Страна теплого южного солнца, – пламенная Колхида, где в это время обыкновенно расцветают розы, фиалки, цикламены, благовонные ацилеи, каприфоль, пышные рододендроны и тысячи ярких орхидей, где годовая изотерма зимы редко понижается ниже 1-2° ц., в настоящее время, волей стихии, вся засыпана невероятно глубоким снегом. Из телеграмм мы уже знаем, что по обилью выпавшего снега и его жертвам Сухумский округ один из наиболее пострадавших местностей Закавказья.

Снег стал идти здесь с 6-го января и шел крупными хлопьями непрерывно 20-24 дн. (в Гудаутах). Еще в первую неделю он в прибрежных местах (Гаграх, Гудаутах, Очемчирах, Сухуме), достиг 2,5 арш. высоты, а ближе к нагорной плоскости – в абхазских селах – глубина стала достигать 7-10 арш. Сведений же с горных сел Абхазии Ткварчели, Цебельда, Дал и Верхний Чилови) до сих пор не имеется, но абхазцы соседних сел уверяют, что в этих местах «и верхушки громадных дубов едва заметны из под снега»[1]. Жертв человеческих выяснить пока нет возможности, ибо население, живущее отдельными хуторами, по сие время изолировано снегом. В первые дни вся борьба жителей сводилась в очистке крыш домов.

Мужчины, женщины и даже дети одинаково работали день и ночь, но скоро поднялась сильная метель, людей стало с крыш срывать, дома окончательно сравнялись с поверхностью выпавшего снега, к тому же морозы

[1] Цитирую из полученного письма от чиновника В. С. Ч.-зе. Письмо написано 10 февраля.

достигли 20-90°; здесь, к общему бедствию населения, явился набег зверей. Бездна разного хищного зверья: волки, шакалы, гиены, лисицы, выдры, кабаны, медведи и пр. побросали непроходимые дебри абхазских лесов и «стали врываться в жилые помещения». Населению, которому почему-то запрещено властями держать при себе какое бы то ни было оружие, приходилось «вступать в рукопашный бой со зверями». Жертв и с этой стороны много, но не выяснено сколько. Небывалые морозы, продолжительная голодовка сделали зверей еще злее и смелее. В квирильское управление «вбежали три громадных диких кабана», сельскому попу и другим служащим пришлось уступить присутственное место непрошенным гостям. Вызванные из окрестных мест абхазцы «освободили управление». Одинаково вбегали в дома масса диких коз, зайцев, влетали фазаны, дикие индейки и пр. дичь. По словам моего корреспондента, «абхазские девушки руками ловили диких коз».

Так как скотина здесь круглый год пасется на подножном корме, то население не приготовило никаких запасов к этой зиме, а потому скот стал погибать от голода, а большая часть была засыпана снегом.

На обыкновенных лыжах нельзя было ходить по снегу, а потому «абхазцы придумали особое приспособление: они из прутьев ивы делали плетушки и надевали на ноги», только в этом случав снег мог удержать человека. «Люди из дому выходили не из дверей, а делали отверстие на крыше домов».

Правительственная помощь за это время сказалась только в том, что было отдано приказание измерить глубину снега в разных местах округа.

газ. «Отклики Кавказа», № 41, 1911.

С БЕРЕГОВ ЧЕРНОГО МОРЯ

Береговая полоса древнего Евксинского понта (по Страбону) или страна ахеев, зихов и гениохов (обезов) из года в год приобретает интерес в широкой массе публики. А приятный мираж будущей Черноморской железной дороги дает огромный импульс в росте этого интереса. Но не красота местности, не роскошный ландшафт Кавказских гор и черноморского берега привлекают в эти благодатные места массу капиталистов со всех концов России, и даже, Европы: жизненная борьба, борьба за благоденствие делает этот край яблоком раздора между толстосумами. Дивно хорошо Черное море на Кавказе, а вместе с тем оно не играло и не играет никакой роли в жизни этого края: как черкесы и абхазцы держались, любили и дрались только за свои горы и ущелья, так и нынешние искатели «золотого руна» едут из-за долин, лесов и гор. Поражаешься количеству и разнообразию публики на парохо-

де, все классные места переполнены иностранцами, заранее захватившими койки (а прочая публика едет «без права на койку»). Англичане, французы и бельгийцы главным образом едут в Гудауты. Когда-то неизвестное местечко Гудауты в будущем сыграет огромную роль; плановые места покупаются нарасхват, за одним Армавиром числится 67 планов. Слыша разноречивый разговор на палубе, поневоле вспоминаешь далекую седую старину, когда римляне для торговых дел, содержали в этих местах, по свидетельству Плиния, 300 переводчиков для разных народов, торговавших здесь.

Дивный Н.-Афон своей роскошной растительностью и очаровательным видом манит к себе толпы экскурсантов, которые восхищаются внешней красотой этой обители. О внутренней красоте «благочестивой» жизни монахов, «отвергшихся мира и плоти, презревших доброту телесную и мимоходящую тленную славу, избравших житие бесстрастное, прискорбное и жестокое» по независящим обстоятельствам, говорить не приходится, но за афонскими иноками, помимо всех тех привилегий, какими принято пользоваться «за монастырскими стенами» числится следующий, известный всей читающей России факт: в эту зиму среди монастырских рабочих появился сыпной тиф; монахи, «избравшие житие прискорбное и жестокое», опасаясь за свое здоровье, в самые сильные холода удалили несколько сот зараженных рабочих, которые, скитаясь по побережью, как известно, занесли ужасную заразу в Сухум, Гудауты, Туапсе и Геленджик.

К каждому пароходу на фелюге приплывают несколько монахов и, очевидно, не без цели они сюда являются: они вертятся около классных пассажиров, то и дело слышится проповедь: «идите наслаждаться умилительнейшим антифонным пением афонского напева» или вроде: «живя в монастыре, чувствуешь себя совершенно в иной нравственной атмосфере, невольно прилагаешь свой ум на небесное, ибо здесь дух возносится над плотью»... Но вид этих пышущих здоровьем проповедников, как-то не вяжется с их тягучею елейною речью и «приложением своего ума к небесному».

Подъезжаем к Сухуму, Сухум и его окрестности – богатейшее в мире древнее кладбище, совершенно изуродованное, разграбленное без всякой системы, без всякой научной цели. Город Диоскурий, позже по Птоломею, Севастополь, где ныне Сухум был самым древним поселением греков, искавших торговли с Кавказом. В настоящее время Сухум по своему мягкому климату, считается одним из лучших курортов России.

От ужасов минувшей зимы Сухум с его вечнозелеными растениями средиземноморской флоры, сильно пострадал. Подъезжая на пароходе ужасаешься, видя на месте гордых пальм, банан, бромиллии, олеандр и мирт, высохшие кочерыжки. Бедствие небывалой зимы более всего отразилось на сельском населении; прямо-таки не поддаются никакому описанию и

перечислению размеры бедствия. Роскошные девственные леса Абхазии, в которых во множестве обитали дикие козы, серны, фазаны, горные индейки и тысячи разновидностей из пернатого царства, навсегда обречены на могильное молчание: все они погибли. Что и говорить о народном бедствии! Абхазия – это «долина слез». Абхазцы всегда вне правительственной помощи; мольбы, плач этого народа не идут палее канцелярии начальников участков. Следующий невероятный факт административного глумления над населением покажет, насколько далеко зашел в этом безапелляционном крае полицейский разгул. Жители Тамышской общины, видя, что «в виду продолжительной засухи ожидается ужасная голодовка на будущий год, т. к. большая часть полей не засеяна», а засеянные не дают всходов, а в эту зиму многие из них лишились рабочей скотины, «руки их отмерзли, скребя снег», истощенные борьбой и лишенные жилищ, они обратились[1] к начальнику участка с просьбой оказать им «правительственную помощь». Это было их законное право. Что же ответил на эту официальную бумагу начальник? Его Высокоблагородие кладет собственноручно резолюцию[2]:

«В канцелярию пророва Илии с просьбой пустить в ход (!) колесницу», Легковерные крестьяне, получив такое официальное отношение начальника, приняли его за милость, уж стали представлять пророка Илию, который правит тройкой лошадей, несущихся к небу с просьбой абхазцев, но более разумные в глупой резолюции усмотрели обычное пренебрежение начальников к нуждам абхазского населения. А ведь такому начальнику вверена судьба 20 тыс. населения.

«Отклики Кавказа», № 162, 22/VII 1911.

СВЕТ И ТЕНИ
(Об Абхазии и абхазцах)

Едва ли можно найти на всем Кавказе более отдаленную, заброшенную и лишенную даже самых примитивных удобств человеческого жития страну, чем Абхазия и Сванетия.

Эти две страны, поистине, составляют Непал и Бутан Кавказа.

Многие кавказские народы, желая упрекнуть известную местность в отсталости: в неимении школ, медицинской помощи, дорог, наконец, желая указать на отсутствие каких-либо гарантий личности и имущества населения, говорят– «здесь у вас чувствуешь себя совершенно как в Абхазии или Сванетии».

---

1 От 20 июня, за № 388.

2 Отношение за № 3620, от 27 июня.

И это так!

Я горец Кавказа, истый абхазец, я хорошо знаю быт и тайники души родного мне абхазского народа. Эти рыцари старины, богатыри духа, носители светлой правды, в современной борьбе политико-экономической неразберихи постепенно теряют прежний облик своего величия, идут по наклонной плоскости, а под ним зияет ужасная пропасть окончательного падения. Говорят, абхазцы вымирают, И вымирают, говорят, очень быстро. Нам воочию приходилось убедиться в справедливости этого мнения: но почему народ, который имеет за собой двухтысячное славное прошлое, народ, неоднократно переживавший ужасы за свою политическую самостоятельность, самобытность, народ, выросший на арене бесконечных войн разных племен, народ огнем и мечом отстаивавший свою дивную «страну души» (Апсны, по-абхазски), наконец, народ вкусивший добрые семена высшей культуры (в период греческого влияния) – теперь, в сравнительно мирное для него время, сходит со сцены.

Где и как называется тот ужасный мор, который безжалостно ускоряет смерть этих ветеранов седой старины, родоначальников горских племен угрюмого Кавказа?

Мое скромное мнение по этому вопросу, мнение, основанное, как я говорил, на знании психики, прошлого и настоящего быта всех абхазских племен: абазинцев, абадзехов, кабардинцев, шапсугов, бесленеевцев, убыхов и джигетов, мнение, как продукт 10-летнего моего проживания среди этих племен на Кавказе и знакомства с этими же племенами в Турции, где я, путешествуя по Европе и Северной Африке, имел возможность встречаться со всеми представителями 900 тысяч населения абхазских племен, я буду излагать изредка на страницах этой газеты.

газ. «Сухумский листок», 18 ноября, № 201, 1912 г.

ТОРЖЕСТВА В АБХАЗИИ

Нашим корреспондентом прислано нам описание торжества в абхазском селении Поквеш по поводу окончания межевых работ «согласно указу 9 ноября». Это описание было им ранее помещено на страницах одной из кубанских газет.

«Указ 9 ноября», поднявший целую бурю в наших законодательных учреждениях, проведенный в жизнь, нашел живой отклик, как это ни странно, в дикой Абхазии.

На мою долю, как бытописца абхазцев, выпало редкое счастье побывать на этом торжестве.

Кортеж наш, в обществе начальника Сухумского округа, полковника Кропачева, инспектора межевого отдела при наместнике Кавказа г. Войникова, мирового посредника полковника Лакербая, чиновника поручений при наместнике Н. П. Племянникове, делопроизводителя по военно-народному управлению И. Н. Смородского, протоиерея Дм. Маргания и огромного количества представителей всех классов населения Абхазии, двинулся верхами из Очемчир вечером. Дивно-прекрасен был величественный вид вереницы этого шествия. Унылые песни абхазцев, раздававшиеся среди ночной тиши, нарушаемой разве таинственным гиканьем этих ветеранов старины, мелькающие темные силуэты их, едва заметные очертания грандиозных гор, упирающиеся в темно-синее звездное небо – все это, вместе взятое, охватывает душу каким-то таинственным трепетом, невольно переносишься в седую старину былых времен этого доисторического народа.

Поздно вечером приезжаем в с. Поквеш и останавливаемся в доме абхазского князя Ивана Ачба; хозяин наш, как все абхазцы, оказался в высшей степени гостеприимным и симпатичным человеком. Он сын небезызвестного своей службой государству Сосуркова Ачба, человека неграмотного, но занимавшего в былое время должность окружного начальника. К ужину явились работающие здесь – старший землемер Адамов и его помощник Миронов; оба они с полковником Лакербая единственные работники по межеванию земель, а потому и виновники в ускорении, этого торжества.

На другой день, в день самого торжества приехала масса абхазцев. Пред торжественным молебствием, старик-абхазец от имени всех абхазцев обратился к окружному начальнику с речью. Стенограф С. П. Басария моментально записал и перевел на русский язык следующее: «Сегодня у нас торжество по поводу окончания межевых работ в нашей общине. Земля для поселянина – это его родная мать-кормилица, но до сих пор она для нас была капризной злой мачехой, этому способствовали неблагоприятные для нас исторические события. Наше правительство неустанно старается сделать нас достойными сочленами великого государства, старается вселить в нас чувство гражданственности, привычки мирные, культурные. Ныне мы собственники, земля становится неизменной родной нашей матерью, это есть залог дальнейшего нашего благополучия; правительство указало все пути в этом направлении. Долг наш – быть благодарным по-отечески пекущемуся правительству и главе великого русского государства, нашему государю императору; просим повергнуть к стопам его наши беспредельные верноподданнические чувства. Пусть Царь Отец знает, что отныне кинжал и шашка абхазца заменяются плугом и сохой. Клянемся, что в годину трудности нашему отечеству, мы, абхазцы, будем грозными защитниками устоев великого государства. Теперь

всех сочувствующих высказанным мыслям призываем с нами за государя императора».

Благодарственный молебен совершил протоиерей Дм. Маргания, из природных абхазцев, причем служба происходила на абхазском языке. По провозглашении многолетия государю императору и наместнику Кавказа, протоиерей Маргания обратился с подобающей речью на абхазском языке к собравшимся. По окончании службы полковник Кропачев ответил на обращение абхазцев. Речь его вполне отвечала настроению дня. Текстом для телеграммы на высочайшее имя послужила вышеприведенная речь старика-абхазца. По прочтении телеграммы энтузиазм абхазцев достиг высших пределов. То место, где говорилось о «године трудности отечеству» было встречено абхазцами зловещим, дерзким гиканьем; дикие ткварчельские теснины грозным эхом ответили на эти угрозы, как бы подбадривая этих голубоглазых жителей гор боевою памятью седых времен.

Стол был сервирован в абхазском стиле, в особой постройке «ашапа». Нас – гостей – посадили за почетный стол, полукругом разместились сами абхазцы. Полковник Кропачев провозгласил тост за здоровье государя императора, опять громовое «ура». За здоровье государя пилось из особой местной посуды внушительных размеров «акаджам». Был поднят тост и за наместника Кавказа. Тамада, абхазец, полковник Лакербая провозгласил множество тостов. Абхазцы скоро оставляют свои места и тесным кольцом окружают своего начальника, полковника Кропачева. Г. Кропачев своим простым обращением за короткое время своего служения сумел снискать любовь абхазцев.

Армавир, Куб. обл.
«Сухумский листок», 1912, 25/XII.

ГОРЦЫ КАВКАЗА В ТУРЦИИ

И вспомнил я отцовский дом,
Ущелье наше и кругом
В тени рассыпанный аул...

Всех выходцев с Кавказа в Турции насчитывается до 900 тыс. душ обоего пола. Огромное большинство из них составляет так называемое западногорское племя. Делятся они в Турции на три главных ядра: кабардай, адыге и абаза.

Племя абаза (абхазцы) и адыге (черкесы) составляют большинство эмигрантов Кавказа. К племени абаза принадлежат совершенно исчезнувшее

на Кавказе народности: джигиты (садзуа) и убыхи. Эти рыцари угрюмого Кавказа, прометеевы сыны, сохранившие до сих пор в Турции прежний облик своего грозного величия. Известно, что главную касту эмигрировавших в Турцию горцев составляли лучшие, протестующие, свободолюбивые, сильные народности Кавказа.

Славные жители Дала и Цебельды, потомки легендарного героя Абхазии Баталбея Маршани до единого оставили излюбленную свою родину.

Здесь припоминается мне один характерный эпизод. Известный боевой генерал русской службы Григорий Чачба, пользующийся огромной популярностью среди горцев Кавказа, сын Алибея, потомок грозного Келишбея, в восьмидесятых годах болел в Тифлисе. В числе приезжавших по горскому обычаю навестить его, кроме абхазцев, были представители и других горцев Кавказа.

Генерал, участник покорения многих горских племен не без злой иронии спросил одного известного горца Кабарды:

– Ахмат, раньше вы доставляли в Абхазию хороших кабардинских коней, почему перестали?

Горец ответил:

– Гиргол (Григорий), на хороших конях хорошие люди уехали в Турцию; хорошие кони нужны были славным горцам.

Этот ответ, мало значащий в русском переводе, произвел сильное впечатление на присутствующих и до сих пор, среди западногорских племен, передается из уст в уста.

Не удивительно, если горцы Кавказа сразу вдохновили воинственный дух в мало организованные таборы османов. Лучшие, с мировой известностью имена из турецких государственных мужей составляли горцы Кавказа. Кто помнит мою статью: «Мать Абдул Гамида – русская», перепечатанная константинопольскими газетами, тот восстановит в памяти следующие строки:

«По протекции матери Абдул Гамида был пристроен при дворе абхазец Гогуа. Человек он был даровитый и скоро выдвинулся.

В 90-х годах уже Гогуа-паша являлся главным руководителем внешней политики Абдул Гамида. Грозный повелитель редко что делал без ведома Гогуа-паши. Он в одно время был турецким посланником в Петербурге».

Знаменитый герой Плевны – Осман-паша, возносимый европейскими специалистами наравне с Наполеоном, был горец (абхазского происхождения). Если возьмем события последних дней, быть может еще чреватых ужасными последствиями для злополучной Турции, то и тут найдем интересные сведения о наших сынах Кавказа. Убитый Назим-паша был горец (черкес). Он, будучи главнокомандующим турецкой армии, когда всюду битые турки бежали без оглядки в Стамбул, сумел удержать дезорганизованную армию у

Чаталджи. В газетах промелькнуло известие о том, что горцы Кавказа поклялись отомстить за вероломное убийство Назим-паши, и что маршал Фуад-паша (черкес, герой 77 года) и Абух-паша (абхазец) двинули свой корпус на Стамбул, чтобы свергнуть младотурецкое правительство. Абух-паша, у абхазцев Абухба, выходец с Кавказа 60-х годов, его родичи живут в Сухумском округе.

В настоящее время в турецкой армии масса офицеров и генералов из горцев Кавказа.

Горцы не несут в Турции регулярной воинской повинности, но в военное время составляют милицию из волонтеров.

Считаю нужным упомянуть, что выходцы с Кавказа, променявшие свои родные горы и ущелья на радужные обещания вольной жизни в Турции, были разочарованы.

Будучи в Константинополе мне пришлось беседовать со многими студентами (горцами) турецкой академии. Они говорили: «Мы оставили Апснэ (в переводе «страна души», так называется у горцев западного Кавказа побережная полоса от Сочи до Поти), думая сохранить свои национальные особенности, а эти (речь шла о турках) хотят совсем отуречить нас. Мы теперь настаиваем, чтобы в школах разучивали горское пение, думаем создать свою азбуку. Решили не бросать свой национальный костюм».

Видно было, что все они с горечью на сердце вспоминают свою милую «страну души».

газ. «Отклики Кавказа», № 22, 1913 г.

ОПЯТЬ В АБХАЗИИ

«Добро ищи на стороне,
а дом люби по старине»
Пословица.

Какой рой мыслей при приближении к Абхазии!

Сколько раз у стен абхазских гор плескали волны разбушевавшегося человеческого моря, сколько раз разноязычное войско императоров, то опираясь на народ, то вопреки его воле, меняло здесь своих владык!

Страна с 2500 летним прошлым! Население – абхазцы – народ, неоднократно переносивший ужасы за свою политическую самобытность, народ, выросший на арене бесконечных войн, народ, огнем и мечом отстаивавший свою дивную «страну души» (Апсны) на протяжении 2000 лет, наконец, народ, уже вкусивший добрые семена высшей культуры (в период влияния Византии), в сравнительно мирное время сходит со сцены, вымирает.

Где и как называется тот ужасный мор, который своими безжалостными щупальцами ускоряет смерть этих ветеранов седой старины, богатырей духа, носителей светлой правды, родоначальников горских племен угрюмого Кавказа?

Прекрасное разрешение этого вопроса отчасти, дал проф. Вл. Вагнер несколько дней тому назад в газ. «Рус. Слово».

Я думаю, что одной из причин, волновавшей абхазцев в разное время, была земельная неурядица. Дивно хорошо Черное море на Кавказе, а между тем оно не играло и не играет никакой роли в жизни аборигенов этого края: черкесы и абхазцы держались, любили и дрались только за свои горы, ущелья и долины.

К сожалению, наше прежнее кавказское чиновничество не учло этой особенности черкесов и абхазцев и избрало себе любимейшей системой управления обезземеливание этих племен.

Черкесским племенам пришлось выселиться, а злосчастным абхазцам было объявлено, что они только временные жители родной страны.

Такая неразбериха в земельных делах Абхазии продолжалась до назначения на пост наместничества гр. Воронцова-Дашкова. Просвещенный граф и достойный правитель его канцелярии Петерсон открыто отвергли сооблазнительное наследство кавказского чиновничества.

«Указ 9 ноября», поднявший целую бурю в наших законодательных палатах, применяется в Абхазии уже несколько лет. Конечно, абхазцу дела нет, да он и не знает, до разрухи общины. Абхазец только видит, что собственная его земля закрепляется за ним, законным хозяином, и он доволен.

«Сегодня у нас торжество по поводу окончания межевых работ в нашей общине…», – три года тому назад писала Поквешская община в телеграмме на высочайшее имя, – «земля для поселянина – это его родная мать-кормилица, но до сих пор она для нас была капризной злой мачехой. Этому способствовали неблагоприятные для нас исторические события…».

Читаем далее: «Ныне мы собственники, земля становится неизменной родиной нашей матерью. Это есть залог дальнейшего нашего благополучия… Отныне кинжал и шашка абхазца заменяются плугом и сохой. Клянемся, что в годину трудности нашему отечеству, мы, абхазцы, будем грозными защитниками великого государства».

По объявлении этой телеграммы большому собранию абхазцев то место, где говорилось о «године трудности отечеству», было встречено абхазцами зловещим гиканьем. Дикие ткварчельские теснины грозным эхом ответили на эти угрозы, как бы подбадривая этих голубоглазых жителей гор боевою памятью седых времен.

Разве мало содержания в этих немногих словах телеграммы? Виноваты ли абхазцы во всем содеянном ими против русского правительства?

Я здесь считаю весьма нужным сделать маленькую экскурсию в область исторических фактов. Упомяну малоизвестные, но в высшей степени ценные слова Евг. Маркова. Еще в 70-х годах Евг. Марков писал:

«Когда черкесская дележка была закончена, захотелось абхазской… Целыми тысячами десятин отводились высшим служилым людям Кавказа… У абхазцев были великолепные сады и плантации на берегу моря. И их, и сады их бросили на произвол судьбы, не оставив на защиту их ни одной роты войска. А когда турки забрали их имущества, жен и дочерей, и потребовали, чтобы они стали на их сторону, абхазцев, ненавидящих турок, сделали бунтовщиками. Собственной непредусмотрительностью, собственной небрежностью своею мы убили чудную страну, которая долго теперь не оправится, которую уже ничем не вознаградить. Все пусто там до сих пор. Зато сколько создалось удобных поводов, чтобы отделаться от этого беспокойного племени, как отделались мы уже от многих кавказских племен, чтобы бросить на растерзание нашей чиновничьей корысти новые десятки тысяч десятин земли, так кстати присовокупляемые к двойным окладам, к сокращенным пенсиям».

Эти строки были напечатаны более 35 лет тому назад, но они еще так недавно были свежи, правдоподобны.

В лояльности абхазцев теперь никто не сомневается, а беспристрастное высшее кавказское начальство нашло даже, что начальники абхазского края своим неумелым, нерадивым отношением к этой доисторической нации, своими незакономерными приемами управления, как бы наводили народ на разного вида дикие протесты, вроде лыхнеской катастрофы или 77-года.

Я отвлекся от прямой задачи, но прежде чем говорить о нынешнем землеустроении абхазцев думал, что маленькая историческая предпосылка была бы необходимой.

На всем Кавказе «Указ 9 ноября» впервые применяется только в Абхазии.

В России по поводу этой новой системы землепользования писалось и пишется, но наша кавказская пресса, да будет это ей в упрек, молчит на всех языках.

Быть может, это потому, что дело касается заброшенной Абхазии.

В следующей статье опишу свои впечатления, как результат 3-х летнего наблюдения.

Говоря о межевании земель по указу 9 ноября, нельзя обойти молчанием человека, который стоит во главе всех земельных работ Абжуа. Я имею в виду мирового посредника полковника А. М. Лакербай. Хорошо зная быт, тайники души родного абхазского народа, полковник Лакербай своей до-

ступностью, прямотой, искренним отношением ко всем классам населения как бы задался целью наверстать все то хорошее, чего недоставало другим крупным чиновникам Абхазии.

«Сухумский вестник», 1913, 9/VIII.

СОБРАНИЕ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ КОДОРСКОГО УЧАСТКА В СЕЛ. МОКВЫ

Народное образование: существующие школы и какие школы нужны.

Существующие у нас, – говорили собравшиеся представителя, – одноклассные и двухклассные училища мало дали пользы.

В 1-классных школах дети научаются еле-еле подписывать свои фамилии.

Русскому языку не научаются, книг вне школы не читают.

Развитие ниже тех ребят, которые остаются у сохи.

Воспитания они не получают никакого.

Полученных знаний в школе совершенно не умеют применять к жизни.

После школы они неохотно и неумело берутся за физический труд, предпочитая его служению у разных торговцев.

Мы хорошо сознаем пользу учения, мы знаем, что только образование может вывести нас из настоящего тупика.

К сожалению, существующие уже 15 лет сельские школы так мало способствуют стремлению к образованию.

Так мы, по бедности своей, не может отдавать своих детей в разные города для пополнения в селе полученных знаний, но нам нужны в селах такие школы, которые давали бы законченное, пригодное к жизни, образование; нужно, чтобы оканчивающий школу был выше по образованию, воспитанию и подготовке к жизни, чем совершенно необразованный абхазец, чего настоящие школы не дают.

Школы должны так воспитывать наших детей, чтобы они не гнушались теми занятиями, которыми занимаются их отцы – земледелием, садоводством, скотоводством; ныне же получающие же образование юноши считают за позор черную крестьянскую работу.

Желательно иметь школу иного типа, с более обширной программой, с хорошо образованными учителями.

Когда руководитель беседы рекомендовал собранию профессиональные школы, в особенности сельскохозяйственные, и разъяснил значение этих школ, то представители общин с восторгом приняли это предложение.

Все единогласно выразили желание иметь в Кодорском участке школы такого типа; нужные участки земли под показательные поля население с большим удовольствием отведет в желаемом размере.

Собрание от себя поднимает вопрос об очемчирском городском училище.

Кавказский учебный округ охотно идет на все просьбы абхазцев открыть им школы. Мы сознаем, – добавляют собравшиеся. Открытие очемчирского городского училища было разрешено только по просьбе Кодорского участка, но городскому училищу почему то разрешается открыть не в центре Абжуа, а в м. Очемчиры.

Городское училище теперь помещается в наемном здании, на постройку собственного здания под городское училище мы уже собрали и внесли деньги, но желаем, чтобы это училище открылось в каком-либо селе Кодорского участка. Воспитывать детей в этом училище мы можем, если училище будет в селе, если невозможно, мы будем просить окружного начальника вернуть собранные на постройку городского училища деньги и мы израсходуем их на другие просветительные цели.

Вопрос об открытии вообще школ представители Кодорского участка сильно заинтересовались и вопрос этот признали неотложным, пожелали выбрать от каждой общины по три лица, которым вменено в обязанность немедленно испросить указания и советы у окружного начальника и сноситься с ним следует по этим и другим вопросам.

Избраны были: по с. Адзюбжа: 1) И. Качарава, 2) Алиас Бигвава и 3) Коция Маргания.

По сел. Джгерда: 1) Хабидж Ашуба, 2) Шахан Адзинба, 3) Таташ Маршания.

По сел. Тамыш: 1) Осман Киут, 2) Дигва Ануа и 3) Мурзакан Хигубава.

По сел. Квитоули: 1) Чагиц Басария, 2) Озбек Эмухвари, 3) Муту Габлия.

По сел. Моквы: 1) Тагу Гарцкия, 2) Гудила Тактания, 3) Уча Гуния.

По селению Чилов: 1) Чакватил Ачба, 2) Чиви Ахуба, 3) Бесят Воуба.

По селению Гуп: 1) Дмитрий Маршания, 2) Квитала Минджия, 3) Гусар Гварамия.

По с. Ткварчели: 1) Тамшуг Ачба, 2) Кесоу Шакая, 3) Екуп Тарба.

По селению Поквеш: 1) Иван Ачба, 2) Колаш Джинджолия, 3) Науруз Чачхалия.

По сел. Беслахуба: 1) Кескиндж Шакербай, 2) Андрей Долбая, 3) Зафас Тарба.

По сел. Илор: 1) Кемшиш Эмухвари, 2) Мушни Маршаа и 3) Гвиндж Хвачева.

Руководить этой комиссией будут Д. Маршания и Осман Киут.

Исчезновение некоторых желательных обычаев.

Руководитель собрания доложил собранию, что у абхазцев была масса обычаев, вполне культурных, гуманных и поразительно разумных.

Была разного рода взаимопомощь, доброхотные союзы и все хорошое, доброе держалось сотни лет, а в последние годы почему-то все стали забывать.

То, что среди культурных организаций, например, учительские общества взаимопомощи, проводятся с трудом, хотя бы упомянуть вопрос о похоронной кассе, у вас, абхазцев, взаимопомощь айнихра, или, апсатату – долг душе, без понудительного устава и до сих пор существует в некоторых общинах.

Каждый порядочный абхазец, до которого был послан «горевестник», идя на похороны, должен захватить не менее рубля.

Что может быть милее этого обычая?

Или взаимопомощь «кераз», которая состоит в том, чтобы жителя общины собираются вместе и отправляются на полевые работы сперва на земли вдов и сирот, потом одиноких и т. д.

Помимо всего этого еще в памяти у вас всех наши игры, песнопения и пр.

Конечно, и это вы все бросили.

А между тем то, что мы считаем устарелым, нехорошим, вводится вновь во всех культурных государствах.

Упомянуть хотя бы:

Прыжок с шестом «ациргила-хипари».

Метание диска – ахахурпа.

Прыжок в длину «кспа» и массу др.

А какие у нас были разумные песни: сатирические, бичевавшие недостатки отдельных лиц и целого состава «ахидзртрааша», свадебные «бединара», горевестные «азар», песня страдальца «агвакаша»; песня труженика «амхаша», песня героя «ахацараша», горная песня «ашхаша», военная песня «араша», песня молитва «анцаваша» и еще много, много других теперь забытых вами песен.

Когда вы строго держались хороших обычаев старины, устраивали общественные игры, проводили все виды взаимной помощи, у вас любви друг к другу было больше, сердца ваши были сострадательные, воровства, обмана, лжесвидетельства совершенно не было.

Молодежь спортом увлекалась, честь и славу находила в нем.

Народные песни заставляли много думать и страдать сердцем.

Сатирические же песни бичевали общественные недостатки и всякий человек совестился сделать дурное дело.

Только одними упреками, застращиваниями нельзя молодежь отучить от дурного.

Нужно ей найти разумные развлечения, занять ее чем-нибудь.

Пусть она себе похвалу и славу находит в культурном спорте седой старины».

Так как этот день считается, днем светлой памяти хорошей старины, то на этот праздник не допускается ни одно порочное лицо, значащееся в списке таковых.

Полный список этих порочных лиц рассылается по общинам за неделю до праздника.

В этот день приглашается окружной начальник, все крупные чиновники Абхазии, а также культурные работники в деле просвещения ее.

Для отличившихся в играх и пении учреждаются призы, из коих первый приз имени нового начальника края полковника Вентцеля.

Каждая община должна понудить свою молодежь готовиться к национальному празднику.

Днем праздника избрано воскресенье на Фоминой неделе.

Испросить советы на возможность устройства такого праздника поручается избранной школьной комиссии во главе которой стоят Кн. Дм. Маршания и крестьянин Осман Киут.

РОДНОЙ ЯЗЫК

Руководитель беседы доложил собранию:

«Удивительые вещи происходят с нашим родным языком, на котором мы объясняемся около 3-х тысяч лет.

Как известно собранию, мы принадлежим к западно-горскому племени: ближайшими нашими кровными соплеменниками были джигиты (садзуа), убыхи и черкесы (азух), первые два народа совершенно исчезли с Кавказа, из черкесских же племен остались в малом количестве – абадзехи, шапсуги, а огромная масса наших сородичей-бесленеевцев и др. (до 900 тысяч человек) эмигрировали в Турцию.

Русские ученые-лингвисты, знатоки языков, заинтересовались нашим наречием, изучили его; нашли, что оно самостоятельно, не имеет никакого родства с существующими ныне на Кавказе языками.

Абхазский язык очень древний, интересный, на нем когда-то говорило более миллиона людей, но все эти народы оставили древнюю колыбель свою – Кавказ, единственными представителями, когда-то сильного, западно-горского племени, остались мы.

Конечно, людям науки, ученым, интересно было дальше сохранить наш редкий язык; для нас составили азбуку, издали книги.

Не одни ученые заботятся об этом языке; крупные чины Кавказа напрягают свое старание чтобы сохранить абхазский язык – этот редкий памятник старины. Даже наместник Кавказа приказал, чтобы во всех учебных заведе-

ниях Абхазии язык наш был обязательным. Кавказский учебный округ издает на этом языке учебники, составляет программу, но что вы думаете?

Вдруг распространяется слух, дошедший до Тифлиса, о том, что абхазцы тяготятся своим родным языком, желая заменить его другим, совершенно чуждым им, кавказским наречием. Мало того, абхазцы, дескать, не желают молиться на родном языке и все труды по переводу церковных книг были лишни.

Вы, конечно, помните случай подтверждения приговорами о том, что абхазцы желают слушать богослужение в церквах на родном языке.

Чем же вы объясните все это?

Представители общин, умные старики Абжуа, заявили, что нет ни одного абхазца, который был бы против своего родного языка. Мы хотя и не образованы, но знаем хорошо, что наш язык не имеет решительно никакого родства с языками, на которых говорят другие народы закавказского края.

Есть, правда, на Северном Кавказе наши родственники и по языку и по быту своему, это – абазинцы, абадзехи, кабардинцы, шапсуги и др.

Мы в свое время с радостью встретили известие о том, что преподавание абхазского языка сделано обязательным. Мы думали, вот, наконец, наши дети будут читать разумные книги на понятном языке, но ликование наше сменилось горьким разочарованием. Со смертью инспектора училищ Измайлова, как бы умерла и мысль об абхазском языке.

При произношении имени покойного А. И. Измайлова происходит умилительная сцена: многие представители общин встают и на минуту воцаряется тишина. Имя этого культурного работника произносится абхазцами с особым благоговением.

Неудивительно, если на похороны этого сеятеля «разумного, доброго и вечного» ездила масса абхазцев в Сухум, придав памяти своего просветителя необычайную скорбь.

По окончании бесед собравшиеся представители отправили начальнику Сухумского округа, полковнику Вентцелю, следующую телеграмму:

«Представители всех абхазских классов населения Кодорского участка, будучи на собеседовании, устроенном с вашего разрешения, уполномочили нас выразить вашему превосходительству горячую благодарность за ту доверчивость и благожелательность к нам, абхазцам, которые заметны за короткое время вашей службы здесь.

Сегодня, обсудив все порочные стороны нашей общественной жизни, мы охотно пойдем по пути, желаемому вами.

Дай Бог, чтобы вашими трудами наше прозябание сменилось светлым простором. На ваше назначение начальником нашего края мы смотрам как на новую эру в нашей несчастной жизни. Мы нуждаемся в беспристрастной

справедливости и в строгой законности. Умоляем в беззаконности от кого бы она не исходила, быть беспощадным».

На эту телеграмму в тот же день последовала ответная на имя кн. Дм. Маршания:

«Прошу вас принять и передать представителям, выразившим мне благожелания, мою искреннюю признательность способствовать сознательному, мирному и культурному развитию края. Полковник Вентцель».

«Сухумский вестник», 1913, №№ 278, 279.

ГОРЦЫ КАВКАЗА И КИНЕМАТОГРАФ

Я имею в виду сказать не об отношении горцев к кинемо, а о бесцеремонном злоупотреблении фирмами кинемо доверием горца, как материалом для сюжетов картин, для рекламы, доходной в смысле увеличения посещаемости кинемо публикой.

Русская литература очень бедна верными сведениями о жизни кавказских горцев, и если имеются сочинения кое-каких авторов, то большинство из них страдают обычной предвзятостью к инородцам России.

Казалось, кинемо должен был оказать большую услугу в деле действительной фотографии удивительных многозначительных проявлений разнообразных особенностей жизни горцев Кавказа, но на деле театр мимики пока оказывает обратную услугу, извращая и преподнося публике все то, чего нет и не было в жизни горцев. В этом направлении кинемо превзошел даже «русскую» (в кавычках) литературу о горцах. В литературе авторы сознательно допускали предвзятые взгляды в описании жизни «этих головорезов, принесших так много горя русскому воинству», кинемо же воспользовался горцами, как более сенсационным материалом, ему нет дела до точности копирования передаваемого события или происшествия.

Он также мало заботится о том, чтобы исполнителями были горцы в массе своей, Мало ли артистов, которым не трудно уподобиться не только горцу, но самому черту! Вот в этом-то и несчастье, что артист прекрасный черт, в исполнении роли горца – из рук вон плохо. Я прямо утверждаю, что нужно родиться горцем, чтобы понять всю тонкость, замысловатость всех оттенков жизни этих детей гор.

Верховая езда, стрельба, приветствие, чувство гнева, радости – все это имеет свои чисто горские особенности, свой глубокий смысл и совершенно невозможны для передачи лучшим артистом театра.

Обыкновенно в роли горцев выступают артисты из армян или грузин, но надо сказать, что армяне и грузины такие же горцы, как китайцы и мало-

россы, по своему домашнему, общественному и внутреннему миру они диаметрально противоположны горцам.

У горца была своя культура, и даже высоко идейная; но вся беда горцев заключалась в том, что прошлая жизнь этих рыцарей старины, богатырей духа, носителей светлой правды, истинных поборников за политическую свободу не была закреплена письменностью, а потому красивая, гордая эпопея их жизни переживает последнюю предсмертную агонию и, к стыду русской литературы, вовсе исчезнет с лица земли, как исчезают сами горцы с мировой арены. К слову сказать, на днях северокавказские газеты оповестили, что предстоящим летом на Теберду приедет группа футуристов.

Как мотив приезда, футуристы выставляют желание ознакомиться с Клухорским перевалом, с характерными особенностями абхазской народной поэзии, которая в отношении концевых созвучий превосходит мысль футуристов заканчивать строфы стихов не рифмами, а приблизительно созвучными слогами. Появление среди горцев футуристов в качестве исследователей с накрашенными в зеленую краску носами и пятнистыми щеками знаменует «пощечину не только общественному вкусу», но и русской лингвистике и этнографии.

Итак, казалось, понятно, какую услугу должен был оказать кинемо в деле сохранения еще не изученных, загадочных, исчезающих особенностей седой старины жителей гор; но, повторяю, кинемо, как торговое предприятие, чуждое научности, точности, принесет обратную пользу. Бытописатели горцев, вроде генерала Дубровина, извращали истину «ввиду особых соображений». Кинемо же своей бесшабашной, чисто циркового пошиба отсебятиной превзошел даже и эту пахучую литературу.

Из жизни кавказских горцев пока мы видим на экране «Кавказскую войну и пленение Шамиля», «Хазбулат» и «Горный орленок». Говорить о «Горном орленке», поставленном на днях в одном из кине не приходится, ибо это «бытовая драма из жизни кавказских горцев», как рекламировал кине, не имеет ничего общего с жизнью горцев. Действующие лица, кажется, сарты или татары. Эта бессодержательная пьеса, доказывает, до какого шарлатанства доходит продувательство кине. Надобно было видеть, какой лавиной валила публика в биограф с целью «перенестись в неприступные горы и долины Кавказа, знакомиться с бытом и нравами горцев». И надо было видеть возмущение одураченной публики, когда на сцене появились косоглазые жители Средней Азии. Конечно, наша публика отделалась обычным ворчанием на рекламу хозяина кине. А жаль!

Другое дело с «пленением Шамиля». Ведь это событие историческое и огромной важности. Правда, можно оправдать всю безобразность постановки этого исключительного события тем, что картину ставили с патриотиче-

ской целью, так что, если во всех схватках с русскими горцы давались в руки, как куры, то это необходимо было, опять-таки, с той же патриотической точки зрения. Мне кажется, что односторонность не отвечает своей цели. Вот, например, десятки горцев окружают одного русского и последний шашкой перебивает почти всех. Не умаляет ли храбрость русских воинов такая неправдоподобность? Смотря на «Кавказскую войну», думалось: «и чего ради война, при армии в 200 тыс. тянулась 60 лет, когда и 60 дней достаточно было, чтобы покорить этих трусишек!. «Кавказская война» снималась в Грузии, около Мцхета, роль горцев играют грузины-карталинцы, которые похожи больше на тифлисских кинто, чем на грозную армию Шамиля.

В заключении считаю нужным сказать следующее: группа интеллигентных горцев Северного Кавказа, учитывая весь нежелательный вред превратного освещения биографами жизни горцев и желая дать русской публике более точные сведения, доступные зрительному ощущению, нашли желательным инсценировать выдающиеся творения народного эпоса. В настоящее время признано возможным и необходимым инсценировать исторический роман из последних дней независимости Абхазии «Прометеево потомство» Мордовцева. С этой целью решено обратиться к крупным фирмам кине России, или же к заграничным – чрез парижского издателя журнала «Мусульманин». Группа уполномочила С. Б. поставить в известность о своем решении высокообразованного старца – светлейшего князя Абхазии Георгия Михайловича, родного сына одного из героев «Прометеева потомства» и просить у его светлости указать способ точной реставрации культа горцев с соблюдением всех старинных церемоний. В реставрации «Прометеева потомства» должны принять участие только западно-горские племена: абхазцы, абазинцы, кабардинцы, абадзехи, шапсуги и другие народности адыге.

Роман «Прометеево потомство» есть пересказ выдающейся эпохи, еще живущей в памяти народной.

Три «Прометеева потомка»: Сафар-бей, Аслан-бей и Дмитрий ведут жестокую войну несколько лет. Действие происходит поочередно на берегах Черного моря, на макушке Прометеева хребта «Эрцог» и около Кисловодска.

«Отклики Кавказа», 1914, № 16.

С БЕРЕГОВ ЧЕРНОГО МОРЯ

Береговая полоса древнего Евксинского понта (по Страбону) или страна ахеев, зихов и гениохов (обезов) из года в год приобретает интерес в широкой массе публики. А приятный мираж будущей Черноморской железной дороги дает огромный импульс в росте этого интереса. Но не красота мест-

ности, не роскошный ландшафт Кавказских гор и черноморского берега привлекают в эти благодатные места массу капиталистов со всех концов России, и даже, Европы: жизненная борьба, борьба за благоденствие делает этот край яблоком раздора между толстосумами. Дивно хорошо Черное море на Кавказе, а вместе с тем оно не играло и не играет никакой роли в жизни этого края: как черкесы и абхазцы держались, любили и дрались только за свои горы и ущелья, так и нынешние искатели «золотого руна» едут из-за долин, лесов и гор. Поражаешься количеству и разнообразию публики на пароходе, все классные места переполнены иностранцами, заранее захватившими койки (а прочая публика едет «без права на койку»). Англичане, французы и бельгийцы главным образом едут в Гудауты. Когда-то неизвестное местечко Гудауты в будущем сыграет огромную роль; плановые места покупаются нарасхват, за одним Армавиром числится 67 планов. Слыша разноречивый разговор на палубе, поневоле вспоминаешь далекую седую старину, когда римляне для торговых дел, содержали в этих местах, по свидетельству Плиния, 300 переводчиков для разных народов, торговавших здесь.

Дивный Н.-Афон своей роскошной растительностью и очаровательным видом манит к себе толпы экскурсантов, которые восхищаются внешней красотой этой обители. О внутренней красоте «благочестивой» жизни монахов, «отвергшихся мира и плоти, презревших доброту телесную и мимоходящую тленную славу, избравших житие бесстрастное, прискорбное и жестокое» по независящим обстоятельствам, говорить не приходится, но за афонскими иноками, помимо всех тех привилегий, какими принято пользоваться «за монастырскими стенами» числится следующий, известный всей читающей России факт: в эту зиму среди монастырских рабочих появился сыпной тиф; монахи, «избравшие житие прискорбное и жестокое», опасаясь за свое здоровье, в самые сильные холода удалили несколько сот зараженных рабочих, которые, скитаясь по побережью, как известно, занесли ужасную заразу в Сухум, Гудауты, Туапсе и Геленджик.

К каждому пароходу на фелюге приплывают несколько монахов и, очевидно, не без цели они сюда являются: они вертятся около классных пассажиров, то и дело слышится проповедь: «идите наслаждаться умилительнейшим антифонным пением афонского напева» или вроде: «живя в монастыре, чувствуешь себя совершенно в иной нравственной атмосфере, невольно прилагаешь свой ум на небесное, ибо здесь дух возносится над плотью»... Но вид этих пышущих здоровьем проповедников, как-то не вяжется с их тягучею елейною речью и «приложением своего ума к небесному».

Подъезжаем к Сухуму, Сухум и его окрестности – богатейшее в мире древнее кладбище, совершенно изуродованное, разграбленное без всякой системы, без всякой научной цели. Город Диоскурий, позже по Птоломею,

Севастополь, где ныне Сухум был самым древним поселением греков, искавших торговли с Кавказом. В настоящее время Сухум по своему мягкому климату, считается одним из лучших курортов России.

От ужасов минувшей зимы Сухум с его вечнозелеными растениями средиземноморской флоры, сильно пострадал. Подъезжая на пароходе ужасаешься, видя на месте гордых пальм, банан, бромиллии, олеандр и мирт, высохшие кочерыжки. Бедствие небывалой зимы более всего отразилось на сельском населении; прямо-таки не поддаются никакому описанию и перечислению размеры бедствия. Роскошные девственные леса Абхазии, в которых во множестве обитали дикие козы, серны, фазаны, горные индейки и тысячи разновидностей из пернатого царства, навсегда обречены на могильное молчание: все они погибли. Что и говорить о народном бедствии! Абхазия – это «долина слез». Абхазцы всегда вне правительственной помощи; мольбы, плач этого народа не идут палее канцелярии начальников участков. Следующий невероятный факт административного глумления над населением покажет, насколько далеко зашел в этом безапелляционном крае полицейский разгул. Жители Тамышской общины, видя, что «в виду продолжительной засухи ожидается ужасная голодовка на будущий год, т. к. большая часть полей не засеяна», а засеянные не дают всходов, а в эту зиму многие из них лишились рабочей скотины, «руки их отмерзли, скребя снег», истощенные борьбой и лишенные жилищ, они обратились[1] к начальнику участка с просьбой оказать им «правительственную помощь». Это было их законное право. Что же ответил на эту официальную бумагу начальник? Его Высокоблагородие кладет собственноручно резолюцию[2]:

«В канцелярию пророва Илии с просьбой пустить в ход (!) колесницу», Легковерные крестьяне, получив такое официальное отношение начальника, приняли его за милость, уж стали представлять пророка Илию, который правит тройкой лошадей, несущихся к небу с просьбой абхазцев, но более разумные в глупой резолюции усмотрели обычное пренебрежение начальников к нуждам абхазского населения. А ведь такому начальнику вверена судьба 20 тыс. населения.

«Отклики Кавказа», № 162, 22/VII 1911.

С БЕРЕГОВ ЧЕРНОГО МОРЯ
(Впечатления на месте).

В переживаемое тревожное огромной исключительно-историческо'й важности время, когда ужасы европейского пожара приводят в трепет весь

[1] От 20 июня, за № 388.

[2] Отношение за № 3620, от 27 июня.

мир, все человечество, в эти дни небывалых битв, трудно себе представить ту ужасную, душевную драму, которую переживает мирное население уязвимых мест, не говоря о психологии того населения, где эта смертоносная война происходит. Население нашего южного побережья Черного моря немало тревог перенесло за это время. Правда, здесь опасность, большею частью, была мнимая, преувеличенная своими побережцами, но как можно быть спокойным в эти дни, как верить голосу здравого ума, как положиться на холодный рассудок, когда среди всеобщего мира неожиданно, непредвиденно, даже большими умами внешней политики, злой преступник-пруссак воровски спалил благородную Европу?

А соседство Турции – этой беззубой, ворчливой наложницы Германии, давало повод жителям побережья действительно опасаться за свою честь, жизнь и имущество.

Говоря о населении южных берегов Черного моря, надо их делить на две части; на коренное и пришлое (дачевладельцы, горожане и др.).

Удивительно, что каждая часть населения трепетала по своему, опасность в представлениях коренного населения и иногороднего была разная, и даже враг рисовался разный. Страх обуял, главным образом, население, начиная от Гагр к югу.

Во все войны Турции с Россией первая всегда высаживала десант в пределе Сухумского округа, и нередко удавалось ей возмутить часть горцев этого округа.

77-й год еще слишком свеж своими тяжкими воспоминаниями для населения. А потому и неудивительно, если разноплеменное население Абхазии стало очень чувствительно реагировать на грозные события дня.

Как же отнеслось население к неожиданным событиям? Удивительное явление! Известно, что нынешняя война утроила моральную мощь России; война эта воочию показала, что отныне Россия всюду едина, что многоязычное население ее составляет одно цельное, грозное семейство, крепко спаянное общей любовью к отечеству.

Наравне с просвещенным поляком вспыхнул порывом гнева за свое отечество горец-абхазец Западного Кавказа. Как будто народы России сговорились в подъеме общего сознательного патриотизма к своему отечеству.

Социал-демократическая Гурия быстро закончила мобилизацию и стройными рядами, с пением патриотических песен явилась на указанный пункт. Трогательные, умилительные картины можно было наблюдать и среди народа, считавшегося долгое время сомнительным в своей лояльности, я имею в виду абхазцев.

Мне посчастливилось быть в первые дни тревог в недрах Абхазии, мои наблюдения верны и аналогичны с теми, какие имеются у краевой власти

Кавказа. При первых известиях о начале небывалой войны и о том, что Турция копошится, взоры многих сынов Кавказа обратились на абхазцев. Эти единственные представители выселившихся в Турцию западно-горских племен долгое время были невольными пособниками в злонамерениях Турции. Сколько раз эта дивная страна была опустошена нашествиями турецких полчищ; но величайшая европейская война, как бы сделала неожиданный смотр народностям России. И каждый народ великой империи показал себя вполне достойным сочленом колоссального государства. На телеграфное предложение генерал-губернатора Засыпкина оказать содействие в трудную минуту своему отечеству, население округа в миг вооружилось и длинной вереницей потянулось (на 180 в.) верхами охранять день и ночь побережную телеграфную (индо-европейскую) линию.

Все это делалось без понуждения, добровольно и безвозмездно. Когда же было объявлено, что нужно было доставлять своих лошадей в мобилизационные пункты, то население вполне охотно согласилось исполнить эту трудную повинность, трудную, потому, что кони были угнаны на летнее пастбище на границу Кубанской области. Несмотря на это, нужное количество лошадей было доставлено своевременно. Абхазское население не несет воинскую повинность, но в эти дни испытаний народ сам возбудил ходатайство дать ему возможность своей кровью доказать неподдельную преданность отечеству.

Разрешение снарядить конный отряд было дано. Надобно было видеть редкую картину на берегу Черного моря, день этот был самый торжественный в жизни абхазского народа. В этот исключительный день была поднята тревога по всем общинам, конные летучие всадники объявляли, что «все мужчины, желающие сражаться за своего царя, должны явиться в Очемчиры» (на берегу моря).

И вот с отдаленных гор потянулась верхами тысячная масса народа, все их мужское население, начиная с 15 лет, спешило на берег. Народ этот поистине шел охотно на смерть, ибо его богатая фантазия рисовала врага отечества неуязвимым, небывало сильным, сражающимся невидимкой и пр., но все же тысячи желающих посчитаться с дерзким нарушителем мирового спокойствия съехались на телеграмму наместника Кавказа.

Лучшие сыны Абхазии, ее князья, дворяне, достойные крестьяне в полчаса заполнили список желаемого количества конного отряда. Сколько тут было заявлено неудовольствий, жалоб теми, кому не посчастливилось стать на защиту своего отечества. Их успокаивал молодой, энергичный, любимый населением русский офицер одного блистательного полка. Он объяснялся с населением через переводчика, он же являяся начальником Кодорского участка. Общий энтузиазм охватывает и этого славного офицера, на просьбу

абхазцев он охотно соглашается делить с собравшимися все тяготы войны и выступить с отрядом в поход.

И что за славное время настало! Русские солдаты поодиночке плетутся по дорогам Абхазии, население их встречает восторженно, сопровождает их, помогает переправиться через большие реки. На призыв полковника Лакербай оказывать помощь семействам, ушедших на войну, абхазцы с радостью соглашаются, без правительственной помощи взять на себя все хлопоты по призрению семейств.

Вообще, страна и люди неузнаваемы. Ни скотокрадства, ни грабежей. Поистине вторая Финляндия! За все это население удостоилось высочайшей благодарности.

Благодатная война! Как это звучит ни странно, но нет худа без добра, а война эта открывает светлый простор для всего населения России.

Величайший злодей 20-го века, кайзер Вильгельм, разгромивший дивную Бельгию, опустошивший добрую половину славной Франции, проливший за месяц так много человеческой крови, что он, не нагибаясь, мог бы напиться ею. Вильгельм, про которого американцы пишут, что «океана вод не хватит смыть следы его преступления», все же является виновником тесного, морального единения народностей нашего отечества с коренной Россией.

«Отклики Кавказа», 1914, № 205.

РЫЦАРИ БЕЗ СТРАХА И УПРЕКА

Намереваясь дать ряд статей о боевой работе кавказской туземной дивизии и, располагая богатым материалом по этому интересному вопросу, я даю первую статью, несколько комплексного характера, дабы придать известную объективность освещению затронутого вопроса.

Русская печать неоднократно отмечала выдающуюся роль Кавказских орлов в великой войне.

«Первое мое знакомство с кавказской туземной дивизией произошло во Львове, – пишет Илья Толстой. – Полки проходили в конном порядке,^ один красивее другого, и весь город любовался и дивился невиданным дотоле зрелищем этой самобытной картины.

Я вмешался в толпу и с интересом наблюдал за тем впечатлением, которое произведет эта живая лента на местных жителей.

Я смотрел на их заколдованные, застывшие в изумлении лица, я слышал отрывистые восторженные восклицания и внутри у меня где-то приятно щекотало чувства самолюбия, шептавшее мне на ухо, что эти войска тоже наши, русские, и что они вместе с нами жаждут померяться с нашим врагом, победить или умереть.

Шестьдесят лет тому назад эти люди вели жестокую борьбу с Россией, отстаивая свою честь и свободу, а теперь они сами добровольно пошли с нами, чтобы сломить нашего общего врага…

Есть над чем призадуматься…

– Так вот они, – продолжал Илья Львович Толстой, – эти дикие полевые цветки, величественные своей первобытной красотой, яркие и манящие.

Они гордо держат свои величественные головы, и нельзя их сорвать с их родного стебля, не исколовшись и не изранив о них руки».

На войне прозвали эту дивизию «дикой» и нельзя не сказать – ходят об этой дивизии разные «дикие» анекдоты.

Говорят, что горцев нельзя удержать от грабежей и насилий над мирными жителями.

Илья Л. Толстой протестует против этих обвинений:

«Я жил целый месяц в центре расположения «диких» полков, мне указывали людей, которые на Кавказе прославились тем, что из мести убили нескольких человек, –что же я видел?

Я видел этих убийц, нянчивших и кормящих остатками своего шашлыка чужих детей; я видел, как только они снимались со своих стоянок, и как жители, жалели об их уходе, благодарили их за то, что они не только за все платили, но и помогали им своими подаяниями. Много у меня от этого времени осталось впечатлений, самых интересных, которые я берегу в своей душе, как ценные воспоминания и как дорогой психологический материал».

Эти горцы, кормящие чужих голодных детей, через несколько часов идут в бой и тогда их не узнать.

Вот что пишет один боевой полковник в газ. «Кавказ»:

«Какая же дикая, стихийная красота – «кавказец в работе».

Это вихрь грозный, беспощадный ураган, сметающий на своем пути все живое.

Удар горцев поразительно меток, промаха не бывает. Странно смотреть, когда они мчатся на врага бешенным галопом.

Характерные сильно подвижные лица принимают какое-то сатанинское выражение, глаза горят, точно уголья.

Обычно горцы образуют в рядах противника «просеку», затем поворачиваются лицом в обе стороны «просеки» и начинают беспощадно уничтожать врага.

Фехтование доведено до совершенства и состязаться с ними в этом искусства венгры не могут».

Австрийские солдаты безумно боятся встреч с черкесами и всегда спешат скрыться при одном признаке появления откуда-либо горцев.

А. А. Брешко-Брешковский говорит о «кавказских орлах в Галиции». «Под стать легендарным кавказцам и доблестный вождь их, Его Высочество Великий Князь Михаил Александрович».

Великий Князь одобряет ласковым, приветливым словом своих всадников. Между собою горцы любезно называют Великого князя «Наш Михаил».

Какие восторженные письма пишут они в свои далекие аулы! И каждое письмо сопровождается напоминанием, что им выпало великое счастье сражаться под командою родного брата Государя Императора.

Один опытный военный корреспондент так определяет систему войны, принятую горцами:

«Характерным для горцев является то обстоятельство, что когда сотня их спешивается, никто не хочет остаться коноводом.

По мнению горца, позорно отдыхать, когда идет бой. В одном из последних боев дело дошло до того, что горцы приспособили к роли коноводов пленных австрийцев, оставив для окарауливания их лишь несколько больных и легко раненных.

Горцы решительно отказываются уступить кому-либо первенство. Под неприятельским огнем никто не должен получить право утверждать, что горец сражается за его спиной.

Психология горца в отношении боевых порядков решительно сближает их с рыцарями, которых, как известно, вследствие их обостренного понятия чести, можно было заставить сражаться лишь на началах боевого равенства, в одношеренговом строю».

В порывистой и огненной натуре своей, сохранившие до сих пор еще на войне рыцарские взгляды средневековья, кавказцы презирают нынешнее кротовое закапывание и сидение в окопах, но это нисколько не мешает кавказцам терпеливо и стойко вести позиционную войну. Отдельные боевые эпизоды горцев, прямо-таки, сказочны, невероятны и по дерзости смелы.

Таков случай с молодым абхазцем Лакербаем.

Огонь венгерских стрелков спешил его друга, упавшего с простреленным плечом в сотне другой от неприятельских окопов.

Надо было во чтобы то ни стало спасти раненного. Венгерцы, жестокие вообще, особенно зверски расправляются с попавшими к ним в руки кавказцами…

На лучший конец пристреливают, на худший – подвергают пыткам. Не раз приходилось находить изуродованные трупы.

Лакербай, перекрестившись, – абхазцы все христиане, – огрев ногайкой коня, понесся прямо к венгерским окопам. Его встретили залпом, а он, как ни в чем не бывало, невредимый, словно завороженный, подлетает вплотную к лежащему раненому другу.

Ободрив его, призвав напрячь все свои силы, Лакербай вынул левую ногу из стремени и дал возможность бедолаге взобраться в седло впереди себя. Видя эту неслыханную картину, венгерцы так ошалели, что прекратилась стрельба, и они высыпали из окопов смотреть, что же будет дальше?

А дальше Лакербай, пронзительно гикнув, умчался прочь вместе со своим другом. Венгерцы невольно зарукоплескали этому изумительному проявлению ни с чем несравнимой отваги.

Чем же объяснить прямо легендарную храбрость?

Ответ ясен:

«Во-первых, все всадники с колыбели прирожденные воины, с детства, с самого раннего, выросшие и воспитанные на джигитовке.

Во-вторых, все, как и нижние чины, так и офицеры, состав командный – все до единого добровольцы, по своей охоте, и какой горячей охоте! снарядившиеся на эту мировую войну, небывалую в летописях вселенной войны».

На днях я встретил в Армавире вышеупомянутого молодого абхазца Лакербай и стал просить рассказать подробности, но он отнекивался…

Черта, характеризующая истинных горцев.

Корнет Лакербай – молодой офицер, даже не орел, а орленок с характерным крючковатым носом…

Теперь на груди у него красуется белый офицерский георгиевский крест. Получил он его не за описанный ниже подвиг, а за другой, прямо безумный по отваге…

По словам приказа Августейшего Наместника по Кавказскому военному округу, корнет Лакербай с одиннадцатью абхазцами взял укрепленный австрийский редут и захватил пленных.

На мои настойчивые расспросы ответил, что он делал то, что полагается русскому офицеру, а природному абхазцу в особенности.

– Но ведь у вас было только 11 всадников.

– Нет, в несколько раз больше: 11 всадников и плюс – все они абхазцы.

Видя, что корнет не охотник рассказывать о своих подвигах, я попросил рассказать об его соратнике кубанском казаке, уряднике Павле Тимофееве.

– О подвигах этого доблестного казака еще не знает кубанское казачество, – сказал Лакербай, – дай бог побольше таких начальников из нижних чинов в русской армии. Кубанское казачество может гордиться Тимофеевым.

Он получил три Георгия.

П. Тимофеев был любимцев абхазов, погиб смертью храбрых.

– Я, кончено, обязан лично передать наказному атаману кубанского казачьего войска о том, что летопись боевых подвигов кубанцев много потеряет, если дела Тимофеева не займут подобающего места в ней, –закончил свою речь корнет.

Урядник Тимофеев погиб со многими абхазцами в невероятном по дерзости деле.

Их вел на этот подвиг доблестный молодой офицер из абхазских князей – Эмухвари.

Тело погибшего боевого урядника Тимофеева абхазцы вынесли из-под огня и доставили в штаб полка.

Память урядника Павла Тимофеева, снискавшего любовь и уважение среди людей, чуждых ему по племени и языку, единственно своею храбростью и прекрасными душевными качествами, долго будет жить среди этих «детей Прометея».

Важно отметить, что в этой кровавой и жестокой войне горцы-абхазцы в числе многих других боевых наград получают медали на Владимирской ленте за человеколюбие. Это единственный в своем роде пример в истории войн.

За какие подвиги, при каких обстоятельствах они заслужили такую небывалую в военное время награду – в свое время мы узнаем, не теперь говорить об этом, по разным причинам, невозможно.

Высокие слова манифеста: «с железом в руке, с крестом в сердце» осуществил первый, по понятиям некоторых, горец-абхазец.

газ. «Отклики Кавказа», 1916. № 73.

К. Ш. ЛАКЕРБАЙ

Только месяц тому назад в «Откликах Кавказа», и статье «Рыцари без страха и упрека», посвященной феерийной Кавказской кавалерийской дивизии, я указывал на корнета Лакербай, как на одного из рыцарей, легендарные подвиги которого казались сверхъестественными, невероятными даже для настоящей войны, богатой выдающимися героями. Указывая на некоторые характерные рыцарские подвиги корнета, я писал, что это «богатырь духа с виду, даже не орел, а орленок с характерным крючковатым носом». И вот этот отменный герой, георгиевский кавалер, храбрейший офицер…, дитя гор Абхазии погиб на поле брани смертью беззаветного героя и на этих днях его бездыханный труп проследовал через Армавир на место вечного упокоения – в далекую Абхазию, в эту сказочную страну «Прометеевых сынов», в страну, вырастившую такого редкого офицера русской армии.

Герой Лакербай был еще слишком молод годами, но стар своим боевым прошлым. С самого начала войны он в качестве офицера наших конных полков – Нижнегородского и Северского – принимал участие и войне с Гер-

манией; во всех крупных кавалерийских делах герой Лакербай являлся активным участником. Вера в корнета среди нижних чинов была большая: солдаты охотно и без страха шли в атаку с героем. В полку сложилось поверие, что кто идет в бой с корнетом, того не сразит вражеская пуля...

Еще в эту весну покойный Лакербай жил у нас в Армавире; рана его была слишком свежа, и потому он был лишен возможности делить боевые невзгоды родной дивизии, но лишь рана чуть зажила – он бросает черкесскую запасную сотню и едет в действующую армию, где и гибнет 15 июня на передовых позициях от вражеской пули.

Отличительными чертами героя, кроме беззаветной храбрости, были необыкновенная жизнерадостность и скромность. Трудно было поверить, что этот человек вынес на своих плечах все ужасы нынешней войны, трудно было поверить, что это – тот самый «молодой абхазец Лакербай», безумный подвиг которого описывает в «Ниве» писатель Брешко-Брешковский, трудно верилось, что этот еще юноша – тот самый «корнет Лакербай», одни из подвигов которого наместник Кавказа «считает приятным долгом оповестить по Кавказскому военному округу».

Его миниатюрная фигура, слишком женственная нежность – мало говорили о том, что в нем сидит богатырь духа и рыцарь без страха. Говорил ли корнет о войне, о внешней политике, по вопросу общего развития, в чем герой обнаруживал недюженные познания, – покойный Лакербай со свойственной ему детской улыбкой, с приятным звонким смехом, содержательностью своей речи обвораживал любого собеседника. Об удивительной, неподдельной скромности я говорил в первой своей статье. Факт получения офицерского Георгия он сообщает в конце письма припиской: «Можете ли вы себе представить, у меня на груди красуется белый георгиевский крест, меня это поразило, я не ожидал»...

На ст. Армавир, перед отходом туапсинского поезда, собрались офицеры местных войсковых частей с нижними чинами, чтобы отдать воинскую почесть достойному соратнику; ими был возложен венок на гроб покойного. После панихиды поезд, под грустные звуки похоронного марша, отошел с трупом незабвенного героя Константина Шахановича Лакербай.

Газета «Отклики Кавказа», 23 июля 1916 г., № 164. Армавир

Самсон Чанба

С. Я. Чанба

Абхазия

Среди богатой, роскошной природы Сухумского округа, крестьянин-абхазец вынужден жить в бедности и нищете.

Такое положение абхазца объясняется тем, что он не умеет умело использовать предоставленных ему даров природы, вследствие того, что находится в темноте, нет у него образования, которое пришло бы ему на помощь к улучшению его быта. В настоящее время богатством Абхазии пользуются не сами хозяева, а посторонние. Вся Абхазия покрылась табачными плантациями, и каждый год из благодатной Абхазии вывозится более миллиона пудов табаку, так что посторонние наживаются, а сами абхазцы постепенно беднеют. В целой Абхазии, где климатические и почвенные условия благоприятствуют ведению сельского хозяйства, нет ни одного сельскохозяйственного училища, а между тем одно только распространение знаний по сельскому хозяйству могло бы вывести абхазца из его незавидного положения и дать ему возможность воспользоваться плодами его родной земли.

В настоящее время абхазцы не только не имеют возможности получать знаний п сельскому хозяйству, но даже совершенно отрезаны от получения общего развития; так, дети их по окончании одноклассных и двухклассных школ остаются на руках родителей, забывают и то, что вынесли из этих школ, да, вдобавок, делаются неспособными к работе. Нередко услышишь от родителей на вопрос: «Отчего не посылаешь сына своего в школу?» – «Не стану портить его, пусть научится хорошо владеть сохой, да бороной» и т.д. Очевидно, такое отношение и такой взгляд на школу сложился вследствие того, что, по окончании двуклассных школ детям негде поступить для довершения образования. Вне Абхазии крестьянин-абхазец не в состоянии воспитывать сына своего. Правда, в Сухуме есть реальное училище, но сыновьям бедных крестьян не видать его, как своих ушей, оно не доступно крестьянским детям... На все это следовало бы обратить серьезное внимание.

«Закавказская речь», Тифлис, 1911, 21 июля, с. 3, отд. По Кавказу

СЕЛ. АТАРА

Жители сел. Атара Кодорского участка поистине находятся в таком критическом положении, над которым стоит призадуматься.

Дело в том, что каждое лето в продолжении шести месяцев жители этого села лишаются одного из источников жизни – воды. Недостаток воды чувствуется особенно в средней части села вплоть до самого Черного моря. Причиною такого недостатка воды являются, во-первых, продолжительные засухи, во-вторых, река Кодор, граничащая с сел. на северо-западе и образующая высокий берег – в 10-15 саж. высоты.

Благодаря продолжительным засухам и высокому берегу реки, маленьким ручейкам неоткуда брать свое начало. В конце марта они совершенно высыхают и до глубокой осени не видят в них воды. Это пора, поистине, одно мучение, как для людей, так и для скотины. Люди кое-как поддерживают свою жизнь водою из колодцев, глубина которых не менее 10-15 саж., а скотина прямо-таки обречена на верную смерть. Нет ведь возможности каждую скотину напоить вдоволь водою из колодцев значительной глубины, и бедные животные, не евши, целые дни рыскают в поисках воды, но тщетно. Да и теперь, когда прошел в достаточном количестве дождь, этому населению приходится поить своих домашних животных из колодцев. С такими мучениями, довольствуясь одной колодезной водой, истощенные животные доживают кое-как до зимы, а там более сильные животные переживают зиму, а слабые, не выдерживают холодной и голодной зимы и погибают. Из-за таких обстоятельств в хозяйстве постоянно вырождается домашний скот, являющийся единственной опорой в хозяйстве крестьянина-абхазца… Но бывает ведь всему конец.

Мне кажется, следовало бы и возможно было бы положить конец такому мучительному положению. Можно было бы снабдить население водою из р. Кодор при помощи водоподъемных машин. Воду, поднятую таким образом, можно было направить по руслу маленьких речек, истоки которых начинаются недалеко от самого берега.

«Сухумские вести», 1911, 2 сентября, № 45, с. 2.

СУХУМ

Собрание представителей Абхазского населения. 4 марта в помещении городской управы, под председательством кн. Мелитона Эмухвари, состоялось собрание представителей абхазского населения Сухумского округа без различия сословий по случаю замирения Западного Кавказа.

На собрание явились представители всех 3-х районов Сухумского округа, представившие приговоры свыше 30-ти сельских обществ.

Председатель кн. Эмухвари открыл собрание, докладывает, что кн. А. Г. Шервашидзе, пребывая в гор. Тифлисе по делам службы, телеграфно выражает свое сожаление, что не мог поспеть на собрание.

Далее председатель докладывает, что настоящее собрание созвано по поводу ознаменования 50-ти летия замирения Западного Кавказа, исполняющее 21-го мая с. г. Этим случаем должно воспользоваться все население Сухумского округа для обозрения назревших нужд и потребностей этого края.

Председатель напоминает собранию о таком важном факте, как желание правительства выделить Сухумский округ из состава Кутаисской губернии и присоединить его к Черноморской губернии, образовав один общий административный центр в м. Сочи.

Находя такой проект идущим в разрез с интересами округа и его населением, и не отвечающим потребностям и нуждам края, оказавшего столь выдающиеся услуги делу замирения Западного Кавказа, председатель останавливает внимание собрания на последствия, связанные с искусственным выделением целого округа, имеющего своеобразные условия, и приобщение его к губернии, не имеющей ничего общего с ним в этнографическом отношении.

После этого собрание постановило выбрать из своей среды делегацию для представления Наместника Его Величества на Кавказе с целью ходатайства на случай выделения Сухумского округа из Кутаисской губернии образовать самостоятельную Сухумскую губернию. Делегация эта должна представить приговоры всех сельских обществ округа.

После этого председатель предлагает собранию избрать делегацию, которая передаст Наместнику мотивированную просьбу всего населения Сухумского округа. Делегация избирается, но решению самого же собрания, открытою баллотировкой.

Избранными оказались: а) от Кодорского уч. кн. Александр Г. Шервашидзе и крестьянин Абудж Аслангеров Ашеба, в) от Самурзаканского участка кн. Мелитон Б. Эмухвари и присяжный поверенный Григорий Матвеевич Зухбай) от Гудаутского уч. дв. Мурзакан Хусейнов Лакирбая и прапорщик милиции Алексей В. Ладария.

«Батумский день», 1914, 9 (22) марта, с. 3

ПИСЬМО ИЗ ПЯТИГОРСКА

Радостно видеть, как просвещение становится постоянно достоянием и для Абхазии, моей родины, и как она постепенно втягивается и приобщается к культуре.

17-го числа июня месяца прибыли мы в Пятигорск, где с 15 июня функционировала сводная выставка учебных заведений и классов ручного труда Кавказского учебного округа.18 числа к часам 10-ти утра мы выступили под свод зданий городского 6-классного училища, где галереи, залы и комнаты были полны экспонатов по ручному труду и по внеклассным практическим (лабораторным) занятиям.

После долгих блужданий по галереям и комнатам мы попадаем в одну комнату, где неожиданно бросается мне в глаза надпись: «Сухумская горская шкала». Признаться, я не ожидал видеть тут работы сыновей Абхазии. Здесь были изделия столярные, столярно-токарные и токарные, и они аккуратно приютились в углу комнаты и обращали на себя внимание чистотой отделки. Из всех работ выделялся шелкомотальный станок, которому пожелаем широкого распространения среди населения. Я долго стоял, осматривая эти работы, и между прочим думал о том, что могло быть в данное время наиболее полезным для благосостояния абхазцев... Пришел к такому заключению, что только широкое распространение тем или иным способом технических знаний (садоводство, земледелие, виноградарство и т. д.) могут вывести абхазца из его незавидного положения. Ведь у него нет знаний, а между тем живет он в таком крае, где климатические и почвенные условия весьма благоприятствует занятиям по всем отраслям сельского хозяйства. Нужны этому краю деловые специалисты и школы, которые должны быть близки к запросам местной жизни. Школы эти должны наравне с начатками общего образования давать практические знания и умения, могущие связать классное преподавание с жизнью. Кавказский учебный округ с 1908 года направил свою деятельность к созданию именно такой начальной и средней «трудовой школы», но этого недостаточно. Необходимо содействии местной силы, тогда можно с уверенностью сказать, что с успехом проведут в жизнь многое, что может улучшить быт абхазцев. Абхазия ждет и помощи и руководства, особенно со стороны своих сыновей, получивших и получающих образование. Многие уже абхазцы получают общее образование как в средних, так и в высших учебных заведениях, и они, конечно, могли быть руководителями своего народа, но приходится, к сожалению, отметить тот факт, что многие из них бегут из народа в город, где попадают в объятия шумной городской жизни, и деятельность их закрывается завесой для абхазцев.

Но несмотря на многие еще ненормальности в жизни моего народа, есть надежда, что в недалеком будущем он будет пожинать плоды просвещения, ибо из работ, доставленных на выставку из Абхазии (были тут и работы учеников и Очемчирского 2-классного училища), я вижу стремление в насаждении в массе населения сельскохозяйственно-промышленного образования.

Раз осознана необходимость в этом, то оно проведется в жизнь, и нам остается только приветствовать это стремление.

«Сухумский листок», 4 июля 1914 г.

«ПОД ТЕНЬЮ РАЗВЕСИСТОЙ КЛЮКВЫ»...

Передо мной несколько случайно попавших №№-ов газеты «Сухумский Листок», в которых помещена статья г. М. Г, под заглавием «В Абхазии».

Читаем и недоумеваем: не впервые ли сей господин из объятий городской жизни попадает в среду сельского рабочего люда, что ему все сельское кажется каким-то странным, необычайным и диким. Ибо, человек, проводящий свою жизнь исключительно в городе, попади вдруг в незнакомую деревенскую обстановку, естественно, ничего не понимает, и все окружающее представляется ему в искаженном виде, в ложной окраске.

И вот г. М. Г., путешествуя по Абхазии на «арбе», ибо в Абхазии иных способов передвижения он не видел, самые обыкновенные вещи, повседневные явления находит дикими и странными.

Быть может, «арба» на которой он путешествовал по Абхазии, испортила окончательно его настроение, и потому он, не сознавая сам, рассматривал все окружающее под влиянием этого настроения и такие «подкисленные» впечатления заносил в свою записную книжку. Одно из двух. При этом должен заметить, что сей господин, судя по его очерку, имел обыкновение подмечать в жизни абхазцев много мелочного и незаслуженно поносить абхазцев.

После долгого путешествия на арбе, и после того, как на пути «буйволы окунулись по спину в реку и основательно выкупались в соседнем болоте», попадает он в село, где как раз собрался сход сельчан. И вот наблюдатель абхазской жизни рассказывает: «Около правления сход. Уселся народ на травке, староста посредине. Совещаются о местных делах: долго ***галдят*** (курсив наш) на двух языках».

И тут же рядом видит: «молодежь, забавляющуюся танцами, напоминающими флирт петуха и курицы»... И «оставляет ***взрослых детей*** забавляться и отправляется домой…».

Очевидно, г. М. Г. по первому впечатлению и непривычке к абхазской речи показалось, что они «галдят». Между тем, стоит пожить среди абхазцев и побывать у них на нескольких сходах, послушать, как они говорят, как решаются ими дела, тогда уверяю Вас, г. М.Г., не будет это казаться Вам галдением. Я, пишущий эти строки, не раз поражался на сельских сходах, с каким тактом и практичностью решались абхазцами общественные вопросы. По-

четные лица засядут чинно под сенью какого-нибудь развесистого дерева, и тут же нет места шуму. Они спокойно, со вниманием выслушивают каждого из говорящих. При этом еще более поражаешься их умением говорить, держать речь. Мы, именующие себя интеллигентами, привыкли мыслить и говорить книжно, письменно; и прежде, чем говорить речь на собраниях, нужно предварительно нам подготовиться, составить речь на бумаге или хотя бы краткий конспект, и тогда только выступаем. Там не то! Они привыкли всю свою жизнь мыслить, так сказать, устно и поэтому при первой необходимости, не запинаясь, будут стройно излагать свою мысль и держать речь перед обществом, облекая при этом свои мысли в художественные образы, украшая речь всевозможными сравнениями и эпитетами, так что, зная язык, невольно заслушаешься.

А вот случайному туристу М.Г. показалось, что они просто «галдят».

Далее внимание «путешественника на арбе» привлекают наши курятники. «Курятников, да еще благоустроенных здесь почти нет», – говорит он и продолжает. – «Местные жители уверяют, что причиною тут не кто иной, как буйволы». Не понимаю: причем тут буйволы?! Дальше. После того, как абхазская хозяйка приветливо и радушно приняла гостя (ведь у нас, абхазцев, гостеприимство развито в высшей степени, считается священным долгом) и накормила его, чем Бог послал, удостоилась она внимания высокоуважаемого гостя, и по ее адресу он нашел уместным напечатать «лестные слова»: «Пищу приготовлять ***ни одна*** абхазская хозяйка не умеет: рыбу пекут и засушивают в сухарь, обращая ее в безвкусную щепку; курицу пекут на огне, вертя ее на проткнутой через тело палке». И это, конечно, не удивляет. Удивляться можно, но упрекать абхазку в том, что она не умеет зажарить курицу – совершенно несправедливо: курица, жаренная на вертеле, предварительно облитая разведенным перцем – очень вкусное кушанье. И не только абхазки, но и многие компетентные в гастрономии лица, побывавшие в Абхазии, утверждают, что курица, приготовленная таким способом – замечательно вкусное кушанье.

Кроме того, г. М. Г. забыл, вероятно, что курицу жарят на вертеле и во Франции, а, ведь французская кухня недаром славится.

В дальнейшем своем путешествии г. М. Г. видит всюду и везде картины полного разрушения и застоя, и он «воскорбел духом» – «Беды Абхазии кроются в нашей халатности и непонимании», – говорит он. – «И следовало бы проявить себя хозяевами страны, для блага ее населения». И под конец предлагает свободные пространства земли заселить русскими и влиянием последних улучшить быт абхазцев. Так, так г. М. Г.! Коли проявлять себя «хозяевами страны», так уж до конца: первым делом отобрать свободные земли, а потом забрать и свободных кур, благо абхазки, по Вашему, жарить их

не умеют... Тогда и «халатность» пропадет, потому что не только халата, но и чувяк абхазцу не на что будет купить.

Покорнейше благодарим Вас, г. М. Г. за сердечное попечение о нас, бедных абхазцах, наделенных «свободными землями».

«Сухумский вестник», – 1915, № 103.

КОЕ-ЧТО О КУРСАХ

24 июля. Сегодня последний день курсов. В прохладной тени, обвеваемые летним ветром, дослушали учителя последнюю лекцию на Опытном поле.

В продолжение двух недель, вдали от шумного, жаркого Сухума, среди густой зелени текли наши беседы по разным отраслям сельского хозяйства. За эти 15 дней существования курсов перед нами пронеслись длинной вереницей культуры всевозможных растений: померанцев, плодовых деревьев, огородных растений, бамбука, а сверх этого курсисты были ознакомлены с отраслями сельского хозяйства: травосеянием, птицеводством, пчеловодством и с организацией школьного садового хозяйства, а в довершение всего этого – с кооперацией вообще, кредитными и ссудосберегательными товариществами, в частности, как одним из видов кооперации, функционирующих в данное время в Сухумском округе.

Много отрадного с этим курсов вынесли учителя! Правда, за это непродолжительное время усвоить основательно все эти отрасли сельского хозяйства не было, конечно, никакой возможности, но все-таки после такого ознакомления с общими началами, имея под рукой доступные руководства по каждой из отрасли, можно, мне кажется, всегда ориентироваться в разных вопросах сельского хозяйства.

Заслуга этих курсов состоит в том, что они пробуждают в народном учителе любовь к разным отраслям сельского хозяйства, и он проникается идеей – проводить путем организации школьного садового хозяйства в жизнь сельских жителей, среди которых приходится ему жить и действовать, те знания, какие он имеет, ибо народный учитель является не только учителем детей народа, но по нравственному долгу, и самого народа, коснеющего еще в невежестве.

В заключении считал бы не лишним обратить внимание на некоторые желательные улучшения в деле организации сельскохозяйственных курсов на будущее время, подсказанные постановкой нынешних курсов:

1) вести меньше устных теоретических бесед, а больше обращать внимание на практические занятия на курсах;

2) По окончании лекций раздавать курсантам доступные руководства по разным отраслям сельского хозяйства;

3) организовать при Опытном поле общий стол для курсистов;

4) пригласить на будущие курсы вновь слушателей нынешних курсов для более основательного усвоения разных отраслей сельского хозяйства.

«Сухумский вестник», 29 июля 1915, с. 3.

НА ПУТИ К СОЗНАТЕЛЬНОСТИ

Жизнь безостановочно движется вперед, и условия существования становятся все сложнее и ощутительнее.

Трудные условия жизни подсказывали и наталкивали на мысль, что в целях существования следует человеку все усложняющейся жизни противопоставлять сплоченную, сознательно-организованную силу, потому что в этом гарантия мало-мальски сносного существования.

Широкая взаимопомощь, сознательно организованная коллективная сила – вот то верное оружие в наше время в борьбе человека за его существование.

Это сознание давно уже проникло в умы более или менее сознательной передовой части народной массы, например, рабочих. Они давно стали сплачиваться и организовывать всевозможные способы борьбы за существование, дающие им возможность идти вровень с требованиями времени.

Это же сознание начинает понемногу проникать и в среду сельской массы вообще и в частности в среду абхазского народа, который досель оставался как бы в стороне, изолированным и непричастным к культуре. И кое-где уже заметны плоды этой осознанной потребности.

Ныне Абхазия, так сказать, стоит на пороге сознания, или, вернее, сознательности. Она начинает понемногу сознавать, что жить жизнью «старой старины» теперь трудно, а необходимо начинать жить иною жизнью – культурной, потому что в борьбе за существование следует пускать в ход ныне не силу, не оружие, в буквальном смысле этого слова (как бывало в старину), а оружие духовное, способное вывести ее из беспросветной будущности. Оно же дает Абхазии способы, с помощью которых она начинает сознательнее разбираться в сложном механизме окружающей её жизни.

Все это Абхазия уже сознает, и ее сознание, прежде всего, выразилось в стремлении к просвещению. Последнему она глубоко верит, ибо оно дает ей в руки то верное оружие, при помощи которого она сорганизует и направит свои жизненные силы на более плодотворную культурно-созидательную работу.

Необходимость просвещения осознана.

И многие абхазские сельские общества выдвинулись в этом направлении. Из таких передовых обществ, которые мне лично известны, могу указать на Адзюбжинское общество, на Кодоре. Это общество, осознав все выгоды просвещения, взаимопомощи, коллективной работы на общее благо, устроило себе общественную мельницу, общественные лавки, кредитное товарищество и т. п., учреждения, обслуживающие нужды общества, потому что все доходы от них всецело идут на общественные надобности, как то: на содержание сельского писаря, канцелярии, сторожа при училище и на разные мирские повинности.

Но что же это общество сделало для своего просвещения?

На живописной горке, рядом с церковью –за группою зеленых пирамидальных кипарисов – красуется довольно большое двухэтажное здание. Это их двухклассное училище с шестигодичным курсом, имеющее при себе общежитие на 30 учеников.

Так работают адзюбжинцы, проникнувшись идеей просвещения и взаимопомощи. Но всякое полезное дело, имеющее общественный характер, требует для своего осуществления деятелей инициаторов. Без последних дело обыкновенно стоит на месте, хотя в сознании массы и живет полезность осознанной потребности. Масса, хотя и осознавшая свои потребности, мало подвижная. Явится к ней инициатор, верный выразитель её идеи, – она всколыхнется и последует за ним. Такова психология массы. И, конечно, идеи Адзюбжинского общества тоже были проведены в жизнь инициаторами.

Одним из ярких представителей этого общества является Екуп Долбая [Делба]. Это один из лучших сынов села Адзюбжи, человек, отдавший всего себя общественному делу – служению своему родному обществу. Это неутомимый, скромный работник на ниве народного благополучия. Он со своими достойными сотрудниками Алексеем Джанашия, Каном Цагурия и Етлухом Лолуа всегда старался и старается осуществлять назревшие потребности своего общества, В настоящее время он со своими сотрудниками состоит членом школьного попечительства Адзюбжинского двухклассного училища. Кроме того, г. Долбая[Делба] состоит почетным блюстителем этого училища

Такие личности, как Екуп Долбая [Делба],играют огромную роль в жизни сельского хозяйства. Результаты их скромных трудов ярко светятся в темноте, окутывающей нашу народную массу. Но они сами незаметны, окружающая среда их зачастую не понимает.

Но мы являемся свидетелями пробуждения сознания в Абхазии, осуществления, хотя бы частично, осознанных идей. И нас радуют проблески уже недалекой зари.

«Сухумский вестник», 1916, 16 апреля, с 3.

ПУТЬ К УМУ – ЧЕРЕЗ ГЛАЗА И РУКИ

В наше новое время замечается усиленное оживление педагогической жизни.

Чтобы разрешить основные вопросы обучения и воспитания и изгнать из жизни школ пассивное, неподвижное словесное преподавание, создаются попытки к наиболее целесообразной постановке этих жизненных вопросов.

Из современных таких попыток, удовлетворяющих принципу: «Путь к уму – через глаза и руки», можно указать на трудовое начало в школе, имеющее целью связать школьное преподавание с жизнью, с окружающей школу обстановкой. Собственно говоря, трудовое начало а школе преследует две цели: во-первых, дать ученикам знания и умения практического характера и тем подготовить учащихся к промышленным профессиям; во-вторых, будучи поставлено в связь е преподаванием общеобразовательных предметов, содействовать сознательному усвоению проходимого материала. Последнюю идею особенно ярко осветил немецкий педагог В. А. Лай в своем сочинении «Школа действия».

В противоположность современному пассивному, неподвижному, словесному преподаванию, книжной школе, которую Лай неоднократно называет «школою словесного обучения и неподвижного сидения», но выдвигает действие, удовлетворяющее природосообразности детской натуры. Трудовое направление школы предоставляет детям проявлять активность, самодеятельность во всех своих занятиях, что содействует сознательному усвоению проходимого учебного материала.

Тут уже нет места скуке! Из жизни школ изгоняется мертвящая скука преподавания, подавляющая чистые юношеские порывы. Урок в классе при этом превращается в лабораторию, где юные питомцы, наподобие шелковичных червей, оживленно действуют, работают каждый самостоятельно. Тут идет работа в лепке, вырезывании, наклеивании, рисовании и т. д., где дети могут конкретно, в образе представлять свои впечатления, и это, конечно, содействует образованию ясных воззрений и отчетливых представлений.

Разнообразны виды ручных занятий в школе, и они выражаются в работе по дереву (столярные, токарные, выпиливание, резьба и выжигание), в работе по металлам (проволочные, жестяные и металлопластика), в лепке (из глины, гипса, папье-маше, воска и др.), в картонажной работе (аппликация, модельно-декоративные, вырезывание, игрушечно-картонажные геометрические модели, папочные и др.), в корзиноплетении и обработке бамбука, стекла; во всякого рода занятиях по разным отраслям сельского хозяйства: в огороде, саду, по пчеловодству, по шелководству, консервированию и т. д.

Эти ручные занятия, помимо того, что они способствуют физическому развитию детей и изучению ремесел, ценны еще тем, что многие из этих ручных занятий можно связать практически со всеми общеобразовательными предметами, и тут же они явятся средством наглядности и развития самостоятельности у детей.

Так, на уроках русского языка, например, в младших отделениях, обыкновенно для наламывания кисти руки и пальцев упражнениями в письме элементов букв; тут на место выступает рисование (лестницы, сливы, серпа, граблей, кошки и других животных в разных положениях простыми контурами и т.д.); при прохождении алфавита лепят буквы из глины, вырезывают модели букв из бумаги, складывают буквы и слова из спичек, палочек, кукурузы и других зерен.

При этом интересна работа по тонкой проволоке при ознакомлении детей с печатным и письменным начертаниями букв. Положим, учитель знакомит детей с письменными начертаниями буквы «А». Учитель перед целым классом, обратив предварительно внимание детей на то, с чего он начинает, делает из проволоки эту букву. Потом, вызвав одного, другого из учеников, заставляет сделать то же самое, а затем велит им, обратив внимание их на вывешенный на видном месте заранее приготовленный им из проволоки для образца модель буквы «А», сделать её.

Класс приходит в движение. Начинается настоящая работа: маленькие ручонки детей схватывают лежащий перед каждым отрезок тонкой проволоки и начинают оживленно и возбужденно выделывать букву. Эта работа страшно интересует детей, в скором времени у каждого в руках уже готовая буква.

Такие работы, помимо того, что они облегчают запоминание начертаний букв, еще тем хороши, что дети после того без особенного затруднения пишут в своих тетрадях письменное начертание каждой буквы, так как дети уже на практических работах знают, с чего начать и чем кончить, и устраняется при этом простое копирование детьми с написанных учителем красными чернилами в тетрадях начертаний букв.

* * *

Широкое практическое применение к общеобразовательным предметам имеют также лепка и картонажные работы. Из картонажных работ особенно интересна аппликация (работа разноцветными бумагами). Для лепных работ классная комната требует особого приспособления, а для аппликаций стоит только иметь ножницы, клей и разноцветную бумагу. Ею можно иллюстрировать проходимые статьи и этим удерживать надолго в памяти все возникающие представления при чтении статьи, что устраняет знание словесное, без соответствующих представлений.

Возьмем для примера стихотворение Пушкина «Гонец». При чтении его встают в нашем воображении звезды, небо и мчащийся всадник, облитый лунным светом.

Иллюстрация прочитанных статей достигается и рисованием, значение которого не менее велико в деле обучения и воспитания, ибо оно также, как и аппликация соединяется со всеми уроками языка, арифметики, геометрии, географии, истории, естествознания и т. д. Аппликацией выигрывается время, ибо возникающие представления должны исполняться быстро, следуя за мыслью, да притом рисование требует более искусного, ловкого рисовальщика.

Аппликация применима с большим удобством и при прохождении географии.

Изучается, например, какой-нибудь край. На большом листе бумаги наклеиваются губернии, входящие в состав изучаемого края, вырезанные из разноцветной бумаги. На них уже изучаются города, реки, озера и т. д., нанося их карандашом. Словом, применение аппликаций и подобных им ручных занятий к общеобразовательным предметам неисчислимы.

Из этого краткого списания мы видим насколько велико значение трудового начала в учебно-воспитательном отношении. На Западе уже давно стали осуществлять эту идею – практическое применение ручных занятий к общеобразовательным предметам. В этом направлении, придав особо важное значение развитию трудового начала в школе, работает и наш Кавказский учебный округ. Из всех существующих семинарий осуществление практического применения ручных занятий к общеобразовательным предметам достигла больше всего Кутаисская учительская семинария. Я сам питомец этой семинарии, но я окончил ее как раз в те время, когда только что стала зарождаться и осуществляться в ней идея – развитие трудового начала в школе. Я только очевидец одних корешков этой идеи, а пышного роста и расцвета ее я, к сожалению, не видел.

Спрашивается теперь, как нам быть, нам учителям, окончившим учительские семинарии еще до зарождения или в начале зарождения в них этой идеи, чтобы быть каждому в курсе дела для правильной постановки вопроса обучения и воспитания в народных школах?

Погнать ли всех нас вновь в учительские семинарии? Но это практически неосуществимо. Или же довольствоваться разосланным Кавказским учебным округом во все учебные заведения на правах рукописи трактатом «Трудовое начало в школах»? (Отдельный оттиск в извлечении из приложения 1-го к журналам съезда директоров и инспекторов народных училищ Кавказского учебного округа в Пятигорск 1914 года). Но там вы не найдете указаний, как применить то или другое из ручных занятий практически к

изучаемым предметам, хотя бы возьмем аппликацию, лепку и др. Как быть? Исход один: устраивать по районам учительские съезды, где сведущими в этом деле лицами будет демонстрироваться перед учителями практическое применение ручных занятий к общеобразовательным предметам, и где учитель практически, а не по брошюрам, усвоит то, что ему нужно для выполнения своего призвания.

«Сухумский вестник», 25 и 26 августа 1916.

СОЮЗ ГОРЦЕВ И ПРАВА НАЦИИ

Удар великой революции мигом уничтожил тиски, под которыми задыхались десятки лет свободные сыны Кавказа, и распались цепи и преграды, изолировавшие столько лет горские племена.

И они, разрозненные и разорванные, естественно, в силу родства духа и крови, стали вновь сливаться и разрастаться в целое. И прекрасная Абхазия с берегов Западного Кавказа, естественно, в силу тяготения, потянулась к своей родной части и крепко спаялась с нею.

Окончательно совершился акт полнейшего слияния горских племен в Союзе Объединенных Горцев.

Задачи Союза велики. Его цель – защита свободы и революции, защита прав свободного самоопределения народов. А потому Союз Объединенных Горских племен не есть нечто замкнутое в сфере только своего быта, своей национальной нити, он широко открывает свои двери всем, кому дорога защита свободы, защита прав национальностей.

И отныне в свободной великой России не должно иметь место попрание национальных прав.

Должен быть дан простор широкому развитию внутри государства здорового национализма.

Каждой национальности должно быть предоставлено свободное развитие внутри государства, обеспеченное соответствующими правовыми нормами и государственными учреждениями. Это ее естественное право. При этом условии для каждой национальности явится возможность выяснить свою оригинальность, самобытность и культуру и перекрещивать их с теми же качествами других национальностей, что, естественно, создает отношение между ними, что нормальное свободное развитие каждой не разъединяет их, а наоборот, роднит и одним в крепости и незыблемости его залог исполнения наших чаяний.

«Горская жизнь», 1917, 14 ноября

РАСКОВАННАЯ АБХАЗИЯ

В продолжение ста с лишним лет Абхазия находилась в тисках полицейско-самодержавного режима.

Вольность, врожденная горцу, была отнята грубо у свободолюбивых сынов голубых гор.

Все живое, прекрасное душилось железной ногой победителя.

Коренному населению Абхазии прививалось насильственно все то, что чуждо было его духу и понятиям.

Чарующие уголки дивного края раздаривали полковникам, генералам, да разным статским советникам, а самих хозяев земли оттеснили к бесплодным горам и предгорьям.

Висела над Абхазией полицейская нагайка.

Грузинские меньшевики с жадностью выжимали из лакомого «кусочка» Абхазии самые лучшие соки.

В продолжение трех лет Абхазия испытала на себе всю прелесть меньшевистского шовинизма.

Но вот ровно три года тому назад на вершинах голубых гор Абхазии зажглась дивная лучезарная звезда!

То была Советская свобода! Мрак рассеялся навсегда.

Под зашитой Советов развитие экономических и культурных сил Абхазии пошло быстрым темпом вперед.

Окрыленная Абхазия со всем Союзом Социалистических республик летит радостно вперед, к прекрасным далям!..

Да здравствует свободная вольная Абхазия!

Да здравствуют Советы во всем мире!

«Голос Трудовой Абхазии»
Сухум, 1924, 4-е марта, с. 3.

ПЕСНЬ СТРАДАНИЯ
(Легенда)

Горы-гиганты толпой обступили бархатную поляну. Высоко до неба хлопьями рассыпались облака, белыми лебедями плывут они среди отвесных скал.

Среди поляны, храня думы народа, стояла вековая липа.

Под ее распластавшейся кроной чинно расположились умудренные опытом старики.

Почтительно слушала молодежь. Безмолвно внимали горы.

Говорил старик Хаджмат.

Голову его змеей обвивал белый башлык. Нити седой бороды водопадом стекали вниз.

Говорил он долго, глядя вниз, посохом тыкая в землю. Порой вскидывал голову вверх и из-под белых стрельчатых ресниц глаза его, беспокойно блуждая, окидывали дали.

Хаджмат окончил.

Шумная молодежь образовала круг.

Под такт горячей песни и хлопанья в ладоши легко скользят на пальцах молодые ноги. Сияют довольные лица отцов, и кажется им, что вновь они видят себя молодыми.

Не вытерпел старик. Держась за кинжал, он бросается в пляс, легко кружась и сгибая ноги.

Загорелась молодежь. Засверкали в такт пляске выстрелы.

Запахло порохом.

– Нет, не так, не то! Бывало, не танцевал – летал, а теперь уже кости одряхлели, – с разочарованием в голосе произнес старик, занимая свое место.

Замолкли песни. Молодежь заскучала.

– Спойте, отцы наши, песни старины! – требовали настойчивые.

– Молодежи надо уступить, – сказал Хаджмат, – Пусть слушают и запоминают наши песни, пусть передаются они из поколения в поколения и живут в нашем народе.

Он затянул «Песнь страдания». Хором вторили старики.

Эта грустная песня, полная тоски, далеко разливалась, эхом отдавалась в скалах,

Хаджмат пел вдохновенно, все больше и больше отдаваясь настроению песни.

Последние звуки откликнулись эхом в горах. Наступила тишина.

Никто не хотел нарушать ее. Только листья шатром раскинувшейся липы тихо шелестели над головами.

Глубокий вздох вырвался из груди Хаджмата и он поник головой,

– Что с тобой, Хаджмат? – заволновались окружающие.

– Ничего, так… – с тоской произнес старик. – Знаете ли вы историю этой песни? – спросил он, поглощенный грустными думами. -Я расскажу ее вам.

* * *

Это случилось давно.

Одинокий корабль шел к турецкому берегу. В безбрежном море он казался упавшей бабочкой, захваченной капризной волной.

Кораблем правил турок.

Полные дум сидели на носу старый Чахмат и его семья.

Это были последние махаджиры.

В разоренном и выжженном ауле остался один Чахмат.

Проходили дни.

Горы больше не отвечали эхом на песни своих сыновей.

На выступах гор, в долинах и ущельях стояли обгорелые столбы саклей, словно плакальщицы в глубоком трауре.

Только в черные ночи из осиротелых аулов долетал вой собак, крик совы и плач одинокой птицы.

Долго боролся Чахмат со своей любовью к родному краю, глубокой тоской по братьям, покинувшим родные горы. Жуткие ночи в мертвых аулах разрывали его сердце.

Не выдержал старик.

Он поспешно собрался в далекую Турцию вслед за махаджирами.

Чахмат с семьей спустился к морю.

Турецкий корабль, бродивший вдоль берегов Абхазии, увез их с собой.

Над головой могильным курганом давило небо.

Старик чувствовал себя потерянным.

Он долго сидел на носу корабля, то глядя вглубь темной ночи, то переводя глаза на искры небесного костра. И звезды стали казаться ему огоньками его родной земли, разбросанными по склонам гор, долинам и ущельям...

Всплеск волны – и Чахмат очнулся.

Все тот же корабль, затерянный в море.

Впереди – страшная, неизвестная даль. Позади сожженный край, закованный в цепи...

Но вот турецкий берег принял изгнанников.

Последнее звено, связующее Чахмата с родной землей, – корабль исчез за морем.

Изгнанники долго молчали, устремив блуждающие глаза в глубь страны.

Ни души.

Бесконечная голая выжженная земля.

Опаленное небо раскаленным котлом повисло над головой, неумолимо обжигая своим зноем махаджиров.

Потянулись томительные дни.

Знойный воздух все иссушал, а опустевший кувшин не утолял больше жажды.

Мертвые долины сменялись холмами, и снова безбрежная песчаная степь.

В пустыне веяло смертью.

– Воды-ы-ы! – тихо стонали путники и как бы в ответ из серой выси послышалось: «Киу! Киу!»

Над головами умирающих кружился орел.

Недалеко родник, – пронеслось в отуманенных головах несчастных. Пять пар жадных глаз впились е движущуюся точку.

Несколько плавных кругов, и вестник стрелой полетел к земле.

Молодой Темыр, сын Чахмата, бросился вперед, но орел взлетел вверх и исчез.

– Погибаем! – застонал Чахмат.

– Отец! – решительно заявил Темыр. – Я последую за орлом! Он прощальным взором скользнул по лицам родных и исчез. Сын Чахмата больше не вернулся.

Остались старуха-мать и младший сын.

На холме в неглубокой могиле под горячей землей лег старый Чахмат с дочерью.

Два раза день сменялся ночью.

А на третий день труп юноши преградил им дорогу.

То был Темыр.

Прошел еще один день.

Чтобы не усилить жажду сына, мать словом не обмолвилась о своих страданиях. Только в час смерти из ее высохших уст с глубоким стоном вырвалось:

– Воды!

Спасения не было.

Сын опустился возле матери, готовый умереть. И в смертной тоске затянул «Песнь страдания».

Умирающая собрала свои последние силы, обняла сына и стала вторить ему.

В мертвой пустыне, объятые смертью, они пели последнюю песнь.

Но снова раздалось знакомое: «Киу! Киу!».

Орел стрелой рванулся вниз и скрылся за холмом.

Младший сын Чахмата бросился вслед.

За холмом в овраге журчал спасительный родник.

Испуганный орел взмахнул крыльями и высоко поднялся в воздух.

В войлочную шапку потекла родниковая вода.

– Мать! Вода! – в неистовом восторге кричал сын, поднося к губам матери шапку с водой.

Высоко в небе кружился спаситель-орел.

Мать и сын вернулись в родной край. Вскоре она умерла.

– А сын?

– Он перед вами. Это я – Хаджмат.

Сказав это, он поднял глаза, еще полные тяжелых воспоминаний.

Эту легенду записал Самсон Чанба. Рассказал ему ее Нестор Лакоба в 1927 году.

Впервые она была опубликована в газете «Советская Абхазия» (1927, 3/X). В Абхазском государственном архиве, до сожжения его грузинскими оккупантами, хранился номер этой газеты с надписью: «Тов. Нестору, рассказавшему мне эту легенду» – С. Чанба // «Советская Абхазия», 1986, 26 декабря, № 247, с. 2-3.

ЛАДАРИЯ А.Д., доцент АГУ

ЭШЕРА. ВЛАДИСЛАВ. СИЛА ДУХА…

Памяти В.Г.Ардзинба посвящается

Традиционное почитание предков предписывает каждому человеку помнить, что именно тот край, где он родился – это та самая путеводная звезда, которая на протяжении всей жизни, щедро одаривая искрами своего огня, освещает широкую дорогу в будущее. Именно с малой Родиной связано становление и формирование личности, воспитание чувства гордости, уважения и любви к национальной культуре, приобщение к отечественному наследию. Наверное, многие согласятся с тем, что чувство родины не отождествляется с экономическим благосостоянием государства, это - больше духовное чувство. Живет оно в сердце каждого и воспринимается как нечто возвышенное, сокровенное, как реальная духовная сила, которой свойственно периодически тяготеть к родным корням.

В Сухумском районе есть героическое село Эшера, известное своей древнейшей историей и культурой. Название оно получило от слова «ашыцра», т.е.самшитовая местность - густые заросли самшита в большом количестве произрастают в верховьях рек Гумиста и Щицкуара. Это село рассматривают как центр доантичной культуры, на памятниках которого строится история всей Центральной Абхазии. Здесь сохранились многочисленные оборонительные сооружения, различного рода инвентарь с фрагментами греческой надписи. Знаменитое Эшерское городище, окруженное мощными стенами с четырехугольными башнями, напоминает поселение городского типа, связанное с Диоскуриадой. Предполагается, что это - одно из 70 с лишним укреплений, которые в конце 2 в. до н.э. построил колхидский властитель Митридат. Древнейшее античное городище и кромлехи, относящиеся к 8 в. до н.э., не находят аналогии во всей Колхиде. Обнаруженные здесь различные предметы керамики также позволяют предположить, что к эшерской пристани прибывали греческие торговые суда. Получили известность дольмены, в которых найдены фрагменты вооружения и культовые предметы, детали украшений и т.д. Один из эшерских дольменов расположен перед зданием Абхазского государственного музея в Сухуме, а еще один в советское время был вывезен в Грузию. Представляет интерес, обнаруженное в 70-х гг. 20в, погребение всадника вместе с конем, а также уникальными являются греческий комбинированный панцирь, различного рода конские снаряжения местных мастеров, серия архаических шлемов «эшерского

типа» и т.д. Значительная часть археологических материалов хранится в фонде Абхазского государственного музея. В Эшере сохранились руины христианского храма, о котором французский путешественник Ф. Дюбуа де Монпере писал: *«Очень древняя церковь, абхазы очень чтут эту церковь…, они приходят сюда праздновать пасху…, клятва, данная перед этой церковью не нарушается…Вблизи церкви бьет великолепный родник…»*. Представляет особый интерес замок Уазабаа**,** относящийся к 12-14вв. Его 16-ти метровые стены сложены из крупного камня, под замком виднеется почти километровая многоэтажная пещера, из которой вытекает водопад. Неподалеку, на возвышенности, в конце 19в, размещалась дача известного русского художника-баталиста В.В.Верещагина. Местность впоследствии получила название «верещагинский холм». Удивительное сочетание красивой многоликой природы с уникальным горным воздухом и изумрудными морскими просторами завораживало и привлекало неординарных личностей во все времена. На эшерской даче художник регулярно принимал деятелей русской творческой интеллигенции. Именно здесь В.Верещагин создал ряд полотен на абхазские темы, в том числе и знаменитую картину «Апофеоз войны». К сожалению, многие работы В.Верещагина были утеряны - пароход с трудами художника, который в 1889 году отправился из Эшеры в Одессу на персональную выставку, потерпел крушение.

В средне-западной части села в п. Гвандра в начале прошлого столетия находилось небольшое дворянское имение Беклемишевых. Здесь жила теща С.Ю. Копельмана с племянником. С. Копельман в начале 20 века был известен как один из основателей престижного петербургского книгоиздательства «Шиповник», где печатали свои труды русские писатели: М. Горький, И. Бунин, А. Ахматова, А. Толстой и др. С. Копельман часто приезжал на отдых к теще- Л.А.Беклемишевой. Весной 1911 года с ним приехал в Эшеру молодой, но уже известный писатель граф А. Н. Толстой, а затем друзья посетили Новый Афон и Сухум. Под впечатлением экзотической панорамы и колорита местных традиций Алексей Толстой написал рассказ «Эшер» и повесть «Неверный шаг». Трагическая история «Эшер» завершается гибелью главного героя Джото из рода Анчабадзе и его любимой девушки, с необычным именем Эшер, которая, отчаявшись, бросилась за ним в обрыв. В повести «Неверный шаг» действие происходит в Новоафонском монастыре, на даче Беклемишевых в Эшере и в Сухуме. Беклемишевы стали прототипами героев «Неверного шага» - баклушинских помещиков. Предполагается, что записи об отце Андрее - герое повести, сделаны по рассказам молодого Б. Беклемишева – страстного охотника, хорошо знавшего эшерскую местность. Из дневника А.Толстого: *«Беклемишев- худой, сутулый и рыжий, с большими голубыми глазами…Читает по ночам запоем, проглатывая по*

книжке за ночь…Когда поздно поутру тетка приносит ему стакан чая, он курит и опять читает…». Из повести «Неверный шаг»: «*…стояла худая барыня в черном платье … и.. рядом, лениво улыбаясь, сидел сутулый и тощий племянник..».* А.Толстой описывает в повести усадьбу Баклушиных : *«усадьба Баклушиных лежала у самого моря, между монастырем и городом, подъезжающему надо было подняться по кипарисовой, черной и заездной вверху аллее на пригорок, где росли огромные эвкалипты, и стоял низенький белый дом с крыльцом и мезонином…, перед окнами благоухала пять раз в году белая акация...».* Вышеизложенная картина в точности передает окрестности эшерского имения Беклемишевых. Это - известное местечко в п. Гвандра под названием «беклемишевка», где и сейчас аллея из стройных вечнозеленых кипарисов ведет от центральной дороги к пригорку с раскидистыми деревьями эвкалиптов. От домика, конечно, уже ничего не осталось.

Эшера была общеизвестна спортивными комплексами, военным санаторием, домами отдыха, пансионатами, расположенными в морской прибрежной зоне от рек Гумиста и Шицкуара до п. Гвандра. Центральная база Спорткомитета СССР «Эшера» включала в себя четыре футбольных поля. Регулярно сюда съезжались спортсмены на учебно- тренировочные сборы более чем по 40 видам спорта., в том числе и участники Олимпиады-80. Эшерцы помнят, как за год до начала Игр встречали здесь президента МОК- Майкла Морриса, известного по титулу как лорд Килланин – предшественника Хуана Антонио Самаранча. Рядом с базой размещалось стрельбище спортивного общества «Динамо», Дома отдыха «Мимозовая роща» и «Гумиста», где функционировала также летняя студенческая база отдыха Ленинградского госуниверситета. Чуть дальше, вдоль побережья простирались несколько корпусов элитного санатория «Эшера» Министерства обороны СССР, у устья реки Шицкуара - пансионат «Шицкуара» РЖД и наконец, в п. Гвандра - кемпинг «Солнечный» для автотуристов.

Эшера отличалась многообразием промышленных предприятий: единственный в Абхазии Мелькомбинат по переработке зерна, Нефтебаза, Газораздаточная станция, ряд складских помещений республиканского значения – Абхазсельхозтехника. Железнодорожный узел «Эшера» выполнял функции пассажирской, грузовой и сортировочной станции. Через все село Эшера, по прибрежной части, проходит грунтовая дорога, которая во все времена служила своего рода разгрузкой главного шоссе Псоу- Ингур на промежутке Новый Афон - Сухум. В Западную и Восточную Абхазию по ней шли грузы от промышленных предприятий в объезд республиканского шоссе, в том числе грузовые автомобили с зерном и мукой, автоцистерны со сжиженным газом, которые отправлялись с Газораздаточной станции в обменные пункты. Во время Отечественной войны 1992-1993гг. эта дорога

связывала линию Гумистинского фронта с Западной Абхазией, она служила для перемещения основной массы войск, тяжелой техники, доставки оружия, продовольствия и т.д. *(главное шоссе у Верхнеэшерского моста врагами просматривалось отчетливо)*. В результате массированных артобстрелов и авиабомбёжек инфраструктура села сильно пострадала: промышленные предприятия разрушены, сельская дорога разбита, активизировалось движение оползневых участков и образование обвалов, здания школ и детских садов также оставляют желать лучшего.

Эшера известна благодатной почвой для возделывания сельскохозяйственной культуры. Огромные площади под цитрусовые и чай простирались по всей территории этого села. Помнится, что еще с советских времен на рынке цитрусовых именно эшерские мандарины отличались особыми вкусовыми качествами. В п. Гвандра на Экспериментальной базе ВНПОЧ и СК (Всесоюзное научно- производственное объединение чая и субтропических культур) велась активная научная работа по закладке и выведению новых сортов чая и субтропических культур. В приморской части п.Гвандра располагалась дача директора вышеуказанного учреждения, первого секретаря Абхазского обкома КП (1958-1965 гг), известного политического и государственного деятеля, ученого, писателя, члена Союза журналистов и депутата Верховного Совета СССР 6-го созыва М.Т.Бгажба. Здесь он принимал представителей советской политической элиты, выдающихся личностей русской и мировой культуры, научного и журналистского сообщества. Неоднократно гостили здесь М.Ножкин- поэт, сценарист, известный актер, член Союза кинематографистов СССР, Е.Евтушенко- поэт, прозаик, публицист, сценарист и кинорежиссер, действительный член Европейской академии искусства и наук. Именно здесь, на эшерской даче, разворачивается творческая деятельность М.Т.Бгажба. Он создает «Гуарапский писарь». *(Одноименный спектакль Абхазского госдрамтеатра имени С. Чанба стал обладателем Гран-при на трех международных театральных фестивалях)*. Здесь же М.Т.Бгажба переводит на абхазский язык «Историю одного города» М.Е. Салтыкова- Щедрина и роман Н.В.Гоголя «Мертвые души». М.Т.Бгажба, демонстрируя культурные традиции, нередко собирал творческую публику и увлекался чтением вслух художественных текстов. Это служило поводом к обсуждению интересных мыслей о истории и литературе, писателях и их персонажах… . Эшера- поистине живописная местность, вдохновляющая к созданию искусства. Здесь построил дом, жил и творил основоположник абхазской профессиональной музыки - А.Ч.Чичба. Автор оперы «Шансоу», кантаты «Апсны», симфонической поэмы «Абрскил» и других произведений часто гостил на эшерской даче М.Т.Бгажба. Иногда А.Чичба играл свои произведения на рояле, одновременно с этим М.Бгажба представлял гоголев-

ских героев, «заговоривших» на абхазском языке, на суд зрителей, в необычной форме с элементами театрализации. Уникальный ресторан «Эшера» на основе карстового каньона, сооруженный по инициативе М.Т.Бгажба (*в 1959 году*) в советские времена заслужил особую славу. Здесь часто проводили неформальные встречи, как первые лица Советского Союза, так и зарубежные гости. Известно, что неоднократно бывали здесь Н.Хрущев, Ф.Кастро, Н.Чаушеску, И.Тито и многие другие.

Выходцы села в разное время проявляли творческую энергию, внося существенный вклад в общественно- политическую жизнь, в развитие экономики, культуры и науки Абхазии. Неоценимый вклад в историю абхазской живописи внес Х. Т. Авидзба – первый дипломированный художник Абхазии, участник международных выставок, член союза художников СССР и Абхазии. Его полотно «Киараз» представлено в Третьяковской галерее. Член союза композиторов Абхазии К.Н. Бганба- автор ряда фольклорных композиций, в том числе известной абхазской песни «Мадина». Один из первых музыкальных руководителей Государственного ансамбля танца «Шаратын» К.П. Мурузиди. Остался в истории авиационного спорта мужественный подвиг летчика А.Х. Авидзба, ставший вершиной его жизни. Спортсмен- перворазрядник Центрального клуба им. В.П.Чкалова, установивший первый в истории мировой рекорд на вертолете, впоследствии подготовил многих пилотов высокого класса. Не одно поколение эшерцев с благодарностью отзывается о высокопрофессиональных педагогах, удостоенных почетного звания «Заслуженный учитель Абхазской АССР». Среди них - отец Владислава Григорьевича- Г.К. Ардзинба, Н.М. Лазба.- первая учительница В.Ардзинба (*ее единственный сын Д.Гагуа погиб в Отечественной войне 1992- 1993гг., посмертно награжден медалью «За отвагу»)*, К.Г Чедия – директор эшерской СШ (1969-1987гг.), в которой учился Владислав Григорьевич, П.И. Мурузиди, на протяжении 30 лет руководивший Шицкуарской СШ, Р.К.Агрба- директор сухумской СШ №19, впоследствии более 20 лет возглавлявший Институт повышения квалификации учителей Абхазии. (*Известный географ, член географического общества СССР, во время Отечественной войны 1992- 1993гг., он не раз сопровождал в бою северокавказские добровольческие отряды в качестве военного фотокорреспондента).*

В памяти эшерцев сохранились имена народных ораторов, обладавших природным даром речи. Из истории Абхазии известно, что 26 июля 1866 г. перед многотысячной аудиторией на Лыхненской площади выступил выдающийся эшерский оратор Осман Шамба. Он говорил более шести часов без перерыва, в то время как трое переводчиков совершенно устали. Заслужил бессмертную славу мастер красноречия, снискавший всенародное уважение - Осман Ладария, перед которым почтительно расстилали бурку и

предлагали на нее встать, прежде чем он произнесет речь. Последователи ораторского искусства в селе Эшера - Х.С.Тванба, О.М. Авидзба., Д.О. Ладария., А.Б. Авидзба, Ш.Ш. Читанава и др.

Издревле в народе известно высказывание: Эшера - село героев. Так было во все времена: *«Вот в Эшере легендой герой награжден горделивой, поскольку в Эшере рожден»*- так пишет Б.Шинкуба о Хаджарате Кяхба в «Песне о скале». По мотивам романа в стихах в 1975 г. на киностудии им. Довженко снят художественный фильм «Белый башлык». Сценарий к нему написал сам Б.Шинкуба. Образ молодого человека -легендарного борца за народную справедливость получил отражение и в абхазском фольклоре. Многие выходцы села проявили героизм в Великую Отечественную войну: М.Х.Авидзба - первая абхазская летчица, кавалер ордена «Отечественной войны I и II степени», награжденная медалями «За оборону Кавказа», «За победу над Германией» и т.д. М.М. Бостанджян – военный разведчик, Герой Советского Союза, кавалер ордена Ленина, медали «Золотая Звезда», "За оборону Сталинграда". С.Д. Папба– военный разведчик, участник освобождения итальянского города Леванто. Сбежав из плена, с 1943 по 1945 гг. он воевал в отряде партизан-антифашистов им. Джузеппе Гарибальди. Представители Национальной Ассоциации итальянских партизан и доныне регулярно вручают памятные таблички семье героя. А сколько бойцов не вернулось с фронта…?! И сейчас находят останки погибших. Так, летом 2011 года из Белгорода был перевезен прах погибшего в ВОВ А. Авидзба и предан родной земле в Эшере.

Эшерцы с честью подхватили эстафету мужества и доблести спустя почти полвека. Еще одним серьезным испытанием стала Отечественная война 1992- 1993гг. С первых же часов, как только село подверглось регулярным массированным обстрелам и бомбежкам, была сформирована группа из эшерских ополченцев, занявших позиции по реке Гумиста, что не позволило врагу продвинуться вглубь села. Одним из организаторов гумистинского оборонительного рубежа стал командующий фронтом М. Х. Хварцкия. Ученый- историк, высокообразованный человек, который в мирное время мог бы сделать многое в научной сфере, оказался в условиях войны, бесстрашным лидером, руководившим ополченцами, которые регулярно совершали рейды в глубокий тыл врага с целью отбить оружие. Сентябрь 1992 года запомнился, как масштабный прорыв через реку Гумиста грузинской тяжелой техники по всему периметру фронта. М. Хварцкия командовал ликвидацией данной группировки. Враг был отбит и только на отдельном участке населенного пункта Кутишха грузины удерживали свои позиции в течение 9 суток. Последние бои Герой Абхазии М. Хварцкия провел на Восточном фронте, погиб при освобождении с. Лашкиндар. По предложению В.

Г.Ардзинба, он похоронен на прилегающей территории исторической площади Лыхнашта.

Вдоль реки Гумиста проходила линия фронта, превосходство войск Госсовета в живой силе и технике было очевидно. Еще множество наступлений на село предпринимал враг, но каждый раз он получал героический отпор. После мартовских событий 1993г. Эшерский и Афонский батальоны понесли большие потери, и было решено создать один Эшеро - Афонский батальон. В.Г.Ардзинба возлагал большие надежды именно на эшерских ополченцев, т.к. он со многими был знаком лично, это были его односельчане: соседи, братья, друзья, соратники. По особым заданиям главнокомандующего, эшерцы часто отправлялись на Восточный фронт, где многие из них погибли. В составе почти всех батальонов были эшерцы: они хорошо знали местность, шли в разведку и минировали вражескую территорию, совершали вылазки в тыл противника, добывая оружие и ценные сведения, выполняли функции проводников через горную местность по нехоженым и беспощадным тропам и т.д. Сила и мощь героического противостояния складывалась из отдельных личностей, взявших на себя ответственность за судьбу Отечества и ощутивших бремя тяжелых испытаний. У каждого из них своя история особого вклада в общую победу. Кровавое наступление суровой зимы 1993г. останется в памяти, как одна из скорбных дат в истории Абхазии. Изможденные затянувшейся войной ребята шли на верную смерть. В этом бою погиб Б.К.Ладария, которому посмертно присвоено звание Героя Абхазии. Братья Георгий и Борис Ладария вместе с родными племянниками - И.Гудым и Т.Гумба с начала войны одними из первых оказались на линии фронта. Вчетвером составили саперную бригаду, взявших на себя обязанности инженерного обеспечения военных действий. Опасная работа минеров являлась основой победы во многих боях. Во время январского наступления, Георгий пытался переправить вброд через реку тело погибшего молодого парня А.С.Бганба, а Борис при этом очередной раз рисковал протянуть веревку для опоры через студеную быстротечную Гумисту и оказался тяжело ранен. До наступления темноты солдаты скрывались под мостом, т.к. враг бил всеми орудиями по позициям без перерыва. Борис Ладария героически боролся со смертью на протяжении нескольких часов, истекая кровью на руках у брата. Наконец понимая, что все усилия тщетны, он стал терять сознание. И тогда Георгий нашел в себе силы и запел песню ранения - ахэра ашэа, которую подхватывали ребята поочередно, пытаясь подбодрить друг друга. С наступлением темноты тела Б.Ладария, А.Бганба и других погибших отправили по домам. Ровно через 6 лет , 4 января 1999г. в возрасте 44 лет Георгий Ладария ушел из жизни от тяжелых ран, нанесенных войной, награжден «Орденом Леона». Десятерым эшерцам посмертно

присвоено звание «Героя Абхазии», двадцать бойцов награждены «Орденом Леона», двадцать шесть – медалью «За отвагу». С.Кузнецов и С.Сергеев не вернулись из очередного боя, считаются пропавшими без вести. А сколько бойцов стали инвалидами..?! Война надломила, искалечила судьбы людей, опустошила души - Р.Половьянов в возрасте 19лет стал инвалидом 1 группы (абсолютная потеря зрения), С. Малицкий, Я. Ладария и многие другие. Ни это ли является примером мужества и героизма, на чем следует воспитывать будущие поколения, в том числе и защитников Отечества?! Экспонаты, напоминающие о печальных страницах военной истории, хранятся в эшерском музее «Боевой славы». Создатель музея М.С Тванба продолжает сбор материалов, регулярно проводит здесь экскурсии, мероприятия со школьниками и студентами с целью патриотического воспитания молодежи. Помещение музея примыкает к зданию Эшерской школы, которая сегодня размещается в полуразрушенной казарме бывшей российской военной базы (*довоенная школа отлично просматривалась с вражеских позиций, грузины, зная о том, что здесь учился В.Ардзинба, били по зданию всеми орудиями и превратили в руины)*. Здание знаменитой эшерской школы, в которой в разное время учились известные впоследствии государственные и общественные деятели - В.Кобахия, Р. Бутба, В.Ардзинба и многие другие, остается без внимания все послевоенные годы.

И только в этом красивом селе с великим героическим прошлым и настоящим, мог родиться, жить и творить перспективный ученый, мужественный национальный лидер первый Президент Абхазии В.Г.Ардзинба. «Эшера, Эшера…, да, Эшера, в том селе родился он…»- поэтично подчеркивает В.Амаршан, рассказывая об одном из крупнейших в мире хеттологов, авторе ряда научных трудов, посвятившем своё первое исследование родной Эшере. Известный советский историк- востоковед, возглавивший Абхазский Институт гуманитарных исследований, впоследствии стал инициатором учреждения Академии наук Абхазии. Высоко эрудированный харизматичный лидер, получивший колоссальную популярность не только на постсоветском пространстве, но и далеко за рубежом, возглавил освободительное движение в один из самых сложных периодов истории Абхазии. Яркий лидер, открыто и решительно объявивший вызов грузинскому шовинизму, сумел проявить невероятные способности мужественного политика, дипломата, полководца и, переломив историю, направить политику Абхазии в нужное русло. Универсальное поле деятельности В.Ардзинба в политической и научной сферах, тернистый путь, пройденный им со своим народом, отображен в многочисленных исторических материалах, его публичных выступлениях и письменных текстах, интервью отечественным и зарубежным СМИ. Отважный национальный лидер – В.Ардзинба, отдавший свою жизнь

за свободу Отечества, остался в памяти односельчан удивительно жизнерадостным, энергичным, простым, с тонким чувством юмора и вместе с тем волевым и мужественным, мудрым и величественным человеком, именно Человеком, обладавшим уникальной способностью быть всегда самим собой. *«Свобода Апсны- смысл всей моей жизни»* - это высказывание В.Ардзинба определяет духовную сущность его патриотизма, как моральную позицию и политический принцип. Свобода личная для него неотделима от свободы Родины. Историческая судьба В.Ардзинба дает основание полагать, что через всю его жизнь отчетливой прочной нитью проходила любовь к Отечеству, родному селу, отчему дому. Он чувствовал себя частью родного села и поэтому предпочел быть упокоенным именно здесь**,** как солдат, на вечной вахте, навсегда оберегая рубежи малой и большой Родины.

На одном из холмов прифронтовой полосы сооружен величественный мемориал в память о легендарном полководце Герое Абхазии, кавалере ордена «Ахьдз-апша» первой степени В.Г.Ардзинба. В архитектурный ансамбль данного комплекса предполагается включить монумент погибшим эшерцам и всем воинам Гумистинского фронта - героическим защитникам Отечества. На самой возвышенности мемориала под музыку Ветра войны и Ветра победы, перелистывая страницы истории, гордо развевается Государственный флаг Абхазии. Светлая мелодия вечной свободы льется здесь, как чистая слеза, вызывая особое психологическое напряжение**.** Но чего стоила эта Свобода…?! По- настоящему знают только те, кто в неравном бою противостояли вражеским танкам и боевым вертолетам, погибали и снова воскресали, оказывались свидетелями гибели родных и близких, жертвуя собой, спасали друзей, терпели неудачи и самоотверженно продолжали бои со словами: «Вперед…! За Родину…! За Ардзинба!». Но есть и другая часть населения Эшеры - мирные жители, дома которых грабили враги и утюжили тяжелой техникой. Это – люди, которые на протяжении года с лишним, под шквалом постоянных артобстрелов и авиабомбежек выполняли функции тружеников тыла: подносили боеприпасы и оружие ближе к линии фронта, помогали солдатам в организации питания, обеспечивали их одеждой и продовольствием… А сколько мирных жителей погибло…?! Какое количество людей стали инвалидами…?! Разрушено огромное количество домов, другие жилища опустели и ждут хозяев, которых уже не вернуть…. И после войны, когда село оказалось в руинах, жизненный уровень был сведен к нулю, эшерцы не бросили родной очаг, следуя всем традициям, не оставили могилы предков - ведь родные места не заменишь и раем. Почти в каждом доме было горе, а сердце Т. Авидзба - Эзухбая разрывала жуткая скорбь по четверым сыновьям. Сильную и разрушительную психологическую боль выдержать довелось не всем – отец погибшего Т.Бигвава покончил с собой на

могиле сына. Тяжело вспоминать, как очень долгое время, с ранним рассветом просыпалось все село от пронзительного и заунывного плача по погибшим, и точно также, на закате солнца, сквозь мирную жизнь села, то там, то здесь пробивались надрывистые душераздирающие причитания. Эта боль необъятных масштабов приводила в содрогание, пронизывала до глубины души каждого без исключения.

После изнурительной и разрушительной во всех смыслах тяжелой войны к эшерцам пришла не менее сложная мирная жизнь.….В течение 2012- 2013гг. произведена грунтовая засыпка сельской дороги, отремонтированы кровли школ, построена спортивная площадка, однако, все это незначительно на общем фоне разоренного до основания, огромного по территории, села. Многострадальная и героическая Эшера, к сожалению, отстает от темпов преобразования в республике. Но жители села настолько великодушны и мудры, что особенно не сетуют на послевоенные неурядицы. По мнению весьма значительной части населения Абхазии, Эшера заслуживает присвоения высокого звания геройского села на государственном уровне, как дань памяти прошлому и уважения настоящему. Согласно известной крылатой фразе: «Глас народа - глас Божий».

Несмотря ни на что, эшерцы полны энтузиазма, они, как и всегда, задействованы во всех сферах жизнедеятельности государства. Эшера возрождается и продолжает растить будущие поколения талантливых и мужественных людей достойными героических имен - Х.Кяхба, М.Авидзба, М. Бостанджян, В.Ардзинба, братьев Эзухбая.....

Литература

Куправа А.Э Вопросы традиционной культуры абхазов, Сухум, 2008г
Материалы музея «Боевой славы» с.Эшера
Толстой А.Н Собрание сочинений в 10- ти томах, Т.1, 1982г
Ф. Дюбуа де Монпере Путешествие вокруг Кавказа в 6- ти томах, Т.1,1937г.
Шинкуба Б.В. Собрание сочинений в 3-х томах, Т.1, 1987г.

Владимир Саблин

КОМНАТА ПОД СВОДАМИ

Воспоминания об Алексее Прасолове. К 60-летию поэта.

ЛИЦОМ К ЛИЦУ

Из всех хранящихся у меня книг с дарственными надписями, сделанными в разное время знакомыми писателями и поэтами, есть одна – самая дорогая моему сердцу – которую мы бережем в нашей семье, как реликвию. Это не просто изумительная книга стихов е теплой надписью ее автора – это нечто большее! Это – некая Охранная Грамота, великодушно врученная мне Поэтом... Вот она, эта надпись:

Владимиру Саблину
Не знаю, горец ты
Или не горец.
Но я всегда с тобой.
Мой терпигорец.
4.04.67. А. Прасолов

«Мой» – подчеркнуто им...

Я обращаю особое внимание читателей на эту дарственную надпись лишь потому, что в ней сокрыт «золотой ключик» к пониманию наших взаимоотношений с Алексеем Прасоловым, которые были настолько равноправны и непритязательны, бескорыстны и теплы, насколько это возможно было при характере Алексея...

Что касается меня – я старался сделать для него все возможное в тогдашнем моем положении. А возможности эти были более чем скромными, до такой степени, что и вспоминать до сих пор горько... Но я благодарен моей судьбе, пожелавшей в те годы свободно и неприхотливо переплестись каким-то чудным зеленым побегом своим с корявым, но могучим, древом судьбы Прасолова.

И я – по праву человека, близко и долго знавшего Поэта – попытаюсь описать Алексея Тимофеевича таким, каким я видел его, нисколько не претендуя па какую-либо полноту и законченность его образа... Человеком он был сложным, крайне противоречивым, что даже непонятно было, как могут

уживаться в нем такие полярные черты мужского характера! Здесь и грязь черноземная, в которой «...красные вязнут сапожки», и высокое – торжество духа человеческого, когда

Выносишь солнечные крылья,
Чтоб запредельное постичь...

Не об этом ли сказал сам Поэт:

А мое ведь иное – в нем поровну мрака и света...

И я по-человечески рад тому, что смог все же увидеть больше «света прасоловского», нежели «тьмы его». Это – неволя судьбы (а может, и мои какие-то качества сказались?), что передо мной откидывался полог, за которым я видел красивую – и такую больную! – душу Поэта, жаждавшего человеческого счастья, – и так безжалостно-эгоистически разрушавшую ею, едва ОНО переступало порог, чтобы поселиться в его доме...

В этом – его поэтическое счастье!
В этом –его глубокая человеческая трагедия!

НАЧАЛО

Мое знакомство с Алексеем Прасоловым состоялось в Воронежском отделении Союза писателей в первой половине апреля 1966 года.

Сошлись мы с ним сразу. Очевидно, потому, что каждый из нас был, по-своему, человеком «трудной судьбы», как модно сейчас говорить о неудачниках в жизни... А я – точно был из этой горькой категории: после того, как моя бывшая жена удачно вышла замуж за москвича и уехала к нему с нашей дочерью – мне ничего не оставалось делать в Сухуми – и я тоже уехал. В Воронеж, поближе к дочери...

У Алексея была семья, жена и сын, которые жили в Россоши. Но из разговоров с ним я понял: и его «семейная ладья» дала трещину и вот-вот зачерпнет бортом...

К концу второго месяца моей жизни в Воронеже я подыскал подходящую комнату, а вскоре и прописался – «постоянно» – по ул. Никитинской, дом № 3, кв. 1. Эта квартира стала моим «мертвым якорем» в те трудные годы. И куда б ни заносила меня лихая – в длительные командировки или на другие квартиры, – она была за мной...

Приезжая в Воронеж по своим делам, Алексей остро нуждался в ночлеге на день-другой. И я нарушил бы лучшие традиции Абхазии, в которых воспитан с детства, если бы при первом же случае с радостью не распахнул перед ним двери «моего» дома. Так, вскоре мы впервые спали под одной крышей с Алексеем. Спали крепким сном бедняков, по-братски разделивших свой скромный ужин. А утром следующего дня я впервые увидел Прасолова спящим в своем знаменитом сером берете...

И единственный вопрос, который я хотел бы поставить перед вдумчивым читателем в связи с моим повествованием: почему именно ко мне в этом огромном городе, в течение почти пяти лет, приходил Алексей Прасолов, чтоб переночевать или пожить несколько дней, а иногда плотно устроиться дней на 10–15?

Приходил ко мне, южанину, оказавшемуся в чужом городе, где не было ни родных, ни близких, ни даже одного знакомого поначалу? Приходил к человеку, кочующему с одной частной квартиры на другую, не имеющему ни постоянной работы, ни хоть сколько-нибудь определенной цели на ближайшие годы?

Ответ может быть таким: ко времени моего приезда в Воронеж перед ним поочередно захлопнулись все или почти все двери, в которые он мог бы постучаться...

...А может, и не открывались никогда?.. И еще потому, по-моему, что Прасолов хорошо понимал одну древнюю, как мир, истину: никто так бесхитростно-щедро не переломит пополам и последнюю сухую лепешку, как бедняк...

И он приходил ко мне, чтоб укрыться от «непогоды»...

Но пусть не возникнет у кого-нибудь ложное впечатление, что я сделал что-то особенное для Прасолова... Вовсе нет! И я категорически против возможности подобного толкования моего участия в нем. Наоборот!

Вспоминая прошлое, я сужу себя самым строгим судом за то, что сделал для него и для памяти его так мало... И виной тому не мое почти бедственное положение – причина в том, что я в то время был страшно деморализован... Я настолько пал духом и не находил себе места из-за разлуки с дочерью, что мне, в сущности, было все равно, как, где, на что и зачем живу...

И я просто не думал порой, что кое-что можно сделать иначе, чем получалось, – не до этого было... В этом отношении – Прасолов был куда в лучшем положении, чем я, – у него была Высокая Цель!

И, по идее, он должен был бы помочь мне, но его характер, его фанатичное служение Поэзии делали его слепым и глухим к чьим-то бедам и страданиям. И свое правило: «держать душу в черном теле» – он переносил на всех...

И если уж точно обозначить мою какую-то роль в этот период его жизни – она будет не выше роли самого бедного хозяина самой крошечной гости-

ницы... С одним, правда, преимуществом перед всеми гостиницами в мире: она всегда и бесплатно была открыта для него, здесь его всегда ждали его койка и – что бог послал...

А был ли он сам щедрым?

Этот вопрос я не раз задавал себе и тогда, и теперь, когда его уже нет с нами... Нет. В своей обыденной жизни он всегда был скуп и расчетлив. И не потому, что никогда не было денег (ведь и гонорары иногда перепадали!), очевидно, это было заложено в самой его натуре крестьянской: беречь каждый пятачок по возможности...

Так, я не припомню ни единого случая, когда бы он пришел ко мне с чем-нибудь в руках – хотя бы с пачкой печенья к вечернему чаю. Очевидно, это было непонятно ему – и не только в силу характера, но и воспитания, думаю...

Я не склонен сейчас развивать эту тему – в иное время и в ином месте я дам развернутый анализ характера Прасолова как человека, ибо знаю: навряд ли кто другой, из знающих и помнящих его в быту, обратит когда-нибудь внимание на эту черту его характера... Хотя бы в силу того, что сами эти люди никогда не отличались щедростью душевной, сами по натуре своей – скопидомы, думающие только о себе, о своем лишь обывательском благополучии... Или потому, что сами были задавлены нуждой, как Алексей, и поэтому так мало были способны на заботу о другом человеке, хотя бы в малозначащем...

Но пусть не поймет меня читатель так, что я в чем-то упрекаю или в чем-то стыжу Прасолова. Нет!

Ведь если чего-то нет в натуре человека, если он даже не ведает об этой своей ущербности – какой может быть упрек этому человеку? Тем более, как я убежден, нельзя в этом упрекать Алексея Тимофеевича – ведь он вынужден был все силы души, весь потенциал своего ума, все наличное, чем располагал, – все это, сконцентрировав в одно-единое, бросить на алтарь Истины, к которой стремился всю жизнь.

И тут ему приходилось жертвовать всем и всеми. И в первую очередь – собой!

Отсюда проистекает и скудость его изобразительных средств, и почти полная замкнутость на себе, на своем «Я». Отсюда, в основном, и его «белое» – «черное» – как самый экономичный метод, метод графики... Но, пользуясь этим экономичнейшим методом, сколько надо было положить сил своих и страсти художника, чтобы создать такое чудо, что сегодня мы находим в его немногих книгах?!

И я представляю себе: сколько будущих исследователей его творчества будет замирать от неизъяснимого восторга при анализе его стихов! И не только исследователи – все, у кого душа открыта для чужой боли.

И знаменательно: слава Поэта начинает расти в тот период русской истории, когда общество отрешается от всего мрачного и страшного, антинационального и лживого, и – впервые за семь десятилетий! – начинает говорить о Добре, о Любви к ближнему, о Милосердии, о Сострадании...

СЕВЕРНЫЙ СФИНКС

Что я могу сказать о первых впечатлениях, которые произвел на меня Алексей Прасолов за те несколько встреч на людях, в отделении Союза писателей или на двух-трех вечерах, проведенных у меня дома? Самое, пожалуй, сильное – его бросающаяся в глаза обособленность от других воронежских писателей.

Мне, неискушенному провинциалу, который во все глаза смотрел на писательский мир, это показалось совершенно странным: словно бы все были вместе, в «одной лодке», живущие по какому-то своему закону или установлению, а Прасолов – словно бы из другого рода-племени, но решивший зачем-то войти в это общество, как бы на что-то посягая... И чувствовалось: хоть его здесь и уважают и вроде бы считаются с ним, но... в то же время как бы и побаиваются – вдруг влезет в «эту лодку», такой «неудобный»... Эта настороженность еще больше подчеркивала его обособленность, которая, конечно же, не была манерностью или, тем более, игрой в гения.

Это было самым естественным его состоянием, то есть он и не думал вовсе – обособлен оп от других или нет. Чтобы хоть приближенно передать образ его появления (и поведения!) на людях, я хочу привести в подмогу воображению две строчки из стихотворения Юрия Кузнецова:

Из земли в час вечерний, тревожный
Вырос рыбий горбатый плавник.

Вот этот «рыбий горбатый плавник» есть то, что составляло сокровенную, коренную суть Прасолова, которая была вроде бы и «неправомочна» такому своему появлению – «из земли» – и поэтому вызывала такое отчужденное недоумение: такого не может быть! Или: это – противу всяких правил!.. Но Он – был с этим своим качеством. Был! И если когда-нибудь кто-то назовется его другом – это будет или невинной ложью, или святым заблуждением. Короче – это будет неправдой. У Прасолова не было друзей. У него просто не могло быть друга в высоком значении этого слова.

Ему не надо было ни-ко-го на свете!

Он просто был – как некий музыкант, который ничего не знает, кроме своей скрипки, как Мыслитель – один на один со своими думами, как Пророк в

пустыне! И я рад, что смог понять Поэта и принять его в сердце свое таким, каким он был...

А наградой за это было очень милое расположение Прасолова ко мне, даже более того: была какая-то застенчиво-неуклюжая забота обо мне. Ниже я проиллюстрирую его такое отношение, а пока хочу продолжить разговор о самом Поэте.

Бывая в СП, Прасолов никогда не участвовал в общих разговорах, тем более никогда не принимал участия в обычном «трепе» завсегдатаев этого «клуба»... Он войдет, бывало (плечом вперед), кивнет головой в знак приветствия (как будто всем и никому в отдельности), тихо, не привлекая излишнего внимания, спросит о чем-то у кого-нибудь и, смотришь, уже идет к двери председателя правления или входной... Если же ему случалось задержаться дольше обычного – он становился как бы потерянным. Поэтому, наверно, чтобы как-то «вписаться» в эту обстановку, он приглашал кого-нибудь сыграть в шахматы... А играл он хорошо. По крайней мере – я пи разу не смог выиграть у него ни одной партии – ни обычной, ни блиц... И замечу: Алексей никогда не «торжествовал», не «радовался», наоборот, тихо и заботливо-ободряюще предлагал: «Давай еще одну сыграем», – т. е. предлагал сыграть еще одну партию, чтобы дать мне возможность отыграться... Но я... опять проигрывал! Так было и в СП, и у меня дома. Третьей партии сам никогда не предлагал, но соглашался сыграть еще раз, если я настаивал... Играл он не броско, но как-то гранитно-непробиваемо выстраивая свои фигуры, что меня бесило.

Ведя с кем-либо разговор, Прасолов был сдержанно сух, немногословен, мысль выражал не просто предельно грамотно, а монументально-лаконично. При этом лицо его оставалось спокойным, никогда никаких гримас, мимики; глаза его не бегали по лицу собеседника, а смотрели прямо и честно, но всегда как бы издалека – изучающе...

Речь его была спокойной, без междометий, сбивчивости и спешки, без выпуклых акцентов на якобы интересном – словом, такая, что хотелось говорить с ним и говорить, не думая о времени, никуда уже не спеша, как будто самое интересное и значительное на сегодня – это и есть разговор с ним. И я всегда удивлялся, как легко и радостно можно было говорить с ним и на самые сложные темы, и о самом заурядном, бытовом... Не поэтому ли я часто ловил себя на мысли, что досадую па то, что уже светает, что и поспать надо бы, а разговор не окончен и беседу приходится прерывать...

Теперь-то я хорошо понимаю, что это было его талантом не только рассказчика, но и собеседника, талантом не только совершенно неповторимо строить каждую фразу, но и уметь так слушать, что разговор никогда не начинал походить на «игру в одни ворота»... И хочу подчеркнуть: какими бы

ни были откровенными разговоры у нас – я всегда чувствовал; есть у него цитадель, куда и брат родной не был бы впущен! Что было сокрыто за ее неприступными сто нами – я мог только догадываться, предполагать. Только однажды он чуть-чуть открылся – об этом я расскажу в конце моего повествования...

У меня есть запись в блокноте «МК» (Воронежской областной газеты «Молодой коммунар») от 27 апреля 1968 года, которую я сделал в ряду других записей о Прасолове, его жене, Нине Илларионовне, и сыне Сереже, девятилетием тогда мальчугане. Перед этим я два дня пробыл у Алексея в Россоши, в доме по ул. Красноармейской, 39.

«Говоря с ним (Ал. Прасоловым), каждое его слово ощущаешь и видишь, как бетонный монолит, куб, сбрасываемый в проран плотины «марсианской реки»... Даже у пьяного – слова и мысли, как гигантские детали, выходящие из-под более гигантского пресса, каждый раз в единственном и неповторимом своем блеске формы и содержания».

Пусть читатель простит мне несуразность, может быть, данной записи – она сделана быстро, «на колесах», для себя, чтоб только бы успеть передать главную суть ощущений от большого разговора с Прасоловым...

Но вот еще что: если мне радостно и легко было говорить с ним дома, то идти (и тем более разговаривать!) с ним по городу – было трудно. Иногда мы шли чуть ли не порознь, хоть шли вместе. Дело в том, что, идя с ним по многолюдным воронежским улицам, мне то и дело приходилось обходить встречных людей, уступать им «свою прямую», чтоб не столкнуться. Прасолов же шел так, словно был один в «чистом поле». Ступал он несколько тяжело, выдвинув левое плечо вперед, отчего казался неколебим – и получалось, что встречные обходили его, как вода обтекает корабль.

При этом (если шел разговор) почти никогда не глядел па меня, так как взор его был направлен прямо в людской поток. И не просто направлен – пронизывающе направлен, словно вся людская масса была некой толстой, но прозрачной стеной, за которой он хотел что-то увидеть...

Если мы шли рядом, на вопросы отвечал кратко, односложно. Чувствовалось: и, отвечая на какой-то вопрос, не перестает о чем- то думать, что-то запоминать... И я понял: па улице с ним лучше не заводить какого-то серьезного разговора – не получится! И примирился с этим...

Но одно оставалось непонятным для меня: как он мог оставаться совершенно равнодушным к женской красоте, когда навстречу нам шли такие ослепительные красавицы? После нескольких настойчивых попыток обратить его внимание на эту изумительную половину Воронежа я с возмущением оставил его в покое и восхищался уже в одиночку...

Может быть, и поэтому мне, восторженному южанину, так трудно было идти по городу с этим северным сфинксом...

Чтобы закончить разговор на эту тему, добавлю: Алексей вообще избегал разговоров о женщинах в любой обстановке и, казалось, даже смущался при этом – и тут же, круто, начинал говорить о чем-либо другом. Но могу смело сказать по этому поводу: это не было ханжеством! Это было проявлением его высокой внутренней культуры, его целомудренным отношением к Женщине, которое он боялся нарушить в фривольном мужском разговоре...

Теперь, когда давно пет Алексея в живых, мы с женой особенно остро вспоминаем даже маленькие подробности наших встреч с ним: слышим словно бы окающий говор его; видим умные, с лукавинкой глаза; удивительную, по-детски застенчивую улыбку крепких, как высеченных из камня, губ, которые складывались в подобие дудочки, когда он произносил слово с буквой «у» в середине.

Каждый выпростал клешню,
И потрогал, и послу-ушал...

Последняя строчка этой строфы из его стихотворения «Сказка», как ни одна другая, до сих пор звучит его живым голосом в моей памяти.

КОМНАТА ПОД СВОДАМИ

Все лето 66-го года я провел в командировках по районам Воронежской области, а осенью перешел на работу в Областной краеведческий музей и сменил квартиру на более удобную, а главное тихую, по улице Белинского, 21. Это сразу же за новым зданием ВГУ, под горой... Эта квартира вошла в нашу семейную хронику под именем «Комната под сводами». С ней связано столько воспоминаний, что я должен описать ее подробней.

Она находилась на первом этаже двухэтажного дома эпохи Петра I. Метровой толщины стены задней комнаты, как в Грановитой палате, переходили в потолок, образуя широкий свод. Отсюда и вся квартира получила это чарующее название. В ней было четыре окна, но все так низко, что я вынужден был заклеить их (чтоб не взглядывали!) целиком большими листами кальки, отчего в комнатах даже в солнечный день царил таинственный полусумрак. Да и квартира на зиму утеплялась, получив как бы двойные рамы... Широкая деревянная кровать, диван, стол, старинные комод, платяной шкаф и два кресла – вот великолепная, вся скрипучая от старости, обстановка ее.

В передней комнате была огромная печь с духовкой, буфет для посуды, кровать и стол у окна, рукомойник. Она служила мне и кухней, и столовой, и рабочим местом, а когда наезжал Прасолов – становилась его комнатой...

И была еще длинная темная прихожая с кладовкой, где свалены были дрова, куча кокса, какие-то старые ящики и прочая рухлядь. И все это было затянуто черными бородами паутины... Право, странно, по ее облюбовал один начинающий прозаик, ныне покойный. У него была семья, своя трехкомнатная квартира со всеми удобствами, но он упрямо уходил спать в этот чулан, когда приходил ко мне «переночевать», отказываясь и от кровати в «Лешиной комнате», и от широкого дивана – в моей...

Что влекло его в это «ведьмино логово», какие ассоциации вызывала эта кладовка в его душе – о том не ведаю. Начинающий прозаик умел хранить своп профессиональные тайны!

Как тут к месту две прасоловские строчки:

Но темна и глубока
Человеческая сказка...

Однажды этот «прозаический» уход от реальной действительности не смог остановить даже поздний визит Алексея ко мне – прозаик мрачно походил для приличия по комнате, перекинул через руку пиджак и, буркнув что-то очень вежливое, ушел «к себе», отвергнув соблазн провести час-другой в общении с поэтом. Даже невозмутимый Прасолов вскинул брови! Но, помедлив, произнес: «Пусть идет... он что-то ищет...».

Прасолов знал эту кладовку, так как ходил туда за картошкой раз или два, знал от меня и о «тайной страсти» прозаика к ней. Но он впервые видел его, стоически-гордо и одиноко уходящего «туда»...

«Пусть идет... только – игра все это...» – тягуче-медленно промолвил он снова и, словно бы про себя, улыбнулся...

Да, это была игра – и прав был Алексей, назвав вещи своими именами. А ему самому – было не до игры... Он уже в то время – сурово вел счет каждому дню жизни! И спешил, спешил... Но никто пока не знал об этом.

В эту снежную, вьюжную зиму Прасолов несколько раз жил у меня по два-три дня. Обычно я очень бережно расходовал топливо, я не знал – хватит ли его до весны... Но когда приходил Алексей, кокса я не жалел. В тепле ведь и разговор легче идет, и все невзгоды будто бы отступают...

В один из таких вечеров за бесконечным чаем я попросил Алексея рассказать что-нибудь о своем детстве и юности. Алексей мило улыбнулся в ответ и сказал: «Ну, что же, тогда слушай». – И стал рассказывать о том, как он со своим дружком-соседом (каким-то сорвиголовой) подбили немецкий

танк... Да, да! Двенадцати-четырнадцатилетние мальчишки совершили подвиг, даже не задумавшись о возможных последствиях для них! Но сначала пусть простит меня читатель за то, что не могу с уверенностью назвать имя этого «сорвиголовы» – ей богу забыл... Помню одно: он был года на два или о с небольшим старше, чем Алексей.

...Сразу за околицей их села был большак. А недалеко от него, в поросли, стоял наш танк «Т-34»... Фронт к тому времени ушел па восток, когда ребята обнаружили нашу целехонькую боевую машину. Забравшись на танк, они заглянули в открытый люк башни и увидели мертвых танкистов... Мороз стоял страшный, и лица танкистов, их руки были все в инее. И ребята решили вытащить их из танка... Вытащить смогли только двоих – третий, водитель, так и остался в машине...

«Как деревянные были – не разогнешь...» – вспоминал Алексей. Залезли в танк, покрутили какие-то ручки – и пушка, и башня задвигались! А снаряды – вот они, рядом...

Дети войны, они так рано познали все премудрости обращения с оружием! И они решили зарядить пушку и бабахнуть. Просто так! Но какое-то чувство предосторожности взяло верх, и они но выстрелили. Решили приходить сюда и играть в танкистов.

Здорово уже промерзнув, Алексей с товарищем решили было возвращаться домой, когда со стороны большака послышался шум, грохот, а затем показались два немецких танка, идущих один за другим. Ребята оцепенели! А снаряд – словно сигнала ждал... И они решились! Как уж там наводили пушку – бог весть, но, прицелившись в бок последнего танка, бабахнули!

Танк мгновенно вспыхнул от выстрела почти в упор, а первый дал такого деру – только снежная туча за ним поднялась! Когда все стихло, ребята бросились к селу, но не напрямик – каким-то кружным путем. И, уже сидя по погребам, слышали орудийную пальбу – это группа немецких танков расстреливала наш «Т-34»..,

«Долго мы даже носа не высовывали из своих домов – боялись, догадаются...» – задумчиво закончил свой рассказ Алексей, а я сидел за столом напротив него и думал: как же много видели глаза его бед и крови, как много смертей запечатлели они на самом дне своем в таком еще нежном возрасте!..

Я рассказал эту историю вкратце – Алексей же рассказывал так, что я чувствовал холод на спине... Был очень тих и печален, когда говорил о танкистах: «Понимаешь, ни капельки крови нигде, а мертвые... уже окоченели...» – потрясенно, едва слышно проговорил он и добавил: «А один был нерусский... казах или узбек – не знаю... только глаза такие узкие и широкие скулы...».

Но сколько веселых чертиков прыгало в глазах его, какое ликование осветило все лицо, когда он сказал: «И ба-бахнули!» Сказал так – и рукой буд-

то что-то дернул... Ни до, ни после этого «ба-бахнули!» я, кажется, более уж не слыхал у Алексея такого радостного восклицания...

Даже о Грише Калганова когда говорил – и то спокойно. А уж этого удивительного юношу, его однокурсника по педучилищу, Алексей вспоминал с таким нескрываемым восхищением, о такой любовью и теплотой, на какую способен только чистейший юноша, только человек самых высоких дум и благородных целей! И то, что в Прасолове-мужчине вдруг вспыхнул такой свет, озарив все лицо таким мягким сиянием при одном лишь кратком воспоминании о годах юности, об одноруком музыканте Грише Калганове, – мне о многом сказало... Я видел в Алексее, в Леше, истинного Поэта!

Я совершенно ясно видел волнение Алексея, тонкую влагу на умных глазах его, видел медленные-медленные движения кистей рук его, словно бы что-то такое катающих по столу или словно греющихся вокруг чего-то теплого-теплого... Эти медленные, чуть заметные движения широких мужицких ладоней и крепких пальцев, может быть, были ожившей памятью былых Движений, которые он некогда совершал над клавишами фортепиано – таких невозможных теперь, таких заветных?..

Я видел все это и еле сдерживал закипавшие слезы... – так жаль мне было Алексея... А сегодня вот не смог – дал волю нахлынувшим чувствам и – спасительно выплакался...

А Прасолов – никогда не плакал!

От него всегда веяло «...силой – как от флага со строгой черною каймой».

Он мог только горестно вздымать очи к небу в иные тяжкие ми- путы жизни своей, словно моля кого-то о пощаде, о жребии ином – не таком немыслимом... В эти минуты лицо его заострялось, брови вздымались горестным углом над переносицей, придавая всему лицу его страдальческое выражение.

А глаза... Глаза его в это время источали такую тоску, такое вопрошение к чему-то высшему, внеземному, далекому, что невозможно было смотреть на муку его нечеловеческую! Казалось, секунда-другая, миг всего лишь один – и он горестно-безысходно завоет в потолок, только неизмеримо выше, куда-то в сторону звезды одинокой...

Я два раза видел его таким: впервые – в Россоши, когда был у него в гостях, вторично – у нас в квартире по Плехановской, дом 17, когда он пришел к нам в лютый мороз в начале января 69-го года.., И вот что скажу: как в первый раз, так и во второй – становилось жутко от этого взора его... Не хотелось бы еще раз увидеть подобное в глазах кого-либо... Пусть другой кто-нибудь заглянет в такое!

Но, несмотря на темную сторону его действительной жизни, я всегда удивлялся: каким тонким художником оп был! Как, должно быть, понимал и

высоко ценил музыку, мыслимо-высшую гармонию в искусстве, если смог с такой потрясающей точностью создать сам образ Рождения музыки:

Смычки полоснули по душам –
И вскрикнула чья-то в ответ.

Услышать такое – не каждому дано...

ПЕРВЫЙ АВТОГРАФ

Теперь, я думаю, самое время рассказать об одном из двух Больших визитов Прасолова ко мне. В этот раз он жил у меня в «Комнате под сводами» всю первую половину апреля 1967 года. Он приехал в Воронеж по делам издания своей третьей книги, и поэтому все мысли и усилия были сосредоточены на этом.

С неделю у него что-то не ладилось, и он метался между издательством и отделением Союза писателей. Но все его усилия были тщетны... Поэтому домой приходил воинственно-собранный, сдержанно-злой, много ходил по квартире и курил... И несколько раз у него даже прорвалось сквозь частокол мыслей: «У-у, ду-убье!..»

Кого уж он так «крестил» этим самым своим крепким выражением – не знаю, так как Прасолов никогда никого не осуждал при мне.

Исключение из этого правила было только однажды, когда я попросил его охарактеризовать трех-четырех поэтов, с которыми успел более или менее познакомиться. Вся характеристика их сжалась в одно слово: «Мародеры!» – и более–ни звука. Один только короткий жест рукой: то ли отталкивающий, то ли сбрасывающий что-то...

Перемывать чьи-то кости, обсуждать «за глаза» – было не в его суровом и правдивом характере. Но, ей-богу, не завидую тому, к кому относилось это прасоловское «У-у, ду-убье!..» – столько ястребиного клекота было в его голосе тогда, столько презрения и ненависти! Замечу кстати, что никогда за все время нашего общения с ним я не слыхал от него грубого, хоть сколько-нибудь оскорбительного для слуха слова. В этом он был, как праведник, непогрешим!

Тогда же, 4 апреля 67-го года, перебирая сваленные на широчайшем подоконнике книги (вся моя тогдашняя библиотека!), Прасолов наткнулся на стопку книг. Замечу, что это была его первая книга «День и ночь», вышедшая в Воронеже, которую я закупил в двадцати экземплярах, чтобы послать товарищам, в Сухуми. У меня и сейчас, кажется, пяток из той стопки хранится...

Алексей с интересом, как-то очень прямо глядя мне в глаза, спросил: «Зачем столько?» Помню, ответил: «Не было денег, Леша, взял бы больше...» Он только головой коротко повел и попросил: «Дай ручку». И тут же, не отходя от подоконника, на верхнем экземпляре книги написал тот самый автограф, который я привел в начале моего повествования...

...Работая над этими «Воспоминаниями», перебирая день за днем далекое прошлое, вспоминая хоть сколько-нибудь значительное из всего того, что происходило с нами, – я вижу Алексея в своей памяти еще раз таким, каким он был тогда, когда вручал мне свою первую книгу с автографом. И вместо того, чтобы попытаться описать его, я лучше скажу вот что: если бы мне привелось быть в большой толпе людей и я увидел бы такое лицо, как у Алексея в тот момент, я безошибочно мог бы сказать, указав на него: вот стоит Настоящий Поэт! Он светился весь...

...Но это был не торжественный момент – это было что-то от явления! И недаром, совсем недаром, он подчеркнул тогда слово «мой»! Это, как я понимаю, было не «приобщение», не «приближение» меня к себе, даже не «допуск» меня в свою вселенную, а что- то от высокого покровительства, то есть еще большего отдаления от меня... Это было у него, очевидно, от ощущения своих сил великих, от сознания всей громадности дела, которое он, Прасолов, вершил в Литературе.

И – горжусь Прасоловым! Он никогда не играл в поэта; никогда ни словом, ни жестом не выказал своего превосходства ни перед кем; никогда не похвалялся своими успехами – так же, как никогда не был особенно озабочен тем, как он «выглядит», как живет, наконец... И так же скромен и строг он был в оценках других людей. И вот о чем я думаю: почему в Воронеже так долго не могли помочь Поэту с жильем, помочь устроиться на такую работу, скажем, тем же литконсультантом в СП, где он мог бы быть свободен в выборе маневра относительно времени, мог бы иметь более определенное положение в обществе? Ведь столько порой случайных людей пользуются льготами этих окололитературных уютных местечек!

Но нет! Так нет же!

Его – как сговорились все! – старались запихнуть куда-нибудь в районную газету, подальше от чиновного ока, подальше от Союза писателей, – да и то с видом особого снисхождения к его «поступкам»... Видите ли – выпивал!

Ах, какие мы пуритане...

А что же Прасолов?

А Прасолов жил и работал в такой обстановке:

«Живу пока в Доме колхозника», «Вчера только вернулся из колхозов», «Сижу по ночам. Двух дней, разменянных на колеса, очень жаль», «...сейчас пойду на завтрак, а потом в редакцию – писать срочный материал», «...вер-

нулся в темноте и по такой грязище, какой ты не найдешь даже в вашем дворе...» – все эти выдержки я привел из его писем ко мне, чтоб показать, каким же трудным был его быт, как нелегко доставался ему даже небольшой успех в жизни...

Но были куда худшие времена... И тогда Алексей, спасаясь от нужды и безденежья, ложился в больницу. Там был (хоть на месяц!) обеспечен ему минимум условий для продолжения жизни: стол и кров... Поэтому у него есть стихотворения на больничную тему, где такие невыдуманные человеческие страдания...

И, мне кажется, иные свидетели тех лет до сих нор стараются делать вид, что ничего такого вроде бы и не было... Ну, жил, работал, печатался, был известен... А какова значимость Поэта, сколь велик его вклад в отечественную Литературу – это до сих пор не стало предметом самого широкого, профессионального обсуждения.

...Переполненный чувством благодарности к Алексею за этот подарок, я попросил его: «Леша, будь щедрым до конца – черкни несколько слов моей девушке...» – и положил перед ним его московскую книжку «Лирика». Алексей, круто сдвинув брови, как-то сжался, словно бы затаился. Я, не смея шелохнуться, стоял за пим!

А Алексей уже решительно вывел и подчеркнул:

«Гале Анисимовой».

Тут он обернулся ко мне и произнес: «Не гляди, не люблю...» Я закурил и стал осторожно ходить по комнате... По шороху пера понял: пишет!

Потом он остановился и минуты две-три, может быть, о чем-то думал. И получилось как-то так, что мы одновременно оборотились друг к другу... И краешек тучки, имя которой – минутная растерянность, вдруг вспыхнул озорным огоньком обезоруживающей прасоловской улыбки.

Алексей быстро наклонился к книжке, что-то быстро дописал и расписался. Подавая книжку, извинительно-лукаво улыбнулся и произнес: «Пусть так будет...»

И я понял по слегка слышимым извиняющимся ноткам его голоса, что концовка посвящения не получилась такой, как ему хотелось бы. Но, мол, и так хорошо будет. Вот эти строчки:

Мы не знакомы –
Лица наши разны.
Но правда есть –
Одна и та же:
Кажи свой лик –
Но лишь не безобразный;

Который не был бы в продаже –
Средь тех, кого не любишь,
Но идешь
За ними следом,
Зачем? Затем, чтоб
Сохранять нам молодежь,
Идущую к победам?

4.4.67. А. Прасолов.

...Как ни жаль, но от этой книги осталась одна фотография Алексея с посвящением на обороте. Сама книга утеряна... самим же Прасоловым. Дело в том, что в конце января 70-го года он попросил ее на день-другой, чтобы что-то из нее перепечатать для новой своей книги «Во имя твое», да так толком и не смог объяснить потом, где потерял ее, Хорошо, что жена (как сердце чувствовало!) вырезала фотографию из книги, чтобы потом аккуратно вклеить ее на место – была б и она потеряна...

Как ни на одной другой фотографии – Алексей выглядит на ней точно таким – воинственно-собранным, решительным, как в те ми нуты, когда писались эти строки девушке, с которой он не был еще знаком... По-моему, это самый достоверный его портрет, самый характерный из всех, какие я видел.

Но самый радостный и поэтому памятный день был день 9 апреля. Пришел я домой рано, истопил печь, приготовил кое-что на ужин и стал коротать время за книгой, поджидая Алексея.

Условный стук в окно – значит: «Я пришел, открывай дверь»,– и Алексей вошел, радостный и умиротворенный.

«Володя, с книгой – решено... и окончательно», – произнес он в своей лаконичной манере.

Здесь я хочу отметить следующее: накануне, т. е. 8 апреля, Алексей весь вечер буквально зубами скрежетал, ходя из комнаты в комнату, и то и дело сжимал то одну, то другую руку в кулак. И опять у него несколько раз вырвалось: «ду-убье» – только несколько иначе: «Вот ду-у-убье!». И тогда же полупризнался мне: «Есть у меня человек в обкоме... Придется обратиться... Думаю, что поможет...». А кто этот «человек», какой пост занимает – ни слова!.. Потом уж я, не от Прасолова, узнал, что этим человеком был Б. Стукалин, в свое время редактор районной газеты в Россоши, где Прасолов работал корректором и где впервые начал печататься...

И вправду, Б. Стукалин в чем-то помог, и вопрос с изданием его третьей книги «Земля и зенит» был решен положительно.

Радость действительно была большая, и я понимал это. «Вот что, – сказал я ему, – ты тут приводи себя в порядок, а я скоро приду...» Деньги тогда

у меня немного водились, и я решил достойно отметить это событие. Ведь радость гостя – радость хозяина...

Накупил в гастрономе среди всякой, сухого вина, дорогих сигарет, и, когда все это живописно выложил на стол, а потом и ужин организовал на «высшем» уровне, Алексей тепло поблагодарил меня взглядом, садясь за стол.

К концу ужина, когда не раз уже прозвучали тосты за новую книгу, за родителей наших, за удачу, Алексей взял с подоконника стопку плотной писчей бумаги и на верхнем ее листе авторучкой нарисовал свой автопортрет, и сделал надпись:

«9.4.67 г. Воскресенье. Воронеж.

Володя, вот тебе мой автопортрет – и спасибо за все...» Я взял листок. Милый Лешка, он нарисовал себя таким букой! А ведь был совсем, совсем не такой! Я обнял его, поцеловал в крепкую щеку: «Спасибо, Ляксеич, –так называл я его в шутливые наши минуты,– буду хранить твой портрет».

Ужин долго бы еще продолжался, но Алексей решительно сократил его: «Володя, пить-есть хорошо, а мне рукопись готовить на завтра... с машинисткой – договорился». И па той же стопке бумаги стал по памяти записывать свои стихотворения. Но сперва на отдельном листе написал: «Содержание» и перечень двадцати четырех стихотворении.

Два или три стихотворения он написал легко, а потом вдруг стал неожиданно быстро пьянеть. Я видел, что с каждой новой строкой буквы становятся все больше и больше, а строчки к концу – все круче заваливаются... И, наконец, написав седьмое, Алексей произнес: «Все, больше не могу... пиши ты – я диктую», – и прилег па кровать.

Глядя в потолок, диктовал трудно, с частыми остановками, с горестными, тяжкими вздохами, но внятно. Но и эго становилось все трудней и трудней для него... И он молитвенно устремлял свой взор к потолку, ища не в нем, а где-то там, высоко-высоко за ним, в какой-то точке мирозданья, помощь, поддержку какую-то, и на минуту-другую закрывал глаза, вроде бы уходил в небытие, но я не давал ему покоя, тормошил словами из-за стола: «Леша, дальше что... что дальше, Леша?..»

И он подымал тяжелые веки, с минуту шло мучительное собирание взгляда в одну точку на потолке, потом, то ли вздох, то ли стой – и снова... продолжение оборванной фразы. И ни разу за все время этого долгого страшного «диктанта» Прасолов не сбился на другую строфу, ни разу не начал «сначала» – он ни разу не допустил разрыва или смещения мысли! А мне-то казалось, пугало меня, что, раз умолкнув, он уже не сможет ухватить нить недосказанного.

Так я записал 39 его стихотворений!

А утром Алексей встал деятельным, умылся, сел за стол и стал делать правку рукописи. Правка оказалась совсем незначительной – я ожидал гораздо большего в смысле неточностей или явных ошибок.

Но великолепная память Прасолова не подвела его – почти 50 сложнейших для прочтения стихотворений были записаны или продиктованы им в тот вечер в состоянии таком, когда от человека нельзя многого требовать... И я, пожалуй, не ошибаюсь,. когда думаю; память Прасолова была столь прочной и могучей, что ничего не пропускала мимо себя, ничего не теряла – она только вбирала и вбирала всю жизнь в бездонные недра свои все, что проходило перед пронизывающим взором его, чтобы к его сорокалетию стать такой тяжкой ношей, что сама жизнь стала в тягость ему!..

Перед тем, как Алексею выйти из дому, я попросил его:

«Леша, подари мне эту рукопись, когда будет перепечатана». Алексей ответил кратко: «Так и будет – вместе ведь мучились...» И мы дружно от души рассмеялись, живо представив себе прошлый вечер и пашу холостяцкую пирушку.

Через день Прасолов подарил мне эту рукопись, вложенную в большой темно-зеленый конверт Центрально-Черноземного издательства, на котором красиво и шпилеобразно написано: «А. Прасолов».

Еще один автограф любимого Поэта!

...Пройдет десять лет с того памятного вечера, и мой товарищ, Сергей Риммар, приедет ко мне в гости, в Сухуми, и обнаружит в папке, где я хранил все, что касалось Алексея Прасолова, два нигде ранее не опубликованных стихотворения Алексея. Они должны были войти в книгу «Земля и зенит», но не вошли...

Одно из них я переписал и вручил Ростовцевой Инне Ивановне при нашей с ней встрече в Пицунде, где она отдыхала с дочерью. Начинается оно так: «Как прянет луч вечерний...».

Это стихотворение Прасолова было впервые опубликовано в его московской книге «Стихотворения» в 1983 году.

Второе – после более чем двадцатилетнего храпения у себя – я предлагаю вниманию читателей:

У КРЕМЛЕВСКОЙ СТЕНЫ

Я думал о вечности строго,
И не было мысли привычной,
Чтоб вечность ладонями трогать
И видеть такою кирпичной.

Ты, чтимая мной как святыня,
Была для кого-то оградой.
Так будь же святыней отныне
И больше оградой не надо.

Это стихотворение можно датировать тем же годом, которым помечено и стихотворение «И вот настал он, час мой вещий...», так как тема ведь по сути одна... И это было в мрачном 1967 году...

Как далеко заглядывал Поэт!

У БЕЗДНЫ НА КРАЮ...

Итак, рукопись принята. И получен гонорар за будущую книгу... В тот день (по моим подсчетам – 14 апреля 67-го года) Алексей ввалился ко мне изрядно выпивши, в каком-то лихорадочном боевом возбуждении, с большой ссадиной под левым глазом.

Я кинулся к нему: «Леша, что случилось?!».

«Ограбить хотели.., у-у, га-ады..», – и опять не в ругательном смысле – словно характеристику давал Беззлобную, но окончательную! Может быть, даже с некоторой долей удивления – вот ведь какие бывают разбойники! И этими интонациями как бы подтверждал само право на их существование...

И эта беззлобность, этот элемент удивления в голосе, какая-то извинительность, снисхождение к проступку людскому, – все это так незамутненно выдавало его русскую терпеливую душу, готовую много боли и обид принять на себя и быстро простить... И даже сожалеть о случившемся: вот, мол, оступился человек – а зачем?

...И тут же стал шарить по карманам своего старенького легкого пальто, шарить по наружным карманам пиджака... Он явно не находил чего-то.

Тревога обуяла меня: «Неужели ограбили?!» И тут, как прозрев, Алексей быстро вытащил из левого внутреннего кармана пальто бутылку вина. «Вот, Володя, и мое вино на этом столе», – сказал он, улыбнувшись, и как-то сразу стал спокойным, похорошевшим.

Я помог ему снять пальто. Он, стоя посреди комнаты, стал снова что-то искать по карманам. И тут я заметил конец тонкой веревки, свисающей из правого кармана его брюк.

Не успев еще ни о чем подумать, я, наверное, сердцем почувствовал что-то неладное и спросил его: «Леша, что это?», – и показал на веревочку. Едва взглянув на карман, он каким-то судорожным движением руки хотел спрятать ее обратно. Но это сразу не удалось. Но это движение «кинувшей-

ся» руки было таким, словно человек спешил упрятать какую-то некрасивую вещь, как бы прикрыть наготу свою, застигнутый врасплох. И страшная мысль пронзила меня!

В какое-то мгновение я опередил его очередную попытку запихать веревку обратно и одним броском выдернул всю ее из кармана. И отпрыгнул от него. И стоял, глядя на его еще опускающуюся руку. И когда рука опустилась и не нащупала веревочки, Алексей взметнул на меня гневные глаза свои. Он успел, конечно, уловить какое-то мое движение – и безошибочно определил виновника ее исчезновения.

О, какая ярость пошла на меня!

«Отдай, веревку! Отдай веревку, слышишь!..» – дважды повторил он эти два приказа, как одно целое приказание.

Я еще на шаг отступил от него.

«Леша, что ты задумал?.. Лешка...»

И Прасолов – как обмяк. Змеиные языки гнева его так же, как выбросились, мгновенно укрылись обратно, и уже жалобно, чуть ли не просительно, Алексей проговорил, как прошептал, глядя мне в глаза: «Отдай, Володька... все равно повешусь...» И это «все равно» произнес, как одно сплошное, протяжное, жуткое «О-о...» И еще раз повторил это страшное «все равно повешусь...» – как выдохнул напоследок. В волнении он очень на «О» говорил.

Все это время я держал веревку в руках за спиной. И не знаю, почему стал смеяться и говорить: «Брось, Лешка, и думать об этом... Мы с тобой еще столько стихов напишем... Еще не раз тряхнем с тобой стариной...» – и что-то еще в этом роде, очевидно, инстинктивно желая как-то увести его прочь от этого ужасного...

Засунув веревку в карман, уже нисколько не опасаясь его стремления отобрать «утраченное», я пригласил Алексея умыться и сообщить наконец, что с ним случилось по дороге домой.

И Алексей, умывшись и повеселев, рассказал, что его хотели ограбить какие-то парни, с которыми он сидел за одним столиком и которых он угощал вином, и которые сбили его с ног в каком-то переулке... «Все карманы обшарили... – говорил Алексей – ...но я хитрый... я знаешь, куда спрятал деньги, когда получил их в издательстве?..» При этом так хитро улыбался, как может только плут.

И тут Алексей, став посреди комнаты, вытащил рубашку вместе с майкой из брюк – и посыпались, как листья, вокруг него червонцы. Десятки все падали и падали, а он отлеплял их и отцеплял от живота, груди, боков и смеялся то ли грустным смехом, то ли смехом хитреца-крестьянина, обманувшего, проведшего за нос злоумышленников, покушавшихся на его добро.

Я стоял, прислонившись спиной к печи и, не знаю, то ли любовался им в эту минуту, то ли горевал и стыдился за все случившееся с ним и происходящее сейчас у меня на глазах.

Как дошли мы до того, что Поэт должен прятать деньги под майкой на животе – такие трудные деньги, священные деньги, а по сути – жалкие гроши за ту гигантскую, мучительно-трудную работу – работу для вечности – и такие необходимые ему для продолжения жизни?!.

Ведь он был так плохо одет – а зима только-только стала сдавать свои позиции. Но ведь и не на ней одной все должно было заканчиваться в жизни?..

...И я стал собирать десятки, разбросанные по всему полу. Заглянул и под его кровать, откуда вытащил три или четыре бумажки. А Алексей все стоял и горько смеялся, как «калиф на минуту». Спрятав деньги в своей комнате, я вышел к нему. Алексей прилег на кровать, закинув руки за голову, и улыбался.

«Леша, как чувствуешь себя?» – спросил я его, но вместо ответа услышал вопрос: «Володя, поедем к Расулу?..»

«Куда?» – удивился я, сбитый с толку его вопросом.

*К Расулу Гамзатову – твоему земляку... славный горец... приглашал меня в гости...» На это я ответил ему, что денег на такую поездку у меня нет, а влезать в долги – не совсем здорово.

«А эти 600 рублей что – не деньги?..» – упрямо гнул он свое. Видя, что эти деньги «жгут ему руки», я решил во что бы то ни стало сохранить их. Я стал уговаривать его хорошо одеться, купить все необходимое. Ведь не каждый день появляется такая сумма сразу. Но Алексей упрямо повторял: «Поедем к Расулу – и все тут!»

И я пошел в лобовую атаку: «Вот что, Леша, пока не купим все, что тебе надо, вплоть до носовых платков, – деньги я тебе не отдам. Хоть лопни!»

Долго мы еще препирались с ним, пока он не разделся и, натянув одеяло до самого подбородка, не заснул.

А утром я отдал ему деньги. Их невозможно было не отдать – так серьезно и властно он спросил у меня: «Володя, где деньги?» Очень внимательно пересчитал их, молча засунул в карман пиджака, но на мое предложение пойти вместе делать покупки ответил? «Я сделаю сам, что надо». И жестко добавил: «И сегодня же».

И мы расстались с ним на целый день.

Каков же был мой ужас, когда, придя с работы домой, я застал его еще более расхристанным, а стол – заставленным бутылками и остатками закуски?!. В ярости, взяв его за грудки, я посадил его на постель и обрушил на него такой запас своего «красноречия», о котором он и не догадывался. «Где деньги?» – «Там...» – ответил он, не смея поднять глаза на меня. «Говори, где деньги?» – уже прорычал я, еле сдерживая свое бешенство.

Алексей тяжело встал, подошел к печке и, опираясь о нее, открыл дверку. Я чуть с ума не сошел от этой «схоронки»!

«А если б я решил печь затопить? – мелькнула мысль. – Тогда что? Хоть беги из Воронежа?»

Я достал сверток из под спекшейся плитки кокса – деньги были завернуты в носовой платок и в газету.

«Вот что, дорогой, я вижу, что деньги все... утром отдам их тебе... но завтра же ты провалишься с ними куда хочешь... а если вздумаешь снова подойти к моему дому – я тебя в клочья разнесу... ты все понял?!»

Я, конечно, пишу сейчас неправду... Я не совсем этими словами объяснял ему, что не желаю брать грех на душу, если в моем доме он бездарно растратит их или, чего доброго, вовсе потеряет.

Утром, отдавая ему деньги, я только и спросил его: «Ты все помнишь, что я сказал тебе вчера?»

Алексей молча взял деньги, сунул их в карман и ушел.

Только на третий день пришел он ко мне. Под вечер. Широко улыбаясь, чуть-чуть смущенный от внутренней радости, он предстал передо мной во всем новом, добротном.

Новое теплое полупальто с черными меховыми отворотами, новый костюм, теплые ботинки, папаха под каракуль, галстук – расслабили меня. Я смотрел на него, он на меня – и молчали... Очевидно, еще сверкала ярость в глазах моих последними сполохами недавней грозы – иначе молчание не было бы таким занудным.

И как же он вышел из положения – держу пари! – никто не догадается, как! А Алексей вынул из кармана полупальто стопочку носовых платков еще с бумажными наклейками и бросил на середину стола.

«Ну и зараза! – подумал я – и про них не забыл...» И я еще раз (в который уж!) убедился, что память его не теряла ничего из происходящего, даже коротко промелькнувшего! Это просто непостижимое что-то! И что мне оставалось делать, как не обнять его – хоть столько крови попортил мне за последние дни.

А Алексей тут же стал рассказывать о том, как приехал к матери в гости. Не забуду его слов о матери.

«Мать поглядела, улыбнулась и говорит: «Лексей, ты у меня, как купец ходишь!» И так по-детски счастливо улыбнулся и снова, как проворковал сквозь смешок-улыбку: «Как купец, говорит...» – и сделал губы дудочкой «А я платок ей – раз! – и развернул... Заплакала, родная... гордится мной... ты знаменитый теперь у меня, говорит... радуется...».

В один из тех дней, когда Прасолов был у матери, то есть 16 или 17 апреля, я встретился с Галей, и мы вместе пошли к ее подружке, Лене Е-й, жившей на

частной квартире, пониже Каменного моста, что по ул. Карла Маркса. И там, в уютной девичьей комнате, я не выдержал напряжения последних дней. Может быть, сыграла свою подспудную роль музыка, может быть, голос неземной, певший «Аве Мария» – не знаю, но неожиданно я плохо себя почувствовал и, как единственное избавление от худшего, для облегчения души, вытащил и бросил на стол перед изумленными девушками кусок той проклятой веревки, которую все эти дни носил в кармане пальто: «Вот как живут настоящие русские поэты». И рассказал им все о случившемся с Прасоловым.

Девушки были потрясены! Они – такие еще юные и чистые – незнакомы были с тем, что называется изнанкой жизни. А тут – веревка... пьяный Прасолов... мои какие-то страдания... Как все это шло вразрез с «образом Поэта», с божественными звуками «Аве Мария»!.. И поэтому они и верили мне, и не верили, что можно было читать на их растерянных лицах.

Провожая Галю домой, я зашвырнул с моста этот кусок веревки. Но я не подумал тогда, сколько других веревок осталось на свете, сколько вожжей, брючных ремней, наконец... И я думаю иногда: почему выпало мне видеть такое, такое переживать за Алексея? Ведь я же знал, что он живот с веревкой в кармане, и одна эта мысль поражала своим трагизмом. Как он мог выдерживать такое?!

И хотелось надеяться, что это – случится не скоро, может быть – никогда...

А Прасолов жил! А Прасолов работал! А Прасолов творил! И мучительно, в одиночку, возвышаясь и падая, распиная себя и близких, со всей страстью и одержимостью гения искал выход из темного, страшного тупика, в который было загнано наше общество. И не оттого ли он был замкнутым, необщительным со всеми теми, кто не вызывал его доверия в те тревожные, гангренные годы, помеченные ныне годами «реставрации бурбонов»?..

Ведь он был поэтом от бога и понимал, чувствовал больной душой своей, что в обществе нашем творится такое, что необходимо, на всякий случай, иметь свою веревку в кармане…

И пять долгих, мучительных лет медленно и страшно полз огонек фитиля, пока не громыхнул взрывом прасоловской трагедии в ряду других взрывов. И вслед за Рубцовым – стало на Руси меньше на Прасолова! И сколько раз в те печальные дни февраля прошептали губы мои: «Мир праху твоему, Леша... ты отмучился, бедный...».

В РОССОШИ

I

Утром 23 апреля 1968 года я выехал но заданию газеты «Молодой коммунар» в пятидневную командировку в Россошанский район. Попутно решил

сделать две-три небольшие передачи на радио – у меня в этой поездке кроме фотоаппарата был еще новенький магнитофон «Репортер-3».

Мне здорово пришлось помотаться по району, но зато и у Прасолова побывал дважды. В первый раз я пришел под вечер того же дня - голодный, радостный от предстоящей встречи с ним и его домашними. Но, как вскоре выяснилось, пришел я не вовремя: в доме только недавно отбушевала «последняя гроза»... Алексей, представляя меня «Моя жена, Нина...» – и, чуть помедлив, не без гордости добавил: «Она у меня курянка».

Так я познакомился с женой Прасолова, а чуть позже и с сыном его, Сережей, милым тихим мальчиком девяти лет.

Нина Илларионовна показалась мне очень миловидной, спокойной по виду женщиной, но с такими печальными глазами, с таким усталым и уставшим от всего пережитого взглядом, что стало больно за нее. «Господи, – думал я, – сколько ей пришлось помучиться с ним?!» А Нина Илларионовна (когда мы вышли с ней на веранду), прислонясь к дверному косяку, словно угадав мои мысли, тихо и печально проговорила: «Если бы вы всё знали, каким он бывает?!» Это доверительное «Если бы вы всё...», обращенное ко мне в нашем недолгом разговоре с ней, подсказало мне, что она знает меня и уважает.

И я думаю теперь: не в один ли из этих дней апреля Прсолов написал свое самое чистое, самое печальное стихотворение, которое начинается словами:

Одним окном светился мир ночной.
Там мальчик с ясным отсветом на лбу,
Водя по книге медленно рукой.
Читал про чью-то горькую судьбу,
А мать его глядела на меня
Сквозь пустоту дотла сгоревших лет,
Глядела, не тревожа, не храня,
Тон памяти, в которой счастья нет...

...Это стихотворение помечено тем же, 1968-м годом.

Из того же короткого разговора я узнал от Нины Илларионовны, что она уезжает к сестре, в Астрахань; что уже и вещи упаковала, и билеты взяла. Что уезжает насовсем...

Потом Нина Илларионовна несуетливо накрыла па стол, но ужинать с нами не стала, а ушла к сыну, пожелав спокойной ночи. А мы остались с Алексеем одни.

«Уезжает она от меня... Уже и вещи собрала...» – сказал он мне ни грустно, ни обиженно, ни раздраженно – никак! Говорил – как констатировал что-то

из чужой жизни. И, по-моему, даже простой заинтересованности в будущем не сквозило в его голосе. А что будет с его женой и сыном, что будет с ним самим – это будто и не касалось его вовсе!

И я увидел еще раз, воочию: как же он был неприкаянно-одинок, как был обособлен – до отчуждения! – ото всех людей, даже близких и родных ему. Он любому мог сказать сурово и жестко: «Уходи. Я с ней один побуду...» Говоря о «Ней», Прасолов только Музу имел в виду.

Час-полтора мы сидели за столом, ведя какой-то мучительно-трудный разговор... Собственно, разговор как таковой и не состоялся, так как я боялся каким-нибудь неосторожным вопросом задеть Алексея «за живое»; он, в свою очередь, с трудом мог вести разговор об отвлеченном, когда в семье «заварилось» такое... И Алексей все больше и больше мрачно, словно туча перед грозой, наливался и набухал темнотой изнутри. И, очевидно, чтобы как-то закончить тягостную для нас обоих беседу, Алексей, извинившись, предложил: «Я, наверно, лягу спать... А ты почитай что-нибудь, если не устал за день...» Он разделся, укрылся одеялом, по через несколько минут, показавшихся мне почему-то очень долгими, вдруг резко поднялся, сел по-турецки на кровати и стал яростно говорить.

Только теперь, спустя много лет, я, кажется, сумел попять причину (природу, если хотите!) этого резкого, неожиданного перехода. Очевидно, то, что долго накапливалось в душе его, то, что «набухало темнотой изнутри», уже не могло просто так остановиться в своем развитии дать ему возможность спокойно заснуть в этот гнетущий вечер. Это «темное изнутри» в своем развитии, в динамике своей, встретилось вдруг с противоестественным ему состоянием – состоянием неожиданного покоя под одеялом, – и произошел взрыв!

Находясь в позе сидящего Будды, он говорил свой монолог так жречески–возвышенно, так до трагедийности самоотречение, словно воссел на постели своей для самозаклинания!.. Я до полного онемения был потрясен его речью – и не столько следил за ней, сколько глядел и глядел на него, забыв про все условности мира сего, отчего скорее зрением, а не слухом, улавливал страстную речь его.

Через несколько дней я попытался сделать в блокноте «МК» запись этой уникальной, непередаваемой прасоловской речи, запись совершенно отвлеченную (исключительно для себя!), ибо, не предполагал тогда, что придется когда–нибудь прибегнуть к ней в качестве подспорья в воспоминаниях о Поэте. И я привожу ее полностью, без купюр и исправлений, имея целью только одно: показать весь трагизм его положения из–за того, что цели, поставленные Алексеем Прасоловым перед собой, были не то что грандиозны – просто невыполнимы для простого смертного! Вот она:

– Играть эту роль – невозможно даже великому трагику. Можно только быть им на самом деле: ежедневно, ежеминутно, всегда.

Когда он говорил, я видел в его глазах великомученика, умиравшего Дон–Кихота, Гамлета, саму боль человеческую, ищущую какое–то неведомое снадобье для исцеления мировых ран своих... И в то же время удивительную ясность и уверенность, что именно он будет Мессией для исстрадавшейся души человеческой. Что он, Ал. Прасолов, так срифмует всю боль и кровь земную, что... (тут он просто сжал в кулак правую пятерню и потряс им, как неким невидимым молотом, способным разбить все и всяческие кандалы души человеческой, всей несправедливости землян...).

...И, когда он умолк и тяжко опустил свой кулак на колено, я допустил непростительный ляп.

Каюсь: я не сумел, я просто не успел, может быть, найти то одно единственное и верное слово, которым должен был назвать, которым должен был обозначить того, кто был передо мной в позе сидящего Будды; того, кто глядел на меня вопрошающими глазами страдальца, словно ожидающего от меня чего–то... И я сказал, казалось бы близкое, по смыслу, но применительно к Прасолову прозвучавшее совершенно дико и пошло: «Да, Леша, ты супермен!»

Господи, как же он вскинулся весь, как взорвался вулкан его гнева от убожества смысла этого слова «супермен»!

«Я – Феномен! – прорычал он всей хрипящей грудью своей, свирепо-грозно сверкая глазами... И потом тихо и явственно, так загробно, будто дух отца Гамлета в кинофильме, произнес в жуткой тишине: «Я – фено–мен, слышишь, ты?!»

– А ты – не поэт... ты ничего не сделал... – сказал он уже почти спокойно, но не осуждающе, а как бы взвешивая на ладонях два разных веса...

Я подумал тогда (продолжаю цитировать запись из блокнота «МК»): «Слава богу, что хоть приобщен к тебе... Могло бы и не быть этого, не поселись я на время в Воронеже. Это не самоуничижение, а правда. Мне не сделать того, что ему. Не каждому даны силы и право носить шапку Мономаха».

...Почему я с такой беспощадной откровенностью описал этот мучительный вечер, проведенный с Алексеем Прасоловым, почему так отчаянно раскрыл «все карты» (считай: эта записи в блокноте)? Отвечу: я сделал это с единственной целью: показать, что Алексей Прасолов совершенно четко представлял себе всю значимость созданного им, а также ясно понимал свое совершенно исключительное место в поэзии.

II

Я первым проснулся в то утро, оделся и осторожно вышел во двор, чтоб не разбудить Алексея. Почти следом за мной вышел из своей комна-

ты Сережа. Мы, наверное, час ходили с ним по двору, тихо беседуя. Какой рассудительный, какой кроткий и терпеливый не по годам мальчик! Я сделал небольшую запись его печальной повести о себе. «...Рассказывал с тем же олимпийским спокойствием, что опухают суставы (голеностопные на обеих ногах), что лечат его какими–то уколами. Лекарство – в виде пасты! – вводят шприцем в мышцы. Жаловался, как больно, очевидно – говорил – попадают в вену, в кровеносный сосуд... После укола не могу даже в школу идти. Иногда всю неделю болит, до самого другого укола. А в последний раз получилось удачно: наверно, не попали в сосуд...» При этом так счастливо улыбнулся, что у меня сердце зашлось от единственной радости па сегодня у маленького страдальца, у Сережи Прасолова.

Спрашивал о юге, о море, о солнце... Знает, что там ему будет легче, болезнь отступит... Замечательная логика и ясность речи для третьеклассника) Только большие страдания могли так просветлить душу этого славного, умного мальчика.

Алексей знает каким–то своим, прасоловскнм чутьем, видением, что он (сын его) «уже не то, что я...».

После краткого завтрака, перед самым моим уходом, я и Прасолов сыном сфотографировались во дворе у раскиданной поленницы дров. Первый снимок сделал я, поставив рядом отца и сына; второй снимок сделал Сережа, застенчиво покомандовав нами... Снимок получился не совсем удачный, но как дорог он мне! Ведь такой трудный, но прекрасный отрезок жизни моей всегда видится мне в мутной дали этого любительского снимка, сделанного нетвердой рукой маленького чудного мальчика – Сереженьки Прасолова...

А первый снимок утерян и потеряна всякая надежда найти его.

III

Через три дня, опять под вечер, я снова был в этом доме. О чем мы говорили – не помню уж. В памяти осталось одно: Алексей был тихий-тихий! Словно после тяжелой болезни встал – и теперь не знает, что делать дальше, чем заниматься... Эта отрешенность, эта какая-то покаянная кротость его говорили о многом... Я не сомневался, что у Алексея шел глубинный, сокрытый от всех, тяжелый процесс осмысления прожитого.

И я подумать не смел, лезть к нему в душу и, переночевав, рано утром собрался уезжать в Воронеж.

Перед уходом я попросил Алексея прочитать хоть несколько его стихотворений на магнитофон... Он с готовностью согласился. Кажется, три стихотворения только мы и записали тогда – Алексей вдруг вспомнил, что рейсовый автобус уходит раньше, чем мы думали, и мы поспешили на автовокзал, прервав запись... Но, к счастью, тревога оказалась ложной, и я, примостив

свой «Репортер–3» на низкой каменной ограде какого-то знания (рядом с автовокзалом), сделал запись еще шести стихотворений.

Удивительно и необычно читал Алексей своп стихи! Совершенно не избалованный вниманием современников, обойденный при жизни даже крохами заслуженной славы, пользующийся самыми скромными, самыми дешевыми, самыми нищенскими дарами жизни, он читал стихи так трепетно-наивно, с такой радостной готовностью подчиниться любому моему молчаливому знаку и жесту; с такой искренностью глядел на то, как я манипулирую рукоятками магнитофона, ведя запись, что мне то и дело приходилось одобрительно кивать ему головой, чтоб не робел, что запись, мол, идет нормально, что все будет хорошо, несмотря на уличные помехи и срывы его неповторимого голоса, так будто спешащего остаться для памяти людей на куске потрепанной магнитофонной пленки.

В одном месте он запнулся – и я тут же, мгновенно «подсказал» в микрофон, который держал в своей руке, забытое им слово «неуемный». И фраза «чтоб неуемный ветер дунул», не прервалась, и его стихотворение «Схватил мороз рисунок пены» получилось хорошо записанным. Промедли я долю секунды – и он не смог бы досказать свое последнее слово на этой пленке. А слово это было для него самым заветным, самым стоящим в жизни. Слово, ради которого он, может быть, и пришел в этот мир и без которого не мыслил ни дня своего существования в нем. Это слово – «дума». Если когда-то что-нибудь составит и проанализирует словарь Прасолова, он обязательно выделит и особо отметит значение и смысл этого слова в творчестве Поэта. Оно окажется по значимости своей стоящим рядом со словом «свобода». Ах, как рвалась его душа к этой желанной свободе! Как он ломал все на пути своем, чтобы прорваться к этой желанной, несбыточной цели! Даже домашнее все, даже личное все – вплоть до любви и долга перед сыновьями своими, – все было порушено, все было опрокинуто – и через все перешагнуто! А сделать удалось – может, шаг лишь один... И стоит ли удивляться всем жертвам его за этот возможно единственный шаг, когда все наше общество карабкалось, срывая ногти до крови и надрываясь, через все жуткие завалы на пути, через порушенную нами же самими, ослепленными чудовищными по фальши «революционными» лозунгами, – саму мудрость жизни, где все на своем месте расставлено самой жизнью народа, его вековыми традициями, древнейшей из древних культур, уходящей корнями в глубину тысячелетий...

...Кусок старой пленки, столько раз испытавшей на себе беспощадную остроту студийных ножниц, когда хирургическим путем удалялись целые куски ее, чтобы потом, в эфире, эта пленка «заговорила» самым верноподданническим голосом.

И ее–то как раз и не хватило, чтоб записать последнюю строку прасоловского стихотворения «Когда огнем ударят вечер...» Запись этого стихотворения оборвалась на предпоследней строке, на слове «думой», а именно: «Чтобы с моей всегдашней думой...» То есть не хватило малого кусочка пленки в несколько сантиметров, чтобы навсегда осталось для людей сокровенное желание Поэта, подтвержденное его голосом в заключительной строке, а именно: «Я вышел к утру моему». Не вышел!

Не вышел лишь потому, что, как всегда в его жизни чего–то не хватило. Пусть в данном случае куска пленки. Но ведь не хватало всегда и во всем чего–то – от самого рождения до самой смерти... Не он ли сам напишет:

Итак, с рождения вошло –
Мир в ощущений расколот:
От тела матери – тепло,
От рук отца – бездомный холод.

Как видим: с самого рождения не хватило тепла, надежности, стало быть – отцовских рук... А в детстве – не хватило Детства; в образовании – Образования, так как педучилище и есть все его «университеты»; в молодости – потерял любимую девушку; у взрослого человека вечно чего–то не хватало: жилья, постоянной и интересной работы; не хватало чего–то такого в самом характере Алексея, без чего немыслимо создать, сохранить, крепкую семью, вырастить детей, дождаться внуков...

В литературной жизни – и того хуже! В то время, когда на всю вселенную гремели пустые бочки «знаменитой обоймы» и иже с ними – он, как поэт, фактически был известен разве что лишь в Воронеже... Даже знаменитая подборка из десяти стихотворений в «Новом мире», увидевшая свет с благословения Твардовского, и две книги, вышедшие почти одновременно в Воронеже и в Москве – не изменили его «статуса» «губернского поэта».

И только статья Вадима Кожинова в «Литературной газете» – «Открытие поэта» – (такая запоздалая, такая уже бесполезная для самого Поэта!) обозначила для памяти Прасолова начало его широкого признания. И я думал не раз – пусть прозвучит это более чем кощунственно о Поэте: «Слава богу, что хоть веревки хватило, чтобы повеситься... хоть она оказалась достаточно крепкой...».

Но, говоря о мучительной жизни и самой смерти русского Поэта, я хотел бы достичь одного: чтоб задумались наконец люди русские, как мы дошли, как докатились до края, когда, говоря о поэтах – лучших сынах нашего великого народа, приходится произносить: «Слава богу, хоть веревки хватило...»

ОТТЕПЕЛЬ…

Вечером 7 мая 1969 года мы с женой вылетели в Сухуми в свадебное путешествие. Накануне вылета я договорился с хозяином «Комнаты под сводами», ныне покойным, Смоляковым Гавриилом Захаровичем, что вновь решил снять эту квартиру, которую мне пришлось оставить в свое время ввиду ее дороговизны.

И все время, что мы были в Сухуми, душа полнилась радостью, что «Комната под сводами» ждет нас, чтобы принять в свои знакомые теплые стены метровой толщины. И не потому ли – тайный знак своего покровительства ко мне – эти степы вновь привлекли сюда моего дорогого Поэта? Ему именно в это время оказалось необходимым найти крышу над головой.

И на другой день после нашего прибытия в Воронеж к нам пришел «пожить» Алексей Прасолов! Это произошло 13 июня, ибо именно в этот день я встретил его в городе и пригласил к нам! Ужо – к нам!

Так начался второй «Большой визит» Прасолова ко мне, который стал таким пиршеством духа и мысли, таким нескончаемым походом в мир науки, музыки, балета, литературы; таким увлекательным триологом, когда азарт обсуждения и страсть толкований заменяли порой знание точных фактов. И чай продолжался далеко за полночь. Иногда – до самого рассвета!

Без преувеличения скажу: все самое лучшее, что было в нас, все прочитанное, услышанное, прочувствованное и осмысленное за жизнь, – все было высыпано на пиршественный стол наших бесед! Без утайки, без припрятывания про запас – настолько мы были раскрыты душами навстречу друг другу.

Но какой конфуз мне пришлось претерпеть!

...В день приезда я погасил всю задолженность за квартиру и по глупости заплатил за месяц вперед. Я почему–то думал, что денег еще много, но вечером, вывернув все карманы, нашел всего-навсего шесть рублей!..

Посмотрели мы тогда с женой друг на друга, покачали головой, как китайские болванчики, и хорошо посмеялись над нашим плачевным «семейным бюджетом». Но горевали мы недолго – огромный букет из шестидесяти роскошных гладиолусов на столе, еле вставленный в оцинкованное ведро, обернутое газетой, напомнил о том, что в дни весны, в дни молодости, в дни счастья и ликования души, цветы – лучше всяких денег! И мы дарили цветы из этого букета всем, кто приходил поздравить нас в эти дни! Мне в те чудесные дни хотелось крикнуть на весь мир: «Всех приглашаю под крышу мою, всех, кто нуждается в крыше!».

И тут, будто услышав призыв, на другой день вслед за Прасоловым пришла к нам тоже «пожить» сестра моей жены, Надежда. Она не совсем ко вре-

мени повздорила с матерью и легкомысленно-гордо заявила ей, что уходит «жить к сестре».

И стала наша «Комната под сводами», как в сказке, «теремом–теремком». Правда, кто был «мухой-горюхой», «мышкой-норушкой», «лягушкой-квакушкой» – не разобрать!

И тут, пожалуй, и началось самое интересное...

Когда с сухумской снедью было в два дня покончено, мне пришлось стать «скупым рыцарем». Я решил: пока не раздобуду денег, будем жить на рубль в день на всех. И стали мы покупать килограмм кровавого зельца за 60 копеек и два «кирпичика» черного хлеба. Все это богатство делилось на две равные части, так как дном все куда–то разбегались. Таким образом, завтрак и ужин нам были обеспечены. Кроме того, я всем вручал по пятаку на проезд...

Через два дня наша Надежда не выдержала. Скоро сообразив, что «с этими поэтами» недолго и «хвост откинуть», она быстро помирилась с матерью и вернулась под родительский кров. А нам надо было жить дальше – нам бежать было некуда!

В один из этих счастливых незабываемых дней, вечером, я сидел голодный и злой, как черт, перед пышно распустившимися гладиолусами и о чем–то думал. Очевидно, о том, в какое нелепое положение попал как хозяин дома. Жена в это время «изобретала» ужин из того же зельца и чая. А Прасолов ходил и ходил из комнаты в комнату... В один из этих «заходов» в большую комнату, где я грустил перед гладиолусами, он вдруг подошел ко мне и, обняв за плечи, смешливо-ласково прогудел над головой: «Не горюй, Володька, это – пища гениев...»

Мы так и грохнули с ним смехом! Но каким?! Сказать – до слез! – значит ничего не сказать. Жена недоумевала, так как до этого была полная тишина, нарушаемая лишь тяжелыми шагами Прасолова. Конечно, от нее не осталось в секрете, почему мы смеялись, она за ужином смеялась в который уж раз вместе с нами.

Это «Не горюй, Володька...» с небольшим изменением еще не раз повторялось в нашей семье и потом. Что кривить душой: за двадцать лет нашей совместной жизни – всякое бывало!

И когда приходилось особенно туго, я обнимал жену за плечи и гудел: «Не горюй, жена, это – пища гениев...» И нам становилось и спокойней, и радостней в те критические моменты – мы снова вспоминали нашу молодость, переносились в наш первый дом – в «Комнату под сводами», вспоминали незабываемые дни, когда были так счастливы, так искренне смеялись над нашими маленькими бедами вместе с Алексеем. Поистине не знаешь: где потеряешь, где найдешь!

...Наша Надежда так больше и не появилась у нас, думая, очевидно, что у нас по–прежнему один зельц и па завтрак, и за ужином. Но нет! Я где–то раздобыл денег – и мы зажили...

Все это время Алексей хлопотал о новом месте работы в какой–то районной газете. А мы с женой не спешили с работой. Мы знали: Алексей вот–вот уедет от нас, а когда еще будет возможность так вольно распоряжаться нашим временем – бог весть? А главное – я видел, что с Алексеем происходит что–то необыкновенное.

...Я хорошо знал его в разные периоды жизни – и в светлые, и в мрачные, тяжелые, – поэтому то, что происходило с ним теперь, рождало в моей душе какую–то смутную, но радостную надежду. Надежду на какой-то счастливый перелом в его жизни – дальше этого я и думать боялся! Я боялся спугнуть его Синюю птицу...

Я поделился своими наблюдениями с женой (она ведь только таким видела его вблизи!), и мы с ней были готовы в четыре руки помогать Алексею выбраться из кокона прошлого.

Я видел: с каждым прожитым днем, с каждым новым вечером – за чаем, за разговорами – он все больше и больше оттаивал, как бы расцветал; из постоянно сурово-сдержанного, расчетливо–скупого на широкие и вольные жесты, становился спокойным, по–домашнему свободным, милым и веселым человеком. И не просто веселым, а каким–то праздничным, что ли! Он с широкой улыбкой, торжественно-настойчиво отбирал, например, нож у жены и начинал чистить картошку, говоря, что обожает чистить картошку, а она, мол, может порезать пальчик. Или такое...

Вот это самое «такое» и есть то единственное табу в нашей семье, о котором жена даже вспоминать запретила! Деликатность русской женщины!

Но некоторые вещи, поступки людей я оцениваю иными мерками, иными категориями и масштабами... И. если жена до сих пор заливается краской смущения по поводу происшедшего (случись мне вспомнить случайно о нем) – я до конца дней моих буду рад за Алексея! Буду рад не за самый этот по-гусарски лихой и прекрасный поступок, а за ту счастливую перемену в нем, которая произошла на наших глазах. И только желание и острая необходимость показать истинное лицо Поэта, его душу, способную на прекрасные порывы, – вот что все же позволило мне рассказать о случившемся с нами в тот незабываемый вечер.

...Обычно, когда мы возвращались домой, жена вскоре же мыла ноги, чтоб потом уже ходить в домашних туфельках. И как-то так получалось, что каждый раз Алексей приходил позже. А в этот вечер жена задержалась у матери и пришла, когда мы с Алексеем были уже дома и о чем-то разговаривали.

Быстро нагрев чайник воды, жена, но обыкновению, попросила меня полить ей. Находясь сбоку и чуть поддерживая ее, я аккуратно исполнял свою обязанность, а она, стоя на левой ноге, – быстро управилась с правой и, вдев ее в туфельку, только что принялась за левую, как Алексей, с улыбкой ходивший тут же по комнате, подошел к нам, величественным жестом левой руки отодвинул меня несколько в сторону и, став на одно колено, произнес: «Таким женщинам только Поэты имеют право помыть ножку».

Я был поражен! Но мгновенно все понял и стоял, улыбаясь, над ними.

А жена... бедная моя жена! Мало того, что она вспыхнула вся от смущения – она полуприсела даже на правой ноге, отчаянно защищая левую, уже намыленную, от этого великолепного вмешательства в устоявшийся ритуал!

«Леша, что вы! Леша, ради бога, не делайте этого!» – только и лепетала она, чуть не падая в обморок, лишенная возможности сдвинуться с места.

А Алексей, улыбаясь, как расшалившийся мальчишка, гудел мне: «Поливай, Володя». Он даже не позволил ей вытереть ножку – сам отер ее полотенцем.

Галя была сражена!

И как мы с Алексеем ни смеялись потом, как ни ликовали по поводу этого «инцидента» – ничто не помогало. Жена то и дело вспыхивала вся, хоть вполне понимала и разделяла наше веселье. Незабываемый вечер!

Никогда еще не было за нашим столом столько неожиданных взрывов смеха! Никогда не сияли так наши глаза от ощущения какого–то необычного счастья, посетившего это старинное жилище...

...Есть картина – «Веселая минутка». У нас, в «Комнате под сводами», была в этот вечер каша веселая минутка! – и мы были счастливы, как только могут быть счастливы люди, умеющие ценить даже самую скромную удачу, самое малое благо в жизни, самую неприметную былинку красоты.

Как не вспомнить великую мысль Достоевского: «Красота спасет мир...».

ПЕРВАЯ РЕЦЕНЗИЯ

В главе «Северный сфинкс» я обмолвился фразой: «А наградой за это было очень милое расположение Прасолова ко мне, даже более того: была какая-то застенчиво-неуклюжая забота обо мне...».

Говоря «застенчиво-неуклюжая», я имел в виду рецензию Алексея Прасолова на рукопись моей первой книжки, которая была отвергнута потом в Центрально–Черноземном книжном издательстве – и была издана уже в Сухуми после того, как на нее положительно отозвался Вадим Кожинов. За-

канчивалась его рецензия так: «Но за отработанное и отредактированное я, так сказать, отвечаю».

Большое спасибо внимательному критику, не поленившемуся отделить хорошее от дурного, потрудившемуся для радости одного незнакомого ему человека. И не меньшую благодарность я несу в своем сердце к Прасолову, который первым из всех однажды так одобрил меня, вселил в душу надежду, что и мои стихи чего–то стоят, и моя книжка, может выйти когда–то...

Вскоре после того, как Алексей, получив назначение в районную газету в город Хохол, уехал от нас, жена и я устроились на работу: я в ЖЭУ–13 электриком, а жена – в Высшую спортивную школу гимнастики К Ю. Э. Штукману, тренером-хореографом. Она осталась верна спорту, хоть и прекратила тренировки, и уже в середине августа уехала с большой группой девушек-гимнасток на сборы в пос. Леселидзе – к морю, на целый месяц.

За это время Прасолов был у меня дважды: раз – просто так, переночевал, в другой раз жил два-три дня.

В последний вечер (это было последнее его посещение нашей «Комнаты под сводами»!), за чаем, Алексей впервые попросил меня почитать что-нибудь... Не помню, что я читал ему тогда – но слушал он внимательно. Потом спросил, думаю ли я о своей книжке, готов ли представить ее «на суд божий».

Я достал папку, положил перед ним стихотворений тридцать или немногим больше и сказал: «Вот все, что у меня есть».

Окончив чтение, Алексей сказал, что может дать рецензию на отобранное. «Дай на чем писать», – попросил он.

Как пишется рецензия, я не знал и поэтому дал ему первое, что попало под руку – блокнот с двумя чайками над волнами на обложке. Алексей сел за рецензию, а я ходил и ходил по передней комнате и переживал: что напишет? Это было так тревожно, так сладостно чувствовать, что пишется на тебя рецензия! Само слово-то какое...

И как ни кружились, как ни звенели в голове моей целые рои мыслей – какая-то тревожная нота все время стонала в. душе: кажется, что-то не так делаем... Но что бы перебить его – не решался. Духа не хватало... И только тогда, когда Алексей подал мне блокнот, я спросил его: «Леша, я слышал, что рецензии не в блокнотах пишутся... как же я ее присобачу к рукописи?..».

Теперь уже Алексей опешил... «Слушай, верно... блокнот – не присобачить!» И сквозь смех сказал, чтоб отпечатал рецензию в трех экземплярах и прислал ему на подпись после первого же его письма ко мне. Я – тут же вышлю – и хлопнул меня по плечу, что было впервые.

Что–то около трех месяцев я все собирался отпечатать ее и только в начале декабря отослал ему на подпись. И, как было обещано им, тут же получил от него и эту рецензию с подписью, и письмо:

«Здравствуйте, Володя и Галя!

Возвращаю рецензию с подписью. Позавчера был в Воронеже. День – в суете. Заезжал к Ю. Воищеву, даже подумал завернуть к Риммару – там рядом, но увы – было не рано, спешил на последний автобус в Хохол. Вернулся в темноте и по такой грязище, какой – ты не найдешь даже в вашем дворе. В следующий раз заверну к Вам. Завтра – небольшая /снаружи/ операция. Сижу по ночам. Двух дней, разменянных на колеса, очень жаль. Сегодня три письма, твое – третье. Всего Вам доброго. Прошу не взыскать за неявку. До свидания. 8 декабря 1969. Алексей».

Два экземпляра этой рецензии хранятся у меня до сих пор. Хранится и этот блокнот с двумя чайками над волнами на обложке. Он стал для меня такой неожиданной памятью о том вечере, когда писалась на мои стихи первая рецензия в жизни!

И так девственно-наивно она писалась, так сердечно, что нарочно и не придумаешь.

Казалось бы, почти анекдотический случай! Ведь он был уже автором трех книг – и, разумеется, знал и что такое «рецензия», и как она пишется... Но вот, поди ж ты, получилось как затмение какое!.. Но рискну предположить: эта первая рецензия на мою будущую книжку была и его первой рецензией в жизни. И только посему она может представлять какой–то интерес для читателя. А были ли его рецензии на книги других литераторов – этого я не знаю. Но и в этой, может быть, первой, так четко обозначены самые жесткие требования его к творчеству! Впрочем, пусть об этом скажет сам автор рецензии в данном отрывке из нее: «...автору нужно меньше отдаваться той лирической стихии, которая порой подчиняет его себе, приводя в некоторых стихах к неточности мысли, к нарушению внутренней гармонии чувства. Темпераментность лирического героя (а стало быть, самого автора), несдержанная, напористая, иногда перехлестывает через край и превращает стихотворение в сгусток энергии, не служащей самой цели, проходящей мимо нее. Здесь нужно умение заключить ее в прочную форму – а это и есть одно из условий искусства.

Бесстрастная форма мертва, но и страстность чувства, не подчиненная четкой мысли, – только порыв, только язык огня, летящий в пустоту и бесследно исчезающий...».

Какая точность и выверенность мысли, какая красота ее изложения на бумаге, если учесть к тому же, что сама идея рецензии и ее написание – спонтанны, без какой–либо внутренней подготовки к этому акту во времени. В каждой фразе – четкий почерк мастера! И в то же время – никакого высоко-

мерия, самолюбования собой, что так часто сквозит в рецензиях иных поэтов, решающих судьбу первой книжки молодого автора. Даже самый строгий анализ каждого слова в этой прасоловской рецензии не позволит найти и дальнего отголоска его личного пристрастия, его личной точки зрения на предмет, в данном случае – на мою рукопись. Только – самое объективное суждение, самые общие принципы, на которых должно создаваться литературное произведение искусства.

МЫСЛИ ВСЛУХ...
(К главе «В Россоши»)

...Прошло несколько лет после гибели Алексея, и я, приехав на неделю в Воронеж, узнал, что запись, сделанная в Россоши на «МАГ–3» – оказалась... единственной записью голоса Поэта. И стало горько.

Ведь подумать только: сколько меломанов, а еще больше – обычных владельцев магнитофонов – имеют десятки пленок в личном пользовании, а вот сделать хоть одну хорошую запись выступления Поэта ни у кого не нашлось ни желания, пи пленки. Даже мысли самой не возникло об этом!

Тот же Геннадий Лутков – кажется, сам поэт, сам не раз приглашавший Прасолова для выступления но воронежскому радио – и тот не сделал этого. А уж ему, казалось бы, сам бог велел. Но нет, не подумал об этом! Но не только его – никого другого в Воронеже! – не осенила эта простая и добрая мысль. А ведь не было ни для кого уже секретом, что Прасолов в последний год его жизни был плох здоровьем. Но если бы только о «записи» шел разговор... Это всего лишь один малый штрих в нелепой картине взаимоотношений общества и Поэта. А собрать бы все «штрихи», да осмыслить их, да описать все потом – право, слишком грустная повесть получилась бы об этом русском поэте!

Почему же так все происходит на свете? Как это назвать? Что это такое? «Зависть ли тайная; Злоба ль открытая?».

Я много думал об этом и пришел к выводу: было и то, и другое. Только злоба была здесь, в Воронеже, и, как более грубое, примитивное чувство, была связана, скорее, с поведением Прасолова, нежели с его творчеством. Он буквально дерзил своим образом жизни, вызывая обоснованную тревогу и злость у чиновных лиц: как бы чего не «выкинул», скажем, в каком-то «присутствии»... А что до «зависти тайной» – тут все гораздо сложней и глубинней. Зависть никогда не имеет таких грубых форм, как злоба, она, зависть, всегда сокрыта, замаскирована или загримирована, наконец, под внешнее приличие, внешнее расположение к объекту зависти. Даже под любезность

и дружелюбие может рядиться... Классический пример: Моцарт и Сальери! Но в том-то и суть, что в Воронеже в то время у Прасолова не было своего Сальери... Те, кто были, могли притязать разве что на звание «первого парня на деревне»... А это, согласитесь, так далеко до Сальери!

А что до Прасолова, то он продолжал жить «по–черноземному». то есть, как бог на душу положит. Это есть, есть в истинно русском характере, когда наши талантливейшие люди порой совершенно беспечно относятся к своему неповторимому дару божию – не то что некоторые, умеющие из данной им природой одной «мухи» таланта выдувать такого резинового «слона», что он больше аэростата кажется.

И если для Прасолова высшей целью и смыслом жизни было ею высокое творчество, где каждое слово, каждый звук и знак подвергались жесточайшему испытанию гармонией, то для шумной оравы «надувальщиков» в Москве с их аэростатоподобными слонами главным было надуть еще большего слона, еще больше «прогреметь», чтоб еще больше получить монет серебряных. А коль платят у нас за объемы – чем ни стимул для всех «надувальщиков» выдуть слона... с Гренландию?.. И не потому ли все попытки Алексея вновь и вновь заявить о себе в столичных журналах оказались тщетными?.. Его больше не публиковали. Надувальщики правили бал. Да и Твардовского уже не было в «Новом мире» – его «ушли», как теперь говорят.

А впереди не было ни-ка-ко-го просвета!

Давя все честное и талантливое, тяжелой поступью шел 1972 год.

АНГЕЛ ПРАСОЛОВА

В этот вечер мы сидели, как обычно, за бесконечным чаем и почему–то то и дело обращались во время беседы к помощи карандаша и бумаги. Как припоминает и жена, мы много говорили в тот вечер о космосе, о будоражащем воображение знаменитом Бермудском треугольнике и тайнах, связанных с ним... Все были легко возбуждены и веселы, все были счастливы тем простым счастьем, которое дарит людям оживленная беседа в теплой домашней обстановке. Да и как могло быть иначе? Ведь у нас не было не только нужды как-то «держать себя», а даже мысли не приходило в голову об этом. Это еще возможно было бы допустить для людей каких–то рангов, когда «положение обязывает». А мы ведь были совершенно одного поля «ягоды». И если было какое-то преимущество у одного из нас – так это преимущество моей жены, на которую нельзя было не смотреть с восхищением!

Она создавала уже одним своим присутствием в «Комнате под сводами» романтическую, солнечную обстановку – атмосферу такую, когда и пни выбрасывают зеленые побеги. А ведь мы были поэтами!

И пусть кто угодно и что угодно помнит, говорит или пишет о Прасолове, представляя из него какого–то «угрюмого... неизменно отводящего глаза...» нелюдима – мы с женой только посмеемся над этими выдумками, над полным незнанием настоящего Прасолова, который только и мог открыться в такой простой, дружелюбной обстановке!

И вот что интересно, вот что так существенно, если не знаменательно даже для того, нашего Прасолова в те дни: он решил, очевидно, глубоко-глубоко про себя снова испытать судьбу.

Повторяю: к тому времени я хорошо знал Прасолова и поэтому видел как па ладони ту светлую борьбу возникшего чувства с тем, что было в его душе до этого второго «Большого визита». Борьба этих двух сил не была борьбой мучительной, наоборот, она была сладко–упоительной, как я себе представляю ее! Иначе он не был бы так весел, так раскован и откровенен с нами.

Дорогой читатель, представь себе па минуту того Прасолова, который нарисован пером Владимира Гусева, и подумай: мог ли такой «бирюк», счастливо улыбаться, весь сияя, поверять кому-то свои тайны сердечные?.. А было именно так: Алексей сказал нам о сокровенном!

...Подала свой голос извечная человеческая надежда на счастье. И эти мои наблюдения за метаморфозой его души, мои тайные, еще робкие надежды па какое–то чудесное его преображение он сам же и подтвердил в тот вечер, когда мы чуть ли не до осатанения спорили о Бермудском треугольнике. И сделал он это так по-прасоловски умно, так тонко и деликатно, что и слова единого не потребовалось, а было все сказано! Впрочем, судите сами.

...Алексей после каких–то гипотетических схем, которые мы поочередно чертили и обсуждали, передавая из рук в руки листы бумаги, вдруг, сказал: «Что–то у нас все треугольники, треугольники... а вот – четырехугольник! Кто решит этот ребус?!»

И, светясь всем лицом, всем лицом загадочно улыбаясь, он быстро на чертил четырехугольник в виде ромба, опирающийся па острый угол относительно написания букв, и проставил три буквы: «В» и «Г» в углах по горизонтали, а в верхнем остром углу букву «А». Потом медленно и изящно – как нарисовал! – ВЫПИСАЛ в нижнем углу ромба вопросительный знак. Под этим «?» скрывалось имя той, которая должна была вписаться в судьбу Поэта! Для нее уже было приготовлено место не только в противоположном углу ромба – в сердце Алексея!

Едва взглянув на «ребус», мы с женой мгновенно встретились с его сияющими глазами!

– Браво, Леша! Дай бог счастья! – воскликнул я.
– Я так буду рада за Вас... – тихо и задушевно произнесла жена.
– А кто же она? – спросил я во внезапно наступившем молчании.
– Одна девушка... – только и произнес Алексей, тихо и загадочно.
«Одна девушка...» – казалось, тихо таяло над нами, заставляя нас молчать и вглядываться в незримый образ Ее...
И наступила минута храмовой тишины...
О такой минуте в народе говорят: «Ангел пролетел!»
Я скажу так: «Ангел Прасолова пролетел...»

ИСКУШЕНИЕ...

Пролетел ангел Прасолова – и будто унес на крыльях своих веселье и беспечность, царившие до этого мгновения в «Комнате под сводами». Мы стали вдруг серьезными и словно чем–то озабоченными. И разговор, до этого такой оживленный, незаметно для нас – скончался. То ли все эмоции были выплеснуты, то ли еще что – но стало грустно и как-то тревожно... Очевидно, каждый из нас почувствовал что–то такое важное, что возникло только что за столом, и такое неясное и непредсказуемое в будущем – право, все растерялись даже!

Что будет там – за поворотом – никто ничего не знал. Но то, что поворот в судьбе Прасолова обозначен знаком «?» в нижнем углу ромба – было так непреложно, так повелительно, так неотвратимо – это всем было ясно. И прежде всего – Прасолову!

Но я своим чутьем уловил (и тут же и утвердился в этом!), что «избранницы» еще нет, как нет даже хоть сколько-нибудь знакомого лица, на кого падет его выбор. Падет, как жребий, как тяжелая десница Мастера, неумолимого в своей страсти служить одной–единственной... Имя ее высокое – Муза!

Вот почему он не сразу вписал знак «?», а чуть замешкавшись, прежде чем тщательно и красиво написать – выписать! – этот знак. Тогда в душе своей он еще спрашивал себя: «А имею ли я на это право, достоин ли, смогу ли?» И когда оп напишет свое стихотворение «Не бросал свое сердце, как жребий...», первая же строка его будет отголоском того мгновения за столом, за которое он, возможно, столько передумал, оценил, взвесил...

И пусть Прасолов напишет (все в том же 1969 году!): «Не бросал свое сердце, как жребий...» – он этот Жребий бросил! И поэтому растерянно затих тогда за столом, очевидно, все еще сомневаясь в счастливом исходе задуманного.

Но мы с женой – за все дни пребывания его у нас – являли такой образец любви и счастья, что Алексей не смог устоять перед коварнейшим искушением! И он – бросил свое сердце, как жребий!

Противу всего!

...Притягательность домашнего очага, усиленная извечной человеческой жаждой счастья, любви и спокойствия – самая достойная и прекрасная мечта в мире! И когда она осуществляется, достигается удивительная гармония человека и общества, гражданина и отечества, а это и есть высшая степень благосостояния их, имя которой – с о б о р н о с ть.

И где тут было устоять бедному сердцу Поэта! И оп бросил свой жребий – последний вызов судьбе!

...Когда я теперь окидываю добрым и ревнивым взглядом товарища жизненный путь Алексея Прасолова, мне кажется, что Шарль Бодлер о нем написал свое стихотворение «Альбатросы» и для него – русского Поэта! И я хочу привести его здесь полностью.

Временами хандра заедает матросов,
И они ради праздной забавы тогда
Ловят птиц Океана, больших альбатросов,
Провожающих в бурной дороге суда.

Грубо кинут на палубу, жертва насилья,
Опозоренный царь высоты голубой,
Опустив исполинские белые крылья,
Он, как весла, их тяжко влачит за собой.

Лишь недавно прекрасный, взимавшийся к тучам,
Стал таким он бессильным, нелепым, смешным!
Тот дымит ему в клюв табачищем вонючим,
Тот, глумясь, ковыляет вприпрыжку за ним.

Так, Поэт, ты паришь под грозой, в урагане,
Недоступный для стрел, непокорный судьбе,
Но ходить по земле среди свиста и брани
Исполинские крылья мешают тебе.

Сухуми–Воронеж,
май 1980 г. – февраль 1989 г.

Журнал «Подъем», 1990 г. №№1,2.

ИАНҚӘОУ/СОДЕРЖАНИЕ

Третьи международные Инал-Иповские чтения 3
Зураб Джапуа. Шалва Инал-Ипа – крупнейший этнограф и историк 4
Пола Гарб. Размышления о современной значимости научного наследия Ш.Д. Инал-Ипа на Кавказе и за его пределами 8
Бзиала Фазиль ду, Аҧсны ахьзырҳәага 19
Витали Амаршьан. Иалкааy алирика «Аҟатә Уасиаҵ» аҟнытә 27
Омар Бигәаа. Иоҳан иҳәамҵа 39
Сергеи Агындиа. Ажәеинраала ҿыцқәа 128
Валери Касланзиа. Аҳ иҧҳа (алакә) 161
Арда Ашәба. В. Занҵариа иеизга ҿыц "Бзанҵы" иазкны 167
Иван Миқаиа. Ажәеинраалақәа 173
Каролина Быҵәба. Ажәеинраалақәа 179
Аҟәҿиара! 185
Мушьни Лашәриа. Кәҷыр Гәарамиа – аҧсуа ҽыбҧаҟаза ду 190

Константин Гердов. Из гиганта-паука, из гиганта- шакала 195
Владимир Делба. Весна в Галилее 237
Валентин Нюшков. Научная деятельность академика О.Х. Бгажба 244
Петр Чекалов. Нух Абрамович Озов: трагический излом судьбы 248
Симон Басариа, Самсон Чанба. Из неопубликованного 288
Аза Ладария. Эшера. Владислав. Сила духа 356
Владимир Саблин. Комната под сводами. Воспоминания об Алексее Прасолове 366

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ И ТЕХНИЧЕСКИЙ РЕДАКТОР – Н. ГУНБА

Компьютерный набор и верстка: Л.Чамагуа, К. Бутба, Н. Гунба
Корректоры: М. Дженния, А. Ласуриа.

Зарегистрирован в Минюсте Республики Абхазия 12.07.2004 г.
Регистрационный №24.

За достоверность фактов несут ответственность авторы статей. Их мнения могут не совпадать с точкой зрения редакции.

Адрес редакции: Республика Абхазия, 384000, г. Сухум, ул. Айдгылара, 44.
Тел.: 226-20-73, 226-42-84.
Сдано в набор 10 августа, подписано в печать 15 сентября 2016 г.
Формат 70x108 1/16. Физ. печ. л. 25,5. Усл. печ. лист 35,7. Тираж 500 экз. Зак. №66. Отпечатано в РУП “Дом печати”, г. Сухум, ул. Эшба,168.

Банковские реквизиты: Республика Абхазия, г.Сухум, ул.Пушкина, 21
КБ «Гарант-Банк», Сч.№ 3130001, кор.счет 380161806.

Наш электр. адрес: mlasuria@yandex.ru

Материалы, предлагаемые к публикации, должны быть набраны и представлены в электронном виде с распечаткой.

Аиааира – 23 шыҟәса!

Я КЛЯНУСЬ...

Я клянусь, я буду помнить до конца всей жизни
Ваш подвиг ради независимой Апсны.
Вы честь и душу отдали отчизне
В смертельные 13 месяцев войны.

Вы ради своего народа шли в атаку,
Прекрасно понимая, насколько близка смерть.
И горечь множества утрат порою было не оплакать –
Вы шли вперёд, заставив боль сгореть.

Вы подарили будущее своим детям,
К победе день за днём всё продвигаясь ближе.
И все погибшие теперь стали бессмертны –
Мы имена их кровью в сердце выжгли.

И каждый день мы говорим «спасибо»,
За то, что мы сейчас живём.
За то, что трудный сделав выбор,
Вы шли вперёд в водоворот с огнём.

И я клянусь, что буду помнить до конца всей жизни,
И никогда не дам забыть себе о вас.
И никогда не буду считать лишним
Сказать, что вы - герои, теперь у каждого в сердцах.

Лазарева Мария, 14 лет, Сухум